

Зоологический музей МГУ

Zoological Museum of Moscow State University

ZOOLOGICHESKIE ISSLEDOVANIA No. 19

Dedicated to the 225th anniversary
of Zoological Museum
of Lomonosov Moscow State University

Zoological Museum of
Moscow State University:
per aspera ad astra

KMK Scientific Press Ltd.
Moscow ❖ 2016

ЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ №. 19

Посвящается 225-летию
Зоологического музея
МГУ имени М.В. Ломоносова

Зоологический музей
Московского университета:
per aspera ad astra

ISSN 1025-532X
ISBN 978-5-9908941-1-2

Зоологические исследования No. 19 Zoologicheskie Issledovania No. 19

Главный редактор: М.В. Калякин

Редакционная коллегия:

О.В. Волцит, Д.Л. Иванов, К.Г. Михайлов, И.Я. Павлинов,
Н.Н. Спасская (секретарь), А.В. Сысоев (зам. главного редактора)

Editor in Chief: M.V. Kalyakin

Editorial Board:

D.L. Ivanov, K.G. Mikhailov, I.Ya. Pavlinov,
N.N. Spasskaya (Secretary), A.V. Sysoev (Deputy Editor), O.V. Voltzit

Редакторы выпуска:

И.Я. Павлинов, М.В. Калякин, А.В. Свиридов

Editors of the Issue:

I.Ya. Pavlinov, M.V. Kalyakin, A.V. Sviridov

**Зоологический музей Московского университета: per aspera ad astra. —
Зоологические исследования, 19. 215 с.**

Сборник посвящён 225-летию Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова — старейшего и крупнейшего университетского музея России. Включает ряд исторических публикаций XVIII–XIX вв., оригинальные статьи по истории и современному состоянию Музея, его хронику и краткий биографический справочник.

Предназначен для интересующихся историей зоологии и музейного дела.

**Zoological Museum of Moscow State University: per aspera ad astra. —
Zoologicheskie Issledovania, 19. 215 p.**

The Miscellanea is dedicated to the 225th anniversary of the Zoological Museum of Lomonosov Moscow State University. Includes some historical publications of 18–19th centuries, original articles on the history and contemporary state of the Museum, its Chronicle and a Brief biographic reference.

Addressed to those interested in the history of zoology and museology.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
Благодарности.....	12

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УЧИТЕЛИ

[Антонский-Прокопович А.А.]. Естественная история.....	15
Фишер Г.И. Музеум естественной истории Императорского московского университета.....	23
[Записка А.П. Богданова].....	29
Богданов А.П. Насущные потребности Зоологического музея.....	32
Богданов А.П. Зоологический музей Императорского московского университета.....	36
Кожевников Г.А. Краткий указатель показной коллекции [...]	47

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УЧЕНИКИ

Павлинов И.Я. Зоологический музей Московского университета: фрагменты истории (1755–1991).....	57
Калякин М.В., Спасская Н.Н. Зоологический музей МГУ сегодня и завтра — между прошлым и будущим.....	158
Дунаев Е.А. Биологические кружки при Зоологическом музее МГУ: история и современность.....	168

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица терминологических соответствий.....	187
Хроника Зоологического музея.....	189
Краткий биографический словарь.....	198

CONTENTS

FOREWORD.....	7
ACKNOWLEDGEMENTS.....	12

PART ONE. THE TEACHERS

[ANTONSKY-PROKOPOVICH A.A.]. Natural History.....	15
FISCHER G.I. Museum of Natural History of the Imperial Moscow University.....	23
[A Memorandum of A.P. BOGDANOV].....	29
BOGDANOV A.P. Vital needs of the Zoological Museum.....	31
BOGDANOV A.P. Zoological Museum of the Imperial Moscow University.....	34
KOZHEBNIKOV G.A. A brief guide to the exposition [...].	47

PART TWO. THE DISCIPLES

PAVLINOV I.YA. Zoological Museum of Moscow University: fragments of history (1755 to 1991).....	57
KALYAKIN M.V., SPASSKAYA N.N. Zoological Museum of MSU today and tomorrow — between past and future.....	158
DUNAEV E.A. Biological Circles at the Zoological Museum of Moscow University: Past and present.....	168

PART THREE. SUPPLEMENTS

Table of terminological correspondences.....	187
Chronicle of the Zoological Museum.....	189
A brief biographic reference.....	198

ПРЕДИСЛОВИЕ / FOREWORD

Зоологический музей Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 2016 г. отмечает свой 225-летний юбилей. Не слишком круглый и не слишком «отчётливый» (об этом см. в одной из статей настоящего сборника) — но достаточный для того, чтобы поговорить о прошлом, настоящем и отчасти будущем нашего Музея.

А поговорить есть о чём: ведь Зоомузей МГУ — старейший и крупнейший ВУЗовский музей России, по активности, характеру и объёму многообразной деятельности относящийся к числу наиболее развитых мировых музеев своего профиля. Его предтечей был Минеральный (Натуральный) кабинет, возникший в 1759 г. при Императорском московском университете очень скоро после его учреждения и в 1791 г. обратившийся в Музей/Кабинет натуральной (естественной) истории. Собственно «зоологическим» он стал много позже — в 1860–1870-е гг. Свой же нынешний статус «научно-исследовательского», официально закреплённый в его названии, наш Музей обрёл (по историческим меркам) вообще только «вчера» — в 1991 г., в ознаменование его 200-летия.

* * *

Предварение настоящего сборника хотелось бы начать кратким рассуждением о том, почему Зоологический музей МГУ в год его 225-летнего юбилея заслужил чего-то большего, чем просто «несколько строчек в газете».

Основная функция всякого естественно-научного музея состоит в том, чтобы служить «концентратором» профильных коллекций (в нашем случае зоологических), представляющих собой систематизированное собрание натуральных объектов и определённого рода сведений о них. Осознание научной и общественной значимости этой базовой функции сложилось в начальный период становления современного естествознания (XVI–XVII вв.) и по настоящее время

служит основным двигателем в развитии музейного дела.

Естественно-научные коллекции в указанный период начали развиваться как закономерный ответ на тогдашний вызов формирующейся эмпирической науки. Её основным требованием, в отличие от прежде доминировавших схоластики и патристики, стала опытная проверяемость тех или иных заключений о «природе вещей», что подразумевает воспроизводимость (повторяемость) фактов, лежащих в их основе. В зависимости от способов, которыми обеспечивается выполнение этого условия, естествознание разделилось на две основные ветви — «естественную философию» (физика, химия и т. п.) и «естественную историю» (биология, геология, география и т. п.). В первой эмпирической базис составляют эксперименты, проводимые в стандартных условиях над физическими и химическими объектами, во второй — сохраняемые в стандартных условиях сами натурные объекты (образцы животных, растений, минералов, почв и т. п.), в совокупности формирующие музейные собрания. Таким образом, эти последние в некотором смысле эквивалентны физическим и химическим экспериментам: и те, и другие служат основным средством получения и верификации научных знаний. Соответственно, накопление в музеях научных коллекций отвечает потребностям определённых областей естествознания, а их историческое развитие направляется изменениями этих потребностей.

Из предыдущего явствует, что реализация базовой функции естественно-научных музеев — накопление и сохранение коллекций — не является самоцелью: над ней надстраиваются ещё две функции, обеспечение которых, собственно говоря, служит причиной и оправданием существования всякого музейного собрания в естествознании. Первая из них — использование коллекций в научных исследованиях опреде-

лённого содержания; в случае биологии такова прежде всего разработка классификаций, отражающих структуру разнообразия мира живых организмов. Вторая — включение коллекций в учебную и просветительную деятельность: они предоставляют возможность как начинающим профессионалам, так и любителям соприкоснуться с реальной природой хотя бы в такой «застывшей» форме (*nature morte*). Важно подчеркнуть, что именно научный статус биокolleкций определяет достоверность информации о разнообразии организмов, которую получают разного рода пользователи при ознакомлении с музейными образцами.

Есть ещё одна функция музея, подспудно присутствующая во всех только что указанных, — не столь очевидная, но не менее важная. Всякий музей с его долговременно накапливаемыми и сохраняемыми коллекциями представляет собой некую особую «систему памяти»: его существование является одним из непременных условий сохранения традиций классического естествознания. Особая значимость данной функции определяется тем, что научно-образовательная деятельность представляет собой сложно организованную развивающуюся систему. Развитие же научного знания (как и вообще любое развитие) включает не только новизну, но и преемственность: без последней направленное поступательное движение познания и опирающихся на него образования и просвещения вырождается в хаотичные метания в поисках чего-то исключительно «нового». Таков знаменитый боровский *принцип соответствия*. Эту преемственность в «естественной истории», среди прочего, как раз и обеспечивает музейная коллекция как «система памяти».

Неразрывное гармоничное единство названных основных функций определяет ключевую специфику естественно-научных музеев, отличая их в равной мере как от научно-исследовательских институтов, так и от сугубо образовательных учреждений.

И эта специфика делает Зоологический музей МГУ важным элементом всей научно-образовательной и научно-просветительной системы, поддерживаемой Московским университетом.

* * *

Настоящий сборник, посвящённый 225-летию юбилею Зоологического музея МГУ, изначально задумывался как вполне локальный по своему содержанию — как именно «зоомузей-

ный». Он решает несколько взаимосвязанных задач, касающихся истории, современного состояния и ближайших перспектив развития нашей музейной институции.

Одна из задач сборника — сугубо «техническая», информационная: представить строго обрисованную канву исторического развития нашего Музея. Причина обращения к ней такова: при подготовке некоторых исторических материалов для музейного Интернет-сайта, обновляемого к юбилейной дате, выяснилось, что наличная неоднократно воспроизведённая в разного рода изданиях история Зоомузея изобилует фактическими неточностями, которые начали накапливаться и умножаться начиная с последних десятилетий XIX в. Поэтому в конечном итоге было принято решение не латать такого рода прорехи, а подготовить специальную обстоятельную статью с изложением выверенной и надлежащим образом прокомментированной хроники Зоомузея в полном её объёме.

Важная задача, связанная с предыдущей, состоит в том, чтобы предоставить возможность людям, с заинтересованностью относящимся к Зоомузею и его истории, соприкоснуться не только с «буквой», но и с «духом» его судьбы. Указанные в хронике даты, названия, имена — это лишь факты, означающие формальное знание хода истории. Но заинтересованность предполагает нечто существенно большее — понимание истории как своего рода развития: оно подразумевает едва ли формализуемое соприкосновение с социо-культурным контекстом тех событий, которые происходили в самом Музее и вокруг него. В связи с этим в статье, посвящённой истории Зоомузея, изложены не только факты, касающиеся его самого, но и некоторые предшествующие и сопутствующие им важные обстоятельства, позволяющие отчасти представить и осознать эту историю как часть общего тренда развития музейного дела и общества в целом. По этой же причине мы включили в сборник несколько исторических материалов, относящихся к XVIII, XIX и началу XX вв.: они позволяют судить о том, каким образом создатели нашего Музея, каждый в своё время, мыслили и изъясняли его суть и его предназначение. Наконец, руководствуясь идеей лингвистов-когнитивистов о «языковой картине мира», в статье об истории язык местами стилизован под те словесные конструкции, которые, пусть и выглядящие сейчас избыточными анахронизмами, были нормой в ранние периоды существования Зоомузея.

Вполне естественным представляется включение в этот сборник краткого рассмотрения современного состояния нашего Музея и желаемых направлений его ближайшего развития. С момента публикации предыдущего обзора, подготовленного к 200-летию Зоомузея, прошло 25 лет; за это время в стране и в мире произошли существенные изменения в содержании зоологической науки, в понимании роли естественно-научных музеев классического толка в исследовательских, образовательных и просветительных процессах. Так что нынешний 225-летний юбилей стал хорошим поводом для того, чтобы поразмышлять о том, каким образом Зоомузей может и должен отвечать на новейшие вызовы со стороны науки и общества.

Содержание сборника достаточно естественным образом поделено на три раздела — «Учители», «Ученики» и «Приложения».

* * *

Раздел «Учители» включает материалы, вышедшие из-под пера персон, внёсших на протяжении XVIII, XIX и начала XX вв. существенный вклад в развитие Зоологического музея МГУ и в конечном итоге во многом определивших его современное лицо.

Этот раздел открывает статья, опубликованная в первом выпуске журнала «Магазин Натуральной Истории, Физики и Химии...» в 1788 г.; автор текста — издатель журнала проф. А.А. Антонский-Прокопович, который многое сделал для становления натуральной истории в Московском университете в конце XVIII в. Основное содержание статьи заключается в описании некоего (скорее всего воображаемого) Кабинета естественной истории, который, как можно полагать, представлялся «идеальным» нашему натуралисту. Следует пояснить, что Антонский издавал свой «Магазин...» для ознакомления российской просвещённой публики с новейшими достижениями европейских естественных наук и включал в него переводные извлечения из ряда французских естественно-научных изданий (преимущественно из Энциклопедии). Таким образом, данная статья, скорее всего, не является в полном смысле оригинальной (впрочем, судить о сем не представляется возможным, поскольку её первоисточник не указан). Тем не менее, воспроизводя эту статью здесь, мы приписали её авторство Антонскому на том вполне допустимом основании, что она отражает взгляды последнего на то, как надлежит обустроить «натуральные кабинеты»;

возможно, Антонский даже пробовал воплотить их в «расположение» университетского Кабинета в начале 1790-х гг., если полагаться на сведения, приводимые его биографами. Статья публикуется здесь впервые после выхода её в свет в указанном «Магазине...».

Далее следует вводный раздел первого тома каталога университетского собрания натуралий, изданного на французском языке в 1806 г. проф. Г.И. Фишером, которого по праву называют действительным создателем университетского Музея естественной истории. Этот фрагмент содержит краткое описание названного Музея; впрочем, на самом деле то были скорее два музея, которые сам Фишер обозначил как «Императорский» (восходит к Минеральному кабинету 1759 г.) и «Демидовский» (пожертвован П.Г. Демидовым в 1802 г.). Относительно поздние (середина XIX в.) русские переводы отдельных фрагментов указанного раздела публиковались несколько раз. В настоящем сборнике впервые представлен полный перевод исходного текста, причём, судя по косвенным признакам (на документе даты нет), подготовленный в начале XIX в. чуть ли не одновременно с оригиналом. Поэтому данный перевод примечателен тем, что вполне выражает «языковый контекст» того времени, когда был издан каталог Фишера.

Редакторы сборника сочли важным и интересным поместить в данный раздел три материала за авторством проф. А.П. Богданова, во многом трудами которого Зоологический музей получил своё современное содержание. Эти тексты второй половины XIX в. ранее на русском языке не публиковались. Они показывают, какими Богданов видел назначение и перспективы развития Зоомузея и отчасти каким образом он пытался реализовать свои замыслы.

Эту «мини-серию» открывает краткая записка А.П. Богданова, которая была составлена (при участии Я.А. Борзенкова) и направлена в деканат Физико-математического отделения (факультета) Московского университета в 1861 г., весьма критический для судьбы нашего Музея. В том году почти всё университетское собрание натуралий было передано в Публичный музей, только что учреждённый в Москве. Соответственно, первейшая задача Богданова, назначенного незадолго до того исполняющим обязанности главы Кафедры зоологии Московского университета, состояла в том, чтобы вернуть коллекции на законное место и организо-

вать их надлежащим образом: этому и посвящён представленный здесь документ.

Другая публикуемая здесь записка А.П. Богданова была адресована ИОЛЕАЭ в конце 1880-х гг. (точной даты нет). Её основной посыл заключался в призыве к состоятельным членам названного Общества жертвовать средства на расширение Зоологического музея и на его оборудование необходимым инструментарием для обеспечения возможности полноценного включения музейных коллекций в научно-образовательный процесс.

Наконец, третий материал — современный перевод франкоязычной статьи А.П. Богданова об истории, современном (на начало 1890-х гг.) состоянии и желаемом направлении развития университетского Зоологического музея. Эта статья была опубликована в материалах 11-го Международного конгресса антропологии, доисторической археологии и зоологии в 1893 г.; она особо значима тем, что написана незадолго до кончины её автора и в части, касающейся будущего нашей музейной институции, фактически стала чем-то вроде его «идейного завещания». Хотя изложение в ней ранней истории Музея содержит довольно много фактических неточностей (они указаны в редакционных примечаниях), в целом статья представляет несомненный интерес тем, что, вкуче с предыдущими двумя, наглядно показывает, насколько большое значение Богданов придавал Зоомузею как особого рода «учебному пособию». Впрочем, это не помешало ему завершить данную статью выражением надежды на то, что Музей когда-нибудь вырастет в полноценный научный институт (и он действительно сегодня по сути стал таковым!).

Раздел завершает Введение к «Краткому указателю показной коллекции млекопитающих и птиц...» Зоологического музея, подготовленному Г.А. Кожевниковым к открытию Музея в новом здании Зоологического корпуса; здесь воспроизводится текст его 4-го издания (1915 г.). На долю Кожевникова — ученика и последователя А.П. Богданова — выпал тяжкий груз обустройства и сохранения Зоомузея на протяжении первых трёх десятков бурных лет XX в. Оставляя в стороне досадные неточности в оценке и изложении событий в истории Зоомузея, «унаследованные» от А.П. Богданова и отчасти даже усугублённые, следует отметить несколько примечательных особенностей этого очерка. С одной стороны, Кожевников в нём

кратко и очень чётко формулирует своё понимание значения Зоомузея как особой научной, учебной и просветительной институции, вполне адекватное современному: этим пониманием он руководствовался в своей деятельности. С другой стороны, очерк характеризует самого его автора как «крепкого хозяйственника», озабоченного обустройством Музея на новом месте и в связи с этим вынужденного много времени и сил тратить на добывание финансовых средств — и все эти заботы Кожевников достаточно подробно описывает в своей брошюре, адресованной посетителям Зоомузея.

Материалы данного раздела подготовили к печати Н.Н. Спасская и И.Я. Павлинов. Орфография и пунктуация приведены преимущественно в согласии с современными правилами. Присутствующие в исходных текстах названия организмов и «окаменелостей» воспроизведены без изменений; их расшифровка дана в одном из Приложений (см. далее).

* * *

Раздел «Ученики» включает три статьи, написанные ныне работающими в Музее-юбилере зоологами. Название раздела призвано подчеркнуть идею, выраженную его эпиграфом, «расхожесть» и пафосность коего не умаляют его непреходящей истинности: да, в музейном деле (накопление, хранение и многообразное использование коллекций) мы действительно продвинулись много дальше своих учителей и поэтому можем смотреть на их свершения как бы с высоты нашей «продвинутости» — но это продвижение было бы невозможным, если бы не был ими заложен основательный фундамент. И в этом смысле мы и вправду едва ли более чем прилежные их ученики и последователи, тщащиеся развить общее наше дело согласно тому, какие новые требования предъявляют ныне Зоомузею общество, наука, образование, просвещение, — но и не прерывая той классической традиции, которая формируется подчёркнутой выше «системой памяти».

Раздел открывает статья И.Я. Павлинова, в которой изложена история Зоологического музея МГУ от основания Московского университета (1755 г.) до начала 1990-х гг., скрупулёзно восстановленная на основании анализа архивных и опубликованных документальных данных. Автор выделил пять периодов развития Зоомузея и обозначил основные эпизоды в его истории. Обращение к первоисточникам позволило ему внести важные уточнения в не-

которые события, даты, официальные названия, персоналии, так или иначе связанные с музейской историей. Отмечается некая особая черта этой истории: в ней было слишком много критических и даже трагических моментов, вопреки которым Зоомузей не только выстоял, но и превратился в одно из крупнейших отечественных музейных собраний. Данное обстоятельство подчёркнуто подзаголовком настоящего сборника: *per aspera ad astra*.

Статья М.В. Калякина и Н.Н. Спасской кратко представляет современное состояние и желаемые ближайшие перспективы развития Зоологического музея МГУ. Она значима тем, что её авторы — ныне действующие руководители Музея: директор и учёный секретарь, соответственно. Подчёркивая преемственность в решении основных задач, стоящих сегодня перед Музеем, авторы статьи обращают особое внимание на необходимость адекватно реагировать на современные вызовы со стороны науки и общества. Ответы на эти вызовы Зоомузей активно и результативно ищет, опираясь на мировую теорию и практику новейшего естественно-научного музееведения. Среди них особо отмечены следующие: расширение форм хранения и использования научных коллекций вслед за развитием новых методов в представлении, изучении и сохранении биологического разнообразия; внедрение цифровых технологий во все сферы музейной деятельности — от создания электронных баз данных по коллекциям до использования аудиогидов в экспозиционных залах; расширение активных форм популяризации естественно-научных знаний, особенно среди молодёжи, как в стенах Зоомузея, так и вне него.

Статья Е.А. Дунаева как нельзя более соответствует названию данного раздела: в ней рассматривается развитие юннатского (в широком смысле) движения в России/СССР в той его части, которая ближе всего соприкасается с Зоомузеем. Опорой этому движению служили биологические кружки, в которых проходили особую «школу» многие будущие биологи, в том числе работавшие и работающие в нашем Музее. Особое внимание автор уделил ныне действующему Кружку юных натуралистов при Зоологическом музее МГУ — по той простой и очевидной при-

чине, что именно Е.А. Дунаев учредил этот Кружок и руководит им вот уже 25 лет.

* * *

Раздел «**Приложения**» включает три публикации информационного характера, дополняющие статьи двух предыдущих разделов.

Таблица терминологических соответствий включает современные эквиваленты биологических и минералогических терминов, встречающихся в помещённых в сборник публикациях А.А. Антонского-Прокоповича и Г.И. Фишера фон Вальгейма.

Хроника Зоологического музея представляет в сжатом виде его историю, расписанную по годам. Указаны главным образом изменения его статуса и структуры, переезды и ремонты, развитие структуры, хранения и учёта коллекций, административно-штатные дела, имена заведующих Музеем и его подразделениями, хранителей коллекций.

Краткий биографический словарь содержит сведения о тех персонах, упомянутых в других материалах настоящего сборника, которые в той или иной форме активно содействовали развитию Зоологического музея МГУ (начиная с его предшественника — Минерального кабинета). Именно эта их деятельность послужила основанием для включения персон в настоящий Словарь, она же главным образом отражена в соответствующих биографических очерках. Конкретные должности (кроме заведования), звания, регалии и прочее опущены; для учёных указаны лишь основные монографии и учебники. Смысл появления такого справочника в данном сборнике двоякий: а) в него включены выверенные данные, что устраняет некоторые досадные ошибки в предыдущих публикациях о Зоомузее и его истории, и б) он позволяет наполнить «содержанием», пусть и очень кратким, те имена, которые фигурируют в прошлых и нынешних событиях, связанных с деятельностью Зоомузея, будучи известны подчас лишь узкому кругу специалистов.

Современные данные о Зоологическом музее МГУ, его подразделениях и сотрудниках приведены согласно состоянию на середину 2016 г.

Материалы данного раздела подготовили И.Я. Павлинов, А.В. Свиридов и Н.Н. Спасская.

*И.Я. Павлинов
М.В. Калякин
А.В. Свиридов*

БЛАГОДАРНОСТИ / ACKNOWLEDGEMENTS

Участники сборника глубоко признательны коллегам, в той или иной форме содействовавшим подготовке вошедших в него публикаций: З.А. Бессудновой (Геологический музей им. В.И. Вернадского РАН) за уточнения некоторых важных событий и дат в ранней истории университетского собрания натуралий; Ю.Э. Зайцевой, П.В. Кузнецову и М.В. Ленчиненко (Научная библиотека МГУ) за содействие в поиске и оцифровке некоторых документов и текстов конца XVIII и первой половины XIX вв.; А.В. Тихомировой за содействие в работе с архивными документами Зоомузея; Т.А. Праховой за содействие в работе с современной документацией Зоомузея; М.М. Арефьевой за

содействие в работе со старой литературой в научной библиотеке Зоомузея; Е.Д. Васильевой, Д.Л. Иванову, А.А. Лисовскому, К.Г. Михайлову, А.Л. Озерову, В.Ф. Орловой, Я.А. Редькину, А.В. Сысоеву за содействие в работе с учётной документацией соответствующих научно-хранительских секторов и за уточнения некоторых дат в недавней истории Зоомузея; И.П. Второву (Геологический институт РАН) за уточнение современных эквивалентов устаревших минералогических терминов; А.Ю. Данишевской за техническую обработку магнитофонных записей с воспоминаниями О.Л. Россолимо; А.И. Мединской за перевод франкоязычной статьи А.П. Богданова 1893 г.

Часть первая

УЧИТЕЛИ

Part two

THE TEACHERS

*Какое беспредельное и удивительное собрание!
какое великолепное зрелище. Таковая картина,
отличающаяся бесчисленными видами,
никаким изображением не может быть
живо представлена.*

А.А. Антонский-Прокопович

*В отличных только и хорошо расположенных
собраниях могут образоваться искусные и полезные
для государства испытатели Природы.*

Г.И. Фишер

*Московский музей никогда не был только
складочным местом учёных и учебных предметов,
но вёл деятельную научную жизнь
и занимал всегда видное место в ходе развития
научного прогресса в России.*

А.П. Богданов

*Назначение [музеев] заключается в хранении
зоологических материалов, подлежащих
научной обработке, а также и тех,
которые уже обработаны научно.*

Г.А. Кожевников

Первое здание Московского университета (бывший Аптекарский дом) на левом берегу р. Неглинки у Воскресенских ворот (вид со стороны р. Неглинки), в котором располагался Минеральный (Натуральный) кабинет в 1759–1791 гг.; рисунок середины XVIII в.

The first building of the Moscow University (former Drugstore House) on the left bank of the river Neglinka at Voskresenskie Gate (view from the river Neglinka), in which the Mineral (Natural) Cabinet was stored in 1759–1791; drawing of the mid18th century.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
Historia Naturalis. Histoire Naturelle

[А.А. Антонский-Прокопович]

NATURAL HISTORY
Historia Naturalis. Histoire Naturelle

[A.A. Antonsky-Prokopovich]

Известно, что сие слово изображает знание и описание того, что составляет вселенную. История небес, воздушных явлений, атмосферы, земли, всех происшествий в мире и самого человека, принадлежит к Естественной Истории. Следовательно, предмет её столь же пространен, как и сама Природа; поелику сверх того он заключает в себе все существа, находящиеся на нашем шаре, обитающие в воздухе и остающиеся в недрах вод. Но таковое поле весьма пространно, а разум человеческий ограничен столь тесными пределами, что не может вдруг постигнуть всех красот вселенной; почему мы будем довольствоваться познанием токмо того, что содержат в себе Кабинеты Натуральной Истории: ибо известно, что успех в познании и натуральной истории не прежде воспоследовал, как когда сии Кабинеты стали совершеннее, и можно сказать, что в сем токмо столетии начали прилежать с довольною ревностю и успехами к познанию Природы. Нашему веку приписать должно изобретение расположений, по справедливости заслуживающих имя *Кабинета Натуральной Истории*. Итак мы просим читателей наших побывать в таком Кабинете, которого собрание было бы обильно и расположено сколь возможно сообразно с системой самой Природы. В таком хранилище можно найти во всём совершенстве

и порядке всё то, что вселенная представляет в разных местах. В сей книге, которая кажется для всех красноречива, можно познавать строение (Organisation) всех сотворённых существ, стечение, отношение, взаимное соответствование всех частей или произведений Природы, и ощутительные различия, образующие их весьма ясно и точно по их родам и видам. Поистине таковое расположение вещественных существ может представлять каждому великолепное и несложно трогательное зрелище. Если он простой философ, то с пользою будет рассматривать порядок произведений Природы; если он физик, то узнает новые и особливые явления; если он химик, то одно рассмотрение сих материалов открывает ему такие таинства, которые немало могут способствовать ему в его изысканиях; если он учёный путешественник, то вид сего собрания вдохнёт в него желание собрать подобные редкости, встречающиеся ему в разных местах; и если имеет некоторое познание, то он опишет богатство тех областей и стран, которые проезжать будет. Польза натуральной истории весьма велика; с нею соединены притом существенные приятности, которые во всякое время могут действовать на сердца человеческие. Если он художник, то употребит их для экономических выгод общества; если он земледелец, то поста-

---

Прим. ред. Настоящая публикация воспроизводит текст статьи, изданной в первом выпуске журнала «Магазин натуральной истории, физики и химии...» в 1788 г. (см. рис.); автор текста (точнее, перевода исходного текста) — издатель журнала А.А. Антонский-Прокопович. В статье, по всей вероятности, речь идёт о воображаемом Кабинете: о сем свидетельствуют используемое её автором будущее время и сослагательное наклонение при описании размещения предметов в оном. Орфография и пунктуация преимущественно современные; терминология же исходная. Материал к публикации подготовили Н.Н. Спасская, И.Я. Павлинов.

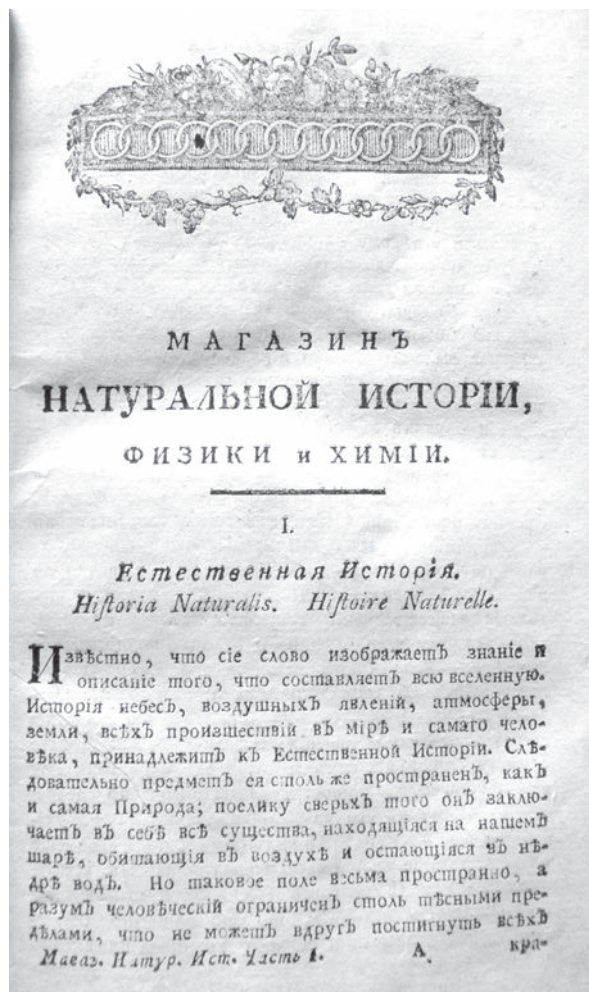

Рис. Первая страница статьи А.А. Антонского-Прокоповича в «Магазине...» от 1788 г.

Fig. First page of the article of A.A. Antonsky-Prokopyevich in «The Magazine...» of 1788.

рается умножить и исправить все те вещи, которые покажутся ему весьма полезными в жизни. Наконец, если он будет простой работник, то через примечание и познание произведений Природы равномерно будет иметь участие в сей общей всех материи.

Тот, кто посвятил свои труды познанию минералов, там найдёт материалы, служащие орудиями для всех полезных художеств и для архитектуры; те руды, из которых купечество заимствует неизменяемый знак для своих торгов, также способное и неподверженное испорченности движимое имение, которое промыслы его делает навсегда постоянными; полезный земледел получает оттуда своё орудие, которое, удобряя землю, делает её плодоносною, и благотворный серп, доставляющий ему жатву. Коликие выгоды приобретаемы и коль многие нужды удовлетворяемы бывают единым минеральным царством!

Желающий познать токмо царство растений, зная, что животные имеют, так сказать, наполненную соками плоть, как бы некоторое растение, приуготовленное чудесным механизмом, и что они для прокормления себя не имеют ничего другого, кроме растений; одним словом, что человек и скот в них должны полагать свою надежду для сохранения своей жизни: уразуметь, что нельзя никогда употребить довольного старания в познании произведения того царства, которое включает в себе всё могущее удовлетворять существенным нашим нуждам и услаждать наш вкус. Леса служат для создания домашних украшений. Многие деревья и растения вместе, как напр. дуб и конопли, служат для сооружения судов, которые переносят наши науки и нравы в другую половину шара. Все сии чудеса происходят от того зёрнышка и семени, которое лёгким ветром заносится на обширную равнину или на гору.

Наконец, полагающий всю свою философию в познании тех неразделённых, которые ближе к человеку по чувствованию жизни, найдёт в царстве животных всё то, что может удовлетворять его. Самый простой испытатель остановится при многообразии сих предметов. Он с изумлением будет удивляться то многочисленным семействам птиц, которых богатыми и величественными перьями покрывается индеец, а женской пол украшает свои головы; то роям бабочек, которые кажется нападают на все цветы и кажутся быть токмо приятными расточителями того добра, которое употребляет пчела для составления сладкого мёда. Потом, когда он обратит взор на огромного слона, сего животного, способного к понесению величайшего бремени; на стан лошади, сего четвероногого, рождённого для бега; или на быка, от природы способного к тягостям: тогда скажет, что сии нераздельные все своим образом платят нам полезную дань... Как скоро пожелает он иметь об них частное сведение, извлечённое прилежностью: тогда начнёт вникать в книги, открывающие изобретение и описание богатств и произведений, Природою представляемых глазам нашим в сих трёх царствах.

Истинный натуралист, или испытатель Природы, должен быть сведущ в физике, химии и художествах. Физика есть познание сил Природы; натуральная история есть познание действий Природы; художества суть также или подражание Природе, или самая Природа, употреблённая для нужд или удовольствий

общества. Химия, разделяя и разрешая тела, служит средством и ключом для весьма многих примечаний в натуральной истории и для всех делопроизводств, или художественных произведений. В сих-то кругах познания заключается *зрелище, свойства и употребление* естественных произведений. Подлинно только помощью сих познаний натуралист может сравнивать все предметы, которые разные страны доставят его Кабинету; он проникнет некоторым образом причины изменения оных, их разности и случайное в оных. Впрочем, поелику известно, что не все те, которые хотят знать натуральную историю, могут всегда путешествовать, и что при таком недостатке они более научаются в кабинете искусного натуралиста, нежели во всех сочинениях, изъясняющих сии вещи: то мы за долг почитаем предложить нашим читателям краткое описание Кабинета Натуральной Истории, с методическим разделением на классы, роды, виды и разности. Должно располагать в нём сокровища Природы, смотря на важность

самих вещей, или на выгодны, от них проистекающие, или по другим каким причинам, между которыми предпочтительны те, которые служат к составлению порядка, приятного для людей, знающих вкус; могущего занимать любопытных, наставлять любителей, а в мудрых производить внимание; одним словом, чтобы сей порядок был без скучной смеси, без посторонних прибавок, какового требует красота, стройность и познание предметов, и который может представлять с пользою богатство Природы. Имеющие три отделения в Кабинете для помещения различных произведений Природы, должны в одной поместить *минералы*, в другой *растения*, а в третьей *животных*. Таким образом каждое царство будет иметь особенное своё место. Если же где одна только просторная зала, то вот как должно их располагать, соединяя всегда с трудами рук своих и умное примечание; поелику в сем роде учения чем больше кто видит, тем больше научается.

КАБИНЕТ НАТУРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

На одной стороне Кабинета надлежит сделать одиннадцать шкафов с полочками. Сии шкафы определяются для содержания следующих одиннадцати классов тел минерального царства, т. е.

1. Для содержания вод
2. — — — земель
3. — — — песков
4. — — — камней
5. — — — солей
6. — — — колчеданов и кисов
7. — — — полуметаллов
8. — — — металлов
9. — — — ископаемых смол и сер
10. — — — произведений огнедышащих гор, или огарков
11. — — — окаменелостей ископаемых и чудных произведений Натуры.

Таковое порядочное расположение, где всё одним взглядом обозревается, не может не быть полезным для учащихся. Всякий шкаф, за решёткой ли он будет или за стеклом, должен вверху над карнизом или на финифтяной доске иметь надпись, которая бы показывала класс, содержащийся в сем шкафе. Сверх того и сами полочки должны быть означены по краям именем того рода тел, которых виды на

сих полочках в банках, хорошо закупоренных и подписанных, содержаться.

То, что положено будет в банки в сих шкафах, должно показывать начало пород. И так в оных можно видеть земли, глины, турфы, болярные земли, охры, мелы, глинки и мергели, различные пески, сланцы, или шиферы, каменные льны и поскони, горшечные и слюдные камни, известные камни, также шпаты, сгустелости, каменные осадки, капельники, алебастры, кремни, дикие камни, горные и минеральные хрустали, соли и кисы, или колчаданы, подверженные распадению, также каменные уголья и другие горные смолы с огарками огнедышащих гор. Внизу каждого из сих шкафов можно оставить пространство, занимаемое двумя полочками, и на сем пространстве наделать побольше маленьких полочек наподобие амфитеатра, дабы на оных класть просто, или на маленьких же пьедесталах дорогие шурфы минералов, каковы суть прозрачные хрустали солей, их щётки, цветные колчаданы, камень, называемый инкас, хорошие шурфы кобальта, бисмута, шпиаветера, сурмы, ртути, киновари в хрусталях; всё сие расположив на классы и порядочно подписав их име[на.]

В шкафу, содержащем металлы, должны быть порядочно распорядены редкие и отбор-

ные, как белые, так и зелёные свинцовые руды, также никколевая руда, оловянные грены, или шётки хрустали, содержащих олово, железный цвет, кровавик и необделанный магнит, с другими железными рудами, как то зеркальной и проч. также звездистая лазоревая медная руда, китайская шелковатая медь и малахит. Между дорогими металлами с удовольствием смотреть можно на самородное серебро в виде растения, и на серебряную красную руду, равно как и на золотые руды. Сии существа представляют зрелище как разнородное, так и наставительное; ибо Природа не меньше изобильна и великолепна в сих вещах, как и во множестве различных камней.

Шкаф с горючими существами равномерно может содержать на небольших пьедесталах выполированные с одной стороны шурфы гагата, серую амбру и различных цветов янтари, которые, если содержат насекомых, должны быть с обеих сторон выполированы; также куски жёлтой и прозрачной серы.

В шкафу окаменелостей, или ископаемых, должно также класть на ступеньках амфитеатра самые редкие и хорошо сбережённые шурфы, каковы суть каменная лилия, мадрепоры, прозрачные балемины, эхиниты, в агат превращённые, и другие окаменелые раковины, как то аммонеи роги, гистеролиты, чечевичные камни, грифины и проч., также бецоары, бирюзы, жабики, окаменелые зубы, все камни с изображением и сами окаменелые дерева.

Шкаф для камней, содержащих в себе подробное вышеречённое хранилище со ступеньками, показывает различные хрустали и все дорогие камни в их матках. Отдельно от маток и не огранённые кладутся в чашечках или в выпуклых часовых стёклышках; огранённые ж и полированные вправляются в перстни и кладутся в нарочном для сего сундучке, который должен быть открыт. То же самое наблюдается в разных из агата, сердолика, жада, сардоникса, оникса, халцедона или перелыфти, яшмы, порфира, гранита, лазоревых камней, мрамора, алебаstra, равносторонних шпатов, называемых исландскими хрусталими. В сем шкафу кладутся также болонский камень, серпентин, или змеевик, талк, базальт, пробные оселки, египетские и аглинские кремни. В рассуждении отпечатков, больших древностей (Arborifations) и флорентинских мраморов, если они хорошо сохранены, то должно оправлять их в рамки и вешать на столбиках, соединяющих шкафы ми-

нерального царства. Сии шкафы одинакой вышины, но различные шириною, по причине пространства или числа минералов, составляющих содержимый ими класс; сии шкафы, говорю, так как и все вокруг находящиеся, должны стоять на комодах с выдвигающимися ящиками. Ящики сии должны соответствовать поставленным на них шкафам и содержать материалы того же класса. Таковое методическое расположение весьма облегчает память, потому что оно служит вместо каталога и есть единое средство между множеством предметов, чтобы сыскать удобно то, чего кто ищет.

Сии ящики в царстве минеральном весьма способны для содержания печатных земель, белемнитов, трохалитов, астроитов (звёздочек) и других окаменелостей и выполированных костей и дерев, мраморов и выполированных камней; также песков, янтарей, шиферов и тех существ, которые при вытапливании металла остаются, как то металлических корольков, огарков и проч. Хотя некоторые части минерального царства, каковы суть земли и некоторые камни, в Кабинете Натуральной Истории на взгляд и не кажутся блестящими; можно однако сказать, что они составляют научнейшую часть Истории Натуральной, и такую, о которой все те более пекутся, которые, не занимаясь зрелищем богатых цветов и приятных образований, за удовольствие себе поставляют следовать за Натурою во всех произведениях, а наипаче служащих основанием для прочих.

Минералы требуют вообще, чтобы содержать их в чистоте и таким образом, чтоб один из них не касался к другому; ибо есть некоторые из них, как напр. соли, которые легко выпускаются, и колчеданы, которые разрушаясь выцветают. Растения и животные также подвержены большему или меньшему повреждению; и сие-то требует особенного старания о предохранении некоторых частей от скорого их повреждения: по счастью не все времена года для них равномерно критичны.

На другой стороне Кабинета должно поставить десять шкафов, равным образом расположенных, как и минеральные. Сии шкафы содержат десять следующих отделений царства прозябающих, т. е.

- 1 Корни.
- 2 Корки.
- 3 Стебли и дерево.
- 4 Листья.
- 5 Цветы.

6 Плоды и семена.

7 Растения паразиты, или такие, которые питаются соками других растений, а не получают непосредственно из земли; также грибы и водоросли.

8 Растительные соки, каковые суть бальзамы и твёрдые смолы; смолистые клеи и клеи собственно так называемые.

9 Экстракты, сахар и подонки.

10 Морские растения и при морях растущие.

В сем царстве должно наблюдать тот же порядок в шкафах, ту же симметрию и таковое расположение, какое и в царствах минералов. Нижние полочки в шкафах могут служить для содержания четверугольных склянок с китайским лаком, с существенными маслами и с другими как арабскими, так и индийскими ароматами; также кореньев от растений бамбука (Bambou) и мандрагоры, сон наводящей (Mandragore); отменных индийских плодов, как обыкновенно выросших, так и уродов, каковые индийцы делают, возвращая их в широкой бутылке с узким горлышком и потом сохраняют в спирте, как то обыкновенно они поступают с блоками, акажу называемыми. Можно также в оном класть редкие и великорослые плоды, каковые суть кокосы, калембассы, сосновые шишки и проч. Также шишки и наросты растений, и ветвь кружевного дерева, в котором все три части корня, а наипаче луб (Liber) приметно были бы отделены.

Как собрание растений многочисленнее минералов, то в бокалах хранятся только части иностранных растений, употребляемых в медицине и художествах; также и те, которые содержатся только для любопытства. Что же касается до наших природных трав, то должно из них как из земляных, так водяных и морских сделать травник, приклеивая каждую из них на листах в книгу, следуя притом системе новейших ботаников; а чтобы сей травник сделать ещё более выгодным, то должно сушёные травы класть в листах бумаги, и оные склав вместе на столике или в картузной бумаге по классам, родам и видам, подписать на обороте название класса и на каждом листе название вида растений, в оной содержимой. Всё же сие должно быть в непереплетённой бумаге, дабы после по произволению можно было их переменить. Выдвижные ящики могут здесь служить для содержания различных дерев с их коркою, таким образом отрезанных, чтобы различать в оных можно было всякого рода жилочки; в сих также ящиках могут хра-

ниться выполированные и надписанные дощечки дерев, находящихся в обеих Индиях. Часть сих ящиков можно перегородить маленькими клеточками и в оные класть семена; всё же сие должно быть покрыто и подписано.

В рассуждении морских трав, каковые суть белильная трава (Fucus) и поростов (Alga), наилучшие из них и такие, кои различием цветов составляют приятные картины, должно отправлять в рамки и оные вешать на столбиках шкафов. Мы выше упоминали, что растения и животные более или менее подвержены повреждению и следовательно, чтоб от одного их предохранять, то должно или как можно лучше их высушить, или содержать в нарочно приуготовленных жидкостях, наблюдая притом, чтобы сии жидкости не выходили парами. Высушенные части требуют ещё более внимания; потому что в оных от самого апреля месяца зарождается множество насекомых, которые, находя там свою пищу, источивают оные во внутренности, прежде нежели их приметить можно. Сие продолжается около пяти месяцев, в которое время тщательно беречь их должно. И так зимняя влажность и летняя теплота требуют, чтобы шкафы Кабинета Натуральной Истории хорошо были заперты, выключая те, кои стоят к северу.

На третьей стороне Кабинета, которая должна быть против окошек и составлять конец одного, должно поставить десять шкафов для содержания десяти следующих отделений царства животных:

- 1 Для содержания мнимых морских растений.
- 2 Зоофитов, или животнорастений.
- 3 Раковин.
- 4 Черепах.
- 5 Земных насекомых.
- 6 Рыб.
- 7 Земноводных.
- 8 Птиц с их гнёздами.
- 9 Четвероногих животных.
- 10 Человека.

В сих шкафах можно наблюдать то же наружное украшение и то же распоряжение, как и в прежних.

Внутренность шкафа, содержащего *мнимые морские растения*, должна быть распорядена таким образом, чтобы в нём одним взглядом можно видеть историю литоритов, или камнерастений, мадрепор и корольков; все они должны быть поставлены на ножках чёрного или вызолоченного дерева. Мелкие корольки, имеющие

фигуру ожерелья, и фокус должно наклеивать на листе бумаги и оправить его в рамки. Сии картины, повешенные на столбиках, всегда восхищают глаза зрителей. Ежели сих мнимых растений будет великое собрание, то должно сделать из них некоторый род травника, который бы содержал мягкие произведения полипов и имеющих фигуру растений.

Шкаф *животнорастений* (зоофитов) должен содержать губки морские, перья и все те морские тела, которые животными растениями именуются. Они должны сохранены быть в крепком спирте; ибо количество воды, содержащейся в сих существах, может оный ослабить.

По сторонам шкафов поставляются морские звёзды, шиповатые и гладкие, медузина голова и проч.

В шкафе *раковин* содержатся в спирте раковины. На нижних полочках оного кладутся большие и малые раковины в натуральном их виде. Здесь также имеют место камни, наполненные фолатами (Pholus); морские высушенные жёлуди и тому подобное.

Шкаф, содержащий *черепашечных животных*, должен состоять весь из полочек. В оном кладутся разные виды морских и речных раков, малые голарды, скилл и все малые черепашечные животные оправляются, выключая бернарда эрмита.

В шкафе *земных насекомых* содержатся насекомые двух родов: одни хорошо высушенные, которые кладутся в нарочных ящичках с обеих сторон со стёклами, дабы чрез оные животных с обеих сторон видеть можно было. В сих ящичках кладутся мухи, комары, жуки, бабочки со всеми их преобразованиями и проч. Другие насекомые, каковы суть саранча, сороконожка (Scolopendra), скорпионы, саламандры, пауки, тарантулы, глисты, черви и прочие мягкие насекомые, поставляются в банках, спиртом наполненных, на нижних полочках шкафа. — Здесь также имеют своё место пчельные соты, гнёзды ос и тех муравьёв, кои дают лаковую резину, или смолу.

В шкафе *рыб* содержатся в спирте малые чужестранные рыбки, также и наши, кои помягче. С больших же рыб, как морских, так и речных, снимают кожу и оную перпендикулярно наклеивают на листах бумаги. Иногда делают из них чучелы и поновляют цвет посредством лака. Летучие рыбы вешаются вверху шкафа, другие кладутся на нижних полочках оного.

Шкаф *земноводных* содержит в банках, наполненных спиртом, ослабленных квасцевою водою, разного рода змей, лягушки, жабы, ящерицы и малые земноводные черепашки и сему подобное.

На нижних полочках оного кладутся змеи с колокольчиком, хамелеон, бобр, морской лев, тюлень и проч.

В шкафе *птиц*, содержащем сии животные различных земель, поставляются птичьи чучелы и к оным приделываются финифтяные глаза. Сии чучелы хорошо хранятся в сухом месте, особливо если оные припудрены будут порошком, составленным из извёстки, перцу, канфары и сулемы, и наполнены деревянным мохом. Порошок истребляет моль и другие насекомые, которые бы повреждали чучелы, и такие чучелы птиц, у которых вынут мозг, поставляются в природном своём положении на ногах. В сем случае стараться должно, чтобы положение каждой птицы было ей сродно, и так сказать, показывало бы натуральные их свойства, дабы те, которые смотрят на них, при каждой птичке могли сказать изречение Марона: *Или это мёртвая наука, или оживлённое искусство*. Что сказано здесь о птицах, тоже наблюдается и в рассуждении других животных.

На нижних полочках сего шкафа кладутся птичьи гнёзды и яйца, а перья оных кладутся в книгу наподобие травника.

Шкаф *четвероногих* содержит в бокалах малых четвероногих животных, как то мышей, крыс, двуутробок и проч. Другие ж животные, каковы суть кошки, векши, ежи, дикобразы, индейская свинья, волк, лисица, коза, заяц, собака и проч. должны в нём быть чучелами.

Шкаф, содержащий *историю человека*, должен заключать в себе целую миологию, также в особенности голову, наполненную какою-либо матерью, мозг, части рождения обоого пола, нервологию, скелет, зародышки разного возраста с их местами, уродов и египетскую мумию. В шкаф кладутся также хорошие анатомические штуки, выделанные из воску или дерева, и каменные наросли, вынутые из человеческого тела.

Сохраняемые в банках и спирте вещи не всегда бывают прочны. Они портятся при выпаривании спиртовых частей; и для того должно прилежно осматривать сосуды, в коих они хранятся; что требует и времени, и трудов, и издержек. Г. Людовик Никола, употребив бесполезно различные вещи в спирте, советует, наполнив бутылки спиртом, обвязывать оные пузырьём и

на пузыре класть оловянную дощечку толщиной в две линии; потом, переверотя бутылку, поставить в деревянный таз, наполненный растопленным салом или смесью, сделанной из сала и воску. Он утверждает, что сие удерживает спиртовую выпарку.

Ящерицы, находящиеся под шкафами животного царства, должны содержать отделенных животных малые части, каковы суть зубы, малые рога, пазухи, лапы, птичьи носы, когти, позвонки, шерсть, и собрание костей, примечания достойных своими слоями, разломами, безобразиями и повреждением.

А чтобы ещё более украсить Кабинет и сделать непрерывнее натуральных вещей собрание, то должно убрать стены во всю их высоту. И для того обыкновенно на карнизах шкафов кладутся большие раковины, гнезда чужестранных ос, рог риноцероса или однорога, слоновьи зубы, урны и бюсты, сделанные из алебаstra, мрамора, яшмы, порфира или змеевика, и разные сосуды. Здесь также ставятся древние бронзовые фигуры, большие каменорастения, животные сделанные из раковин, цветы сделанные из жуковых крыльев, сундучки из корок, книги составленные из пальмовых листьев, глобусы и проч. — Множество и особенность предметов всегда привлекает внимание зрителей.

Украшив таким образом стороны Кабинета, можно также выкрасить пол различными простыми камнями, принимающими полировку.

Потолок Кабинета должен быть бел и разделён тремя перекладами; на сих брусках должно набить железных крючьев и навешать проволоку, на которых вешаются по порядку различные произведения как растений, так и животных отменной величины, каковы суть:

1. Сахарной тростник, пальмовая ветвь, и ветвь дерева, называемого китайским опахалом; также большие листья, индийские и европейские палки, отменные как своими коленами, шишечками, так и своим тернием, которые они имеют во всю свою длину; также ствол растения, называемого бамбу, и разные виды тростей.

2. Кожи больших животных и сами оных чучелы, каковы суть крокодилы, морские псы, пила рыба, морские черепахи, большие и длинные гады, олени и разных коз рога и детородный китов уд.

3. На третьем поперечнике привешиваются всякие индейские одеяния и убранства, также курительные трубки, луки, стрелы, щиты, бу-

лавы, шапки, ожерелья и индейские лодочки, пики, китайские фонари и прочие воинские и домашние снаряды как древних, так и нынешних народов.

Как большее собрание требует довольно места, то должно во всех праздных местах Кабинета, а особливо по углам поделывать полочки, на которых можно было класть большие позвонки, голову морской коровы, большие мадрепоры, также большие штуфы хрустальной и минералов.

В середине Кабинета ставится большой стол с возвышенным краем, на котором кладутся раковины. Поверхность сего стола должна быть перегороджена на двадцать семь частей различной величины, дабы в оных можно было поместить двадцать семь родов морских раковин. Отделения сии делаются из дерева или наклеенной бумаги, расписанной голубою краскою. Иногда сии отделения выстилаются голубою хлопчатого бумагою, или зелёным атласом, или просто крепкою белою холстиною. В иных же Кабинетах каждое отделение отгораживается ещё для помещения особо каждого вида. Морские раковины, будучи очищены и порядочно распоряджены различием своих фигур, цветов и неравенством, представляют весьма приятную и восхищающую картину, которая тем завиднее, чем более находится в нём симметрического распоряджения. Верх сего столика покрывается проволочною решёткою или, что гораздо лучше, стеклянными дверцами, дабы предохранить раковины от гнили. Не должно также умолчать о том, что по середине сего стола ставится долгой и возвышенной четверугольник, на котором кладутся как земляные, так и речные раковины. Из середины всякого отделения возвышается маленькая деревянная пирамида, на верхушке которой приклеивается надпись, означающая род раковин. Всякой из них отличается шёлковым различных цветов украшением, посредством которого можно видеть границы и пространство оных, подобно как на географических картах провинции какого-нибудь государства. Таковое распоряджение находится в Шантиле, в Кабинете принца Конде.

Под сим столом от окошек ставится стеклянная клетка, довольно пространная, так что в оной могут помещаться скелеты животных различных классов, то есть рыбы, земноводные ползающие ящерицы, птицы и четвероногие. И если можно, то присоединить для сравнения скелеты тех животных, которые составом своим

близко к человеческому подходят, каковы суть скелеты обезьян и медведей, что и наставительно и приятно. В оставшемся под сим столом место кладутся самые лучшие книги, относящиеся к Истории Натуральной, а особливо с эстампами. Здесь также помещается травник и книга с перьями.

Над дверьми прикрепляется большой четверугольный шкаф, наполненный высушенными, лаком выведенными и приклеенными к бумаге кожами редких рыб.

На нижних полочках сего шкафа кладутся китайские из сарачинского пшена составы, также камень жировик, и те камни, которые некогда употребляемы были дикими народами вместо топоров. Также куски любопытной работы с лаком, драгоценности диких северных народов и китайцев, делаемые ими из слоновой кости, янтаря, коральков и оправляемые в золото или серебро, также состав фарфора и проч., сиамские и турецкие кинжалы, чубуки и другие любопытные вещи различных народов.

Между окошками ставят один или два шкафа с великим числом полочек, на которых кладутся физические инструменты: воздушный

насос, зажигательное стекло, микроскоп, телескоп, натуральный и искусством произведённый магнит и проч.

В ящиках, находящихся под сим шкафом, содержатся медали, китайские чернила, сера и наилучшие вырезанные европейские камни, или их отпечатки, сделанные на сургуче, также древние кольца, талисманы, весы и меры древних, идолы, урны, лампы, орудия жертвоприношения и подделанные камни.

Напоследок окружность окошек украшается картинами, составленными из различных камней. Можно также на сей окружности, равно как и на окружности дверей, привешивать стеклянные трубки с редкими ползающими животными, налитые приличною жидкостью и потом герметически закупоренные.

Какое беспредельное и удивительное собрание! какое великолепное зрелище. Таковая картина, отличающаяся бесчисленными видами, никаким изображением не может быть живо представлена. Одни только предметы, составляющие оную, могут дать об ней понятие. Словом, *Кабинет Естественной Истории* есть сокращение целой Природы.

**МУЗЕУМ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**ПРИВЕДЁННЫЙ В ПОРЯДОК И ОПИСАННЫЙ
ПУБЛИЧНЫМ ОРДИНАРНЫМ ПРОФЕССОРОМ
И ЧЛЕНОМ МНОГИХ УЧЁНЫХ ОБЩЕСТВ
Г. ФИШЕРОМ**

Перевёл с французского Дмитрий Лазаревич

**MUSEUM OF NATURAL HISTORY
OF THE IMPERIAL MOSCOW UNIVERSITY**

**PUT IN ORDER AND DESCRIBED
BY PUBLIC ORDINARY PROFESSOR
AND MEMBER OF MANY SCIENTIFIC SOCIETIES
G. FISCHER**

Translated from French by Dmitry Lazarevich

**I. ИСТОРИЯ
ИМПЕРАТОРСКОГО МУЗЕУМА
ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**

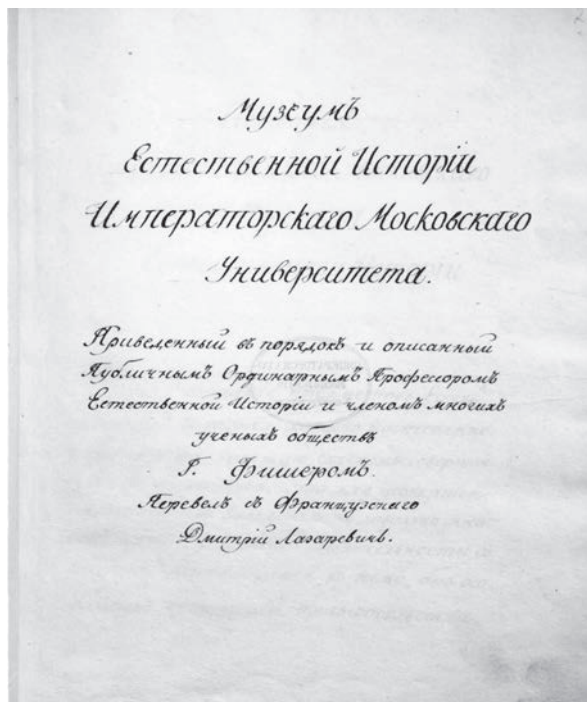
Если собрание предметов естественной истории должно постепенно выходить на высшую степень совершенства и богатства, то для усовершенствования сего заведения не довольно многих лет и великой деятельности со стороны трудящихся в нём без особых поощрений правительства.

Музеум наш, основанный в недавнем времени, пользовался соединением счастливых обстоятельств и может спорить со всеми лучшими собраниями естественной истории в Европе.

Александр Первый, отец обожаемый своим народом, которому Россия обязана счастливыми заведениями и который полагает славу свою в поощрении всего, что только может вести к благородной и высокой цели, который придал более блеску Университету Московскому и дал мудрые постоянные законы, Александр Первый положил также основание нашему Музеуму. Мы обязаны сему Монарху весьма богатым собранием по зоологии, минералогии, ботанике, древностям, медалям и проч. Кабинетом

Прим. ред. Настоящая публикация воспроизводит текст перевода вводного раздела 1-го тома книги Fischer G. 1806. Musée d'Histoire naturelle de l'Université Impériale de Moscou; перевод, по-видимому, выполнен вскоре после издания книги (точная дата на рукописи не указана), рукопись хранится в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова (см. рис.). Орфография и пунктуация преимущественно современные. Материал к публикации подготовили Н.Н. Спасская, И.Я. Павлинов.

Рис. Первая страница рукописи с переводом 1-го тома книги Fischer G. 1806.

Fig. First page of the manuscript of a translation of the 1st volume of Fischer G. 1806.

Естественной Истории княгини Яблоновской, на который Его Величество употребил значную сумму.

Сей великодушный пример имел счастливое действие для нашего собрания естественной истории. Особы, известные по своим знаниям, славные по своим достоинствам, и ещё более знаменитые по своей любви к отечеству, последовали стопам того, которого мудрые виды, распространяя средства к просвещению, утвердят счастье потомства.

Прежде сего времени при Императорском Московском Университете было небольшое собрание естественной истории, которому более всего содействовали его сиятельство граф Строганов и предки г-на Демидова. Собрание первого весьма любопытно для занимающихся познанием рыб и земноводных. Говоря о сей части естественной истории, мы будем иметь случай подробнее заняться сими редкими вещами. Собрание, подаренное Григорием, Прокопом и Никитою Демидовыми, состоит в сибирских и других рудах, собранных Фридериком Генкелем. Жалеем о потере многих драгоценных кусков и в особенности о пропавшем списке.

Что касается до собрания сухих растений, травника Редигерова и собрания более двадцати томов хорошо сохранённых растений, которым

одолжены Прокопию Демидову, то они были уже началом, достойным сего заведения.

Но воспоминание о новых дарах останется навсегда любезным Университету и любителям наук. Его превосходительство г-н действительный статский советник Павел Григорьевич Демидов, которого собрание естественной истории одно могло бы обратить внимание знатоков и людей любопытных, отличается от сокровищ, составлявших до сих пор единственное его занятие дабы сделаться полезным для целого общества. Он жертвует всем: четвероногими, птицами, раковинами, насекомыми, червями, животнорастениями, травами, древностями, медалями и пр. и даже значную сумму для ободрения профессоров и воспитанников, занимающихся усовершенствованием знаний, столь же полезных для государственной экономии, как и для славы целого народа. Я буду иметь случай, в предисловии к Музеуму Демидовскому, говорить подробнее о сем почтенном старике, которого открытия по натуральной истории сохранены нам самим Линнеем.

Собрание растений его составляет более шестидесяти томов, и тем более заслуживает внимания, что по некоторым догадкам можно думать, что оно принадлежало Боергаву, славному ботанику и голландскому медику. Травники будут помещены в Ботаническом саду, где также строена будет Астрономическая обсерватория. Сии заведения в скором времени достигнут высшей степени совершенства под благоразумным распоряжением известных моих сотрудников Гофмана и Гольбаха.

Его сиятельство князь Урусов, одушевлённый тою же любовью к отечеству и убеждённый собственными познаниями в науках и путешествиями, посвящёнными естественной истории, что в отличных только и хорошо расположенных собраниях могут образоваться искусные и полезные для государства испытатели Природы, принял благородное намерение присоединить прекрасное и драгоценное минералогическое собрание к Музеуму Императорскому с весьма редкими анкостическими и мозаическими картинами разной величины. Ещё недавно возвысил он блеск полувекового Университетского торжества, подарив собрание драгоценных камней, окаменелых костей, медалей и старых русских монет. Его сиятельство князь Урусов подарил также ориктогностическое собрание и большую библиотеку Московской Гимназии; все сии вещи находятся под смотром г-на Дру-

жинина, человека известного по своим знаниям и качествам душевным¹⁾.

Всего важнее для Музеума, столь обширного как Московский, который имеет ещё и то преимущество, что помещён в середине образованнейшей части империи, географическое собрание, разделённое по губерниям, всех произведений Природы и Искусства. Мы обязаны г-ну Герману, главному директору Екатеринбургских рудокопных заводов началом собрания в сем роде; он доставил нам прекрасное продолжение минералов, находящихся в Екатеринбурге. Мы будем стараться о продолжении сих собраний; они послужат вспомоществованием к образованию в скором времени знающих путешественников. Так например, желающему видеть плодоносные и любопытные страны Крымские, Астраханские и проч. стоит только приблизиться к горам Кавказским, которые соединяют в себе предметы сей самой области, и одного взгляда довольно, чтобы научить его всему, что только известно, и вселить страстную охоту к обогащению отечественного собрания, если смею так выразиться, новыми и неизвестными предметами.

Не говорю здесь о всех, способствовавших к обогащению нашего Музеума; я буду иметь случай упомянуть об них, говоря о самих вещах, которые сверх того будут всегда носить на себе название и имена тех, которые подарили оные.

Что касается до меня, я не могу изобразить того впечатления, какое произвёл во мне сей беспримерный патриотизм, — во мне, коему предоставлено облегчить изучение сих предметов надлежащим порядком. Увлекаемый столь редкими примерами, одушевляемый чистейшею ревностью по обширной империи, кото-

рая меня приняла, я пожертвовал собственным собранием общественной пользе, хотя в нём были такие предметы, каких мне невозможно уже будет собрать. Но побуждаемый любовью к своим обязанностям, я уверен был, что директор столь важного заведения, каков Музей Московский, не может уделять стараний своих на частное собрание и собрание, предоставленное общественному изучению.

С поспешностью старался я привести все сии предметы к истинному их назначению, и могу сказать теперь перед глазами всех тех, кои знают множество предметов, составляющих наш Музей, что я один, без помощника в восемь месяцев, исполнил возложенную на меня должность. Я должен однако поблагодарить г-на Ришара, смотрителя при Музее, за его ревность, оказанную в продолжение сей работы, когда тысячи разных предметов должно было приводить в порядок, которые по большей части означил я их именами и которым начал делать описание. В это же самое время получил я и перенёс Музей Демидовский, столь богатый предметами естественной истории и в особенности единственный животнорастениями и раковинами со множеством редких книг по всем частям учёности. Всё было устроено и приведено в систематический порядок 22-го марта; в это время имел я честь известить общее собрание профессоров о надлежащем расположении сих предметов. Все бывшие профессора по окончании совета пошли в Музей Демидовский и своим присутствием посветили его общественной пользе.

С сего времени Библиотека Демидовская всякую субботу бывает открыта с одиннадцати до двух часов.

II. ВЗГЛЯД НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Драгоценнейшие предметы могут быть полезными только тогда, когда они приведены в надлежащий порядок; а особливо если масса сих предметов в каком-нибудь собрании столь огромна, что простой взгляд или воображение не может вдруг объять их, то в таком случае по-

рядок систематический должен помогать памяти и облегчать разделение оных.

Я старался употребить залы, определённые для расположения Музеума, самым лучшим порядком: они разделены следующим образом.

¹⁾Князь Александр Урусов сочинил Минералогию, основанную на собственных началах, и рассуждение о человеке. Сочинения сии изданы на русском языке. Перевод его Боннетовой Паленгинезии, потребовавшей великой ловкости и оборотливости в обоих языках, не напечатан.

ПЕРВАЯ ЗАЛА

С одной стороны находятся в ней животные сосцепитающие, птицы, скелеты и части к ним относящиеся; в шкапах, стоящих подле окон: черепокожие, раковины, пауки и насекомые.

Ряд шкапов, стоящих в виде столов по середине залы, содержит начало собрания минералов как то: земли известковые, цирконные, итрианские, квасцовые и проч.

Что касается до методы, употреблённой при расположении предметов, относящихся к зоологии, то я следовал порядку Парижского Музеума Естественной Истории с некоторыми однако ж собственными переменами в порядке сосцепитающих. Относительно к птицам, я следовал остроумным мыслям почтенного Ласепада, глубокомысленного испытателя Природы.

Раковины расположены по системам Ламарка, который известен публике как отличный зоолог и ботаник.

Линнеевы начала для разделения насекомых были сохраняемы, сколько позволяли открытия Фабрициуса, Латрейля, Оливье, Ламарка и других. И для того-то в одной особой породе можно найти вместе насекомых, снабжённых челюстями, которых крылышки сжимаются под мягкими или полужёсткими надкрылиями, не соединёнными правильным швом. Orthoptera Оливье, Monata Фабрициуса.

Система, служащая основанием расположения минералов, сделана по новейшим открытиям. Она печатается и будет предоставлена в пользу тех, кои изъявят желание посещать Музеум и мои лекции как приватные, так и публичные.

ВТОРАЯ ЗАЛА

В шкапах, стоящих по левую руку, находится собрание земноводных, змей, рыб и червей.

Чтобы расположить земноводных на твёрдом основании, сочинитель пользовался открытиями Ласепада, Ал. Бронгарда. Додена и проч. Для рыб принял он систему Линнееву, следуя также открытиям Кювье, Ласепада, Блоха, Босха и других.

Бесчисленные открытия, коими одолжены мы известному Кювье в естественной истории червей, легко могут побудить к принятию его методы для расположения сих животных.

В правую руку по середине сей залы находится продолжение минералов как то: порядок извести, барита и сгораемых веществ. В сре-

дине расположены металлы, между которыми отличаются прекрасные драгоценные золотые и серебристые руды князя Урусова.

Здесь также находится начало географического и геогностического продолжения российских екатеринбургских минералов.

В столь обширном собрании каково наше, в особенности посвящённом общественной пользе, необходимо должно стараться о составлении собрания наружных отличительных признаков минералогических; ибо очевидное распознавание останется гораздо твёрже в памяти, чем самые лучшие определения. В собрании характеров и отличий не должно вообще смотреть на систему минералов, но более на наружные отличия. Здесь соединены известный зернистый мрамор (marbre de Carara) и белый кварц с белым оксидированным целорфельдским свинцом для того, чтобы яснее отличить светло-белый или снежный цвет Вернера. Обсидиан, шерл и гадолинит заключают также в одном ряду чёрнобархатный или тёмный цвет. Таким-то образом посредством сцепления, наружного вида и фигуры, представляющейся в массе, волокнах, камушках более или менее великих, в зёрнышках, листах, кристаллах и пр., посредством наружной поверхности, блеска и его степени, излома, отделения или направления волокон, прозрачности, твёрдости и пр., можно выбирать лучшие куски, т. е. те которые могут дать лучшее понятие о сих относительных различиях.

Сия часть науки тем важнее, что многие испытатели Природы делают её необходимою. И посему должно соображаться с методом и известным языком, единственно для сего составленным, который при простом чтении кажется мало важным и трудным, но который делается простым и ясным при помощи хорошего собрания характеристического.

Известный Вернер, основатель метода, отличающего минералы посредством наружных признаков, пользуясь знаниями, основывающимися на химических началах, Вернер, почётнейший член нашего Университета, и его отличнейшие воспитанники Карстен, Фрейслебен и Эмерлинг, часто доказывали, что по точному знанию наружных отилчий можно отгадывать составные части.

Труды, с которыми другие народы старались сей характеристический язык перевести на отечественный, служат знаком великой его необходимости изучении минералов. Соссюр, один из первых землеописателей, говорит в предисловии

второго тома путешествия по горам Альпийским: «должно как можно скорее сделать общим минералогический язык славного Вернера».

Мы обязаны г-же Пикарде, г-ам Стрюеве, Розеню, Добюиссону, Берту-ван-Берхем, Патреню и Брошану тем, что они весьма много способствовали распространению сего языка во Франции.

В России г-н Севергин, профессор Петербургской Академии, старался сообщить минералогический язык Вернера своим соотечественникам в начальных основаниях минералогии²⁾.

Два шкапа составляют теперь наше собрание отличий или характеров.

Подобное собрание отличительных признаков, с возможным исключением частей, составляющих основание терминов, а особливо в ботанике, может чрезвычайно облегчить науку терминологии.

ТРЕТЬЯ ЗАЛА

В третьей зале Императорского Музеума Естественной Истории находятся энкаустические и мозаические картины, редкой величины и красоты, подаренные князем Урусовым; также медали, древности и разные искусственные слоновой кости произведения. Медали находятся под непосредственным смотрением коллежского советника и профессора Гейма.

В галерее, ведущей из сей залы в Музей Демидовский, хранятся чрезвычайно величины окаменелости как то: деревянная окаменелая масса, нижняя весьма большая и хорошо сбережённая слоновая челюсть, череп единорога, также ножное мамонтовое берцо чрезвычайной величины и проч.

Я принуждён был поместить собрание окаменелостей в большой галерее первой залы.

ЧЕТВЁРТАЯ ЗАЛА

В четвёртой, пятой и шестой зале хранится Музей Демидовский. В первой находятся большие и дорогие куски минералов, драгоценные камни, ориктогностическое и геогностическое собрание. Посредине залы находятся ящики в виде столов, в которых хранятся животные черепкожие и раковины.

В сей зале находится также собрание насекомых, над которым г-н Демидов сам трудился под руководством славного Линнея, своего учителя.

ПЯТАЯ ЗАЛА

Продолжение раковин. Расположение редкого и драгоценного собрания зоофитов или животнорастений, которое может спорить с Дрезденским собранием г-на Гересгейма и даже с Парижским, потому что в нём много сетчатых, звёздчатых королей и морских губок, ещё не описанных.

В шкапах, стоящих по сторонам в сей зале, начинается библиотека Демидовская. Тут находятся полиматические, философские, математические, зоологические, минералогические, ботанические и сельской экономии книги.

ШЕСТАЯ ЗАЛА

В ней заключается остальная часть библиотеки Демидовской, содержащей книги, относящиеся в филологии, словесности, истории, географии, путешествиям, древностям, церковной истории, богословию и русской словесности.

Небольшая комната при входе в Музей служит нам вместо Анатомической лаборатории; в ней хранятся приготовленные органы, которым успели мы положить начало.

III. СОБРАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНАТОМИИ

Глубокомысленный испытатель Природы, будучи недоволен наружным сравнением тел органических, ощущает желание узнать различие организации тел одушевлённых.

Сия наука об устройении внутреннем, которую по справедливости могу назвать душою естественной истории, тесно соединена с медициною, человеческою анатомиею, с наукой

скотского лечения, сельскою экономией и гораздо более нежели сколько с первого взгляда думать можно, с технологией. Но физиология должна в особенности искать решения многих проблем своих в анатомии сравнительной.

Никакая ветвь физических и естественных наук не требует столь разнообразного и обширного снаряда как сравнительная анатомия; и для

²⁾См. Севергина Первые основания Минералогии в Санктпербурге 1798. 2 т. in8. Первое издание 1791 г. основано на системе Кирвана.

того-то публичный Музеум должен предпочтительно стараться иметь собрание, как можно обильнейшее в сем роде.

В лестнице животной существует доказанная постепенность в совершенстве устройства и возрастающем множестве органов и способностей животных. Означить сии постепенности, сделать их чувствительными глазам наблюдателя — вот привлекательная цель собрания, которое представила бы цепь органов.

Мы имеем весьма обширный план для собрания в сем роде. Все органы движения, чувствования, рождения, пищеварения и пр. будут взяты или отдельно или в соединении с другими частями из всех существ органических, начиная с растений и проходя через все классы, порядки и отряды животных даже до человека. Величайшая простота в устройении начинается с соединения органов и приучает глаз находить прибавочные или органы сложнейшие в существах, выше стоящих на лестнице сей постепенности животной.

Ничто, по моему мнению, не может более паразитить внимания человека образованного

или желающего научиться, ничто не может дать точнейшего понятия о сих соединениях, впрочем столь трудных для понятия, как хорошо расположенный ряд самых органов. Таковой ряд представляет истинно живую картину Природы во всех её действиях, которая при каждом новом рассматривании должна поминутно производить новые занимательные идеи для физиологии.

Я ничего более не говорю о порядке предметов, составляющих сие собрание, но о методе приготовления и расположения оных; я упомяну об нём, когда буду говорить о сей части нашего Музеума. Здесь замечу только то, что все органы будут исследываемы во всех существах, в которых только анатомический ножик может показать строение.

Я не могу умолчать здесь о том, что во всех анатомических трудах помогал мне любезнейший и ревностнейший воспитанник мой Теобальд Реннер, отличающийся по части скопчения великою опытностью и знаниями, которые без сомнения будут полезны тем, кои захотят спрашивать у него советов.

IV. ОТКРЫТИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО МУЗЕУМА ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Невозможно избрать эпохи благоприятнейшей для открытия Музеума, недавно основанного августешим нашим монархом, умноженного несравненными дарами отличнейших патриотов нашего града, той, в которую Университет праздновал день полувекового своего существования.

Я имел честь известить публику о сем торжественном открытии речью, в которой изобразил пользу публичных коллекций для усовершенствования в знаниях в особенности влияния естественной истории на образование ума. Тор-

жественный день сей, стечение многочисленной знатнейшей публики — всё способствовало к тому, чтобы сделать впечатление сих предметов несравненно разительнейшим.

Музеум Императорский будет открыт два раза в неделю; в один день для публики, в другой для студентов. Особое установление³⁾ точнее означит эпоху в особенности покажет отцам семейства великую и разнообразную пользу, какую могут получить дети их от подобного учреждения.

³⁾С октября 25-го дня нынешнего года Императорский Музеум Естественной Истории открыт для студентов во всякую среду с 12 до 2 часов, а для публики всякую субботу в те же часы. Известие о сем открытии помещено советом Профессоров в Ведомостях в № 84 октября 21 дня.

[ЗАПИСКА А.П. БОГДАНОВА]

[A MEMORANDUM OF A.P. BOGDANOV]

В Физико-Математический факультет

На основании предложения Г. Декана члена комиссии о Музее, сделанного в заседании факультета 25-го октября, мы имеем честь представить факультету следующие наши соображения относительно устройства Музея.

1. Музей должен состоять под непосредственным ведением профессора, который придаёт общее направление трудам Музея, выбирает систему распределения животных в нём, вполне соответствующую как современному состоянию науки, так и потребностям преподавания её в Университете. Главная цель Музея состоит в том, чтобы служить необходимым пособием для чтения зоологии, ибо без правильно устроенного Музея невозможно вполне научное и соответствующее назначению Университета преподавание этой последней, и потому с усовершенствованием Музея необходимо связывается и повышение уровня преподавания зоологии. Вследствие этого желательно, чтобы Музей находился в таких же точно отношениях к профессору зоологии, в каких находится химическая лаборатория и анатомический театр к профессорам химии и анатомии.

2. Так как при теоретическом преподавании крайне необходимы, при современном состоянии зоологии, и практические упражнения учащихся, малое развитие которых (т. е. упражнений) и составляло до сих пор главнейшее препятствие к положительным успехам есте-

ствоведения в России, то особенно желательно усилить эту практическую сторону.

3. От основательно подготовленного зоолога относительно практических сведений потребуются:

а. Умение определять (с помощью существующих для того руководств) животных как по живым экземплярам, так и по чучелам и шкуркам и проч.

б. Умение собирать и готовить их как к определению (напр., приготовление частей рта у насекомых, видов жилкования у бабочек и проч.), так и к хранению (таксидермия).

с. Умение владеть микроскопом, насколько это требуется для зоологических целей.

Поэтому,

4. Практические пособия кафедры должны состоять из Музея, в котором приобретается умение определять животных, и состоящей при нём лаборатории, в которой приобретается умение препарировать их.

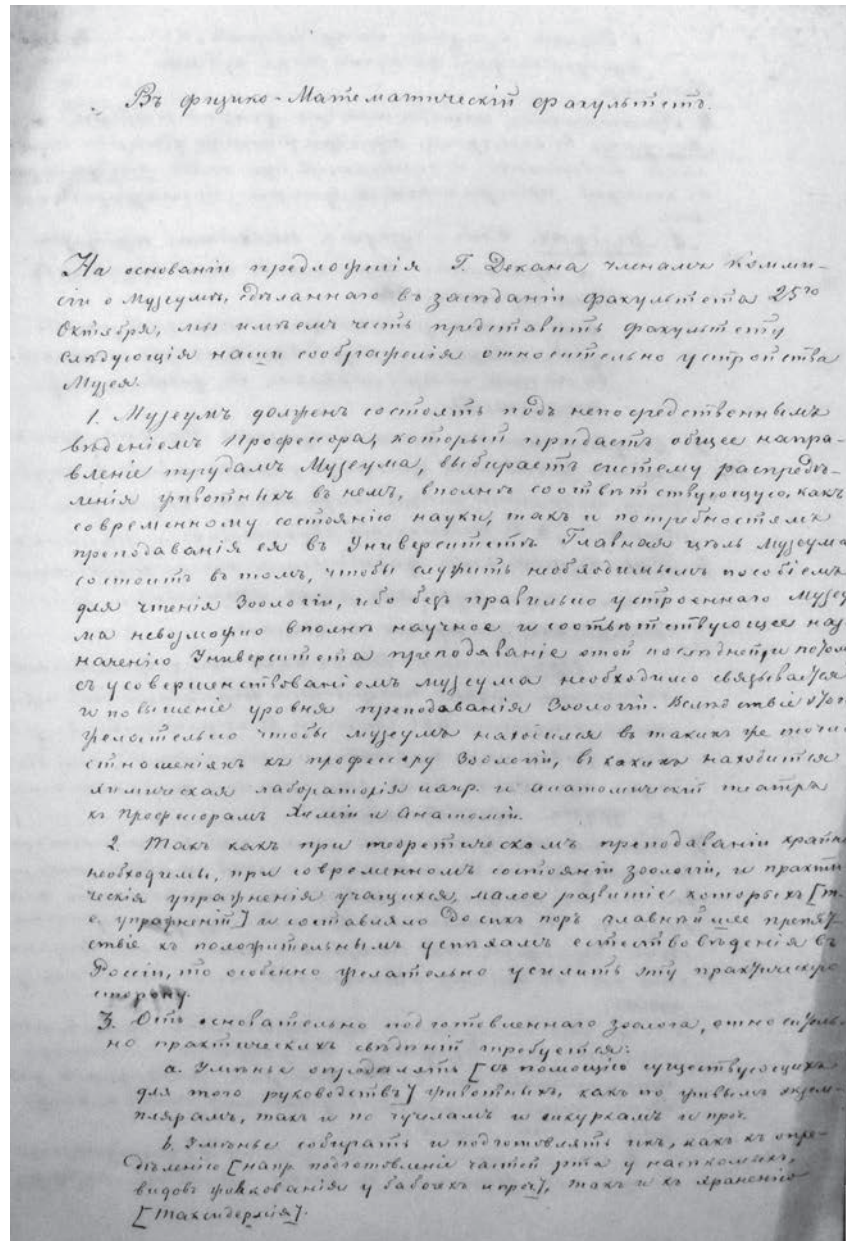
А. Музей. От Музея необходимо требуется:

а. правильное определение находящихся в нём экземпляров

б. и такое расположение их, которое бы удовлетворяло и требованиям зоологической системы, и представляло бы достаточную наглядность.

Прим. ред. Настоящая публикация воспроизводит черновик записки А.П. Богданова и Я.А. Борзенкова (см. рис.), направленной в конце 1861 г. декану Физико-математического факультета Московского университета (Архив МГУ, Ф.241, Оп.1, Ед. хр.1). Орфография и пунктуация преимущественно современные. Материал к публикации подготовили Н.Н. Спасская, И.Я. Павлинов.

Рис. Первая страница черновика записки А.П. Богданова и Я.А. Борзенкова, направленной в конце 1861 г. декану Физико-математического факультета Московского университета.

Fig. First page of the draft of the Memorandum of A.P. Bogdanov and Ya.A. Borzenkov addressed to Dean of Physical-Mathematical Faculty of Moscow University at turn of 1861.

5. В устроенном таким образом Музее занимающиеся зоологией должны упражняться в определении по крайней мере важнейших видов каждого семейства, а в особенности европейских и местных.

6. Для возможности достижения этого необходимо иметь при Музее двух хранителей: одного старшего, а другого младшего.

Примечание. Так как при современном состоянии науки невозможно требовать от

одного лица специальных сведений в определении видов всего животного царства, то желательно, чтобы одно из этих лиц занималось позвоночными, а другое беспозвоночными.

7. Каждый из хранителей занимается определением и приведением в систематический порядок, под руководством профессора, животных заведываемого им отдела. Хозяйственная же часть Музея должна быть возложена на

старшего хранителя. Обязанности его в этом отношении состоят в следующем:

а. Он получает из Правления суммы, ассигнуемые на Музеум, и по указанию профессора приобретает те вещи, которые необходимы для пополнения коллекций, ведёт им счёт и отдаёт отчёт Правлению.

б. Он же принимает предметы, поступающие по уставу Общества в Университетский музеум, ведёт списки всем поступающим и приобретаемым предметам, в коих должно быть обозначено место нахождения животного, лицо, от которого оно получено, научное название предмета (под определением должно быть обозначено имя определявшего предмет).

с. По этим спискам и самим предметам профессор назначает те экземпляры, которые должны быть оставлены для Музеума, и те, которые могут быть пущены в обмен (для того, чтобы избежать отчуждения интересных в научном отношении сортов, выбор для мены вменяется в обязанности профес-

сору). О предметах, предназначенных для мены, профессор доносит Факультету, без разрешения которого ничто из Музеума не отчуждается. Но ведение мены составляет прямую обязанность старшего хранителя.

[Оба хранителя помогают профессору в практических его занятиях со студентами, каждый по заведываемому им отделу. — *Прим. ред.*: вставка А.П. Богданова от 22.11.1861]

А. Показывать Музеум посетителям и иностранным учёным возлагается на хранителей.

Старшему хранителю полагается 1000 руб. сереб. в год, а младшему 500.

В. Лаборатория имеет две цели: а) она служит для пополнения Музеума и б) для практических занятий студентов.

При лаборатории полагается по крайней мере два чучельника, но желательно к ним прибавить третьего.

Примечание. Для большей успешности работы желательно, чтобы чучельники, получающие весьма скудное содержание, могли иметь помещение при лаборатории.

Октября 30-го дня, 1861.

Адъюнкт А. Богданов
Исправляющий должность адъюнкта Я. Борзенков

(Напечатано на правах рукописи)

НАСУЩНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

(ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ЗООЛОГИЧЕСКОМУ ОТДЕЛЕНИЮ
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ)

(Printed as a manuscript)

VITAL NEEDS OF THE ZOOLOGICAL MUSEUM

(A MEMORANDUM SUBMITTED TO THE ZOOLOGICAL SECTION
OF THE SOCIETY OF AMATEUR NATURALISTS)

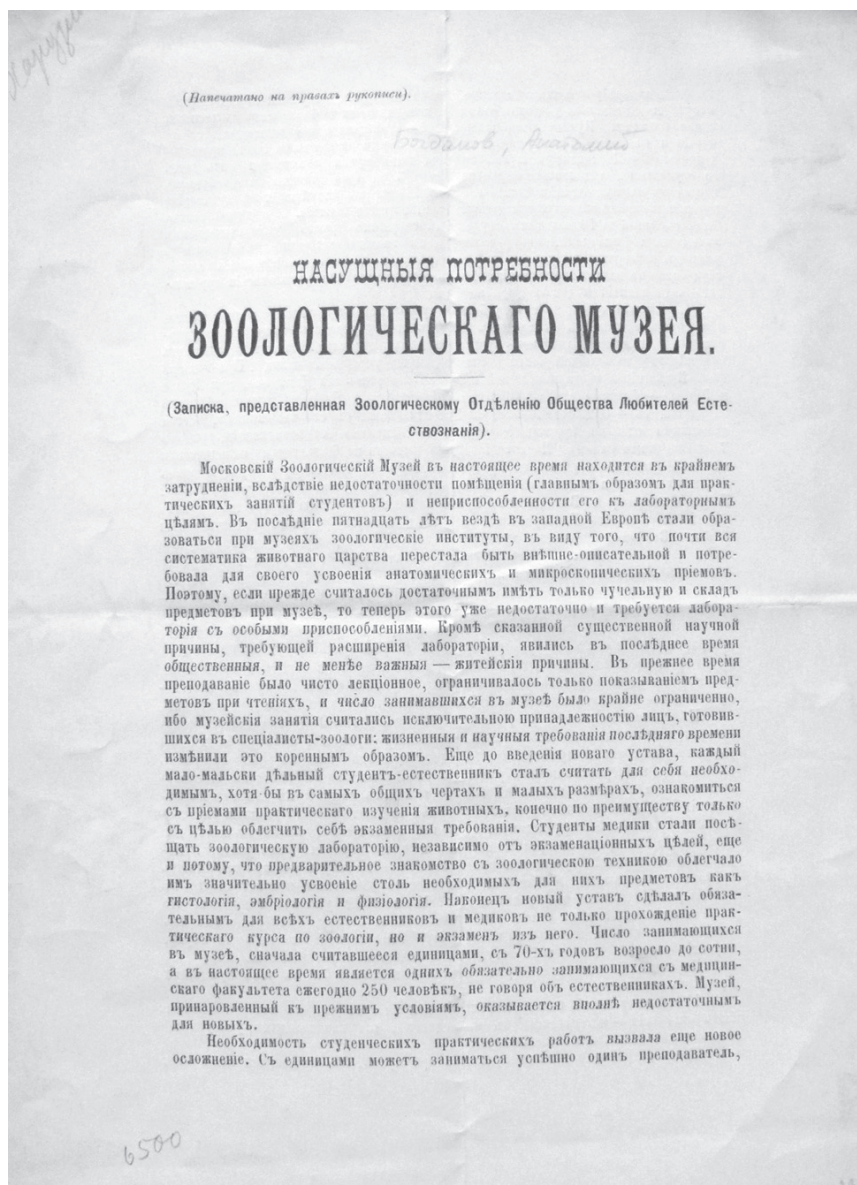
Московский Зоологический Музей в настоящее время находится в крайнем затруднении вследствие недостаточности помещения (главным образом для практических занятий студентов) и непригодности его к лабораторным целям. В последние пятнадцать лет везде в западной Европе стали образоваться при музеях зоологические институты ввиду того, что почти вся систематика животного царства перестала быть внешне-описательной и потребовала для своего усвоения анатомических и микроскопических приёмов. Поэтому если прежде считалось достаточным иметь только чучельную и склад предметов при музее, то теперь этого уже недостаточно и требуется лаборатория с особыми приспособлениями. Кроме сказанной существенной научной причины, требующей расширения лаборатории, явились в последнее время общественные и не менее важные — житейские причины. В прежнее время преподавание было чисто лекционное, ограничивалось только показыванием предметов при чтениях,

и число занимавшихся в музее было крайне ограничено, ибо музейские занятия считались исключительно принадлежностью лиц, готовившихся в специалисты-зоологи; жизненные и научные требования последнего времени изменили это коренным образом. Ещё до введения нового устава каждый мало-мальски дельный студент-естественник стал считать для себя необходимым, хотя бы в самых общих чертах и малых размерах, ознакомиться с приёмами практического изучения животных, конечно по преимуществу только с целью облегчить себе экзаменные требования. Студенты-медики стали посещать зоологическую лабораторию, независимо от экзаменационных целей, ещё и потому, что предварительное знакомство с зоологической техникой облегчало им значительно усвоение столь необходимых для них предметов как гистология, эмбриология и физиология. Наконец новый устав сделал обязательным для всех естественников и медиков не только прохождение практического курса зоологии, но и

Прим. ред. Настоящая публикация воспроизводит текст записки А.П. Богданова, представленной на обсуждение ИОЛЕАЭ в конце 1880-х гг. (см. рис.); хранится в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Орфография и пунктуация преимущественно современные. Материал к публикации подготовили Н.Н. Спасская, И.Я. Павлинов.

Рис. Первая страница записки А.П. Богданова, представленной на обсуждение ИЮЛЕАЭ в конце 1880-х гг.

Fig. First page of the draft of a Memorandum of A.P. Bogdanov addressed to the Society of Amateur Naturalists at the end of 1880s.

экзамен из него. Число занимающихся в музее, сначала считавшееся единицами, с 70-х годов возросло до сотни, а в настоящее время является одних обязательно занимающихся с медицинского факультета ежегодно 250 человек, не говоря об естественниках. Музей, приуровненный к прежним условиям, оказывается вполне недостаточным для новых.

Необходимость студенческих практических работ вызвала ещё новые осложнения. С единицами может заниматься успешно один преподаватель, с сотнями их требуется несколько, ибо по самому свойству занятий они за раз могут производиться успешно одним руководи-

телем не более как с десятью занимающимися. Нужно, следовательно, было подразделять занимающихся на партии и увеличить число руководителей, которыми естественно стали приват-доценты. В Московском музее в настоящее время занимается пять лиц со студентами, а для этого имеется всего 3 окна со столами в проходном коридоре в аудитории нижнего этажа и 1 окно в малой верхней аудитории, которая попеременно служит то для лекций, то для занятий. При музее всегда бывает от 6 до 10 человек студентов старших курсов, уже окончивших зоологический экзамен, но продолжающих заниматься: для них пришлось устроить клетушки

в самом помещении музея, что составляет значительное неудобство во многих отношениях, а в особенности для установления нормального хода занятий и для надзора над ними.

Московский музей, по своему богатству предметами, занимает видное место, и в отделе низших животных может конкурировать даже с государственным центральным петербургским академическим. Своим богатством он обязан по большей части частной помощи учреждений и лиц. При Фишере фон-Вальдгейме обогатили музей щедрые пожертвования Демидова, при Рулье и Ренаре — богатые вклады Общества Испытателей Природы, при нынешнем заведующем — Общество Любителей Естествознания с его выставками, всегда дававшими сильное приращение музею, и Общество Акклиматизации с его Зоологическим садом. Московский музей никогда не был только складочным местом учёных и учебных предметов, но вёл деятельную научную жизнь и занимал всегда видное место в ходе развития научного прогресса в России. Имена Фишера фон-Вальдгейма и Рулье записаны с честью не в одной только истории Московского Университета, но и в истории русского естествознания вообще. В последнее время музей тоже усиленно старался поддержать научное знамя первых своих руководителей: и летопись зоологических трудов Общества Любителей Естествознания, ныне напечатанная, показывает, что музей и в последнее время сослужил службу науке, облегчив по мере возможности первоначальные занятия несколькими поколениями зоологов, теперь с честью работающих на научном поприще. Будучи обеспечен фактами, говорящими за его не бесполезную учёную и учебную жизнь, музей может с некоторою смелостью и уверенностью в своей правоте перед возложенными на него задачами обратиться к лицам, могущим оказать ему действительную помощь в безысходной нужде, со словом о безотлагательной помощи.

К несчастью у нас укоренилось убеждение, что Общество должно помогать студентам только в их материальных нуждах, а не в учебных или учёных. Бедность и нужда материальные несомненно имеют право на отзыв во всяком нечёрством сердце, но разве лишения в умственном совершенствовании не менее важны в жизни молодых людей? В известном отношении они даже важнее материальных, ибо не дают полного развития умственных сил наиболее

трудолюбивым, наиболее даровитым, именно таким, для образования которых и предназначен главным образом университет. Неужели заботы о теле учащихся принадлежат обществу и только одни имеют право на его симпатии, а облегчение умственного развития и постановки его в лучшие условия дело только правительства? Мы этого не думаем; полагаем, что наше мнение разделяют и все развитые люди, а потому смело просим их оказать помощь для постановки в лучшие условия нормального развития науки, изучение которой для сотен студентов является необходимостью.

На основании сказанного уже можно выяснить себе, в чём нуждается музей в частности:

1) в устройстве нового помещения для лаборатории, в которой должны быть отделения — естественников и медиков, для начинающих, уже успешных и готовящихся в специалисты;

2) в устройстве новых аудиторий при музее, ибо имеющиеся малы и не вмещают в себе достаточное число слушателей: в большой аудитории 150 мест, а слушателей одних медиков 250, а малая аудитория на 15–20 мест.

3) в устройстве рабочих комнат для преподавателей, ассистентов и специальных работ: библиотечной, инъекционной, для физико-химических работ требующих подогревания и особой печи, чучельной, комнаты для уник и редких экземпляров, а также для хранения запаса. Всего это теперь совсем нет;

4) в устройстве помещения для энтомологических коллекций, особенно богатых в музее, но разбросанных в разных местах; в помещении особом для учебной коллекции, дабы студенты постоянно могли пользоваться ею при приготовлении к курсу, к зачётам и экзаменам.

5. Необходимо помещение для трёх ассистентов при музее, как это теперь устраивается постоянно в Германии, ибо только тогда возможно постоянно наблюдать за порядком в музее и открыть его не только днём, но и по вечерам для занятий, что теперь невозможно также и в виду нераздельности музейных коллекций и учебных помещений. Помещение для служителей.

6) Подвальный этаж с приспособлением для учебных аквариумов и террариев, а также животных, с которыми производятся опыты. Помещение для шкур и трупов животных. В настоящее время нельзя приспособить ни водопровода, ни газопровода, ни электрического освещения для вечерних занятий и для показывания препаратов на экранах.

Место имеется около самого музея, но весьма желательно было бы приобрести прилегающую соседскую землю, ибо только лабораторные комнаты и аудитории получили бы вполне нормальное освещение, что весьма важно для занятий. На всё требуется, по предварительным вычислениям, до 120 тысяч; но можно надеяться, что если бы была собрана пожертвованиями достаточная сумма, то средства, необходимые на внутренние приспособления (шкафы, водопроводы и проч.) могли бы быть добыты Университетом из других источников, да и правительство несомненно не отказало бы в своей помощи, как не отказало химической лаборатории и клинике. Учреждения эти наш-

ли добрых и просвещённых людей, помогших Университету и давших ему средства достойно обставить преподавание по некоторым наукам. Разве этим исчерпалось в Москве уже всё сочувствие к науке и работающим учащимся в Университете, так что не осталось ничего на долю такого заслуженного и исторического для Москвы учреждения как Зоологический Музей? Нет, всегда найдётся люди, способные сочувствовать научному усовершенствованию университетских пособий, и если наши надежды не осуществляться, то мы примем это только как доказательство нашего личного неумения и неспособности в достаточной мере выяснить насущную потребность Музея и нравственно-учёное значение её.

Анатолий Богданов

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ МОСКОВСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

А. Богданов

ZOOLOGICAL MUSEUM OF MOSCOW IMPERIAL UNIVERSITY

A. Bogdanov

Коллекции Московского университета, начиная с момента его основания в 1755 г., не прекращали расширяться благодаря пожертвованиям, сделанным благотворителями, любителями наук. Эти дары, представленные книгами и предметами естественной истории, составили основу библиотеки и Музея. Тем не менее, всерьёз библиотекой и Музеем в качестве именно специализированных учреждений и приданием им организационной структуры, сообразной их целям, начали заниматься только в 1791 г., после окончания строительства центральной части основного здания.

В то время зал Музея естественной истории занимал всего 52 квадратных сажени и был освещён двумя рядами расположенных друг над другом окон с галереей, поддерживаемой ионическими колоннами. Под галереей располагались витрины с экспонатами, по центру зала находились покрашенные в белый цвет столы, предназначенные для тех же целей, они хранили скелеты, чучела животных, раковины моллюсков и некоторые минералы. Несмотря на ограниченные размеры зала, объекты были столь редко расположены, что внимание посетителей поражало количество свободного

места. Первым существенным даром, появившимся благодаря щедрости императора Александра I, стал Кабинет естественной истории, известный под названием Семятичский, поскольку раньше он находился в имении Семятичи, принадлежавшем князьям Яблоновским. Он был выкуплен у наследников князя за сумму в 50000 голландских червонцев и передан в дар Музею 12 февраля 1802 г. Эта коллекция была привезена в Москву в весьма плачевном состоянии евреями на дюжине подвод, запряжённых четвёркой лошадей, под руководством препаратора Ришара, одного из сотрудников Музея князей Яблоновских. Несколько лет спустя, в 1805 г.¹⁾, просвещённый любитель Павел Демидов, ученик и друг Линнея, сделал ещё один существенный дар Университету. Не удовлетвовавшись простым обогащением Музея своей великолепной и богатой коллекцией предметов естественной истории, Павел Демидов ассигновал значительную сумму, ежегодные процентные выплаты по которой были направлены на поддержание Музея и выплату заработной платы специальному профессору естественной истории в Университете. Таким образом, можно сказать, что честь основания

Прим. ред. Настоящая публикация содержит современный русский перевод текста статьи А.П. Богданова: Bogdanov A. 1893. Musée Zoologique de l'Université Impériale de Moscou. — Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie et de Zoologie. 11-ème session, à Moscou, du 1/13–8/20 août, 1892. 1 pt. Moscou: Impr. Univ. impr. P. 45–64. Орфография и пунктуация преимущественно современные. Фактические неточности, содержащиеся в тексте Богданова, сопровождаются редакционными комментариями (И.Я.П.). Автор перевода А.И. Мединская. Материал к публикации подготовили Н.Н. Спасская, И.Я. Павлинов.

¹⁾Согласно официальным документам, Кабинет натуральной истории П.Г. Демидова поступил в Московский университет в 1802 (1803?) г.; Кафедра его имени учреждена в 1804 г., тогда же её профессором назначен Г. Фишер; подробнее об этом и других событиях см. статью И.Я. Павлинова в настоящем сборнике. (И.Я.П.)

Кафедры зоологии²⁾ в Московском Университете принадлежит Павлу Демидову.

Первым штатным сотрудником этой Кафедры стал Готлиб Фишер фон Вальдгейм, которого можно рассматривать как настоящего основателя Зоологического музея Университета³⁾, а также Московского императорского общества испытателей природы. Не говоря о значительном вкладе, которое это Общество оказало российской науке, оно также существенно способствовало улучшению и приумножению коллекций Зоологического музея, особенно в период, когда его работой руководили Фишер фон Вальдгейм и Карл Ренар, вначале просто сотрудник, ставший позже его преемником на этом посту. Таким образом Готлиб Фишер фон Вальдгейм стал первым заведующим [directeur] Университетского музея. Его организаторский талант и усердная работа придали этому учреждению серьёзный научный характер. Вскоре Музей расширился до такой степени, что помещение старого зала стало недостаточным, и для размещения многочисленных коллекций Музеем переданы всё крыло большого здания, т. е. площадь, в четыре раза превышающую площадь первоначального помещения. Тем не менее, этого помещения также не хватало. Во время ужасного пожара 1812 г. Музей стал жертвой пламени, и Готлибу Фишеру фон Вальдгейму удалось с огромным трудом, в который раз доказав свою самоотверженность, спасти только часть редких экземпляров.

Можно было впасть в уныние после такой катастрофы, но это придало Готлибу Фишеру фон Вальдгейму новые силы и предоставило ему возможность проявить весь свой организаторский талант. Ему посчастливилось найти в Николае Демидове щедрого и просвещённого защитника. В 1814 г. коллекция Музея уже насчитывала более 6000 предметов, это была спа-

сённая от огня коллекция (раковины и кораллы), дары Николая Демидова и экземпляры, собранные директором Музея и его сотрудниками из Московского общества испытателей природы. В это же время в Музей поступило множество важных пожертвований. Фриер [Friers]⁴⁾ подарил коллекцию птиц и насекомых, происходящую в большинстве своём из Бразилии. Лагир передал в дар Музею коллекцию рыб и ракообразных. Кристиан Стевен пожертвовал Университету свою большую коллекцию насекомых, с обязательством создания двух постоянных стипендий по 600 рублей каждая для двух наиболее успешных в изучении зоологии и ботаники студентов. Академия наук Санкт-Петербурга передала в дар скелет слона. Среди тех, кто принимал участие в восстановлении Музея, необходимо отметить имена Адамса, профессора Двигубского и многих других. Коллекция Николая Демидова занимала 14 шкафов.

Готлиб Фишер фон Вальдгейм создал в Москве ещё один Зоологический музей⁵⁾ при Медико-хирургической академии. В этом музее имелись великолепные коллекции, особенно птиц и обезьян, привезённые Леваяном из его путешествий по Африке. В 1840 г. Медико-хирургическая академия была переведена из Москвы в Санкт-Петербург⁶⁾, и её коллекции расширили коллекцию Зоологического музея Московского университета. Можно сказать, что Парижский ботанический сад привил Готлибу Фишеру фон Вальдгейму эту великую любовь к музеям и дал тот опыт, который он показал в их организации. В этом можно убедиться, посмотрев его двухтомный труд, вышедший в 1802 г. под названием: «Das National-Museum der Naturgeschichte zu Paris»⁷⁾.

Готлиб Фишер фон Вальдгейм является также автором многих работ, посвящённых

²⁾На самом деле Кафедры натуральной истории; Кафедра зоологии была учреждена в 1835 г. (И.Я.П.)

³⁾Это утверждение более чем сомнительное: Г.И. Фишер, как профессор Демидовской кафедры, был главой «Императорского музея» (основан в 1759 г.) и «Демидовского музея» (основан в 1802 г.), но не основателем «Зоологического музея», которого до 1860-х гг. «юридически» не существовало. (И.Я.П.)

⁴⁾По-видимому, имеется в виду В. Фрейрейс, отмеченный в «Истории...» Шевырёва (1855). (И.Я.П.)

⁵⁾Очевидно, имеется в виду Анатомический кабинет, который согласно официальным документам был основан Г.И. Фишером при Медико-хирургической академии в начале 1820-х гг. Этот пассаж показывает, насколько легко А.П. Богданов заменял действительные названия музейных институций на милый его сердцу «Зоологический музей». (И.Я.П.)

⁶⁾Согласно официальным документам, Московская медико-хирургическая академия была утверждена в 1808 г. как филиал Санктпетербургской одноимённой академии; в 1840 г. она была присоединена к Московскому университету; её коллекции были переданы в Зоологический кабинет в 1843 г. (И.Я.П.)

⁷⁾Точнее, этот труд был издан в 1802 (1-й том) и 1803 (2-й том) гг. (И.Я.П.)

описанию Музея и его коллекций. В 1806 г. он опубликовал первую работу на эту тему — «Музей естественной истории Московского императорского университета», том 1-й из 4-х. Этот том историю создания Музея и детальное описание коллекции (21 экземпляр). Другие коллекции были описаны Фишером во второй работе, носившей название «Музей Демидова. Систематический каталог с комментариями природных редкостей и искусства, переданной в дар Московскому университету его превосходительством господином Павлом Демидовым», 3 тома, 1806–1807 гг. В публикациях Общества испытателей природы Готлиб Фишер фон Вальдгейм описал многие экспонаты Зоологического музея Московского университета. В частности, можно процитировать статью, опубликованную в трудах Общества, том I, 1811: «Заметки о некоторых редких животных, которые представлены в Московском императорском музее естественной истории». Наконец, в 1822 г. он издал работу под названием «*Museum Historiae naturalis Universitatis Caesarea Mosquensis*».

Продолжатели дела Готлиба Фишера фон Вальдгейма, профессора Ловецкий и Рулье, также прилагали все усилия для увеличения коллекций Музея. В особенности последний, весьма поспособствовавший расширению этого учреждения как дарами, так и покупками интересных коллекций, в основном останками ископаемых животных, исследованию которых он посвятил многие годы, потраченные на палеонтологические изыскания в окрестностях Москвы. Но в особенности в этот период своего развития Музей должен быть благодарен доктору Ренару. Хотя по должности господин Ренар был всего лишь хранителем коллекций, в действительности он являлся реальным руководителем [directeur] Музея, во всей полноте его власти. Он был очень близок с Готлибом Фишером фон Вальдгеймом и был его достойным последователем не только по должности, но в особенности своим усердием в работе и энергией, которую он проявлял для улучшения развития и обеспечения процветания Московского императорского общества испытателей природы. Господин Ренар всегда демонстрировал бесконечную преданность Московскому музею. В качестве секретаря и редактора бюл-

летеня Общества испытателей природы, господин Ренар имел множество корреспондентов в различных странах мира и пользовался этими связями во благо Музея, который именно ему обязан многими прекрасными коллекциями, в особенности в той её части, которая касается тропических птиц, моллюсков и насекомых. Университет проявил справедливость, разрешив поместить в Музее портреты Фишера и Ренара, а также господина Карла Рулье, который прославил московскую Кафедру зоологии своими блестящими лекциями.

В 1860 г. Музей пережил кризис⁸⁾, который, тем не менее, дал и некоторые положительные результаты. У господина Николая Исакова, куратора Московского школьного округа, возникла идея основать в Москве музей с богатой библиотекой, предназначенной для широкой публики. До этого времени в Москве существовали только специализированные библиотеки Университета и Общества испытателей природы. Ввиду их чисто научных целей, эти библиотеки были доступны только специалистам. Сразу после создания Московский публичный музей получил разрешение на перемещение из Санкт-Петербурга в Москву Румянцевского музея. Кроме этого, правительство выделило ему необходимые фонды для покупки одного из красивейших зданий Москвы — старинного дома Пашкова. Генерал Исаков получил, кроме всего прочего, разрешение на перемещение в Публичный музей зоологических и палеонтологических коллекций Университета. Вот обоснования, на которые он ссылался для подтверждения своих требований:

- 1) в Румянцевском музее уже были представлены некоторые коллекции, содержащие зоологические и минералогические образцы;
- 2) коллекции Публичного музея пока не были достаточно обширными, чтобы заполнить просторные здания дома Пашкова;
- 3) помещение, предназначенное для Университетских музеев, становилось недостаточным — до такой степени, что это начинало вредить развитию коллекций.

Именно под руководством господина Ренара был совершён этот мучительный труд по перемещению Музея. Он также руководил организационными работами, выполнявшимися в новых помещениях, работами, удавшимися

⁸⁾Согласно официальным документам, этот «кризис» случился в 1861 г., когда были приняты соответствующие правительственные решения. (И.Я.П.)

как нельзя лучше. В новом помещении Музей производил великолепное впечатление компоновкой объектов и общим видом коллекций. К сожалению, несмотря на все предосторожности, принятые Ренаром, некоторые предметы пострадали при перемещении. В 1862 г. Ренар закончил свою службу в Университете и вышел на пенсию⁹⁾. Начиная с этого момента, на меня были возложены функции заведующего [directeur] Музеем в качестве руководителя Кафедры зоологии.

Прежде всего, мне поручили вернуть зоологические коллекции из дома Пашкова в старое помещение Университетского музея. При энергичной и существенной помощи и содействии господина Николая Зенгера, который сменил господина Ренара на посту хранителя коллекций Зоологического музея, перемещение предметов коллекции произошло в наилучших условиях, хотя мы и испытывали те же трудности, с которыми ранее столкнулся господин Ренар. Но, по меньшей мере, нам удалось воспользоваться опытом нашего предшественника. Благодаря великодушью Университета, и в особенности интересу его ректора господина Сергея Баршева, прежнее помещение было не только отремонтировано, но также и расширено: 1) большим залом, окружённым приделами, предназначенными для шкафов, что по меньшей мере на треть увеличивало предназначенное для коллекций место; 2) рядом с Музеем была построена специальная аудитория для проведения зоологических лекций; 3) к этой аудитории примыкали четыре небольших помещения, которые можно было использовать как рабочий кабинет, помещение для хранения материалов, небольшую аудиторию и вестибюль. Основная часть работ была закончена в 1864 г., но проработка деталей потребовала ещё долгого времени.

В прежние времена музеи были предназначены исключительно для систематических занятий по зоологии. В те времена даже за границей не ощущалось необходимости в специальных лабораториях, расположенных в непосредственной близости от музея. Идея Зоологического института была реализована только в Парижском музее естественной истории, и существование этого учреждения рассматривалось как исключительный факт, о котором другие музеи не могли даже и помыслить. Московский музей, так

же как и остальные музеи этого времени, был направлен на то, чтобы служить дополнением к основному теоретическому курсу зоологии. Студенты приходили туда в сопровождении преподавателя для того, чтобы подробно рассмотреть объекты, которые они обсуждали во время занятий; потом, налюбовавшись ими, они отправлялись восвояси. Каждодневные работы, систематические исследования, производимые ежедневно и касающиеся не только зоологии, но также эмбриологии и морфологии, в то время не являлись ещё необходимостью. Расширение курса зоологии немедленно привело к изменению самого характера Музея, направленного на образовательные цели. Больше невозможно было ограничиваться чучелами и сухими препаратами, даже для систематических исследований законсервированные в спирту и других жидкостях коллекции стали абсолютной необходимостью. Это было абсолютно новое направление, которое ставило новую задачу — увеличить и расширить коллекции в связи с новыми целями, организовать морфологические работы и предоставить всё необходимое для этих работ. Для осуществления всего этого мы располагали смехотворной суммой в 400 рублей, которая позже была увеличена до 600.

Даже сейчас зоология с её научными и педагогическими нуждами не в почёте не только у широкой публики, но также и у лиц, обладающих широким и просвещённым разумом. Тратятся без оглядки сотни миллионов франков на картины, музыку, археологию, бактериологию, на создание клиник, но если кто-то тратит несколько тысяч франков на зоологию, его считают щедрее Медичи. И если до сих пор существует такая несправедливость по отношению к этой науке, то что говорить о 1863 году! В те времена один очень достойный специалист, широко известный в своей области, мне честно заявил, что зоология никогда не будет рассматриваться с тех же позиций, что и физика или химия, поскольку является предметом роскоши для нашей цивилизации. Ещё можно понять, со строгостью говорил он, что правительство для очистки совести поддерживает нескольких профессоров зоологии и создаёт некоторые коллекции при каждом университете, но нельзя требовать большего. Именно для того, чтобы бороться с такого рода трудностями, с которы-

⁹⁾Согласно официальным документам, К. Ренар в 1862 г. перешёл на службу хранителем Этнографического кабинета при Публичном музее. (И.Я.П.)

ми сталкивается зоологическое образование в Москве, и систематически поддерживать Зоологический музей, по моей инициативе и при поддержке моих уважаемых учителей Щуровского и Давидова, а также ректора Баршева, и было создано 15 октября 1863 года Общество любителей естествознания¹⁰). Но его первыми и настоящими основателями были молодые сотрудники Музея: Зенгер, Федченко, Ульянин, Ошанин и несколько коллекционеров-любителей. Несколько человек, доброжелательно настроенных по отношению к нам, в особенности Вейнберг, Сонзев, куратор Дм. Левшин и многие другие, поддерживали нас своим авторитетом. Создание Общества не обошлось без трудностей и препон. Многие находили его бесполезным ввиду небольшого количества специалистов, работающих в Москве, и наличия другого научного общества, имевшего заслугу перед родиной. Доходило даже до того, что создание общества связывалось с политическими мотивами. Люди забывали, что новые инициативы требовали новых проводников, и что новое вино не наливают в старый бурдюк. Специализация общественных работ, создание новых учреждений, новых обществ — это непосредственный результат появления новых потребностей и новых общественных центров. В первые годы своего существования Общество любителей естествознания в действительности было Обществом зоологов университетского Музея. Работы его членов в области зоологии и геологии были направлены на обогащение коллекций музеев и лабораторий Университета. Помимо этого, целью Общества являлось введение и распространение антропологических работ в России.

Создание Общества любителей естествознания положило начало новой эре требований к Московскому правительству и экспедиций, направленных в различные районы России. Начатые по инициативе членов Общества, эти исследования имели двойную цель: обогатить коллекции Музея и собрать необходимые для научной работы материалы. Коллекции нельзя было назвать бедными: напротив, в Музее находились великолепные коллекции Эшшольца, Стивена, Левайана, Венке и других, подаренные различными учёными Московскому обществу испытателей природы. К сожалению, все эти коллекции не представляли собой единого научного ансамбля, в особенности в том, что касалось беспозвоночных. Так, например, из насекомых были хорошо представлены жестко-

крылые и чешуекрылые, тогда как других групп явно недоставало, за исключением перепончатокрылых. Фауна Москвы и русских морей была очень слабо представлена. Экспедиции членов нового Общества любителей естествознания в течение 1863–1866 гг. дали прекрасный результат: Федченко основал коллекцию двукрылых, Ульянин — сетчатокрылых и прямокрылых, Ошанин — клопов, Фреймут — перепончатокрылых. Музей обогатился также многочисленными прекрасными коллекциями, подаренными членами Общества. Коллекция Кандинских (1350 экземпляров, собранных в Дмитрове, Московская губерния), коллекция Умова и Керцелли и т. д. Из всех экспедиций, организованных в то время Обществом, наиболее продуктивной для Музея, наиболее плодотворной с точки зрения научных результатов, была предпринятая Ульяниным экспедиция для изучения Чёрного моря. Первые музейные научные работы, вышедшие с 1865 по 1868 гг., также относятся к этому времени. Это: а) материалы по энтомологии губерний Московского учебного округа (Федченко — двукрылые, Ульянин — сетчатокрылые и прямокрылые, Ошанин — клопы, разнокрылые); б) первое издание Описаний коллекций музея: ракообразные — Ошанин, пилильщики — госпожа Фреймут, а также коллекция микроскопических препаратов — Анатолий Богданов. До 1864 г. коллекция микроскопических препаратов не была представлена в Музее. Материалы были собраны А. Богдановым во время его путешествий за границу. Благодаря любезному содействию многих знаменитых учёных, через несколько лет эта коллекция была полностью сформирована. В ней фигурировали: богатая коллекция, предоставленная Лейкартом, специализированные коллекции Оскара Шмидта, профессора Клауса, Кляйнберга, Александра Ковалевского, Михаила Усова и т. д. Ульянин опубликовал результаты своих исследований фауны Чёрного моря в Бюллетене Общества любителей естествознания, и все его коллекции также обогатили Музей. К этому времени многочисленные экспедиции, предпринятые членами Общества любителей естествознания, добыли для Музея множество интересных видов, которые до этого отсутствовали в наших коллекциях. Так, путешествия господ Зенгера и Кожевникова дали музею прекрасную коллекцию фауны Балтийского моря и Киля. Необходимо также упомянуть экспедиции господ

Насонова, Харузина, Корчагина и Каврайского (фауна литорали у горы Афон [Mont-Athos] и Ионических островов); Кулагина (фауна Севастополя и Азовского моря); Анатолия Богданова (фауна Средиземного моря); Зографа (фауна Сицилии) и т. д. Помимо этого музей получил великолепные дары от господина Смитта из Стокгольма (мшанки) и доктора Исаева, чья коллекция была собрана во время кругосветного путешествия, совершённого в те же годы. Наиболее интересные экземпляры были представлены на зоологической выставке международных конгрессов, так же как и коллекции господ Крупенина и доктора Слюнина.

Предпринятая в 1868 г. Федченко экспедиция в Туркестан, по инициативе Общества любителей естествознания и при поддержке весьма влиятельного человека, генерала Кауфмана, также привела к увеличению ценности и научной новизне коллекций Музея. Все относящиеся к этому путешествию коллекции были подарены Музею Университета Обществом и господином и госпожой Федченко. Большая часть найденных Федченко экземпляров была описана в его широко известной в научных кругах работе «Путешествие в Туркестан». Путешествия Харузина в страну киргизов принесли в Музей множество предметов из этого района, которые до этого времени были очень слабо представлены в Музее. Путешествия господ Насонова, Каврайского и Харузина на Кавказ были также весьма богаты результатами. Лишь Сибирь не была затронута этим огромным научным движением. Общество прилагало огромные усилия, чтобы найти сотрудников и обеспечить поддержку лиц, способных предоставить средства для осуществления экспедиций в Сибирь, но все попытки были тщетны. Никто не откликнулся на этот призыв, хотя Москва и является центром торговли с Сибирью, а среди крупных московских торговцев, которые вели дела с Сибирью, насчитывалось множество просвещённых и щедрых в других обстоятельствах лиц.

В специальном описании каждой группы коллекций Музея мы укажем лица, составившие эту коллекцию, и сделаем исторические обзоры. Но, прежде чем перейти к описаниям, необходимо ещё остановиться на некоторых обстоятельствах, имевших большое значение для истории и развития Музея.

Обогащение Музея, увеличение его коллекций в, так сказать, исходном, необработанном состоянии причиняло множество хлопот и вы-

зывало множество нареканий. В особенности после Антропологической выставки 1879 г. Музею пришлось взять на себя ещё одну обязанность. Группа сотрудников Общества любителей естествознания, которая занималась пополнением коллекций Зоологического музея Университета, в то же время работала над созданием Антропологического музея. Вот поэтому первые антропологические коллекции, приобретённые Этнографической выставкой Общества в 1867 г., могли располагаться только в зоологическом музее. В то же время, поскольку они не были столь значительны, то их удалось с грехом пополам разместить. Но после Антропологической выставки ситуация изменилась: места не хватало настолько, что было непонятно, где размещать коллекции. К счастью, Обществу любителей естествознания удалось получить с согласия Университета и благодаря поддержке нашего знаменитого археолога графа Уварова, окончательное место в Историческом музее. Все антропологические коллекции были временно перемещены в Университет, большая их часть, например, коллекция черепов, расширила коллекцию Зоологического музея. В это время Музей представлял собой некое подобие маленького Ноева ковчега, что, естественно, производило тягостное впечатление на посетителей. Конечно, в этом обвиняли руководство Музея, которое, тем не менее, не могло ничего поделать. Экспедиции, организованные Обществом любителей естествознания и существенно увеличившие коллекции Музея, ещё больше усугубили ситуацию. В действительности, в первое время существования Общества было правилом, что по окончании выставки Общество передавало в дар Музею часть (часто весьма существенную) выставленных предметов. Это был способ признания заслуг сотрудников Зоологического музея, на которых в действительности ложилась во время всех выставок тяжёлая обязанность по их организации. Так, Политехническая выставка 1872 г. обогатила Музей коллекциями, собранными Федченко в Туркестане специально для этой выставки. Комитет выставки потратил крупную сумму, до 10000 рублей, на приобретение коллекции гельминтов профессора фон Зибольда, биологической коллекции и коллекции насекомых Розенхауера, различных коллекций, купленных у Годафруа в Гамбурге и, наконец, коллекцию голотурий профессора Земпера. В то же время необходимые фонды для размещения новых

объектов были предоставлены по большей части Обществом любителей естествознания. Так, оно потратило более тысячи рублей на покупку цилиндров, флаконов и других стеклянных сосудов. После Антропологической выставки 1879 г., подорвавшей ресурсы Общества на долгие годы, остался огромный бюджетный дефицит, и оно более не было в состоянии совершать подобные траты. Нужно принимать в расчёт, что каждый переданный Музею предмет, как правило, влечёт за собой некоторые расходы, как например сосуды для хранения, спирт или набивание чучел. К тому же требуются новые шкафы, этикетки и ещё бог знает что. В этой ситуации положение директора Музея в то время не было приятным занятием. Как однажды сказал в подобной ситуации один из уважаемых научных мэтров, господин Лаказ-Дютье, хочется сменить род деятельности и уйти в монастырь. В этих ужасных условиях на помощь Музею пришёл Университет, благодаря инициативе его ректора господина Николая Боголепова. Было изготовлено большое количество новых шкафов, Музей смог приобрести несколько основных работ для своей библиотеки, организовать новые коллекции и получить спирт и необходимые стеклянные сосуды. Начиная с этого момента, Физико-математический факультет отчислял ежегодно от 1500 до 2000 рублей и даже более для обустройства Музея. Но обычных средств Университета не хватало даже на самые насущные нужды, науке было необходимо найти просвещённого покровителя.

В это время Общество любителей естествознания нашло нового Демидова в лице господина Сергея фон Дервиза, благодаря щедрости которого оно смогло не только восполнить дефицит после Антропологической выставки, но и предпринять ещё несколько зоологических экспедиций, поставить новые шкафы, участвовать в покупке коллекций и закупить редкие и дорогие экземпляры животных, которых ему не хватало. Все эти предметы — дары господина фон Дервиза Университету — были выставлены во время ежегодных заседаний Общества и сформировали впоследствии музей — маленький, но интересный не только для университета, а для всей науки в целом, и важный, особенно для изучения фауны России. Благодаря этим щедрым дарам Университету от господина фон Дервиза, Зоологический музей поменял свой облик, и хотя в его коллекциях и сохранились кое-ка-

кие лакуны, но его бедность уже не бросалась в глаза так, как раньше.

После реорганизации Музей начал регулярно публиковать отчёты о своих работах и описание коллекций. На этих условиях его поддерживало Общество любителей естествознания, некоторые члены которого поставляли ему необходимые фонды.

Благодаря щедрости госпожи Юлии Барановой и Марии Морозовой, господ Алексея Кузнецова, Александра Трапезникова, Бенджамина Митчинера, Александра Баташева, Йозефа Баранова и Сергея фон Дервиза, музей смог осуществить две следующие серии публикаций:

1) Работы Зоологического музея, которых к настоящему моменту вышло 4 тома с таблицами.

2) Работы и отчёты зоологической секции Общества любителей естествознания. Это издание чаще всего публикует историю работ сотрудников Зоологического музея.

Работы Музея можно разделить на три категории.

Первая включает эмбриологические и морфологические работы Зографа (гельминтологические заметки, анатомия *Lithobius*, эмбриология *Geophilus ferrugineus* и *Geophilus proximus*), Тихомирова (заметки о *Scolytus* и *Phleophtorus*, заметки о гермафродитизме у птиц и об эмбриологии *Bombyx mori*), Насонова (заметки об анатомии *Molgula* и *Circinalium*, эмбриологии *Balanus* и *Artemia*, морфологии насекомых *Lepisma*, *Camptopoda*, *Lipura*, морфологии *Formicidae*), Корчагина (ракообразные фауны Москвы) и Кулагина (анатомия и морфология малощетинковых червей).

Вторая посвящена работам Музея о преподавании зоологии и об истории этой науки в России. Она состоит из работ Анатолия Богданова (преподавание и изучение зоологии в Университете, Карл Рулье и его предшественники на Кафедре зоологии Московского Университета) и Зографа (о новом микротоме).

Третья серия включает детальные описания коллекций музея, осуществленные господами Тихомировым, Корчагиным (млекопитающие), Кулагиним (рыбы и амфибии), Зографом и Коврайским (рыбы) и Тепловым (мшанки).

Другие работы сейчас находятся в стадии подготовки, среди них работа Тихомирова и Корчагина (птицы, 1-я часть: хищные), Кулагина (голожаберные моллюски) и Кожевникова (голотурии и другие иглокожие).

Дополнения к работам Музея можно найти в публикациях зоологической секции Общества любителей естествознания, которое обычно заседает в Музее, и наиболее ревностные и трудолюбивые члены которого всегда были либо лицами, связанными с Музеем, либо молодыми учёными, участвовавшими в его работе. Публикации этой секции, которые имеют отношение к работе Музея, следующие:

1) Работы и отчёты зоологической секции Императорского общества любителей естествознания, том 1 (статьи господ Шимкевича, Зографа, Тихомирова, Насонова, Кулагина, Богданова, Каврайского и т. д.)

2) Бюллетени зоологической секции, том 1. Этот том содержит, помимо прочих, все материалы, связанные с организацией Международного зоологического конгресса, инициатива созыва которого принадлежит зоологической секции Общества и университетскому Музею.

3) История зоологических работ Императорского общества любителей естествознания Московского университета в течение первых двадцати пяти лет его существования, том 2 с таблицами, господина Анатолия Богданова. В этой работе можно найти историю всех событий, связанных с работами в Музее и с его сотрудниками.

4) Материалы для иллюстрации истории зоологии и относящихся к ней наук в России, начиная с 1850 и до 1890 гг., том 3, с портретами (четвёртый том должен выйти в ближайшее время). Среди материалов, входящих в эту публикацию, можно найти биографии и список работ практически всех сотрудников, работавших в Музее Университета.

Уже несколько лет персонал Музея оказывает поддержку Императорскому российскому обществу акклиматизации и Зоологическому саду. В публикациях этого общества можно найти историю работ Музея, связанных с прикладной зоологией. Также при поддержке сотрудников Музея была организована секция прикладной зоологии в Политехническом музее.

Современный Музей включает большой зал с двумя этажами, окружённый кольцевой галереей, и четыре небольших комнаты. Одна из этих комнат, расположенная на первом этаже Музея, занята под сухой материал и служит также приёмным залом и дополнением к лаборатории. Вторая комната, расположенная также на первом этаже, в обычное время служит вестибюлем, поскольку основной вход нахо-

дится на другом конце Музея. На втором этаже расположены: небольшая аудитория, служащая для занятий и работы студентов, в ней также хранится коллекция микроскопических препаратов; и кабинет директора, который, в связи с нехваткой места, служит также складом для дубликатов коллекций.

Большой зал на первом этаже разделён на три части: первую занимает аудитория, вторую занимают коллекции, предназначенные для занятий профессоров и студентов, в третьей части находится лаборатория для практических занятий и первичных исследований студентов. В распоряжении более продвинутых студентов, лаборантов и хранителя коллекций Музея имеются рабочие столы, расположенные в свободном пространстве между шкафами галереи. Зал первого этажа в основном занят коллекциями млекопитающих и птиц, галерея — коллекцией рептилий, амфибий, рыб и беспозвоночных. Только в последние годы была организована специальная коллекция предметов, служащих для занятий и работ студентов Университета, а также библиотека, расположенная в помещении, принадлежавшем ранее лаборатории. В аудиториях Музея курс зоологии читают три штатных профессора и один приглашённый.

Виды Музея, сделанные специально для этой публикации, дадут читателю большее представление об этой организации, чем любое самое детальное описание.

В том виде, в котором она сейчас существует, организация Музея ещё очень несовершенна. Особенно ощущается отсутствие лабораторий для студентов и для приходящих специалистов. Несколько лет назад практический курс зоологии стал обязательным для студентов двух факультетов (физико-математического и естественных наук). Таким образом, каждый год, начиная с конца сентября и до апреля месяца, этот курс посещают от 100 до 150 человек, и их число со временем будет только увеличиваться. В то же время теснота помещения позволяет работать одновременно не более чем 30–35 студентам, разделённым на три группы, последняя из которых вынуждена устраиваться в большом зале, прямо посреди коллекций.

Ни освещение, ни расположение рабочих столов не приспособлено для обучения, и каждый устраивается как может. Количество кандидатов на практические занятия, проводимые тремя профессорами и тремя лаборантами в Музее, существенно превышает возможности

располагаемого пространства. Занятия, проводимые посреди коллекций, неудобны как с административной точки зрения, так и с точки зрения сохранности принадлежащих Музею материалов. Нет места ни для библиотеки, ни для читального зала, и материалы и инвентарь, предназначенные для работы студентов, не отделены от фундаментальных коллекций. Этот беспорядок может показаться весьма живописным для посетителей, но хотелось бы, чтобы он прекратился. Препарирование, так же как и анатомические исследования, могут проводиться только для животных малых размеров, таксидермист не найдёт в Музее места, необходимого для его работы. И ещё раз подчеркиваю, насколько аудитория находится не на месте посреди фундаментальных коллекций.

Уже долгое время существует проект, целью которого является увеличение Музея и создание при Университете Зоологического института, но несмотря на живейшее одобрение, которое этот проект получил со стороны Министерства народного образования, куратора Московского учебного округа и Физико-математического факультета, он до сих пор не был реализован в связи с отсутствием ресурсов. Когда речь идёт об улучшении некоторых научных образований, то щедрые дары, достигающие до нескольких миллионов, в избытке присутствуют в Университете, но дары эти в основном направлены на учреждения практического пользования, такие как клиника, химические лаборатории и т. д. В том, что касается чистой науки, несмотря на её фундаментальную важность, все довольствуются чисто платоническим интересом и позволяют ей выживать как она может. Наш Музей и наше Общество любителей естествознания иногда надеются получить поддержку от просвещённых людей, настоящих друзей науки, способных проявлять свою симпатию не только на словах, но ещё и действиями, но каждый раз надежды оказываются тщетными, и работники Музея испытывают лишь горькое разочарование. Два или три года назад я пустил в обращение небольшую заметку¹⁰⁾, в которой изложил необходимость помощи Университету для улучшения его Музея с практической точки зрения, более важной для широкой публики, чем интересы чистой науки. Не нужно упускать из виду, что большинство студентов, которые посещают в Музее курс зоологии, относятся к Медицинскому факультету.

Этим будущим врачам необходимо досконально знать все вопросы и методы зоологии, которые сейчас играют столь существенную роль в практической медицине. Врач всегда сможет во время практики в госпиталях, на скорой помощи или у частных пациентов, приобрести практические знания, которые он не смог получить в Университете, тогда как в том, что касается зоологии, он на всю жизнь останется только с тем научным багажом, который он смог получить, будучи студентом.

В ожидании сведущих посетителей, я считал своим долгом объяснить им факты, которые помогут сформировать окончательное мнение об этом учреждении. Это было тем более необходимо, поскольку в последнее время Музей стал объектом многочисленной критики, часто несправедливой, и принимающей иногда слишком личный характер. Когда вы приходите с визитом в какое-либо учреждение, чтобы вынести справедливое о нём суждение, необходимо принимать во внимание ресурсы, которыми оно располагает, и локальные факты, которые могут помочь или навредить его развитию или его процветанию.

Вот в чём заключается проект улучшения и увеличения Музея:

1. Предоставить зал Музея исключительно для коллекций млекопитающих, а галереи — коллекциям птиц и других позвоночных.
2. Предназначить малый рабочий кабинет и малую аудиторию библиотеке Музея.
3. Устроить хранение объектов и шкафы для дубликатов в приёмной комнате или в проходной комнате на первом этаже.
4. Осветить зал Музея сверху таким образом, чтобы свет попадал на галереи, где остро ощущается его нехватка.
5. Поставить ставни на окна.
6. Построить рядом с Музеем новое помещение, в котором разместить:
  - а) две аудитории: одну большую на 300 студентов, и одну поменьше на 100–150 человек.
  - б) рабочую комнату, предназначенную для студентов и служащую также местом хранения части педагогической коллекции и коллекции начального уровня; остальную часть этой коллекции можно разместить в аудиториях.
  - в) большую комнату, вмещающую до 50 студентов и предназначенную для морфологических и микроскопических работ.

¹⁰⁾ Публикуется в настоящем сборнике под названием «Насущные потребности...». (И.Я.П.)

г) малую комнату, предназначенную для практических работ и вмещающую 20–30 человек.

д) две небольших комнаты для студентов и юных зоологов, работающих в Музее.

е) два рабочих кабинета для профессоров и три комнаты для лаборантов.

ж) большую комнату для энтомологических коллекций и небольшую комнату для уникальных и редких экземпляров.

з) комнату для коллекции моллюсков.

и) две комнаты для подготовки беспозвоночных, предназначенных в коллекцию.

к) подвал, в котором расположены аквариумы, террариумы и небольшие живые животные, предназначенные для исследований.

л) комнату для препарирования.

м) комнату для таксидермии.

н) небольшую лабораторию для работ, требующих использования огня и химических процессов.

о) место жительства для двух сотрудников Музея.

п) жилое помещение для двух охранников.

р) застеклённая и неотопливаемая галерея для скелетов крупных животных: слонов, китов и т. д.

Год проведения Зоологического конгресса в Москве будет отмечен в истории Музея как один из наиболее плодотворных. Коллекции князя Монако, профессоров А. Милн-Эдвардса, Л. Вайана, доктора Иеринга, Пржевальского, Крупенина, Исаева и т. д., подаренные Зоологической выставкой нашему Музею, создадут на всю жизнь примечательный научный памятник. И пусть этот год, год Конгресса, поможет нам осуществить проект, который мы изложили, и подарить Москве, историческому сердцу России, достойный её Музей и Зоологический институт!

Иллюстрации к статье А. Богданова «Зоологический музей...» (из: Bogdanov, 1893a; фотографии и подписи): стр. 45 (слева) – лаборатория и вход, стр. 46 (вверху) – студенческая лаборатория и вход в лекционный зал, стр. 46 (внизу) – галерея.

Illustrations to the A. Bogdanov's article «Zoological Museum...» (after Bogdanov, 1893a; photos and captions): p. 45 (left) – laboratory and entry, p. 46 (above) – students' laboratory and entry to the lecture hall, p. 46 (below) – gallery.

**КРАТКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПОКАЗНОЙ КОЛЛЕКЦИИ
МЛЕКОПИТАЮЩИХ И ПТИЦ ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Часть первая

Г.А. Кожевников

**A BRIEF GUIDE TO THE EXPOSITION
OF MAMMALS AND BIRDS OF THE ZOOLOGICAL MUSEUM
OF THE IMPERIAL MOSCOW UNIVERSITY**

Part one

G.A. Kozhevnikov

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуская настоящее четвёртое издание составленного мною «Краткого указателя», считаю необходимым отметить, что в 1914 году, вследствие внимательного отношения к нуждам Зоологического Музея покойного Министра Народного Просвещения Л.А. Кассо и Товарища Министра В.Т. Шевякова, в смету Министерства на 1915 год, по ходатайству физико-математического факультета, были внесены 1000 руб. на расширение Зоологического Музея. Деньги эти

поступили в распоряжение Музея лишь с осени 1915 года, так что те коллекции, установка которых начата на эту ассигновку, будут готовы лишь к концу учебного 1915–16-го года, когда предполагено выпустить вторую часть указателя, посвящённую новым коллекциям. Эта же первая часть содержит описание коллекции в том объёме, который был в первых трёх изданиях путеводителя, т. е. коллекции млекопитающих и птиц.

Заведующий Зоологическим Музеем
проф. Г. Кожевников

1-го ноября
1915 г.

Прим. ред. Настоящая публикация содержит вводный раздел 4-го издания «Краткого указателя...», подготовленного Г.А. Кожевниковым к открытию новой экспозиции Зоомузея в Зоологическом корпусе в 1911 г.; настоящее издание опубликовано в 1915 г. (см. рис.). Фактические неточности, содержащиеся в тексте Кожевникова, сопровождаются редакционными комментариями (И.Я.П.). Орфография и пунктуация преимущественно современные. Авторские примечания помечены буквами, редакционные — цифрами. Материал к публикации подготовили И.Я. Павлинов, Н.Н. Спасская.

О ЗНАЧЕНИИ ЗООЛОГИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

Значение Зоологических музеев, как и музеев вообще, двойное: научное и педагогическое. При современном состоянии науки музеи имеют прежде всего вполне определённое, строго научное назначение, которое, быть может, не вполне ясно неспециалистам.

Назначение это заключается в хранении зоологических материалов, подлежащих научной обработке, а также и тех, которые уже обработаны научно. Особо важно хранить те материалы, по которым сделаны появившиеся в печати работы по систематике животных и зоогеографии, и которые являются важными научными *документами*, которые могут многократно понадобиться последующим исследователям. Особое значение имеют те экземпляры, по которым установлены новые роды, виды или подвиды, т. к. часто по одним описаниям, без сличения с подлинными экземплярами, по которым эти описания сделаны, невозможно установить сходство и различие форм. Такие *типичные* экземпляры, по которым установлены

новый для науки формы, составляют главную драгоценность музеев.

Другое значение музеев — педагогическое. Нельзя иметь правильного представления о животном, не видавши его или живым, или в виде сохранённого тем или иным способом экземпляра. Таким образом, Зоологический музей в своем *показном* отделе является прекрасным пособием для ознакомления с зоологией. В громадном большинстве крупных музеев проведено в настоящее время деление коллекций на две части — научную и показную. Устройство *показной* коллекции требует больших денежных средств, но крупные культурные центры Западной Европы, Северной Америки и главные колонии крупных Европейских держав не останавливаются в настоящее время перед затратами на Зоологические музеи, и можно сказать, что идёт положительно какое-то соревнование в их устройстве.

У нас в России пока только один Зоологический Музей Императорской Академии Наук обставлен должным образом как со стороны помещения, так и со стороны служебного персонала и ежегодно отпускаемых средств. Зоологический Музей Московского университета поставлен весьма печально в материальном отношении. Из изложенной ниже истории его читатель увидит, что сокращение в 1902 г. сметы на оборудование помешало своевременно привести Музей в должный вид. Ежегодно отпускаемая от казны на содержание Музея и лаборатории сумма недавно увеличена с 800 р. до 1900 р., что всё-таки не даёт возможности расходовать её на расширение Музея, так как текущие расходы по Музею и лаборатории весьма велики, и даже на них этой суммы не хватает, и она пополняется для этой цели из специальных средств, коих на нужды Музея Университет, обременённый хозяйственными расходами, может уделить значительно меньше, чем это было бы желательно. Таким образом, расширение Музея возможно лишь путём специальных ассигновок от казны или путём пожертвований со стороны покровителей науки и просвещения. В 1915 году Музей впервые после 6-летнего перерыва получил небольшую сумму (4000 р.) на своё расширение, что является отрядным признаком возможности через некоторое время путём дальнейших ассигновок привести, наконец, второй в России Зоологический Музей в должный вид.

На оборудование Зоологического Музея Московского университета было отпущено из сумм

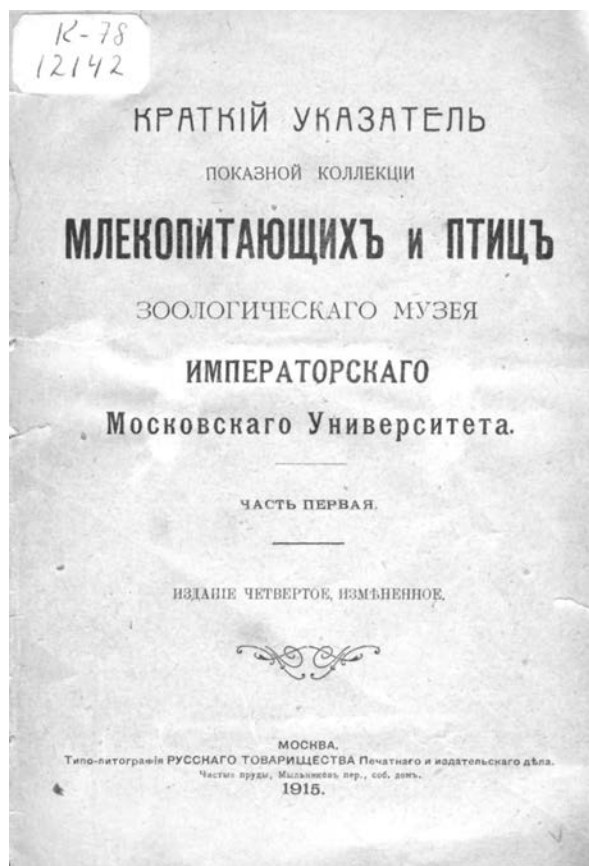

Рис. Обложка «Краткого указателя...» Г.А. Кожевникова (1915 г.).

Fig. Title page of «A Brife Guide...» by G.A. Kozhevnikov (1915).

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГЛАВНЕЙШИЕ МОМЕНТЫ В ИСТОРИИ МУЗЕЯ¹⁾

- Основан как Музеум Натуральной Истории в 1791 г.
- Специализовался как Зоологический в 1805 г.
- Сгорел почти весь в 1812 г.
- Временно переселился в Румянцевский музей в 1860 г.
- Снова переселился в Университет в 1862 г.
- Перешёл в новое теперешнее помещение и по случаю переустройства закрыт для осмотра летом 1902 г.
- Верхняя зала открыта для осмотра с новой мебелью и обновлёнными коллекциями — 6 января 1911 г.

Государственного Казначейства на 29,560 р. 50 к. меньше, чем испрашивалось согласно выработанной смете. Этим в достаточной мере объясняется, что Музей далеко не закончен устройством. Лишь в 1915 году Музей получил средства на устройство на хорах верхней залы интересных биологических коллекций насекомых, специально приготовленных для выставочной коллекции, но не хватает ещё значительного количества мебели в нижней зале, где помещаются коллекции пресмыкающихся, земноводных, рыб, оболочников, моллюсков, паукообразных, ракообразных, мшанок, плеченогих, кольчатых, круглых и плоских червей, иглокожих, кишечнорастных, губок и простейших. Несмотря, однако, на то, что лишь небольшая часть коллекций Музея (млекопитающие и птицы) может быть в настоящих условиях открыта для обозрения публикой, заведующий Музеем предпочёл открыть в 1911 г. для обзора хотя часть коллекций, так как полное оборудование Музея откладывается на неопределённое время впредь до получения добавочных средств. Практика показала, что открытие даже одной залы имело значение для московского населения, так как Музей в праздничные дни непрерывно привлекает посетителей, в том числе большое количество учащихся. Музей открыт для осмотра по воскресеньям с 1 сентября по 1 мая от 10 ч. у[тра] до 3 ч. дня. Вход бесплатный, но за сбережение платья взимается в пользу служи-

телей 5 к. с человека. Учащиеся, приходящие группами с руководителями, за сбережение платья не платят.

В настоящем кратком путеводителе мы даём исторические сведения о Музее, которые должны ознакомить посетителей с условиями его развития, подробное описание расположения коллекций по шкафам и полкам и краткие замечания относительно некоторых форм. Вводить в путеводитель сведения об образе жизни животных мы не сочли возможным, так как это значило бы превратить его в довольно объёмистое сочинение. Всякий, кто заинтересуется этими вопросами, найдёт богатый материал в изданных Брокгаузом и Ефроном сочинениях: *К.Л. Бихнер* — «Млекопитающие» и пр. *М.А. Мензбир* — «Птицы». По этим книгам гг. преподаватели могут наиболее удобно подготовиться к экскурсии по Музею с учениками. Без такой подготовки посещение Музея группами учащихся вряд ли практично.

Основание при Московском университете «Музеума Натуральной Истории» относится к 1791 году¹⁾, когда он занимал помещение всего в 52 квадр. сажени. В нём были не только зоологические коллекции, но и минералы. В 1802 году в этот Музей поступило от Государя Императора Александра I богатое собрание «Кабинета Натуральной Истории» князя Яблоновского²⁾. В 1805 г. в него поступило богатое собрание П.Г. Демидова, ученика и друга Лин-

¹⁾ Согласно официальным документам, эти «моменты» указаны неточно или ошибочно: в 1791 г. Минеральный (Натуральный) кабинет переехал в новое университетское здание на Моховой и получил название «Кабинет (Музеум) натуральной истории», но это, строго говоря, едва ли можно считать датой его основания *de novo*; ни один документ не указывает на то, что этот Кабинет/Музеум специализировался как «зоологический» в 1805 г. — он в этом году существовал в форме «Императорского» и «Демидовского» кабинетов/музеев; в Румянцевский музей зоологическая коллекция Университета была перемещена в 1861 г. и возвращена обратно в 1864–1865 гг. Подробнее об этих «моментах» см. статью И.Я. Павлинова в настоящем сборнике. (И.Я.П.)

нея. Он же внёс в Сохранную казну капитал, на проценты с которого должен был содержаться кабинет и выдаваться жалование профессору Натуральной Истории, что и было *Высочайше* утверждено 5 ноября 1805 г. Демидовскую кафедру занял в том же году Готгельф Фишер фон Вальдгейм³⁾, принявший и звание Директора Музеума. В том же году было основано Императорское Общество Испытателей Природы, в прежние годы много содействовавшее обогащению Музея⁴⁾.

Богатые коллекции Музеума Натуральной Истории Московского университета погибли во время пожара Москвы, при занятии её армией Наполеона в 1812 г. Только немногие предметы были спасены, и Музей начал возрождаться главным образом пожертвованиями П.Г. Демидова и членов И. О. Испытателей Природы⁵⁾. В 1814 г. Музей имел уже 6000 №№.

Г. Фишер фон Вальдгейм основал в Москве другой Зоологический Музей при Медико-Хирургической Академии, а когда она была в 1840 году переведена в Петербург, её зоологические коллекции поступили в Зоологический Музей Университета⁴⁾. Преемником Фишера по кафедре зоологии был сын его А.Г. Фишер фон Вальдгейм (1832–1834 гг.), затем следовал А.Л. Ловецкий (1834–1840 гг.) и К.Ф. Рулье (1840–1858 гг.). Последний приложил много забот к развитию Музея, но наибольшие труды в этом отношении легли на хранителя Музея

К.И. Ренара. В его непосредственном распоряжении находился Музей со времени смерти Рулье до 1862 года, который самим покойным А.П. Богдановым отмечен как год, с которого началось его, Богданова, заведование Музеем⁶⁾. В этот промежуточный период Музей испытал весьма своеобразное временное переселение в другое помещение, принесшее коллекциям немало вреда. В 1860 году, по инициативе тогдашнего попечителя Московского Учебного Округа Н. Исакова, зоологические и палеонтологические коллекции Университета были перенесены во вновь основанный Московский Публичный (Румянцевский) Музей, а в 1862 году снова перенесены в Университет⁶⁾.

Проф. А.П. Богданов (1862–1896 гг.)^{d)} приложил весьма много стараний к обогащению Зоологического Музея научными материалами и достиг в этом отношении весьма многого. Научные экспедиции И. Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, энтомологическое коллектирование работавших в Музее зоологов в пределах Московского Учебного Округа, многочисленные покупки на средства щедрых жертвователей, первое место среди которых занимает С.П. фон Дервиз, и пожертвования коллекций и отдельных предметов разными лицами^{e)} сделали Зоологический Музей Московского Университета самым богатым после Академии Наук хранилищем зоологических коллекций в России. По почину А. П. Бог-

²⁾На самом деле этот Кабинет принадлежал княгине Анне Яблоновской. (И.Я.П.)

³⁾Согласно официальным документам, эта коллекция поступила в Московский университет в 1802 (1803?) г., Фишер занял Демидовскую кафедру в 1804 г. (И.Я.П.)

⁴⁾Согласно официальным документам, Фишер основал при Московской медико-хирургической академии Анатомический кабинет; эта Академия в 1840 г. была присоединена к Московскому университету, её коллекции были переданы в университетский Зоологический кабинет в 1843 г. (И.Я.П.)

⁵⁾Согласно официальным документам, Рулье служил хранителем Зоологического кабинета в 1837–1845 гг., заведовал Кафедрой зоологии с 1850 г. (И.Я.П.)

⁶⁾О датах перемещения зоологической коллекции между Московским университетом и Румянцевским музеем см. сноску 1. (И.Я.П.)

^{a)}В новейший период существования Музея это старейшее в России естественноисторическое Общество не передавало в него своих коллекций, но в ноябре 1911 года оно снова проявило большое внимание к Музею, передав ему на хранение и научное пользование драгоценную в научном отношении коллекцию насекомых покойного В.И. Мочульского, над которой с того времени непрерывно ведутся научные исследования, многие из коих уже напечатаны.

^{b)}Подробнее смотр. «Карл Францович Рулье и его преемники по кафедре зоологии в Императорском Московском университете». Библиографический очерк *Анатолія Богданова*. М. 1885 г. Изв. И. О. Любит. Естеств. Т. XLIII. Вып. 2. Цена 3 р.

^{c)}См. А. *Bogdanov*. «Musée Zoologique de l'Université Impériale de Moscou». — Congrès International D'archéologie préhistorique et d'Anthropologie et de Zoologie. Matériaux. 1892. [Перевод публикуется в настоящем сборнике. *Прим. ред.*]

^{d)}Годы заведования Музеем. Назначен исправл. должность адъюнкта по Кафедре зоологии в 1855 г., утверждён адъюнктом в 1860 г.

^{e)}См. университетские отчёты, ежегодно печатаются к 12-му января.

данова были приняты меры к научной обработке коллекций, результатом чего явилось несколько выпусков «Списков и описаний предметов, находящихся в Зоологическом Музее Императорского Московского университета», напечатанных в LVI тому Известий И. О. Люб. Ест^{f)}. Немало забот было положено на меблировку Музея (было время, когда все крупные чучела стояли ничем не прикрытые), но, к сожалению, невозможность затратить сразу большую сумму на хорошую мебель сделала то, что вся построенная деревянная мебель была низкосортная и совершенно не отвечала своей цели защищать чучела зверей и птиц от пыли и вредных насекомых, результатом чего было то, что многие чучела постепенно пришли в негодное состояние, что особенно ярко бросилось в глаза, когда они были перенесены из старого тёмного помещения в новое светлое.

Вопрос о капитальной перестройке Московского университета, захватывавшей и Музей, застал А.П. Богданова ещё в живых, но он лично не сочувствовал плану переноса Музея на другое место и мечтал о пристройке лабораторного корпуса под углом к старому зданию Музея и надстройке второго этажа^{g)}. Проект нового здания Музея был разработан покойным проф. архитектуры К.М. Быковским почти совершенно самостоятельно, вследствие чего в плане здания недостаёт многого, что было бы желательно зоологам.

А.П. Богданов скончался 16 марта 1896 г. и в заведование Музеем вступил А.А. Тихомиров, оставивший профессуру в 1904 г. вследствие назначения его директором Департамента Министерства Народного Просвещения, после чего заведование перешло к Г.А. Кожевникову, сперва в звании приват-доцента, а с осени 1905 г. в звании профессора.

Новое здание Музея было готово раньше, чем были даны средства на его оборудование, а т. к. старое здание по очереди предназначалось к сломке, то Музей перешёл в новое помещение со старой мебелью, со старыми коллекциями, без каких-либо улучшений в монтировке или замены плохих экземпляров хорошими. Перенос коллекций из старого помещения в новое

длился с 15 февраля по 1 июня 1902 г. Раньше, в старом помещении, Музей был открыт для публики по воскресеньям. Без всякого указателя, в полутёмном, загромождённом чёрными шкафами помещении, публика не получала от осмотра многого, что могла бы получить в иных условиях, но, тем не менее, постоянно и непрерывно шла в Музей. Этот интерес к коллекциям обязывал озаботиться о том, чтобы в новом здании их осмотр был обставлен иначе, но так как старая мебель и старые коллекции имели в новом помещении чрезвычайно убогий вид и так как было намечено новое оборудование Музея и освежение его коллекции, то заведовавший Музеем проф. А.А. Тихомиров решил закрыть Музей для публики впредь до проведения его в новый вид, какового решения держался и его преемник.

План оборудования нового помещения Музея и лаборатории был выработан бывшим хранителем Музея Г.А. Кожевниковым на основании обстоятельного знакомства с постановкой музейского и лабораторного дела в главнейших научных центрах Западной Европы (специальная командировка в 1899 году и несколько других поездок за границу). Первая ассигновка на оборудование, в размере 5000 р., была отпущена в 1903 году и пошла целиком на лабораторию. Первая крупная ассигновка на мебель Музея состоялась в 1904 году, а последняя лишь в 1906 году. Этим объясняется, почему Музей так долго не мог быть открыт для публики, хотя бы в частичном объёме.

Всего на оборудование Зоологического Музея Императорского Московского Университета и состоящей при нём зоологической лаборатории было отпущено из сумм Государственного Казначейства 115,656 р. 15 к., смета же была составлена на 145,216 р. 65 коп. Произведённое крупное сокращение не дало возможности закончить оборудование.

По почину тогдашнего хранителя Музея Г.А. Кожевникова, изучившего за границей разные типы музейской мебели, мебель для зверей и птиц была заказана металлическая с зеркальными стёклами, причём для выполнения заказа была избрана известная фирма Кюншерф

^{f)} К.Ю. Зограф и Ф.Ф. Каврайский — рыбы, Н.М. Кулагин — земноводные и пресмыкающиеся, Б.М. Житков и В.С. Елпатьевский — птицы (Limicolae), А.А. Тихомиров и А.Н. Корчагин — млекопитающие (часть) и А.Г. Теплов — мшанки.

^{g)} Прежний Зоологический музей занимал место вдоль Никитской от церкви до бывшего дома Рихтера, где теперь аудитория историко-филологического и юридического факультетов. Вход в него был со двора, причём надо было пройти во второй двор через арку, помещавшуюся в том месте, где в настоящее время находится подъезд для студентов юридического факультета. Второй вход открывался на лестницу, ведущую в церковь.

с С-ми в Дрездене, специализировавшаяся на изготовлении герметических музейских шкафов, в конструкции которых имеются подробности, составляющая патентованную собственность фирмы. Железные части были оплачены пошлиной, что фактически значительно уменьшало размеры ассигновки, стекло поставлено русскими заводами, цены которых значительно выше зарубежных, но расход по провозу и высокая пошлина не делали заграничное стекло выгодным. В смысле совершенства конструкции и искусства выполнения железные шкафы Зоологического Музея удовлетворяют самым строгим требованиям. Наиболее характерной особенностью их конструкции является сведение ширины железных частей к наименьшему возможному размеру и герметичность дверей. При весьма высокой стоимости такой мебели главная часть сумм оборудования пошла именно на неё.

Одновременно с изготовлением новой мебели предстояло отремонтировать и освежить ту часть коллекции, которая предназначалась для обозрения публикой. В старом Музее не был соблюден принцип, лежащий теперь в основе почти всех больших музеев: деление коллекции на показную и основную или научную. Эффектные светлые залы нового Музея (нижняя временно закрыта для публики) обязывали к устройству показной коллекции в истинном смысле этого слова. Многие старые чучела, особенно млекопитающих, оказались настолько плохими по виду, что совершенно исключалась возможность выставлять их напоказ. Отсутствие точных данных о местонахождении (печальная особенность почти всех старых объектов Музея), сильное выцветание, а часто и порча молью, уничтожали и научное значение этих объектов, а т. к. специально археологической ценности эти объекты не могли иметь, то многие из них, с разрешения Правления, преданы уничтожению, а другие помещены в подвалах Музея. Явилась необходимость заменить уничтоженные новыми объектами, что представляло большие затруднения при скудных средствах на приобретение коллекций, а потому Музей с особой благодарностью отмечает деятельность покойного препаратора Ф.К. Лоренца, который в течение многих лет работал в своей мастерской на Музей по сильно пониженной таксе, а многое делал бесплатно, дарил готовые чучела

и вообще менее всего думал о получении каких-либо материальных выгод от работы на Музей. Многим обязан также Музей Московскому Зоологическому Саду Общества Акклиматизации, жертвовавшему трупы павших животных и продолжающему делать это и теперь.

В момент перехода в новое помещение Музей не имел препаратора, что исключало возможность приведения коллекций в должный вид. С осени 1902 года, по ходатайству заведующего проф. А.А. Тихомирова, Правление Университета постановило отпускать из специальных средств вознаграждение препаратору, и началась длительная работа по ремонту чучел и переводу их на новые подставки. Т. к. ко времени перехода в новое помещение были обработаны для подробного каталога из млекопитающих обезьяны, лемуры, грызуны, насекомоядные и летучие мыши, а из птиц лишь кулики, то предстояла большая работа по проверке определений, а отчасти определению заново всех остальных чучел млекопитающих и птиц, а также этикетирование их по современной номенклатуре, причём для птиц была взята номенклатура каталогов Британского Музея^{h)}, а для млекопитающих каталога Труссараⁱ⁾. Работа эта была произведена ассистентом Б.М. Житковым (млекопитающие и значительная часть птиц) и С.И. Огнёвым (часть птиц). При этом приходится отметить, что среди коллекций млекопитающих есть чучела (из старой коллекции), точное определение которых, за отсутствием черепов, и точных указаний местонахождения, встречает затруднения.

Показная коллекция является лишь незначительной частью хранящихся в Музее коллекций млекопитающих и птиц. Богатые материалы помещаются в особых шкафах, недоступных обзору публики, но открываемых с разрешения заведующего Музеем для специалистов, являющихся в Музей с целями научной работы. Хранение научных материалов, имеющих значение для специальных работ, является одной из главных задач музеев, придающих им важное научное значение. Но не надо думать, что имеющиеся в Музее материалы удовлетворяют его научным потребностям. Даже в показной коллекции нет некоторых выдающихся, а иногда и весьма обыкновенных представителей русской фауны, не говоря уже о фауне всемирной. Происходит это в настоящее время исключительно

^{h)}Catalogue of the bird in the British Museum. По этому же изданию взят порядок расположения родов в видов.

ⁱ⁾*E.L. Trouessart: Catalogue Mammalium tam viventium quam fossilium. Berolini.*

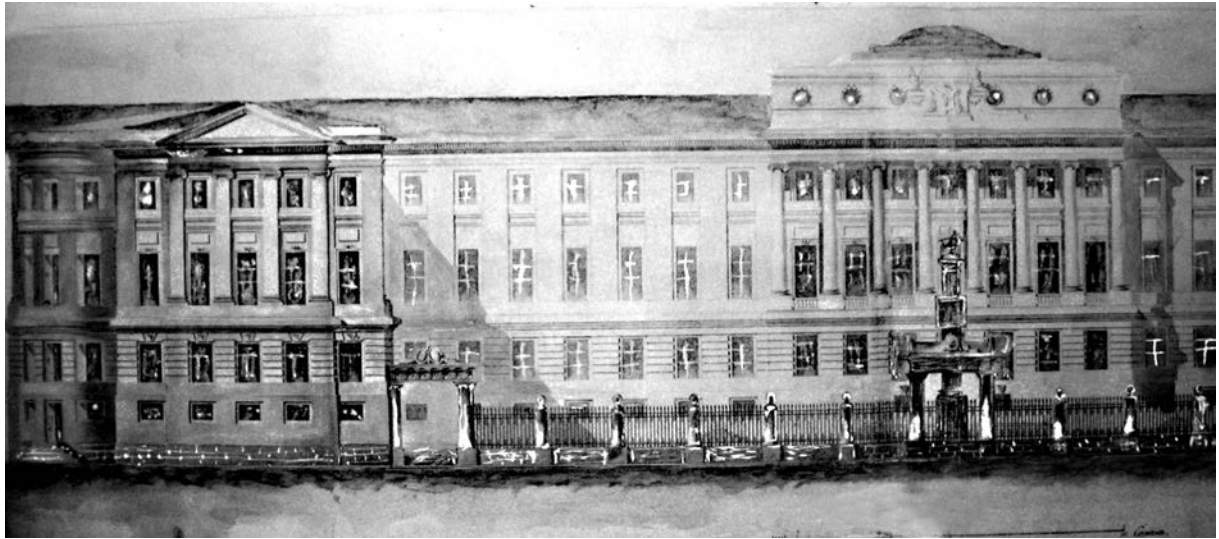
из-за недостатка в материальных средствах. По своим скромным размерам Музей не может, конечно, задаваться задачей собрать богатые коллекции по всемирной фауне, но собрать возможно полный материал по русской фауне — его прямая задача. Такое громадное государство, как Россия, не может довольствоваться одним Музеем Академии Наук, как единственным центром хранения материалов по русской фауне и обработке их. Исследования по систематике, фаунистике и зоогеографии должны входить и в круг учёных занятий подготовляемых университетом специалистов. Ввиду всего этого, поступление в Зоологический Музей Московского университета всевозможных материалов, в особенности же по фауне Российской Империи и принадлежащих к ней стран, является весьма желательным. Всякий, сочувствующий просветительным задачам Музея, может оказать ему своё содействие пожертвованием зоологического материала, относительно которого точно известно его происхождение. Материал, неизвестно где собранный, лишь в редких случаях имеет научное значение, почему можно настоятельно рекомендовать любителям-коллекторам, никогда не полагаясь на свою память, снабжать подробными этикетками все без исключения объекты своей коллекции¹⁾. Не надо думать, чтобы для Музея были интересны только редкости. При современной постановке изучения систематики и фауны обращается громадное внимание на колебания признаков, на изменчивость, для чего необходимо сравнение между собой весьма многих экземпляров одного и того же животного из разных местностей. Музей охотно принимает шкуры и черепа *всяких* зверей, хотя бы самых обыкновенные (медведь, волк, лисица, заяц и т. п.), а также породистых собак, спиртовые экземпляры *всяких* мелких млекопитающих, пресмыкающихся, лягушек и рыб, особенно с Кавказа, из Сибири и Туркестана, шкурки птиц, насекомых сухих и в спирту, пауков, многоножек и всяких иных животных. Все желающие оказать какое-либо содействие Музею приглашаются обращаться *письменно* к заведующему по адресу: Университет, Зоологический Музей, причём всякому, желающему заняться коллектированием, будут даны специальные указания. Было бы отрадно, если бы публика не осталась глуха к

этому призыву. Лучшие заграничные музеи в значительной степени обязаны своим процветанием сочувствию со стороны общества. К сожалению, у нас в России ещё недостаточно проникло в общество сознание необходимости помогать научным учреждениям. Тем с большой благодарностью встречает Музей каждое пожертвование. Подробные сведения о каждом даже малом пожертвовании печатаются в университетских отчётах.

Заведующий Музеем *проф. Г. Кожевников*

Коллекции, доступные в настоящее время обзору публики, помещаются в одной большой зале. Хоры временно закрыты для публики. Другая зала помещается внизу и сообщения с верхней не имеет. К верхней зале посетитель подходить через коридор, в котором помещаются рабочее кабинеты и часть учебной (лекционной) коллекции. Налево ход наверх, в лабораторные помещения, закрытые для публики. В конце коридора прямо вход в залу. На стене над входом висит портрет покойного профессора А.П. Богданова, которому Музей обязан своим теперешним состоянием, так как его всегдашняя мечта была создать в Москве такой музей, который не был бы лишь учебной коллекцией, а имел бы самостоятельное научное и просветительное значение, как музей. Коллекции размещены в железных шкафах, большинство из которых разделены перегородкой на две половины. Каждая половина несёт свой номер, а в шкафах, где нет перегородок (срединные), отдельным номером отмечена каждая длинная сторона шкафа. Номер помещается всегда внизу налево, в углу. В некоторых шкафах ряды чучел идут через всё отделение шкафа сплошь слева направо, а в некоторых (шкафы с птицами) левая и правая части каждого отделения имеют свои самостоятельные ряды, границей которых является вертикальная сторона дверной рамы. При описании таких шкафов упоминается «левая часть» и «правая часть». Описание коллекций составлено заведующим Музеем профессором Г.А. Кожевниковым при содействии ассистента Музея С. И. Огнёва, который переписал для первого издания в порядке расположения всех упоминаемых здесь птиц.

¹⁾Подробнее об условиях научного коллектирования см. «Руководство к зоологическим экскурсиям и собиранию зоологических коллекций». Цена 80 коп. Можно получить у швейцара Музея.

Здание Московского университета (архитектор М.В. Казаков) на углу Моховой у Никитской (правая сторона) улиц, в котором располагался Музей/Кабинет естественной истории в 1791–1812 гг.; сгорело в Московском пожаре 1812 г.; картина 1790-х гг.

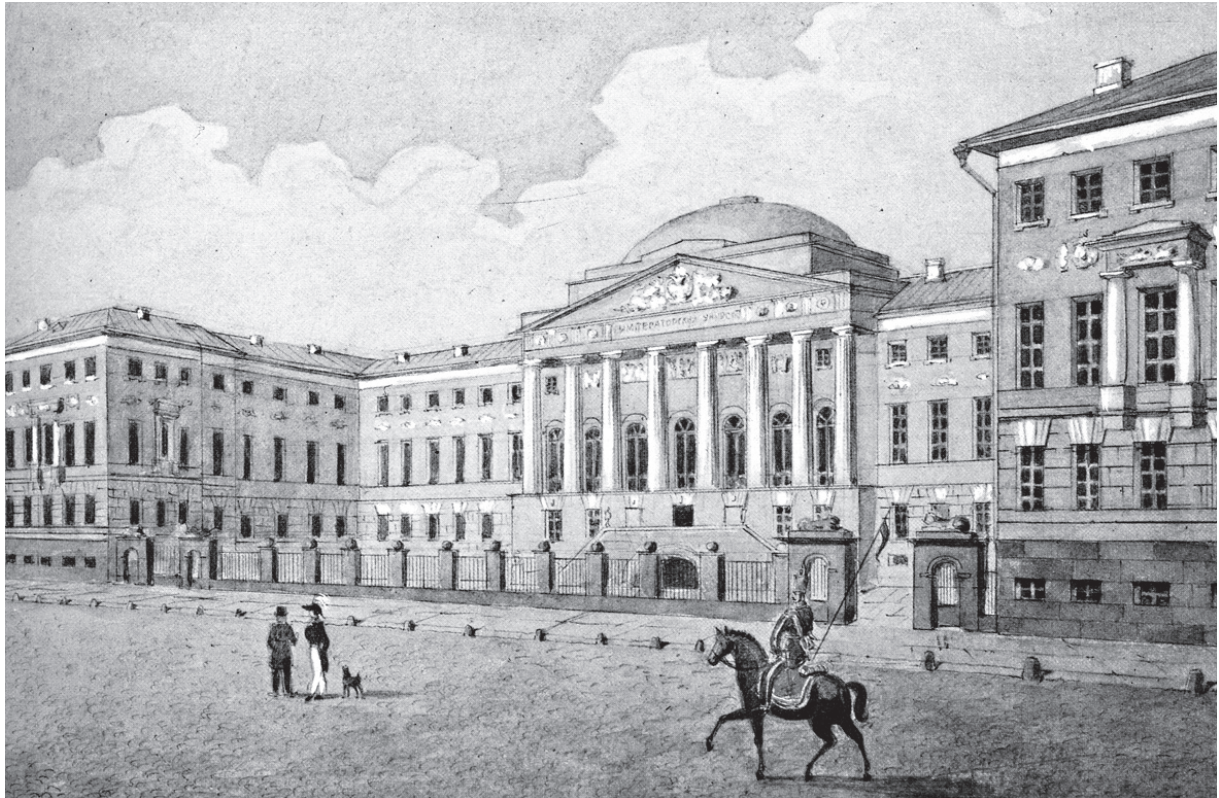
The Moscow University building (architect M.F. Kazakov) at the corner of Mkhovaia str. and Nikitskaia str. (right side), in which the Museum/Cabinet of Natural history was stored in 1791–1812; burnt down in the 1812 Fire of Moscow; painting of the 1790s.

Часть вторая
УЧЕНИКИ

Part two
THE DISCIPLES

*Мы подобны карликам, усевшимся на плечах великанов;
мы видим больше и дальше, чем они,
не потому, что обладаем лучшим зрением,
и не потому, что выше их,
но потому, что они нас подняли
и увеличили наш рост собственным величием.*

Бернар Шартрский

Здание Московского университета (архитектор Д. Жилярди), восстановленное на месте сгоревшего здания М.В. Казакова на углу Моховой у Никитской (правая сторона) улиц, в котором располагался Музей естественной истории в 1818–1837 гг.; акварель 1829 г.

The Moscow University building (architect D. Gilardi) restored on the palce of burnt M.V. Kazakov's building at the corner of Mokhovaia str. and Nikitskaia str. (right side), in which the Museum of Natural history was stored in 1818–1837; water color of 1829.

*Посвящается памяти
Владимира Сергеевича Шишкина (1950–2014)*

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ (1755–1991)*

И.Я. Павлинов

Зоологический музей МГУ им. М.В. Ломоносова; igor_pavlinov@zmmu.msu.ru

В статье на основании анализа опубликованных и архивных данных представлена краткая версия истории Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова от основания Московского университета (1755 г.) до начала 1990-х гг. Выделены пять основных периодов развития Зоомузея, внесены уточнения в некоторые даты, события, официальные названия, персоналии, так или иначе связанные с его историей.

Введение — 58

Предыстория — 60

Вторая половина XVIII века: начало — 64

Первая половина XIX века: вызревание — 71

Вторая половина XIX века: «эпоха Богданова» — 89

Первая половина XX века: великие потрясения — 103

Вторая половина XX века: между «складом» и ремонтом — 130

Эпилог — 145

ZOOLOGICAL MUSEUM OF MOSCOW UNIVERSITY: FRAGMENTS OF HISTORY (1755 to 1991)

Igor Ya. Pavlinov

Zoological Museum of Lomonosov Moscow State University; igor_pavlinov@zmmu.msu.ru

The article presents a brief version of the history of the Zoological Museum of Lomonosov Moscow State University, based on analysis of both published and archival data, from foundation of the Moscow University in 1755 to the early 1990s. Five main periods of historical development of the Zoological Museum were recognized, and clarifications were made in some dates, events, official titles, and personalities associated one or another way with its history.

Introduction — 58

Prehistory — 60

The second half of 18th century: The beginning — 64

The first half of 19th century: The maturation — 71

The second half of 19th century: “The era of Bogdanov” — 89

The first half of 20th century: The great upheavals — 103

The second half of 20th century: Between “warehouse” and overhaul — 130

Epilogue — 145

ВВЕДЕНИЕ

Зоологический музей МГУ имени М.В. Ломоносова имеет достаточно развитую историографию, хотя едва ли исчерпывающую и вполне строгую.

Первый исторический обзор университетского собрания предметов натуральной истории, из которого вырос наш Музей, появился в самом начале XIX в. (Fischer, 1806). Следующими были краткие описания как «допожарного», так и ближайшего «послепожарного» состояния Кабинета натуральной истории в ряде публикаций того же столетия (Указатель..., 1826; Рулье, 1855; Шевырëв, 1855; Щуровский, 1855а). Некоторые эпизоды из его истории были воспроизведены в большой работе А.П. Богданова (1885) о К.Ф. Рулье и его предшественниках в Императорском московском университете.

Несколькими годами позже тот же А.П. Богданов опубликовал краткий исторический обзор Музея в материалах 11-го Международного конгресса по антропологии, археологии и зоологии (Bogdanov, 1893a). На его основе Г.А. Кожевников (1915) подготовил и опубликовал свой небольшой исторический очерк, предварив его примечательным списком «главнейших моментов в истории Музея». Если за стандарт музейной хронологии брать материалы годовых отчётов Московского университета и некоторых других учреждений, имеющих отношение к нашей истории (например, Публичного музея), то получается, к сожалению, что в очерках Богданова и Кожевникова (оба публикуются в настоящем сборнике) содержится довольно много фактических неточностей.

Кроме перечисленных источников того времени, в нескольких современных исследованиях, посвящённых истории вузовских музеев (Панов, 2002; Бурлыкина, 2015), упомянута небольшая книга А.П. Богданова под названием «Зоологический музей Имп. московского университета» (якобы издана в 1869 г. Московским университетом, 49 с.). По всей вероятности, имеется в виду неопубликованная коллекционная опись, на которую позже указывает сам Богданов (1888а); о ней см. в разделе настоящей статьи, посвящённом «эпохе Богданова».

В середине XX в. было издано несколько очень кратких и достаточно популярных изложений истории Зоомузея (Туров, Дементьев, 1940; Туров, 1956).

Наиболее продуктивными в этом отношении стали три последних десятилетия, когда были

изданы обзоры предыстории и истории Зоомузея — полные (Россолимо, 1991; Любарский, 2009; Бурлыкина, 2015) или охватывающие отдельные периоды (Добров, 1962а; Михайлов, 2002; Бессуднова, 2006). К ним можно добавить небольшую популярную книгу автора этих строк (Павлинов, Иванов, 2005). Книга под редакцией О.Л. Россолимо готовилась тогда, когда архивные материалы по университетской истории были ещё мало доступны. Ю.Г. Любарский рассматривает историю Зоомузея МГУ в контексте развития московской школы классической зоологии, но при её разработке автор не обращался к архивным документам (Михайлов, 2009). По указанным причинам обе только что названные книги содержат довольно много неточностей в части фактологии, касающейся музейной истории. С.А. Добров и З.А. Бессуднова основное внимание уделили минералогическим и палеонтологическим коллекциям, М.И. Бурлыкина же все университетские собрания того времени, представляющие три царства природы, объединила под общей шапкой «Музей естественной истории». Из-за этого в их историографии акценты расставлены таким образом, что развитие Зоологического музея не получило должного внимания и представления.

* * *

Настоящая статья призвана с максимальной возможной дробностью (для такого сравнительно небольшого объёма) и максимальной возможной документальностью (с учётом доступности источников) охарактеризовать историю развития Зоологического музея Московского университета за указанный в заголовке период — с 1755 г. (основание Университета) до 1991 г.

Последняя дата ознаменована важными событиями в истории Зоомузея (о них см. в Хронике, публикуемой в настоящем выпуске «Зоологических исследований»), которые подвели черту под долгим периодом борьбы со всякими административными и ремонтными невзгодами и обозначили открытие новых перспектив его роста. Поэтому указанный год здесь принят как рубеж между собственно историей (до 1991 г.) и современностью (после 1991 г.) Зоомузея. Это в общем соответствует представлениям о том, каким образом могут проводиться такого рода границы в непрерывном временном потоке исторического развития (Алфёров, 2011).

Основными информационными ресурсами, использованными при написании настоящей статьи, кроме ранее опубликованных обзоров,

были: 1) печатные годовые отчёты о деятельности Московского университета на протяжении большей части XIX в. и первой трети XX в.; 2) хранящиеся в архивах Зоомузея годовые отчёты и иные документы, относящиеся к его истории начиная с 1930-х гг. (к сожалению, без надлежащей архивной кодификации и поэтому далее обозначаемые просто как [архЗМ]); 3) публикации, относящиеся ко времени рассматриваемых событий (годовые отчёты и др.) или (если более поздние) добросовестно воспроизводящие документы соответствующего времени; 4) Интернет-портал «Летопись Московского университета» официального сайта МГУ им. М.В. Ломоносова (Летопись..., 2016a); впрочем, в записях на этом ресурсе также отмечены досадные неточности и «внутренние» расхождения, касающиеся некоторых событий; 5) другие Интернет-ресурсы, на которых размещены документы, имеющие то или иное касательство к истории Зоомузея.

К разного рода мемуарам, в которых зачастую бывает трудно отделить достоверные факты от «анекдотов», я практически не обращался; исключения составляют записанные Е.А. Дунаевым фрагменты воспоминаний директора Зоомузея О.Л. Россолимо (записи от 2003 г.). По этой причине я сам старался воздерживаться от такого «мемуаристического» способа представления истории и по максимуму исключать разного рода бытовые детали и оценочные суждения: основное внимание уделено изложению «служебных» фактов. В связи с этим я по мере возможности скрупулёзно указываю в тексте использованные мною источники, особенно в случаях расхождений в представлении исторической фактологии. Опубликованные источники и Интернет-издания сведены в стандартный список литературы, заимствованные из архивов Зоомузея (отчёты и др.) указаны в основном тексте.

Использованы иллюстрации из архивов Зоологического музея МГУ, из ранее опубликованных изданий (Bogdanov, 1893a; Россолимо, 1991; Павлинов, Иванов, 2005; Зоологический институт, 2011) и из Интернета.

* * *

Следует сразу подчеркнуть, что настоящую статью едва ли следует рассматривать в качестве некоего полноценного очерка истории Зоологического музея МГУ. Скорее, это краткая сводка фактических материалов, имеющих отношение к тому аспекту этой истории, на который ранее

обращали меньше внимания (в виду её некоторой «формальности» с точки зрения зоологов). Речь идёт о способах организации музейной деятельности — об административно-штатных конструкциях, названиях и датах, акцентировании некоторых событий: как они менялись по ходу истории, каков был их официальный статус и т. п. Таким образом, если выше упомянутую фундаментальную книгу Г.Ю. Любарского (2009) в её содержательной части можно трактовать как главным образом «концептуальную» историю Зоомузея, то настоящую статью, как и небольшую книгу К.Г. Михайлова (2002), — скорее как «административную» историю.

Более узко жанр настоящей публикации можно определить, наверное, как «расширенную хронику». Это означает, что она упорядочена не по тематическим разделам, отражающим разные стороны деятельности Зоомузея (наука, коллекции, экспедиции, просвещение и т. п.), в пределах каждого из которых излагается «своя» история, а по тем последовательным этапам его исторического развития, которые связаны с интересующими автора статьи только что указанными «формальными» изменениями.

* * *

В представленном здесь кратком изложении истории Зоологического музея она поделена на полувековые периоды, которые, впрочем, не следует принимать слишком буквально. Границы между ними — как мне кажется, более или менее естественно — обозначены некими рубежными вехами, связанными с существенным переустройством жизни именно нашего Музея. Последнюю оговорку следует иметь в виду в связи с тем, что возможна и иная схема периодизации развития университетских естественнонаучных музеев в России (Бурлыкина, 2015).

Начало первого периода определено основанием Московского университета и при нём Минерального (Натурального) кабинета, из которого в конечном итоге вырос наш Музей. Это 1755–1759 гг. — самое начало второй половины XVIII в. и одновременно первой «полувековины» в истории нашего Зоомузея. К этому периоду относится начальное становление Музея, связанное с превращением его из Минерального кабинета в Музей/Кабинет натуральной истории (1791 г.).

Первые годы XIX в. обозначают начало следующего полувекового периода: при Университете учреждается Демидовская кафедра, во главе которой и всего университетского собрания на-

туральной истории назначается Г. Фишер; другим началом можно считать возрождение Музея после пожара 1812 г. Этот период протянулся до конца 1850-х гг.: на него (в расширенном толковании) пришлось только что упомянутая трагедия 1812 г., переезд восстановленного Музея из одного университетского корпуса в другой (1837 г.), затем слияние Музея естественной истории и Кабинета сравнительной анатомии, ранее принадлежавшего Московской медико-хирургической академии (середина 1840-х гг.).

Третий период открывается в 1860-е гг. назначением А.П. Богданова главой университетской Кафедры зоологии и одноимённого Кабинета при ней. В начале этого периода значительную часть университетских собраний естественной истории передают в Публичный музей, но вскоре почти все их возвращают обратно. Под руководством Богданова Зоологический кабинет при «полумифическом» Музее естественной истории (об этом см. далее в разделе, посвящённом первой половине XIX в.) превращается в нынешний Зоологический музей.

Начало четвёртого периода обозначено переездом Музея во вновь выстроенный Зоологический корпус Московского университета (1902 г.), его завершение — послевоенным восстановлением (конец 1940-х гг.). Этот период — один из самых тяжёлых в жизни Зоомузея: освоение новых помещений, революционные преобразования всего и вся на протяжении 1920–1930-х гг., попытки отстоять свою «самость» под организационным и идеологическим давлением 1930-х гг., прохождение через разруху Великой Отечественной войны (первая половина 1940-х гг.) и, как было сказано, восстановление Музея во всей его многогранной деятельности.

Наконец, пятый период, последний из рассматриваемых в данной статье, начинается с 1950-ми гг. и завершается рубежом 1980–1990-х гг. Его открывает «оккупация» здания Зоологического корпуса всяческим университетским хозяйством в ходе подготовки к переезду большей части Университета на Ленинские (Воробьёвы) горы. После освобождения здания Музея в 1953 г. от не имеющих к нему прямого отношения организаций и их имущества коллекции приводятся в порядок. Одновременно с этим Музей лишается значительной части ведущих научных сотрудников, потом штатные дела как-то утрясаются. В начале 1970-х гг. Музей погружается в тяжёлый всеобъемлющий

капитальный ремонт, продолжающийся почти 20 лет. Завершение ремонта, освоение новых помещений и наконец укрепление Музея в его организационном и научном статусе обозначает финал этого этапа.

Шестой период начался вместе с 1990-ми гг.: его открывают очередные радикальные преобразования в стране, давшие возможность Зоологическому музею попытаться организовать существенно по-новому. Но это уже современность, выходящая за рамки «истории» в её узком понимании, а тем самым и за рамки данной статьи. Нынешнему состоянию Музея посвящена статья М.В. Калякина и Н.Н. Спасской в настоящем выпуске «Зоологических исследований».

ПРЕДЫСТОРИЯ

В XVI в. в Европе началась первая научная революция — стала складываться наука Нового времени. Одной из её ключевых черт, в отличие от предшествующих средневековой (схоластической, патристической) познавательной схемы, был эмпирический способ обоснования получаемых знаний. Эта революция по-разному сказалась на двух основных разделах наук о Природе, как их в то время классифицировал Ф. Бэкон. В «естественной философии» (физика, химия и др.) она породила научные эксперименты, в «естественной истории» (биология, геология и др.) — научные коллекции.

[Такое рассмотрение двух основных ветвей естествознания с точки зрения эпистемологии означает, что коллекции в «естественной истории» по своему фундаментальному значению вполне аналогичны экспериментам в «естественной философии»: и те, и другие служат средством получения, воспроизведения и верификации научного знания (Павлинов, 2008, 2016). Поэтому «естественная история» не может обходиться без коллекций, точно так же как «естественная философия» — без экспериментов. А собрания научных коллекций «обречены» на постоянное развитие точно так же, как лаборатории, в которых проводятся физические и иные эксперименты.

Эта сверхкраткая теоретическая преамбула призвана подчеркнуть следующее. Возникновение и существование естественно-научных коллекций, а тем самым собирающих и сохраняющих их музеев есть результат определённых объективных закономерностей развития естествознания. На этот общий тренд накладываются разного рода флуктуации, связанные с воздействием иных факторов — политических, личностных и т. п. И наш Зоомузей является собой вполне наглядный образец сочетания и влияния различных факторов объективного и субъективного характера: об этом не раз будет сказано в данной статье.]

* * *

Первые намёки на собрания натуралий, по всей видимости имевшие отношение к «неутилитарным» (познавательным, эстетическим и проч.) устремлениям людей, известны с незапамятных веков. Палеоантропологи датируют их чуть ли не временем появления представителей вида *Homo sapiens*, археологи — самыми ранними цивилизациями Китая, Месопотамии, Египта (Lourenço, 2003; Грицкевич, 2004).

Ближе к современности важную роль в развитии такого рода собраний сыграла раннеантичная культура. Среди многого из того, чем новейшая цивилизация обязана греческой Античности и что имеет прямое касательство к нашей истории, — «музейон» (μουσεῖον): первоначально он буквально означал «дом муз», сиречь обитель мифических покровительниц разных искусств, а также истории. Особо значимыми (в перспективной оценке) среди подобных ранних институций оказались два, причём оба были детищами величайших философов человечества. Первый из этих «музейонов» — тот, который учредил Платон при своей Академии, второй — учреждённый Аристотелем при своём Ликее (Фролов, 2002).

Стремление Аристотеля всё «пощупать руками» стало особой побудительной причиной его увлечённого собирательства предметов натуральной истории. Воодушевлённый Аристотелем, его воспитанник и гениальный воитель царь Александр Македонский приказал своим подданным, как прирождённым, так и вновь завоёванным, слать тому всё сколько-нибудь примечательное из животных и растений, остатки коих философ-естествоиспытатель сохранял в своём Ликее, размещая в определённом систематическом порядке — т. е. вполне «научно» (Шахермайр, 1986; Грицкевич, 2004). Предметы в этих собраниях отчасти имели сакральный характер, будучи неким таинственным образом связанными с природными первоисточниками «музейских искусств», поэтому Аристотель в одном из своих трактатов назвал ликейскую коллекцию «музеем природы» (Александрийский..., 2016). Чуть позже Птолемеем I, один из полководцев Александра и его последователь, учредил в основанном им стольном граде Александрии знаменитейшую «учёно-сохранительную» институцию, получившую официальное название «Музейон», выбитое на фронте здания: в нём в разное время трудились Эратосфен, Евклид, Архимед и другие великие умы

Античности (Фролов, 2002; Грицкевич, 2004; Alexander, Alexander, 2008).

В Средние века, в связи с утратой античной познавательной традиции, «учёный» характер такого рода собраний отошёл на задний план: вместо этого возобладали иные интересы и мотивы. Одни из них представляли собой некие «лавки чудес», где демонстрировались всяческие диковины Природы — «кунштюки» (KunstStücke); поэтому такие собрания стали обыкновенно называться «кунсткамерами» (KunstKammer). Другие служили преимущественно практическим целям: в них лекари хранили всевозможные образцы растений и животных для изготовления снадобий, т. е. фактически они были частью ранних «апотек». В позднее Средневековье при начавших формироваться крупных учебных центрах, особенно так или иначе связанных с медициной, предметы натуральной истории собирались и хранились в качестве учебных пособий.

Существенные подвижки в начальном развитии современного музейного дела начались в эпоху Возрождения. Благодаря открытию и освоению новых земель и их животного и растительного мира европейские собрания стали пополняться чуть ли не в массовом порядке до того неведомыми предметами. Это вызвало новый интерес к такого рода собраниям как познавательным средствам. А этот интерес, в свою очередь, возродил античный термин, теперь в латинском звучании, — «музей» (*museum*).

На рубеже Нового времени исторический тренд становления «естественной истории», как одного из ключевых разделов естествознания, привёл к превращению прежних «курьёзных» или утилитарных собраний в систематизированные музейные (в широком смысле) коллекции, особым образом собираемые, хранимые, исследуемые и демонстрируемые. Первые из них появились в XVI–XVII вв. при университетах в северной Италии, Германии, Франции, Англии (в их современном понимании). В XVIII в. такие музеи стали учреждаться уже как самостоятельные научно-просветительные институции: одним из первых и наиболее крупных среди них был Британский музей (Boylan, 1999; Imrey, MacGregor, 2001; Панов, 2002; Юренева, 2003; Lourenço, 2003; Грицкевич, 2004; Alexander, Alexander, 2008; Сотникова, 2011).

* * *

По тому, как эти систематизированные собрания хранились и демонстрировались, их из-

начально делили на категории, каждая со своим обозначением; зачинателями тут были итальянцы (Alexander, Alexander, 2008). Если предметы естественной истории и/или искусств размещались вдоль коридора или анфилады комнат, это называлось *галереей*. Единственная комната, в которой были собраны такого рода предметы, обыкновенно называлась *кабинетом*: этот термин на какое-то время стал нарицательным для обозначения соответствующих собраний. Если основным назначением предметов была демонстрация на занятиях и лекциях, их собрание называлось *театром* (таковыми были прежде всего «анатомические театры»). Наконец, если предметов было много и они занимали несколько смежных комнат и тем более если под них отводилось отдельное здание, такое собрание называли собственно *музеем*.

По мере того, как коллекционное дело развивалось, а коллекции разрастались в объёме и занимали всё большие помещения, их всё реже называли «кабинетами» и всё чаще и с большим основанием — «музеями». Так к концу XVIII в. в Европе и Сев. Америке, а с середины XIX в. и в России, этот последний термин стал основным.

* * *

В Россию элементы науки и образования вместе с прочими явлениями европейской культуры (в широком смысле) стали активно внедряться в начале XVIII в. во время правления императора (впрочем, тогда ещё царя) Петра I. С точки зрения основного предмета настоящей статьи особой заслугой самодержавного реформатора стало учреждение первой в России музейной институции естественно-исторического профиля.

Собирать анатомические («натуральные») препараты и инструменты Пётр начал ещё в «московский» период своего царствования, сохраняя их в Аптекарской канцелярии, где они находились под надзором императорского лейб-медика Р. Арескина (Эрскина) (Беляев, 1800; Станюкович, 1953). После перенесения столицы в Санктпетербург (тогда писали слитно) Пётр распорядился перевезти туда и всё своё личное «натуральное» собрание вместе с библиотекой. Присовокупив к ним купленные им же в Европе несколько частных коллекций анатомических, медицинских и иных препаратов, учёных книг и инструментов, Пётр в 1714 г. учредил в новой столице «Библиотеку с Куншт и Натурал Каморами» (в данном случае *камора* — комната с экспонатами; то же, что «кабинет» европей-

цев, см. выше); во главе неё был поставлен тот же Арескин (Беляев, 1800). Для всего этого собрания были отведены так называемые «Кикины палаты» (здание сохранилось до сих пор), в кои, после оных поправления и приведения в надлежащее состояние, предметы и были перевезены в 1718 г. Достоинно особого упоминания, что эта музейная институция изначально была предназначена для просветительства: согласно специальному предписанию Петра, «поелику всё в надлежащем порядке учреждено и расставлено, то бы впредь всякого желающего оную смотреть пускать и водить показывая и изъясняя вещи» (Пётр I..., 2014, с. 127). Несколько позже название оной сократили до принятой в Европе «Кунсткамеры»; в 1724 г. она была передана в ведение вновь учреждённой Академии наук, переехала в новое помещение на стрелке Васильевского острова и к началу XIX в. превратилась в крупное научно-просветительное учреждение. В таком «комплексном» виде Кунсткамера просуществовала до 1836 г., когда её согласно новому академическому Уставу разделили на несколько самостоятельных музейных заведений, её же историческая часть была сохранена как «Кабинет Петра Великого» (Станюкович, 1953; Вернадский, 1988; Заключение..., 2014; Кунсткамера..., 2014). Петровская Кунсткамера послужила родоначальником двух нынешних академических музеев в Санкт-Петербурге: один из них — Антропологии и этнографии (Кунсткамера..., 2016), другой — Зоологический (Слепкова, 2015, 2016).

Важной частью петровского замысла «европеизации» России стало введение светского образования на университетской основе. Как видно из предыдущего, к тому времени университеты уже существовали во многих крупных политических и историко-культурных центрах Европы — и вот пришёл черёд России. Разумеется, в ней и тут проявилась её «особенная статья»: если в Европе университеты первоначально формировались по большей части как некие вольные корпорации (Ridder-Symoens, 2003), то в самодержавной России, где всяческие такого рода инициативы «снизу» были почти что обречены на неудачу, они могли появиться только по высочайшему волеизъявлению.

Это, надо полагать, понимал достославный немецкий философ и естествоиспытатель Готфрид Лейбниц, который на протяжении 1710-х гг. выступал при Петре I негласным советником по делам науки и просвещения (Рож-

дественский, 1902). Он представил своему высородному партнёру несколько проектов о развитии в России европейских институций, результатом деятельности коих объявилось бы «общество учёных людей, которые бы трудились над усовершенствованием искусств и наук» (*op. cit.*, с. 6). В таковых проектах, в частности, предлагалось начать предприятие с того, чтобы учредить особый орган высшей администрации — «Коллегию народного просвещения», или «Учёную коллегию», коей препоручалось бы «насаждение» в Российской империи европейских идеалов науки и просвещения.

По замыслу Лейбница, российская система университетского образования должна была выстраиваться по германскому образцу. Это касалось как общих принципов её организации и управления, так и внутреннего устройства самих университетов — факультетов, кафедр, при них учебных кабинетов и прочих «вспомогательных пособий» (Андреев, 2001). Среди последних, имеющих тесное касательство к нашему повествованию, обязаны были быть кабинеты натуральной истории. Но получилось так, что проекту Лейбница не суждено было воплотиться: названная Коллегия с разветвлённой системой подведомственных ей учебных учреждений в то время не была создана.

Вместо этого Пётр I затеял устройство иной «учёной институции» — Академии наук и при ней университета с гимназией. Проект устройства Академии, разработанный Л. Блюментростом (до того был преемником Арескина в заведовании Петровской кунсткамерой, стал первым президентом Академии), император утвердил особым Указом в конце 1724 г. Этот год ныне считается датой учреждения Российской академии наук, хотя официальное её открытие состоялось по особому Указу императрицы Екатерины I 1-го января 1726 г. (т. е. в конце декабря 1725 г. по новому стилю) (Пекарский, 1870; Левшин, 1998).

«Академический» университет, в силу организационных и иных обстоятельств испытывая явный недостаток слушателей, просуществовал почти что номинально несколько десятков лет, так и не превратившись в полноценное образовательное учреждение высшего ранга. Его не спасло даже то, что в 1758 г. на заведование учебной частью Академии был официально поставлен М.В. Ломоносов. В 1760-е гг., после кончины последнего, этот Университет фактически прекратил своё бытие, так ни во

что и не воплотившись: он остался в истории лишь как первая и при этом не вполне удачная попытка введения университетского образования в России (Лунин и др., 1999; Андреев, 2001; Петров, 2002).

* * *

Следующий (по очереди, но первый по значению) российский университет был учреждён в 1755 г. в Москве, на этот раз вне связи с Академией, Указом императрицы Елизаветы на основании «Проекта об учреждении Московского университета» (Проект..., 2016). Утверждённый ею же в том же году «Устав Императорского московского университета и при нём гимназии» определил статус и задачи Университета, его структуру, порядок управления и обучения в нём (Пенчко, 1952; Андреев, 2001; Петров, 2002). Инициаторами создания Московского университета и авторами вышеуказанного Проекта были камергер И.И. Шувалов и академик М.В. Ломоносов; последний, занимавшийся университетскими делами по долгу службы в Академии, стал автором административной структуры учреждаемого Университета (*op. cit.*).

Вышеозначенными Проектом и Уставом в Университете были определены (§ 5) три факультета: юридический, медицинский и философский; при них было учреждено десять кафедр, каждая со своим профессором. При Медицинском факультете числились три кафедры: а) химии физической и особливо аптекарской, б) натуральной истории и в) анатомии. При этом предписывалось, что «доктор и профессор натуральной истории должен на лекциях показывать разные роды минералов, трав и животных». Нельзя не отметить, что § 6 этого же Проекта предусматривал, что «каждый профессор должен по крайней мере два часа в день [...] в университетском доме публично и не требуя за то от слушателей особой платы о своей науке лекции давать» — так в России в директивном порядке продолжило (см. выше о Кунсткамере) формироваться просветительство.

Вновь учреждённый Университет занял здание бывшей Главной аптеки (Аптекарский дом) у Воскресенских ворот на левом берегу реки Неглинки, построенное во второй половине XVII в. (рис. 1). Проект по его переоборудованию для университетских нужд подготовил архитектор Д.В. Ухтомский (Шевырёв, 1855).

[Можно упомянуть, что после переезда Университета в новое здание (см. следующий раздел)

Рис. 1. Здание бывшей Главной аптеки (Аптекарского дома) у Воскресенских ворот (вид со стороны р. Неглинки; рисунок середины XVIII в.; из: Россолимо, 1991).

Fig. 1. Former Main Drugstore building (Drugstore House) at Voskresenskie Gate (view from Neglinnaya River; drawing of the mid 18th century; after Rossolimo, 1991).

Аптекарский дом заняло Городское правление; в конце XIX в. на его месте выстроили и поныне возвышающееся краснокирпичное здание Исторического музея.]

Из-за нехватки помещений для нужд Университета уже в 1756 г. на противоположном берегу Неглинки на углу улиц Моховой и Никитской (на её правой стороне) по ходатайству И.И. Шувалова была куплена городская усадьба князя Н.В. Репнина (Шевырёв, 1855; История..., 1955а; Белявский, Сорокин, 1970; Моховая..., 2015; Летопись... 2016б; Одолламская, 2016). Чтобы подчеркнуть новое назначение здания, его фронтон был украшен большими деревянными позолоченными фигурами муз — покровительниц наук и искусств. Первоначально в нём разместились университетские типография и книжная лавка, затем туда поселили казённо-коштных студентов и гимназистов, перенесли ряд аудиторий и классов (Шевырёв, 1855; Белявский, Сорокин, 1970; Одолламская, 2016). Эта небольшая начальная экспансия стала «зародышем» всего будущего университетского комплекса на Моховой (см. следующий раздел).

* * *

Завершая краткий обзор предвещающих обстоятельств формирования музейного дела в России вообще и при Московском университете в частности, следует особо отметить, что важной и неотъемлемой частью петровского «проекта европеизации» было развитие отечественного меценатства (Боханов, 1989). Многие

богатые вельможи, купцы и промышленники, ориентируясь на европейские образцы, стали почитать делом чести содействовать финансово и организационно развитию в России искусств, наук и просвещения — а тем самым и всех тех институций, которые являются их фактическими носителями и распространителями. Понятно, что на первом месте всегда было увлечение «изящными искусствами»; но и науку — точнее, в то время образование (без коего наука невозможна) — благодетельствующие меценаты не обходили своим вниманием.

И здесь, несколько забежая вперёд, следует особо отметить династию Демидовых — богатейших российских промышленников, саванников и дарителей, которые на протяжении четырёх поколений, начиная с середины XVIII и до конца XIX вв., регулярно жертвовали Московскому университету (и не только ему) свои фамильные накопления — от собраний предметов натуральной истории и книг до денег, тем самым служа достойным примером другим богатым россиянам в благородном деле содействия развитию образования, науки и просвещения (Демидов, 1910; Ульянова, 2004).

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА: НАЧАЛО

Сразу же после учреждения Московского университета при нём возникло первое же в России университетское собрание предметов натуральной истории.

Начало ему положила замечательная коллекция редкостей, которую один из основателей династии заводчиков и меценатов Демидовых, Акинфий Никитич, поехав в начале 1740-х гг. в Европу набираться основам «горного дела», купил у известного фрейбергского минералога (бергфизика) и врача И.Ф. Генкеля. Таким манером А.Н. Демидов первым в своём роду начал собирание «раритетов»; благодаря стараниям его самого и его сыновей, склонных к постижению трёх царств Натуры, первоначальный «кабинет Генкеля» был многократно умножен минералами, засушенными и заспиртованными остатками животных и растений, а также книгами. Этот кабинет на протяжении второй половины 1750-х гг. усилиями сыновей и прямых наследников заводчика — братьями Прокофием, Григорием и Никитой — поступил в Московский университет.

Причина этого важного события в первоначальной истории нашего Музея совершенно

понятна. Будучи увлечёнными натуралистами и просветителями (Григорий состоял в письменных сношениях с К. Линнеем и посылал ему редкие сибирские растения), братья не могли не откликнуться сразу же на знаменательное учреждение Московского университета вполне естественным для них образом — благотворительством наук и образования.

Первым актом дарения «славного кабинета господина Генкеля» стало объявление младшего из братьев Н.А. Демидова о намерении пожертвовать оный Университету в самый год его основания; это объявление было опубликовано в «Санктпетербургских ведомостях» (Пенчко, 1952; Юркин, 2015; Летопись..., 2016в). На этом основании М.И. Бурлыкина (2015) отсчитывает летопись Минерального кабинета с 1755 г., что едва ли верно (Добров, 1962а; Юркин, 2015).

В 1757 г. все трое братьев, занимаясь делами наследования, составили соглашение о передаче Кабинета в дар Московскому университету; в том же году это пожертвование было оформлено юридически (Юркин, 2015). Об этом знаменательном событии было опять объявлено через «Санктпетербургские ведомости».

В том же 1757 г. демидовское семейное собрание, состоявшее «из наилучших минералов, многих курьёзных вещей, окаменелых коралей и разных раковин» (Добров, 1962а, с. 70), хранившееся в одной из уральских усадеб Демидовых, было упаковано и отправлено — но не в Москву. Дело в том, что в Аптекарском доме тогда не нашлось подходящего помещения для столь обширного собрания. Поэтому на некоторое время его приютил в своём дворце в Санктпетербурге университетский куратор И.И. Шувалов, принимавший горячее участие во всём этом предприятии (Юркин, 2015).

Наконец, в 1759 г. богатые демидовские дары были перевезены в Москву и тогда же поступили в распоряжение Университета; временным пристанищем для них было определено помещение учреждённой в 1756 г. библиотеки (Шевырёв, 1855; Бурлыкина, 2015; Юркин, 2015; Летопись..., 2016г). Как это ни странно, по свидетельству будущего хранителя этого собрания натуралий И.Х. Керштенса (о нём см. далее), демидовский дар поступил в Университет без какой-либо описи (Юркин, 2015); впрочем, во всех источниках указано, что в нём в то время значилось до 6 тыс. предметов. Поскольку библиотекой заведовал молодой словесник М.М. Херасков, его попечению и

была препоручена коллекция. По словам того же Керштенса, «в библиотеке [всё] лежало свободно и открыто на столах, где каждый, кто захочет, мог взять любой предмет в руки» (цит. по: Юркин, 2015, с. 128).

Таким вот образом в 1759 г. образовался весьма известный в своё время Минеральный (также нередко, но неточно именуемый Минералогическим) кабинет, приписанный к Кафедре натуральной истории Московского университета и ставший первым в России университетским музейным собранием. Как было отмечено в вступительном разделе настоящей статьи, он стал прешествником нынешних Геологического музея РАН и Зоологического музея МГУ.

Ввиду значительного объёма университетского собрания натуралий ему в 1861 г. в том же Аптекарском доме отвели отдельное помещение, оборудованное несколькими десятками «двойных шкафов». Согласно позже составленной описи М.И. Афонова (см. далее), Кабинет состоял из трёх отделов — рудного, натурального и смешанного (Добров, 1962а).

По-видимому, первоначальное название «Минеральный» сохранялось за этим Кабинетом не слишком долго: в некоторых вполне официальных документах середины 1760-х гг. он обозначается уже как «Натуральный кабинет». Так, в направленном императрице Екатерине II в 1765 г. от имени университетских профессоров «Мнении об учреждении и содержании Императорского университета и гимназии в Москве» (Андреев, 2001) в числе «публичных при университете учреждений» указывается «Натуральный кабинет, в котором всякие природные и чужестранные ископаемые вещи, четвероногие животные, птицы, рыбы, раковины и насекомые, или части оных, для изъяснения натуральной истории хранятся» (Ходецкий, 2004; Смуров, 2015, с. 5); здесь же Кабинет упоминается и как «Императорский».

Примечательно, что в этом «Мнении...», в полном согласии с владеющей российскими умами «табелю о рангах», профессора, пекущегося о приращении собрания Кабинета, пишут, что таковое «легко умножено быть может, если Её Императорское Величество всемилостивейше повелеть изволит, чтоб из всех в Российской Империи обретаемых натуральных вещей, которые ей присылаются, должно несколько и в университетский натуральный кабинет отдавано было», для надзора над коим «потребен инспектор [...] и несколько сберегателей» (*op. cit.*).

*Inventarium über das Mineralien Cabinet
des Kaiserlichen Michaelischen Universitat.*

1. für das Mineralien Cabinet.

Общая сумма всего собранного

С. Копия 1.	76
II.	62.
III.	2.
IV.	53.
V.	70.
VI.	35.
VII.	52.
VIII.	65.
IX.	23.
X.	46.
XI.	57.
XII.	55.
XIII.	42.
XIV.	50.
XV.	36.
XVI.	37.
XVII.	51.
XVIII.	37.
XIX.	30.
XX.	26.
XXI.	34.
XXII.	20.
XXIII.	49.
XXIV.	30.
XXV.	60.
XXVI.	66.

Рис. 2. Первый лист инвентарной описи Минерального кабинета, составленной М.И. Афонинным в 1770 г. (по: Назаренко, 1962).

Fig. 2. First sheet of the inventory of the Mineral Cabinet compiled by M.I. Afonin in 1770 (after Nazarenko, 1962).

Это всепокорнейшее обращение не осталось без высочайшего благосклонного внимания. В позже опубликованном описании «Кабинетов и других заведений» Московского университета специально отмечено, что «учебные его пособия обогащены дарованным Екатериною II Музеем и Минеральным и Зоологическим кабинетами, доставшимися от Кн. Голицына и Графа Строганова» (Указатель..., 1826, с. 5). В частности, позже неоднократно упоминаемое пожертвование А.С. Строганова включало примечательную коллекцию рыб и земноводных.

[В Императорском московском университете приблизительно в то же время появился Анатомический театр при Кафедре анатомии Медицинского факультета, устроенный для показа «строения тела человеческого». Он упомянут в том же § 5 университетского Проекта (откуда цитата), фактически же учреждён был в 1765 г. (Летопись..., 2016д).]

В связи с переносом в новое помещение и ввиду отсутствия при Университете профессора натуральной истории, надзор над Минеральным кабинетом препоручили вышеупомянутому И.Х. Керштенсу, кой был приглашён в Московский университет из Лейпцига в 1758 г. возглавить Кафедру химии (Шевырёв, 1855; Летопись..., 2016д1). С тем профессору, для записи находящихся под его надзором предметов, была выдана «Шнуровая книга», потребная к заведению во всякой вновь учреждаемой университетской музейной институции (Бурлыкина, 2015). Однако обязанности, связанные с Кабинетом, на Керштенса были возложены без дополнения к основному жалованию, что, вкуче с другими обстоятельствами, не побуждало его относиться к новому поручению с надлежащей ревностью. Поэтому, как пишет Г.Е. Щуровский (1855б, с. 408) со ссылкой на рапорт М.И. Афонина о приёме им от Керштенса названного Кабинета, тот не слишком интересовался опекаемым собранием и, не внося ни одной записи в «Шнуровую книгу», оставил его после себя «в некотором беспорядке и без всякой описи, только общим счётом», да и то неполным, присовокупив к сему весьма пространную объяснительную записку о причинах нерадения своего. Среди таких в качестве основных Керштенс указывал, что в контракте с ним заведение Минеральным кабинетом не было специально оговорено, да и коллекцию он принял без надлежащей описи (Назаренко, 1962; Юркин, 2015).

В 1770 г. во главе Кафедры натуральной истории был поставлен только что упомянутый профессор М.И. Афонин, коему было поручено и заведение Минеральным кабинетом (в связи с отставкой Керштенса). Он до того подготовил под руководством Линнея и защитил докторскую диссертацию по ботанике в Уппсальском университете, в Московском же университете профессорствовал в 1770–1777 гг., преподавая преимущественно зоологию и ботанику (Щуровский, 1855в; Назаренко, 1962). Забота о Минеральном кабинете стала важной частью приложения его сил в качестве профессора Кафедры натуральной истории с самого начала учёной карьеры. Афонин наконец-то навёл систематический порядок во вверенном его попечению собрании, составленная им «приёмная опись» при вхождении в заведение Кабинетом стала фактически первым каталогом университетского музейного собрания (Назаренко, 1962; рис. 2). Видимо, на этом основании М.И. Бурлыкина (2015) награждает Афонина званием «создателя Кафедры натуральной истории», коего он, однако, при всех его достоинствах, едва ли за-

служил: названная Кафедра, как указано выше, была учреждена с первых же дней Московского университета.

Место Афонина в должности профессора Кафедры натуральной истории, по выходу того в отставку в 1777 г., занял экстраординарный профессор И.А. Сибирский, по специализации физиолог. Заведовал, впрочем, он недолго — до 1783 г., когда болезнь преждевременно свела его в могилу (Щуровский, 1855г).

С 1784 г. во главе названной Кафедры были поставлены молодые экстраординарные профессора Ф.К. Курика и Ф.Г. Политковский, прошедшие, как было в то время заведено, обучение в нескольких ведущих университетах Европы (Шевырёв, 1855; Щуровский, 1855а). Этот «дуумвират» продлился совсем коротко — до 1785 г., когда, по причине неожиданной кончины Ф. Курики, его коллега Политковский сделался полным единоличным заведующим Кафедры и Кабинета, читая студентам из зоологии, ботаники и минералогии. «Под его надзором находился [...] на протяжении нескольких лет университетский музей»: так аттестует его деятельность в этой сфере А.П. Богданов (1885, с. 6). Примечательно отметить, что Политковский, излагая свои предметы на русском языке, вместо «натуральной» предпочитал говорить о «естественной» истории (Щуровский, 1855а). Впрочем, другие источники эту «пальму первенства» отдают А.А. Антонскому (Богданов, 1885; об Антонском см. далее настоящий раздел). Как бы там ни было, это нововведение прижилось не только в обиходной речи, но отчасти и в официальных документах: именно так в конце XVIII и на протяжении первой половины XIX вв. обычно обозначался наш Музей (впрочем, в то время чаще как Кабинет).

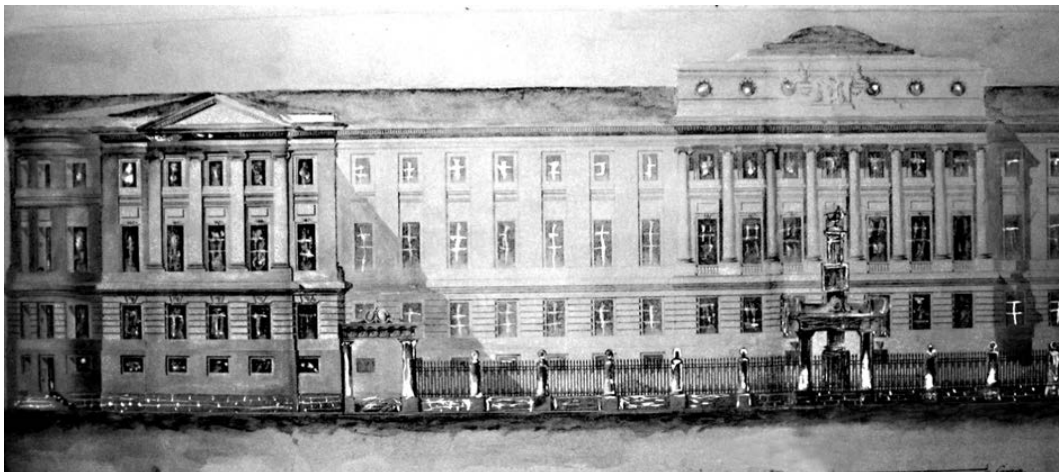
* * *

К середине 1770-х гг. Аптекарский дом пришёл в ветхость, к тому же его помещений стало катастрофически не хватать для университетских нужд; на выделяемые же Университету скудные казённые деньги удавалось лишь призраивать флигели да прикупать близ расположенные домишки (История..., 1955а). В связи с этим Совет Университета в 1775 г. подготовил и подал в Правительствующий Сенат для представления Екатерине II особую записку «О недостатках и нуждах Московского университета» с просьбой «отвести для университета другое способное место, на котором бы расположить и со-

всем вновь построить для одного дом [...] например, на Воробьёвых горах» (Вулисанова, 2002; Летопись..., 2016е). Этой просьбе не вняли; взамен Совету было предложено и далее осваивать территорию на углу Моховой и Никитской улиц, что было начато 10 лет назад (см. предыдущий раздел). Архитектор В.И. Баженов подготовил проект здания, предназначенного для возведения на месте подлежащей сносу упоминавшейся усадьбы Репниных, но против него резко высказался П.А. Демидов, объявивший о своём намерении профинансировать обустройство Университета на новом месте (Белявский, Сорокин, 1970). По этой причине Совет Университета отказался от баженовского проекта, а вместо строительства были, по мере средств, приобретены и частью взяты в наём усадебные владения князей Барятинских и Волконских, некоторые другие городские усадьбы и участки на Моховой и за старым (ныне не существующим) Леонтьевским переулком. Однако очень скоро идея возведения нового здания Московского университета на Моховой была возрождена, его проект заказали архитектору М.Ф. Казакову, в 1786 г. по Указу Екатерины II для этого выделили нужные деньги, в том же году строительство было начато и в 1793 г. завершено (рис. 3) (Шевырёв, 1855; История..., 1995а; Кириллов, 1997; Вулисанова, 2002; Сорокин, 2006; Моховая..., 2015; Летопись..., 2016ж; Одолламская, 2016).

Где именно в 1780-е гг. годы размещался Натуральный (Минеральный) кабинет, по доступным мне источникам доподлинно установить не удалось. Вероятно, отсутствие явных упоминаний о нём в сводах университетской истории того времени косвенно показывает, что Кабинет всё это время по-прежнему оставался в Аптекарском доме.

Он (вместе с библиотекой) переехал в новый «казаковский» корпус в 1791 г. незамедлительно после того, как была отстроена средняя часть здания (Летопись..., 2016з). Там для Кабинета было отведено специальное довольно обширное помещение «в два света», занимавшее часть галереи справа от Большой аудитории (т. е. по данному формальному признаку «кабинет» был обращён в «галерею», об этом см. предыдущий раздел). Согласно словесному описанию, предметы Кабинета в этом помещении расположились так: «под хорами, по окнам, стояли большие белые со стёклами шкафы, а по середине галереи, вдоль, поставлены были столы, также белые и под стеклами. В шкафах разме-

Рис. 3. Здание Московского университета, построенное по проекту М.Ф. Казакова (вид со стороны р. Неглинки; картина 1790-х гг.; из: Павлинов, Иванов, 2005).

Fig. 3. Building of Moscow University designed by M.F. Kazakov (view from the Neglinnaya River; painting of the 1790s; after Pavlinov, Ivanov, 2005).

щались чучела, скелеты, спиртовые препараты животных, кораллы и проч.; в столах же были расположены большею частью раковины и несколько минералов, и притом столь редко, что этот излишний простор был очень заметен» (Щуровский, 1855а, с. 283; текст воспроизводит описание, сделанное в самом начале XIX в. тогдашним ректором Университета П.И. Стреховым). Как отмечал А.П. Богданов, благодаря этому университетское музейное собрание оформилось организационно и структурно (Bogdanov, 1893а).

* * *

Последнее десятилетие XVIII в. для истории нашего Музея стало некоторой «зоной турбулентности»: разные (а порой и не очень разные) источники дают несогласную картину того, каким образом он назывался и кто в какое время его опекал. Поэтому наверное имеет смысл здесь несколько подробнее остановиться на этом примечательном с исторической точки зрения отрезке.

Начать следует с того, что в кратком историческом очерке о Зоомузее Г.А. Кожевникова (1915) прямо указано, что в 1791 г. по инициативе профессора Политковского на базе коллекций Минералогического кабинета был основан Музей натуральной (естественной) истории. Как представляется, поводом для подобной аттестации послужили два обстоятельства: во-первых, только что приведенное мнение А.П. Богданова об «организующем» значении переезда Кабинета в новое университетское здание; во-вторых, именно «Музеем естественной истории» не-

изменно называл университетское собрание в первые годы XIX в. его новый глава Г.И. Фишер (см. следующий раздел статьи). Примечательно, что Политковский в его биографии назван «директором университетского Музея натуральной истории» (Щуровский, 1855а, с. 282; курсив мой. — И.Я.П.). Данная «хронологическая точка» затем повторена в более поздних «вторичных» источниках, где речь идёт об истории нашего Музея (Кожевников, 1915; Туров, 1956; Россоломо, 1991; Бессуднова, 2006; Любарский, 2009; Бурлыкина, 2015; Летопись..., 2016з).

Однако в просмотренных мною публикациях на сей предмет, более близких по времени к рассматриваемому периоду, в том числе и у Г.И. Фишера (Fischer, 1805, 1806), я не встретил ни одного указания на таковое преобразование. В частности, в «Истории...» Шевырёва (1855) в главе, посвящённой этому периоду, перечислены многие учреждённые тогда институты (например, Вольный пансион, Благородный пансион, Педагогическая семинария, Учёное дружеское общество), — но ни слова не сказано о Кабинете натуральной истории. Данное обстоятельство особенно примечательно, если принять во внимание, что в одной из предыдущих глав своей книги Шевырёв несколько абзацев посвятил Минеральному кабинету середины–конца 1750-х гг., а в одной из последующих — несколько страниц Музею натуральной истории начала XIX в. В связи с этим заслуживает упоминания, что в наше время опубликованной «летописи Минерального кабинета» данный 1791 г. вообще не ука-

зан (Добров, 1962а): её составитель то ли счёл этот год не заслуживающим внимания, то ли случайно пропустил его (всё-таки переезд в новое здание — это событие!).

Тем не менее, наверное можно с определёнными основаниями полагать, что в 1791 г. Минеральный (он же Натуральный) кабинет был действительно переименован в Кабинет/Музей натуральной (естественной) истории — и это едва ли случайно совпало с переездом его на новое место. Указанный год ныне считается официальной датой «рождения» Зоологического музея МГУ: эту фиксацию, по-видимому, следует приписывать Г.А. Кожевникову, который в уже упоминавшемся списке «главнейших моментов в истории Музея» однозначно указал 1791 г. как год основания «Музеума натуральной истории».

[Примечательно, что Геологический музей им. Вернадского — «брат-близнец» Зоомузея, выросший из того же Минерального кабинета, — ведёт своё летоисчисление от 1755 г. (Зарождение..., 2016) или от 1759 г. (250-летие..., 2009).]

В конце 1780-х гг. в развитии университетской натуральной истории появляется весьма значительная фигура А.А. Антонского-Прокоповича (также нередко пишется как Прокопович-Антонский). Согласно его биографическому очерку (Шевырёв, Щуровский, 1855), он с 1787 г. преподавал естественную историю в университетском Вольном благородном пансионе. В 1788 г. Антонский был зачислен адъюнктом на Кафедру энциклопедии и натуральной истории, только что учреждённую при Философском факультете, а в 1791 г. возглавил её в качестве (как в то время водилось) одноимённого профессора, читая лекции «без применения к медицинским наукам» (Шевырёв, 1855, с. 237).

А.А. Антонского весьма живо интересовали вопросы того, каким наилучшим образом можно раскрыть тайны Природы для просвещения публикой. Это видно из того, что в первом же выпуске недолго (1788–1790 гг.) издаваемого им «Магазина натуральной истории, физики и химии...» он поместил статью «Естественная история», в которой довольно подробно и «практично» изложены представления о том, каково назначение и каково должно быть устройство кабинета естественной истории (публикуется в настоящем сборнике). Это описание завершает своеобразный афористический лозунг, отражающий ключевую идею такого кабинета: «Кабинет естественной истории есть сокращение целой Природы» (Естественная..., 1788, с. 19).

В своём «Магазине...» Антонский печатал переложения из французских энциклопедий в своём же переводе (Магазин..., 2002), так что эта статья не была его собственным творением; но весьма вероятно, что таковы были воззрения самого Антонского.

В эти же годы учёная судьба Антонского, по-видимому, оказалась связанной с Кафедрой натуральной истории и одноимённым Кабинетом на Медицинском факультете. Авторы биографического очерка о нём пишут, что в 1788 г. он «сделал описание Кабинету Натуральной Истории и привёл его в систематический порядок» (Шевырёв, Щуровский, 1855, с. 13). Ввиду отсутствия документальных свидетельств этого «приведения в порядок», можно предполагать (на основании совпадения дат публикации в «Магазине...» и указанной в биографии), что биографы приняли изложенное Антонским описание воображаемого кабинета за таковое университетского собрания натуралий, с чем не критично согласились последующие историки.

Далее те же биографы пишут, что в 1791 г. Антонский определён был «на новую кафедру»; из пояснения, согласно которому «по кафедре Натуральной Истории предшественником Антонского был [...] Фёдор Герасимович Политковский» (*op. cit.*, с. 16), следует, что подразумевается кафедра Медицинского факультета, а не Философского. Это позже повторил почти слово в слово А.П. Богданов (1885), не усомнившись в том «ведомстве», по которому проходил профессор Антонский согласно указанию Шевырёва и Щуровского.

Однако тут вот такая заковыка: в только что упомянутых биографических очерках о Политковском и Антонском указываемые факты, имеющие отношение к нашей истории, едва ли вполне совместимы. Про первого сказано, что он оставался ординарным профессором Кафедры натуральной истории Медицинского факультета вплоть до 1802 г., а сверх этого ещё год руководил Кабинетом натуральной истории, тогда как про Антонского — что он всё это время сохранял за собой Кафедру энциклопедии и натуральной истории на Философском факультете. В «Истории...» Шевырёва, там, где описывается деятельность университетских профессоров в конце 1780-х и начале 1790-х гг., Политковский упомянут в очерке Медицинского факультета, Антонский — в очерке Философского факультета. Последнее место указано и в краткой биографии последнего в современной

университетской летописи, причём в этой биографии не указан Кабинет натуральной истории (Летопись..., 2016з1); впрочем, тут может быть неточность, поскольку во всей этой летописи вовсе не упомянута Кафедра энциклопедии и натуральной истории.

Данная интрига усугубляется ещё одним обстоятельством. В 1785 г. Политковский в публичном собрании Университета представил «Речь о происхождении и пользе истории натуральной», в которой подчёркивал значение линнеевской Системы природы, полагая её «ключом от святилища Природы, и оною точкою, от которой все те начинать должны вести линию своего натурального учения, которые желают познать природу, её сокровища и её глубочайшие таинства» (цит. по: Вихман, Генералова, 2008, с. 23). Несколькими годами позже, а именно в «рубешном» 1791 г., на торжественном собрании Университета, посвящённом началу освоения его нового здания, уже Антонский произнёс «Слово о началах и успехах наук, и в особенности естественной истории». В нём он воспел краткую, но горячую хвалу кабинетам естественной истории, полагая, что сии «сооружаемые хранилища существ, рассеянных по разным странам обитаемого нами шара [...] в наши просвещённые времена [...] наиболее споспешествуют [...] возвышению [естественных наук]. Кто не обретет ощутительной выгоды высокой науки [...] при воззрении на кабинеты существ природы, единым взглядом объемлемой во всей стройности, красоте и величестве?» (цит. по: Прокопович-Антонский, 2010, с. 423).

Таким образом, статус этих двух университетских профессоров — Политковского и Антонского — в отношении Кафедры натуральной истории Медицинского факультета, а тем самым и рассматриваемого здесь одноимённого Кабинета, в период, охватываемый 1790-ми гг., мне представляется не вполне ясным. Он требует более внимательного изучения архивных документов того времени, фиксирующих перемещения и назначения университетских профессоров.

В 1798 г. к Кабинету в звании смотрителя был приписан молодой адъюнкт И.А. Двигубский (Рулье, Спасский, 1855) — пожалуй, первый в истории Московского университета естествоиспытатель, занимавшийся зоологией и ботаникой не попутно, но сделавший эти дисциплины своей основной специализацией. Он опубликовал ряд значительных работ по на-

званным дисциплинам, в том числе первое описание известных тогда животных Московской губернии под характерным названием «Primitiae Faunae Mosquiensis...». При Кабинете натуральной истории Двигубский оставался в указанном качестве до 1803 г. — до того самого момента, когда в истории Московского университета произошли коренные перемены (см. следующий раздел статьи).

Коллекции Кабинета на протяжении 1780-х и 1790-х гг. постоянно обогащались новыми поступлениями благодаря щедрым дарам меценатов и естествоиспытателей. Так, сыновья Прокофия Демидова преподнесли в дар Университету весьма значительный гербарий, который их отец собирал долгие годы; своим вниманием это ботаническое собрание удостоил П. Паллас (Павлов и др., 1978; Сытин, 2014; Бурлыкина, 2015). Интересные и разнообразные материалы поступили от петербургского академика Э.Г. Лаксмана. Благодаря таким жертвованиям Кабинет довольно быстро стал превращаться из преимущественно минералогического в комплексный естественноисторический, в котором были представлены предметы трёх царств Природы — «ископаемых» (минералов и фоссилий), «прозябаемых» (растений) и животных.

В рассматриваемые времена Кабинет натуральной истории, как и весь Университет, служил преимущественно академическим образовательным целям. Но вместе с тем в нём регулярно проводились публичные лекции («курсы») по естественной истории с демонстрацией музейных предметов. Для сего эти предметы один день в неделю были доступны для осмотра не только студентами, но и широкой публикой. Лекции с показом музейных материалов увлекательно читали Политковский и Антонский, оба прирождённые популяризаторы.

Читаемые университетскими профессорами и адъюнктами публичные лекции по естественной истории способствовали росту интереса к ней у публики. В этом проявлялась высокая миссия и специфика университетских кабинетов, которые изначально формировались как «открытые», в отличие от сугубо академических призванные не только обучать, но и просвещать народ (Бурлыкина, 2015).

Однако в отношении более узких дисциплин в «музейной» сфере университетской деятельности особого прогресса в то время не отмечалось. По этому поводу почти столетие спустя А.П. Богданов (об этом выдающемся деятеле

будет рассказано далее) с горечью отмечал, имея в виду состояние европейского естествознания, что «университету не посчастливилось относительно зоологии [...] До Фишера по естественной истории были образованные и трудолюбивые чиновники, но не специалисты, сделавшие её своею наукой» (Богданов, 1885, с. 12). Впрочем, в отношении Двигубского такая характеристика едва ли верна: его «Primitiae Faunae Mosquiensis...» (1802 г.) и «Prodromus Faunae Rossicae» (1804 г.) являют собой яркие образчики классической «каталожной» естественной истории того времени.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА: ВЫЗРЕВАНИЕ

Начало XIX в. ознаменовалось значительными событиями в истории России, кои были связаны с благородными устремлениями только что восшедшего на престол императора Александра I. Побуждаемый своим либеральным окружением (организованным в знаменитый в своё время «Неофициальный комитет») к достаточно решительным реформам, он в 1802 г. особым Манифестом «Об учреждении министерств» среди прочих назначил Министерство народного просвещения (в первоначальном проекте — «образования»), поручив ему попечение над всеми учебными заведениями России, а также над Академией наук; к ведению этого Министерства были отнесены также «натуральные кабинеты, музеи и всякие учреждения, какие впредь для распространения наук быть могут» (Рождественский, 1902, с. 36). Названным Манифестом новоиспечённому Министерству предписывалась разработка уставов и правил подведомственных ему учреждений.

Особливое внимание преобразователей Российской империи к необходимости просвещения её подданных выразилось в том, что изданные в начале 1803 г. «Предварительные правила народного просвещения» прямо предписывали университетам чтение публичных лекций (курсов). На это немедленно откликнулись наши профессора, — и в первую очередь всё те же Политковский и Антонский, расширившие чтение лекций по естественной истории с показом музейных предметов, о чём свидетельствует 3-й выпуск официально издаваемого университетского сборника «Периодического сочинения об успехах народного просвещения» за 1803 г. В нём объявлялось о том, что для публичных лекций профессора натуральной истории Ф.Г. По-

литковского «открыт будет почтенной публике Семятичский натуральный кабинет, известный во всей Европе [...] Преподавание начнётся сентября 7 числа и будет продолжаться каждую неделю по тем же дням, кроме праздничных» (цит. по: Щуровский, 1855а, с. 282; об этом Кабинете см. чуть ниже).

* * *

Начать живописание этого важного этапа в ранней истории нашего Музея следует с упоминания о том, что императорский Манифест содержал, среди прочего, призыв к пожертвованиям на дело образования в России (Шевырёв, 1855). Не ограничившись одним лишь только призывом, император личным примером решил подвигнуть своих состоятельных подданных на этом благородном поприще, удобным случаем к чему представилось приобретение и передача в дар Университету только что упомянутого Семятичского кабинета.

Этот последний был одним из самых крупных и интересных частных собраний в натуральной истории, имевшим европейскую известность. Кабинет принадлежал княгине Анне Яблоновской и хранился в родовом имении Яблоновских в местечке Семятичи (польск. Siemiatycze = Семятыче) — отсюда и название (Бессуднова, 2006; Ананьев, 2009). В 1802 г. император Александр выкупил Кабинет у наследников незадолго до того упокоившейся его владелицы за огромную по тем временам сумму в 50 тысяч голландских червонцев и подарил его Московскому университету. Согласно описи, изложенной на 36 листах, коллекция состояла из следующих частей: 1) царство минералов, 2) царство растений, 3) царство животных, 4) древности. О значимости этого события свидетельствует тот факт, что в приобретении и доставке в Москву Семятичского кабинета были задействованы: петербургский академик В.М. Севергин, виленский генерал-губернатор Л.Л. Беннигсен, старший куратор Московского университета М.М. Херасков и некоторые другие высокие чины (*op. cit.*). Собрание Яблоновской привезли в Москву на 10 подводах под соответственной охраной и в сопровождении чучельного мастера Ришара, с тем поступившего на службу в Университет (Щуровский, 1855а). Как писали несколько лет спустя «Московские учёные ведомости» в статье, специально посвящённой университетскому Кабинету, император «чрез то находившееся прежде при Университете небольшое собрание некоторых

минералов и нескольких банок с животными в спирте возвысил в число известных в Европе Музеев» (Известие..., 1805, с. 321).

Благородному примеру монарха сразу же последовал Павел Демидов — сын уже упоминавшегося Г.А. Демидова, высокообразованный натуралист (учился в Гёттингенском университете, затем слушал лекции у К. Линнея) и меценат. В том же 1802 г. он объявил через «Ведомости» (Кузнецов, Минаева, 2005) и в 1803 г. безвозмездно передал (Бессуднова, 2005, 2006) в Университет своё весьма значительное личное собрание предметов естественной истории и артефактов, а также библиотеку, оценённые в совокупности в 250 тыс. руб. Это событие отражено в мартовском номере «Московских ведомостей» за 1802 г. и во 2-м выпуске сборника «Периодическое сочинение...» за 1803 г. (Кузнецов, Минаева, 2005; Летопись..., 2016).

Наиболее значительной была минералогическая часть этого Кабинета, что вполне естественно для горнозаводчиков Демидовых. В его составе был и гербарий, помещённый в Аптекарском огороде, где хранилось ботаническое собрание Университета (Fischer, 1806); впрочем, он указан в одном из томов описания Демидовского кабинета (Fischer, 1807). Зоологическая часть демидовской коллекции была не слишком большой: включала 15 чучел млекопитающих (среди них обезьяны, муравьед, дикая свинья), 115 чучел птиц (представители всех известных в то время отрядов и семейств), 30 рыб и пресмыкающихся (в том числе крокодил, рыба-меч, рыба-пила), около тысячи раковин моллюсков, насекомых и кораллов.

Вместе с сим собранием П.Г. Демидов пожертвовал в сохранную казну Университета 100 тыс. руб. с тем, чтобы «часть процентов с этой суммы употреблялась на содержание студентов, часть на отправление достойнейшего из них в иностранные университеты и часть на содержание кафедры натуральной истории с поручением её иностранному профессору, пока эта важная часть наук дойдёт у нас до большего совершенства» (цит. по: Шевырёв, 1855, с. 320).

И в последующие ближайшие годы российские меценаты не оставляли своим благосклонным вниманием университетское собрание (Шевырёв, 1855, с. 371–372). Среди тех новых поступлений, частью коих были зоологические предметы, наиболее значительным стал дар княгини Е.Р. Дашковой, пожертвовавшей университету в 1807 г. свой собственный Кабинет

натуральной истории. Это собрание, которое Дашкова накапливала три с лишком десятка лет, включало свыше 15 тысяч предметов «животных окаменелых, растений сухих, плодов, камней и руд, античных слепков», множество драгоценных камней и библиотеку. Всё пожертвование оценено было в 50 тыс. руб., для его размещения и показа в университетском здании отвели отдельный зал.

* * *

Поворотным в начале этого этапа нашей истории стал 1804 г., на протяжении которого императорскими Указами были учреждены: «Предварительные правила для университета и подведомственных ему учреждений (народных училищ)», затем типовой «Устав университетов Российской империи» и наконец «Устав учебных заведений, подведомственных университетам». Этими указами была определена система всего образовательного дела в России: были созданы учебные округа, определены система управления, структура и задачи учебных институций четырёх разрядов. Ключевое значение имела высочайше утверждённая типовая структура университетов, предусматривавшая, среди прочего, обязательное учреждение при каждом из них кафедры и кабинета натуральной истории (Петров, 2002). В этом общеуниверситетском Уставе просматривались всё те же основные признаки устройства университетов германского образца, кои с большим или меньшим успехом насаждались в России на протяжении XVIII в. (Рождественский, 1902).

Согласно учреждённому на этой основе в том же году Уставу Московского университета (Летопись-Устав..., 1804), в нём были выделены (§ 24) четыре отделения (или факультета), среди них Отделение врачебных или медицинских наук с шестью кафедрами и Отделение физических и математических наук с восемью кафедрами (в общем списке), в том числе ботаники, «минералогии с сельским домоводством» и др. В добавление к этим кафедрам в § 25 особо оговаривалось, что «в отделении Физических и Математических наук, Университет будет иметь особенную кафедру Натуральной Истории, под названием Демидовской, с тем, чтобы на содержание оной употребляема была часть доходов с капитала, принесённого в пользу Московского Университета благотворителем наук Павлом Григорьевичем Демидовым».

Важно отметить, что в новом Уставе не упомянута Кафедра натуральной истории, ранее

приписанная к Медицинскому факультету (см. предыдущий раздел). Её разделили на три части: ботаническую и минералогическую преобразовали в упомянутые новые кафедры, а преимущественно зоологическую присоединили к Демидовской кафедре. Все они входили в состав Физико-математического отделения, каковое подчинение (при отчасти изменённом статусе и названии) будет сохраняться на протяжении всего XIX в.

Следует обратить особое внимание на то, что среди «учебных пособий и институтов», из числа утверждённых новым Уставом «для распространения наук и просвещения» имеющих отношение к нашему повествованию, указан (§ 76) только «Кабинет естественной истории», который (§ 85) «состоит в ведении Профессора Естественной Истории». Демидовское же собрание, пожертвованное в Университет в 1802 г. и фактически положившее начало Демидовской кафедре, в Уставе не упомянуто вовсе. Как можно полагать, этот «уставной» Кабинет естественной истории является ничем иным, как ранее существовавшим Минеральным (Натуральным) кабинетом, тогда как дарованное П.Г. Демидовым собрание сочтено неотъемлемой частью Демидовской кафедры натуральной истории, не требующей особо оговорённого статуса.

Таким образом, всё университетское собрание натуралий, как оно было организовано согласно новому Уставу, фактически представляло собой два кабинета (музея). Об этом, на мой взгляд, неспоримо свидетельствует тот факт, что новый глава этого собрания Г.И. Фишер в послужном формуляре указан в качестве «директора университетских музеев» (Добров, 1962а, с. 78; курсив мой. — *И.Я.П.*). И сам Фишер в музейном каталоге, изданном в 1806–1807 гг., эти два собрания не только делит по «ведомствам», но и по-разному называет (о Фишере и его каталоге см. далее настоящий раздел). Позже с таким делением соглашается А.П. Богданов (1885), который в биографическом очерке о Фишере пишет, что тот «посвятил свои труды на устройство Московского музея и Демидовского собрания» (Богданов, 1885, с. 17).

Новый университетский Устав отдалил от Кабинета естественной истории натуралистов, опекавших его на протяжении последних десяти с лишком лет: ведь теперь он находился в ведении профессора Демидовской кафедры, каковой, согласно одному из выше проци-

тированных условий дарственной грамоты П.Г. Демидова, должен был быть непременно «иностранным». Ф.Г. Политковский, в 1803 г. перемещённый на Кафедру практической медицины, но вроде бы сохранивший (ещё на год) заведование названным Кабинетом, в новой структуре Университета возглавил Кафедру патологии, терапии и клиники (что более соответствовало его основной специализации как врача). А.А. Антонский-Прокопович, поскольку Философский факультет со всеми его подразделениями был упразднён, занял Кафедру минералогии и сельского домоводства. Наконец, И.А. Двигубского назначили профессором Кафедры технологии и наук. Достоинство особого упоминания, что две последние персоны в своей университетской карьере достигли знаменательной вершины — ректорской должности: проф. Антонский занимал её в 1819–1826 гг., проф. Двигубский — в 1826–1833 гг.

* * *

Для заполнения вакансии профессора Демидовской кафедры Московский университет, по инициативе его попечителя М.Н. Муравьёва, разослал приглашения в ведущие германские университеты (Шевырёв, 1855; Смекалина, 2012). Из учёных персон, получивших приглашение на заведование Демидовской кафедрой и Кабинетом натуральной истории, откликнулся сравнительно молодой Иоганн Готтгельф Фишер. Это был уроженец саксонского городка Вальдхайма (поэтому при возведении в потомственное русское дворянство к его фамилии был добавлен эпитет «фон Вальдгейм»), в русскоязычной среде известный под именем Григорий Иванович. Он обучался естественной истории в славнейшем Гёттингенском университете, по окончании коего некоторое время работал в учреждённом в 1793 г. Национальном музее естественной истории в Париже, составив его подробное двухтомное описание (Fischer, 1802, 1803), а с 1799 г. заведовал Музеем натуральной истории в Майнце. Благодаря этому, а также достаточно тесному общению с выдающимися естествоиспытателями того времени — Александром фон Гумбольдтом, Жоржем Кювье, Этьеном Жоффруа де Сент-Илером, Жаном-Батистом де Ламарком — Г. Фишер стал признанным в Европе знатоком естественной истории и музейного дела и получил почётное неформальное звание «германского Кювье» (Богданов, 1885).

Эти обретенные в Европе знания и умения Г.И. Фишер в полной мере применил на новом

поприще. В 1804 г. он принял под своё начало Демидовскую кафедру (одновременно с этим получив звание Демидовского профессора, см.: Речи..., 1824) и Кабинет естественной истории, которые стали для него важнейшим делом следующих 20 лет жизни. Следует иметь в виду, что он знал цену своим профессиональным достоинствам и той ответственности, которая на него возлагалась новым назначением, и считал, что его новое начальство также должно осознавать и соответственным образом ценить это. Во всяком случае, ещё до прибытия в Россию оговаривая свои условия работы в Московском университете, Фишер сумел добиться у М.Н. Муравьёва согласия на прибавку к годовому жалованию ординарного профессора (около 2000 руб.) ещё 500 руб. за исполнение обязанностей «директора демидовского музея» (Андреев, 2001).

Хотелось бы обратить внимание на одну важную деталь, с лучшей стороны характеризующую Г.И. Фишера как полноценного музейщика. Освоившись на новом месте, он писал в 1805 г. в письме своему другу и коллеге, известному натуралисту Й. Блюменбаху: «мой главный принцип таков: тот, кто является хранителем огромной коллекции, тот не имеет права иметь собственную коллекцию» (цит. по: Соколов, Шишкин, 2005, с. 36). Годом позже он повторяет эту мысль в своём послании, адресованном М.Н. Муравьёву: «руководимый преданностью к моим обязанностям, я убедил себя, что директор учреждения столь важного, как Московский музей, не должен делить своих трудов и забот между частною своею коллекцией и собраниями, предназначенными для общей пользы [...] Я пожертвовал на общую пользу моё собственное собрание, хотя оно и заключает в себе предметы, получение коих для меня уже невозможно в будущем» (цит. по: Богданов, 1885, с. 18; также Fischer, 1806, р. 10). Пожертвование Фишера включало множество «натуральных предметов, редких скелетов и многих новых ископаемых тел» (Об училищных..., 1805, с. 39). Увы, этому «золотому правилу» следуют далеко не все музейщики — что современники натуралиста, что нынешние...

* * *

Вслед за своими европейскими учителями Фишер полагал, что натуральные коллекции, а равно и их описания, должны быть «копией самой Натуры»; то же утверждал и А.А. Антонский в своём живописании «идеального Кабинета» (см. предыдущий раздел). В послании-

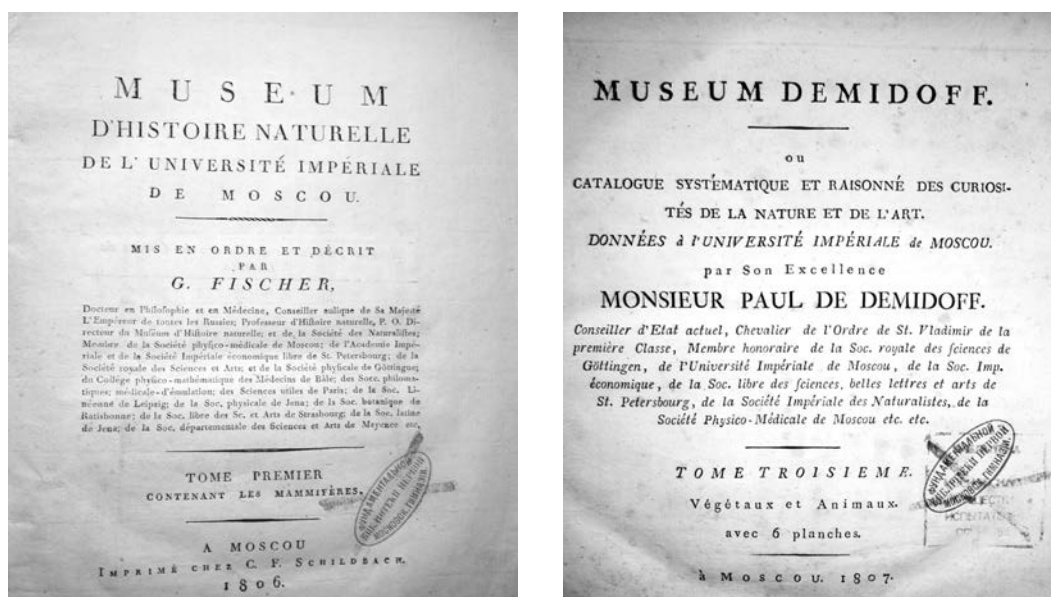
отчёте от 1806 г. М.Н. Муравьёву, упомянутом выше, Фишер подчёркивал, что «только будучи поставлены в соответствующем порядке, самые замечательные предметы могут сделаться действительно полезными, особенно если количество таких предметов [...] настолько велико, что их невозможно окинуть единым взглядом и удержать в памяти» (цит. по: Богданов, 1885, с. 18).

Исходя из этого, Г.И. Фишер деятельность свою на новом месте начал с того, что привёл вверенные его попечению коллекции в новое, привезённое из Европы «расположение» — согласно Естественной системе, почерпнутой главным образом из того порядка, коему подчинена была экспозиция Музея естественной истории в Париже. По-видимому, Фишера совсем не удовлетворяло обустройство Кабинета, принятое его предшественниками, поэтому на приведение коллекций в соответствие «европейской» системе ему понадобилось целых восемь месяцев. В сем многотрудном деле ему помогал Ришар, которого Фишер упомянул в должности смотрителя в первом томе своего музейного каталога (о последнем см. чуть ниже в настоящем разделе).

Своего рода «отчёт о проделанной работе» Г.И. Фишер представил в речи, произнесённой в июне 1805 г. по случаю 50-летия Московского университета. Основное содержание речи, названной «Об истинной цели кабинетов, состоящих из достопамятнейших предметов природы и о пользе их для народного просвещения» (Московские..., 1805), воспроизведено (с некоторыми изменениями) в университетском сборнике, посвящённом сей памятной дате (Fischer, 1805), и в вступительном разделе первого тома музейного каталога (Fischer, 1806; Фишер, 1806).

Сразу после приведения в новый порядок всего университетского собрания предметов натуральной истории и относящейся к нему библиотеки Г.И. Фишер подготовил и в течение двух лет — 1806 и 1807 гг. — опубликовал его первое систематическое описание. Этот каталог вышел в четырёх книгах и примечателен в нескольких отношениях: он позволяет представить, каким образом Фишер мыслил подопечное ему музейное собрание, а также оценить его масштаб.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что Г.И. Фишер с самого начала своей карьеры в Московском университете почти неизменно называл своё «ведомство» не Кабинетом, а именно Музеем. В этом несомненно отразилась

Рис. 4. Титульные листы каталога Г.И. Фишера: «Императорского музея» (слева) и «Демидовского музея» (справа) (из: Fischer, 1806, 1807).

Fig. 4. Title pages of the G.I. Fischer's catalogues: the "Imperial Museum" (left) and the "Demidov's Museum" (right) (after Fischer, 1806, 1807).

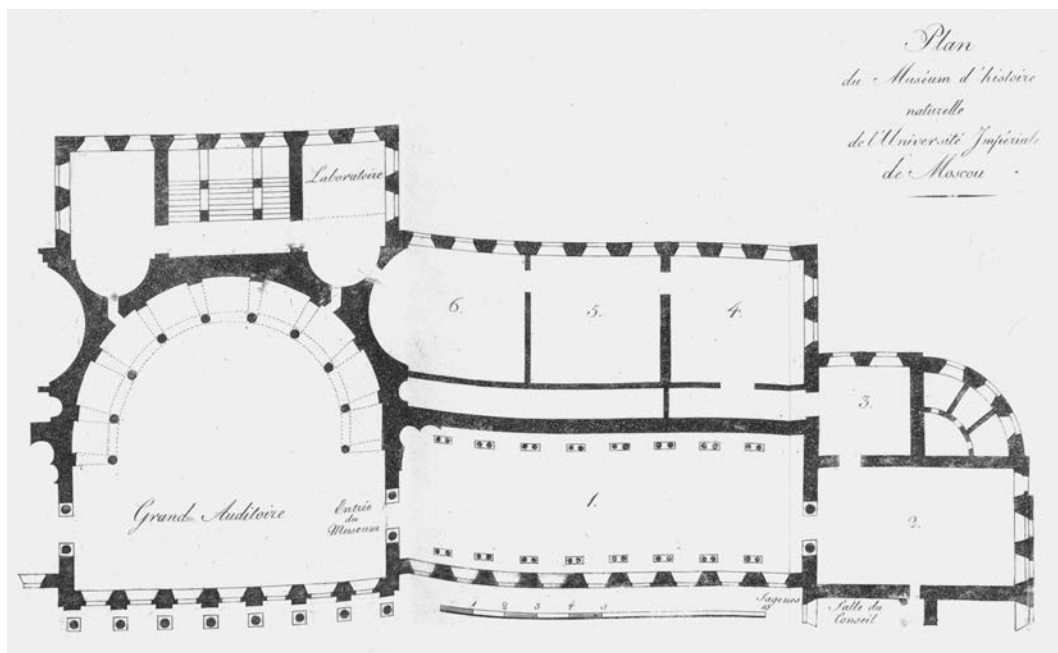
его служение в европейских музеях, откуда он привёз не только знание и опыт, но и соответствующий «тезаурус». Под этим названием наш Музей фигурирует во многих университетских документах и изданиях (например, в ежегодных отчётах) первой половины и середины XIX в. Впрочем, в университетском уставе от 1835 г. он будет официально обозначен иным образом (см. ниже настоящий раздел).

Далее, два раздела университетского собрания натуралий, представлявших собой два музея (см. выше), Г. Фишер и обозначал по-разному. Один из них, восходивший к Минеральному (Натуральному) кабинету 1750-х гг., он неизменно называл «Императорским»; второй, в основе которого лежал дар П.Г. Демидова 1802 г., для него был «Демидовским». Это различие однозначно проявляется в названиях томов подготовленного Фишером каталога (рис. 4). Первый том титульно обозначен как «Muséum d'Histoire Naturelle de l'Université Impériale de Moscou», на его шмуцтитуле и в колонтитулах Музей значится как «Muséum Impérial d'Histoire Naturelle de Moscou» — т. е. «Императорский музей естественной истории»; первая глава этого тома называется «Histoire du Muséum Impérial d'Histoire Naturelle» (Fischer, 1806). В отличие от этого, посвящённые демидовскому собранию три тома каталога названы «Muséum Demidoff» — т. е. «Демидовский музей»; его зоологический и ботанический разделы отражены в третьем томе

(Fischer, 1807). В уже упоминавшемся послании-отчёте к М.Н. Муравьёву Фишер пишет, что он полагает «разместить [Императорский] музей так, чтобы от внимания публики не ускользнул знаменитый Демидовский музей, и вместе с тем представить его как естественное дополнение и продолжение уже существующих коллекций» (цит. по: Богданов, 1885, с. 17).

Говоря о структуре тогдашнего Кабинета, стоит отметить, что Фишер особо выделяет в нём ещё и некое «Географическое собрание», которое было пожертвовано в Университет И.Ф. Германом, академиком и главным директором Екатеринбургских рудокопных заводов (Fischer, 1806). Оно предназначено было для показа разнообразия природных условий в областях Российской империи. И хотя Фишер обещал «стараться о продолжении сих собраний» (р. 9), в «послепожарном» Музее их, по видимому, не восстановили.

То, почему Фишер обозначает первый из описываемых им музеев как «Императорский», может быть понято из следующего. С одной стороны, ещё одно обозначение университетского Натурального кабинета, в самые первые десятилетия его существования, было — «Императорский кабинет» (см. предыдущий раздел). С другой стороны, хотя в вступительном разделе 1-го тома своего каталога Фишер и отмечает самых первых дарителей — Демидовых, тем не менее основной акцент делает на Семятическом ка-

Рис. 5. План размещения «Императорского» (1–3) и «Демидовского» (4–6) музеев в университетском здании в 1805 г. (из: Fischer, 1806).

Fig. 5. Scheme of disposition of the “Imperial” (1–3) and the “Demidov’s” (4–6) Museums in the University building in 1805 (after Fischer, 1806).

бинете, особо отмечая, что тот был пожертвован Университету императором Александром I (см. выше). Эту же мысль Фишер подчёркивает в только что упомянутом послании-отчёте от 1806 г., где он пишет про «музей, дарованный нашему университету Его Императорским Величеством», называя последнего «основателем нашего музея» (цит. по: Богданов, 1885, с. 17). В связи с этим интересно отметить, что Фишер в своём кратком историческом очерке не упоминает каких-либо конкретных «памятных дат», в том числе не указывает и 1791 г.: для него история «Императорского музея» заключается главным образом в поступлениях ценных собраний, каковых в означенном году не было.

Первый том сводного каталога обоих музеев Фишер начинает кратким очерком истории формирования университетского собрания вместе с планом и описанием его размещения на момент издания каталога. Краткая характеристика Музея натуральной истории представлена также на страницах «Московских учёных ведомостей» за 1805 г. (Известие..., 1805; Об училищных..., 1805) и воспроизведено в книге С.П. Шевырёва (1855), посвящённой 100-летию Московского университета (с. 370–371); имеется почти полный русский перевод всего тома (Фишер, 1806; вводный раздел публикуется в настоящем сборнике). Согласно схематическому плану, предваряющему вводный очерк (рис. 5), и его

словесному описанию, университетское собрание предметов натуральной истории занимало шесть смежных комнат, расположенных справа от Большой аудитории в центральной части университетского здания — приблизительно там же, где они располагались при въезде в новое помещение в 1791 г. (см. предыдущий раздел). Первое (центральное) помещение, вход в которое вёл из аудитории, представляло собой большой зал, а прочие были примыкающими к нему небольшими комнатами. Центральный зал и первые две комнаты занимали предметы Императорского музея, две следующих — предметы Демидовского музея, последнюю комнату — пожертвованная П.Г. Демидовым библиотека. Кроме того, в конце описания упомянута небольшая комната, используемая в качестве лаборатории (она так и помечена на схеме).

Территориальное расположение музейных предметов определённо отражало их «ведомственную принадлежность»: как видно из словесного описания, зоологические экспонаты из одних и тех же систематических групп (например, высушенные насекомые и раковины моллюсков) были выставлены и в первой комнате — как часть Императорского музея, и в четвёртой — как часть Демидовского музея.

В пределах каждого из «ведомств» Г.И. Фишер расположил предметы в систематическом порядке. Хотелось бы отметить, что ему, ви-

димо, был чужд тот «кунсткамерный» подход, сочетавший в себе систематичность со стремлением к украшательству, к коему отчасти был склонен А.А. Антонский (см. его публикацию в настоящем сборнике). Фишер обосновывает свой порядок ссылками на соответствующих европейских авторитетов, причём не на какого-то одного (вроде Линнея), а на признанных специалистов по соответствующим группам (для животных, например, это Фабрициус, Ламарк, Кювье и др.). В результате данный раздел первого тома Каталога представляет собой некий «систематический путеводитель» по Музею.

Как видно из плана, согласно приведённой в предыдущем разделе классификации, восходящей к итальянскому Возрождению, теперь это был уже действительно полноценный «музей» (пусть отчасти и составной), а не «кабинет» (как в Аптечном доме) и не «галерея» (как он был первоначально размещён в новом университетском корпусе). Сам Г.И. Фишер полагал, что по объёму и значимости коллекций университетский «Музей, основанный так недавно, организовался под влиянием стольких счастливых обстоятельств, что в настоящее время может соперничать с каждым другим европейским музеем» (Fischer, 1806, p. 4; Богданов, 1885, с. 17). Известный российский профессор-медик В.М. Рихтер в третьем томе своей «Истории медицины», вышедшем в 1820 г., отметил, что «кабинет Московского университета различными приобретениями [...] учинился беспримерным и драгоценным собранием редчайших вещей по естественной истории» (цит. по: Житков, 1840, с. 21). Об этом, в частности, говорит тот факт, что краткая аннотация каталога Фишера сразу же появилась в лондонской «Литературной панораме», публикующей обзоры недавних важнейших экономических, политических, культурных и иных событий в Европе (History..., 1807).

В особом фрагменте вводного раздела Г.И. Фишер указывает «Собрание сравнительной анатомии»; однако в основной части каталога описания этого собрания нет. Видимо, Фишер намеревался обустроить отдельно анатомическую часть Музея, придавая ей особое значение, но что-то восприпятствовало сему начинанию. Забегая вперёд, можно добавить, что двумя десятилетиями позже он учредил Анатомический кабинет при Медико-хирургической академии (см. далее настоящий раздел статьи).

Следует отметить, что первоначально признаваемое Фишером разделение университет-

ского собрания предметов натуральной истории на два музея довольно скоро было им же оставлено. Об этом, как можно полагать, свидетельствует опубликованное им описание минералогической коллекции, которое сделано единым для всего университетского Музея естественной истории, без разделения его по «ведомственной принадлежности» (Фишер, 1811).

[В историческом очерке Г.А. Кожевникова (1915, с. 7) указано, что Музей натуральной истории «специализировался как Зоологический в 1805 г.». По-видимому, поводом для этого послужило предложение А.П. Богданова рассматривать Г.И. Фишера, приведшего в указанном году в порядок университетское собрание натуралий, «как настоящего основателя Зоологического музея» (Bogdanov, 1893a, p. 46). Однако ни одно из событий, представленных в настоящей статье на основании анализа доступных мне документальных источников по истории Московского университета и Кабинета (Музея) естественной истории, как представляется, не даёт оснований для такого заключения.]

* * *

Г.И. Фишер неустанно подчёркивал просветительное значение Музея естественной истории. Характеризуя его в вводном разделе опубликованного каталога, он называет музейные коллекции «публичными», служащими «для усовершенствования в знаниях и в особенности влияния Естественной Истории на образование ума» (Fischer, 1806, p. 25).

Согласно этому назначению, в октябре 1805 г. Музей открылся для студентов, которые допускались в его помещение по средам с 12 до 2 часов дня. В марте следующего года Фишер известил Совет Московского университета о завершении переустройства музейного собрания. Члены Совета, посетив Кабинет, нашли его в «весьма удовлетворительном состоянии» и постановили открыть в него доступ для публики по субботам в те же часы. Известие об этом по решению университетского Совета было помещено в «Московских ведомостях».

* * *

Стремясь сделать Московский университет одним из центров естественной истории в России, Г.И. Фишер активно содействовал организации при нём Общества испытателей природы; к этому названию вскоре добавился эпитет «Московское», его достаточно известной ныне аббревиатурой стало МОИП. Юридическим основанием для сего начинания послужил университетский Устав, § 11 которого провозглашал, что «к особливому достоинству Университета

отнесётся составление в недрах одного учёных обществ» (Летопись-Устав..., 1804).

Названное Общество появилось на свет в 1805 г., а в 1807 г. получило звание «Императорского». Основной его целью определено было содействие изучению природных богатств и успехам естественных наук в России, при этом среди важнейших ближайших задач было изучение природы её центральных регионов, прежде всего Московской губернии (Липшиц, 1940; Варсанофьева, 1955). В уставе Общества в § 7 было специально записано, что «все предметы, приобретаемые обществом, естественные ли то, или искусственные, а также все приготовления (препараты), делаемые членами для общества, будут храниться в Музее Естественной Истории Императорского Московского Университета» (цит. по: Богданов, 1885, с. 21).

Единство Музея и нового Общества подчёркивалось тем, что, согласно Уставу последнего, его директором, координирующим научную деятельность Общества, назначался профессор, опекающий университетское собрание натуральной истории, — т. е. Г.И. Фишер. Благодаря этому ИМОИП на многие годы стало важным источником ценнейших коллекционных материалов для нашего Музея: об этом специально говорил Г.И. Фишер в своём выступлении на 25-летнем юбилее Общества (Fischer, 1832).

Благодаря усилиям Г. Фишера и многочисленным жертвованиям коллекция Императорского музея довольно быстро разрасталась. Как пишет А.П. Богданов (Bogdanov, 1893a, p. 37), «вскоре Музей расширился до такой степени, что помещение старого зала стало недостаточным, и для размещения многочисленных коллекций Музею передали всё крыло большого здания, т. е. площадь, в четыре раза превышающую площадь первоначального помещения».

* * *

В 1812 г. развитие Музея было фактически отброшено к «нулевой точке» постигшей Россию бедой — наполеоновским нашествием. Через несколько дней после не слишком счастливой для российского оружия Бородинской битвы (26 августа), ввиду решения о сдаче Москвы неприятелю, московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин отдал распоряжение об эвакуации университетского имущества. Но оно, увы, явно запоздало, подвод было выделено значительно меньше требуемого числа (всего 70 супротив 200), загружали их в большой спешке лишь тем, что полагалось наиболее

ценным, — университетской казной и архивом, особо примечательными предметами кабинетов и музеев, дорогой церковной утварью, приборами и хирургическими инструментами, библиотекой. В последний день августа обоз выехал из Москвы в сопровождении некоторых университетских профессоров, в том числе Г.И. Фишера: основная его часть направилась в Нижний Новгород, меньшая — во Владимир и некоторые другие города (Эйнгорн, 1912; Андреев, 1998).

Оставшаяся в Москве весьма значительная доля университетской коллекции натуральной истории была перенесена в каменные подвалы Университета и препоручена охране одного лишь смотрителя Ришара, уже упоминавшегося выше. Но почти всё это погибло 4 и 5 сентября в страшнейшем Московском пожаре, ставшем своего рода трагическим апофеозом всей военной кампании 1812 г. Адъютант П.М. Дружинин, вернувшись в город после позорного отступления незадачливых завоевателей, в своём отчёте ректору и попечителям Университета с горечью сообщал, что университетский «главный корпус сгорел весь до основания. От него остались только стены [...] как из библиотеки, так и из музея не спасено ни малейшей части» (цит. по: Эйнгорн, 1912, с. 43).

В середине 1813 г. особым предписанием министра просвещения графа А.К. Разумовского университетское имущество было возвращено в Москву (Эйнгорн, 1912; Андреев, 1998; Бурлыкина, 2015). Университет, а с ним и Музей естественной истории, стали возрождаться буквально из пепла.

Некоторая часть «допожарной» коллекции Кабинета всё же сохранилась в современных музейных собраниях. Так, А.П. Богданов (1885) пишет, что «от прежнего зоологического собрания уцелели только две коллекции — раковин и полипов, вывезенные в 1812 году из Москвы» (с. 15). Отдельные «раритеты» самого начала XIX в. в своём мемуаре о Богданове упоминает Н. Зограф (1899): по всей вероятности, имеются в виду именно эти «две коллекции». Уже в наше время в «старых коллекциях» Зоологического музея МГУ в ходе его реконструкций и перемещений 1980-х гг. (о них см. один из последующих разделов статьи) удалось отыскать раковины моллюсков из Демидовского кабинета и собрать их в единую мемориальную коллекцию «Демидовские раковины» (Иванов, Кантор, 1991). Причём на некоторых раковинах отчётливо видны следы копоты, что позволяет

предполагать в них музейные предметы, чудом спасённые в Московском пожаре (Павлинов, Иванов, 2005). В фондах Государственного геологического музея им. Вернадского РАН в 1997 г. также было обнаружено небольшое число кораллов, упомянутых Богдановым: они выставлены в одном из залов этого Музея (Бессуднова, Жегалло, 1998; Бессуднова, 2005, 2006).

И тем не менее, сохранённых коллекций было настолько мало, что «послепожарное» восстановление университетского собрания натуральной истории характеризуется так, будто речь идёт об основании нового музея (Двигубский, 1814; Богданов 1885; Добров, 1962а).

Вернувшийся из Нижнего Новгорода Г.И. Фишер незамедлительно приступил к восстановлению своего разорённого хозяйства. Среди первых жертвователей, споспешествовавших возобновлению университетского Музея естественной истории, опять оказался представитель семейства Демидовых. На этот раз свою коллекцию, включающую почти 3 тыс. музейных предметов — редких минералов, раковин, чучел животных и проч., в том же 1813 г. Университету пожертвовал Н.Н. Демидов (Двигубский, 1814; Шевырёв, 1855; Демидов, 1910). В своём письме к А.К. Разумовскому, опубликованном в декабрьском номере «Московских ведомостей» от 1813 г., он писал: «Потеря, которую потерпела наука в бытность неприятелей в Москве, и в особенности Императорский Московский Университет, коего Музей обращал на себя внимание всех любителей и знатоков, должна производить глубокие впечатления в каждом сыне отечества; и частному человеку, имеющему у себя собрание естественных вещей, нельзя смотреть на него, не чувствуя в себе побуждения к восстановлению одного Музея [...] Движимый сим чувством и мыслию, что фамилия Демидовых всегда старалась содействовать пользам Императорского Московского Университета, я принял смелость предложить оному собрание разных произведений природы, которое будучи начато ещё отцом моим умножено собственными моими трудами» (цит. по: Шевырёв, 1855, с. 464; Богданов, 1885, с. 15; Липшиц, 1940, с. 127). В краткой описи щедрого дарения указано, что оно «состоит из 14 шкафов, из коих шесть заключают в себе минералы, два разных рода раковины, столько же с полипами, один с животными в чучелах [...] и плодами редких растений. Сверх того мамонтов череп, китовая челюсть, значительной величины черепахи и

др. редкие произведения Природы» (цит. по: Кузнецов, Минаева, с. 19) на сумму 60 тыс. руб.

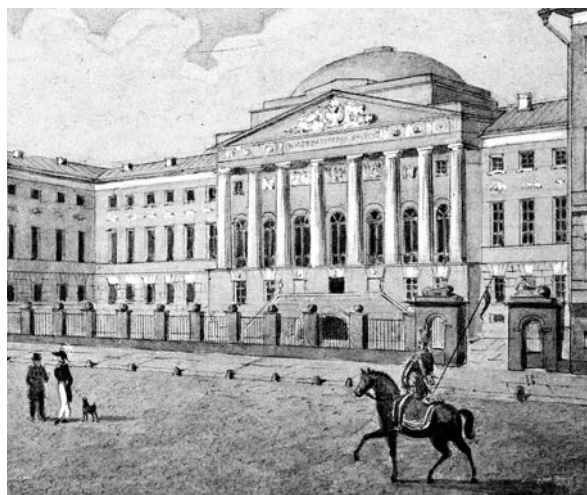
В очерке Шевырёва, касающемся начального «послепожарного» восстановления Музея и большей частью воспроизведённом в цитируемой книге А.П. Богданова (1885), перечислены, кроме того, следующие жертвователи: участник Бразильской экспедиции Г. Лангсдорфа — В. Фрейрейс (член ИМОИП) с коллекцией птиц и иных животных, Х.Х. Стевен с большой коллекцией насекомых с юга Малороссии (около 5 тыс. видов и вдвое больше экземпляров), А.К. Разумовский также с энтомологическим собранием, академик Х. Пандер, профессора Фишер и Двигубский, тобольский губернатор А.М. Тургенев; наконец, «купеческие дети В.С. и П.С. Алексеевы» купили у профессора Московского университета М.И. Адамса и передали коллекцию насекомых и растений, собранную тем во время путешествий по России.

Следует отметить, что активнейшую роль в восстановлении Музея естественной истории в первые послевоенные годы играло ИМОИП: все перечисленные и многие неназванные здесь дарители были действительными членами или членами-корреспондентами этого Общества (Двигубский, 1815; Липшиц, 1940). По сути оно служило своего рода ключевым посредником: жертвователи преподносили свои собрания Университету или самому Обществу, а уже последнее, согласно своему Уставу, передавало поступающие материалы в Музей.

В результате этих и иных поступлений к концу 1814 г. в Музее естественной истории насчитывалось до 6 тыс. предметов (Двигубский, 1814) — фактически столько же, сколько их было в Минеральном кабинете Демидовых полувековой давности. Они хранились в съёмном помещении близ сгоревшего университетского здания. Примечательно, что С.П. Шевырёв (1855), характеризуя возрождающийся Музей, пишет о «возрастании его по трём царствам природы» — зоологическому, ботаническому и минералогическому. Впрочем, это «возрастание» было не слишком значительным: те же почти 6 тыс. натуральных предметов значатся и в 1816 г. согласно составленной Г.И. Фишером «Ведомости о состоянии Музея»; при этом «животных улиткообразных и раковин» в ней указано несколько более 2 тыс. (Добров, 1962а, с. 79).

* * *

В 1818 г. прежнее здание Московского университета на Моховой было в основном восста-

Рис. 6. Здание Московского университета, восстановленное по проекту Д. Жилярди (вид со стороны р. Неглинки; акварель 1829 г.; взято из Интернета http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/77/Moscow_University,_1820s.jpg).

Fig. 6. The restored building of Moscow University designed by D. Gilardi (view from the Neglinnaya River; water color of 1829; taken from Internet http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/77/Moscow_University,_1820s.jpg).

новлено по проекту архитектора Д. Жилярди, тогда же его торжественно открыли (рис. 6). По-видимому, в том же году возрождённый Музей естественной истории (так он обозначен в университетских отчётах, см.: Двигубский, 1814, 1815, 1819, 1820) занял на третьем этаже его флигеля четыре зала, из коих два были отведены под экспонаты животных и ещё два — под «ископаемые» (минералы, фоссилии); никакие иные предметы за ним не числились (Указатель..., 1826). Таким образом, прежние «Императорский» и «Демидовский» музеи фактически прекратили, недоброй волею судеб, своё раздельное существование, обратившись в единый Музей с двумя лишь кабинетами — зоологическим и минералогическим; это будет отражено в последующих университетских отчётах (см. далее).

При освоении нового помещения в 1819 г. Музей был оборудован новыми шкафами; в том же году его открыли для посещения студентов и публики (Добров, 1962а). В 1822 г. университетский Совет поручил Г.И. Фишеру составить особое «учебное собрание» для того, чтобы его «демонстрировать в Музее естественной истории для студентов и слушателей» (*op. cit.*, с. 80); впрочем, последовал ли Фишер этому распоряжению, неясно.

В только что указанном 1822 г. Г.И. Фишер опубликовал первый выпуск каталога зоологи-

ческих коллекций возрождённого Музея. Этот каталог назывался «Музей естественной истории Императорского московского университета», об отдельном «Демидовском музее» речи уже нет (Fischer, 1822). В каталоге указано без малого 10 тыс. экз. животных из разных типов и классов; перечень насекомых Фишер опубликовал отдельным выпуском несколькими годами позже (Fischer, 1829). В 1824, 1827 и 1830 гг. вышли описания минералогических разделов Музея, поступивших в него в разное время (Бессуднова, 2006).

[Здесь следует сделать очередное небольшое отступление и обратить внимание на следующее. В изданном Фишером каталоге Музея отсутствует описание коллекции анатомических предметов, в том числе пожертвованной Университету в 1818 г. Александром I знаменитой анатомической коллекции, выкупленной им у университетского профессора Х. Лодера. Всё это означает, что Анатомический кабинет, как это явствует и из ежегодных университетских отчётов, с самого начала не был в составе «фишеровского» Музея естественной истории. Поэтому считать частью последнего названный Кабинет (Бурлыкина, 2015), мне кажется, нет оснований.]

В середине 1820-х гг. был подготовлен и выпущен примечательный «Указатель Императорского московского университета», содержащий «описание Кабинетов и других заведений [...] с показанием всего достопримечательного в оных» (Указатель..., 1826). В доступном мне экземпляре этого «Указателя...» и в соответствующем годовом отчёте университета (Щепкин, 1827) его авторство не указано, но З.А. Бессуднова (2005, 2006) пишет, что он был составлен по поручению Г.И. Фишера сыном последнего А.Г. Фишером. В сем «Указателе...», кроме Музея естественной истории с двумя разделами — животных и минералов, значатся следующие «заведения»: Кабинеты физический и астрономический, химический, анатомический, технологический, врачебного веществословия, мицкабинет, гербарий, ботанический сад, а также библиотеки. Почти все они без существенных изменений будут фигурировать в новом Уставе Московского университета, утверждённом в 1835 г. (см. далее настоящий раздел).

Одним из наиболее интересных приобретений этого времени стала часть обширной зоологической коллекции, которую собирал в Бразилии на протяжении 1810-х и 1820-х гг. уже упоминавшийся российский посланник Г. Лангсдорф; как было отмечено выше, первая партии материалов от него поступила вскоре

после начала «послепожарного» восстановления Музея. Следует упомянуть также собрание рано умершего российского естествоиспытателя и путешественника И. Эшшольца (в документах той поры иногда упоминается как Ешголец, например, см.: Отчёт..., 1843). Он в качестве судового врача участвовал в нескольких морских походах, собрав большую коллекцию растений и животных. Значительная её часть, хранившаяся в Дерптском университете, погибла при пожаре, но кое-какие уцелевшие материалы при содействии ИМОИП в конце 1830-х гг. были приобретены у вдовы собирателя и попали в наш Музей, их перевёз сюда К. Рулье (Шевырёв, 1855). Общий объём его энтомологических коллекций, поступивших в университетское собрание, составляет почти 20 тыс. экз. (Отчёт..., 1843).

* * *

В архивах Зоомузея хранится опись зоологической части Музея естественной истории, относящаяся к рассматриваемому периоду.

Данная опись фактически являет собой новую «Шнуровую книгу» (предыдущая, вероятно, погибла при пожаре в 1812 г.), её структура свидетельствует о том, что она — скорее систематический каталог коллекции, нежели её поэкземплярный «инвентарий» (рис. 7). Вся книга поделена на разделы, соответствующие основным систематическим группам позвоночных и беспозвоночных животных (без насекомых), последовательной или какой-либо иной нумерации музейных предметов нет. Сведения о сих предметах заключают только родо-видовые биномены и количество экземпляров по каждому виду. Все записи представлены в двух основных форматах: для каждого таксономического раздела на соответствующих разворотах книги присутствуют а) вклеенные страницы из опубликованного в 1822 г. каталога и б) записи «от руки» об экспонатах, отсутствующих в этом каталоге. Вклеенные страницы, по-видимому, указывают на то, что эта книга была заведена после 1822 г. Подавляющая часть записей, судя по почерку, выполнена одним человеком: возможно, это был уже упоминавшийся Ришар, имя которого фигурирует в университетских отчётах вплоть до середины 1830-х гг. (см. далее настоящий раздел).

Таким образом, можно полагать, что эта опись составлялась не последовательно по мере поступления новых коллекционных материалов. Скорее всего, заполнение данной «Шну-

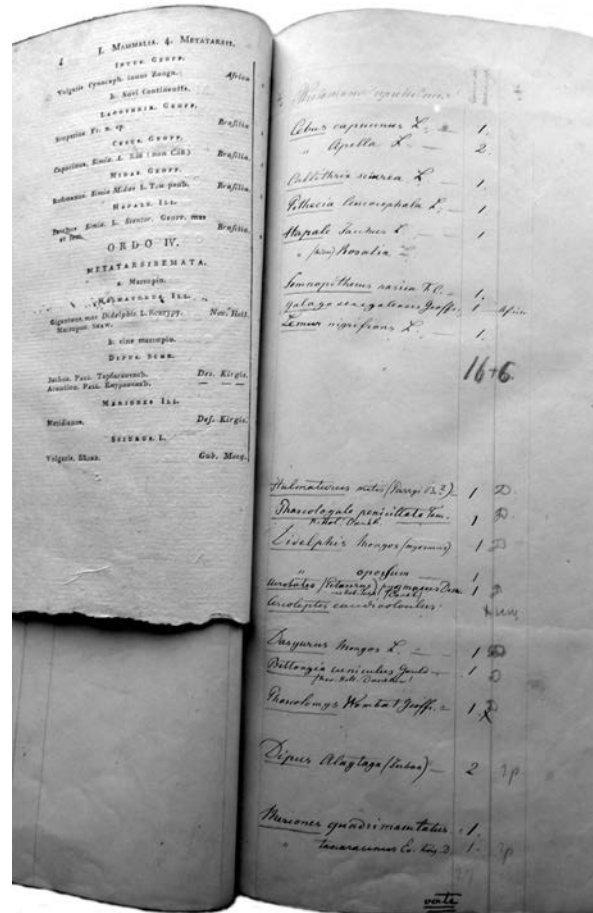

Рис. 7. Фрагмент «Шнуровой книги», заведённой в 1820-е гг.: видна вклеенная страница из каталога Г. Фишера 1822 г. (архив ЗМ).

Fig. 7. A fragment of the “Cord book” started in the 1820s; a pasted page of the G. Fischer’s catalogue of 1822 is visible (ZM archive).

ровой книги» представляло собой «разовую акцию», относящуюся, возможно, к последним годам служения Г.И. Фишера при Московском университете.

* * *

Побуждаемый деятельным характером к расширению сфер приложения своих талантов, Г.И. Фишер, не оставяя университетской Демидовской кафедры, с 1817 г. приступил к преподаванию некоторых разделов естественной истории в Московской медико-хирургической академии. Она была утверждена в 1808 г. в как филиал одноимённой Санкт-Петербургской академии, размещалась в здании на Рождественке (у пересечения с Кузнецким мостом), построенном по проекту М.Ф. Казакова.

В начале 1820-х гг. Фишер организовал при названной Академии Анатомический кабинет (Рулье, 1855). В отличие от университетского Анатомического театра, упомянутого выше,

Фишер согласно своим научным интересам привлекал в новый Кабинет предметы не только медицинского, но и зоологического значения. Эта Академия затем станет частью Московского университета, названный Кабинет — частью университетского Зоологического кабинета, а служившие при ней некоторые персоны сыграют важную роль в истории последнего (см. далее настоящий раздел).

* * *

Одним из впечатляющих замыслов Г.И. Фишера была организация в Москве нового Отечественного музея естественной истории по образцу столичных европейских (таких как Парижский, Британский), который он попытался учредить в начале 1830-х гг.

[Надобно заметить в скобках, что вообще в те годы идея создания некоего Отечественного музея в России была весьма популярна, в чём немалую роль сыграл «европейский поход» русской армии, преследовавшей Наполеона; правда, обращена эта идея была главным образом на произведения искусства (Каулен, 2003).]

Ввиду определённых трений, возникших к этому времени между руководством Московского университета и Фишером, последний счёл, что новому музею будет лучше вне университетских стен и что он должен составить единое целое с ИМОИП как важнейшим если не держателем, то собирателем коллекций в области зоологии, минералогии и ботаники (Липшиц, 1940). При этом подразумевалось, что основу предполагаемого музея должны составить собрания подведомственного Фишеру университетского Музеума. Для осуществления этого замысла Фишер подготовил проект Устава будущего Отечественного музея и утвердил его на заседании Правления ИМОИП в 1832 г. Для размещения нового Музея Фишер предложил использовать дом З.П. Зосимы, известного коллекционера и мецената, почётного члена многих научных обществ, в том числе ИМОИП, — «дачу, находящуюся в Пресненской части на Трёх горах» (на месте нынешнего дома № 5 по Нововаганьковскому переулку; см.: Менцин, Путря, 2013), пожертвованную по завещанию её владельца в 1827 г. Университету; Фишер же полагал, что именно Обществу, пребывавшему в одной «даче» до переезда в университетское здание на Моховой (Чайковский, 1997).

Все надлежащие документы от имени Правления ИМОИП были направлены в Министер-

ство народного просвещения, откуда их спустили по «чиновным инстанциям» вплоть до Совета Московского университета. Тот дал на проект Фишера отрицательное заключение, настаивая на сохранении и Музеума, и Общества при Университете; с этим согласился попечитель Московского учебного округа С.М. Голицын. Среди оснований для отказа фигурировало и то, что Зосима завещал свою «дачу» Университету с иной вполне определённой целью — для обустройства в ней обсерватории, по каковой причине она не может служить пристанищем для Музея естественной истории; несколько лет спустя здание этой «дачи» действительно было оборудовано согласно пожеланию завещателя (Шевырёв, 1855; Ульянова, 2004; Менцин, Путря, 2013).

После этого отказа Фишер незамедлительно предпринял ещё одну попытку учредить свой новый музей, воспользовавшись на этот раз даром другого щедрого члена ИМОИП — отставного капитана А. Рюмина (возможно, это тот самый А.Г. Рюмин, о котором см.: Коновалов, 2014), специально для размещения и оборудования предполагаемого Музея пожертвовавшего Обществу принадлежавший ему дом на Смоленском рынке и некоторую сумму денег (Рулье, 1855; Липшиц, 1940). Однако начальствующие лица Московского учебного округа не позволили Фишеру воспользоваться этим обстоятельством, опять отказав ему и использовав дом Рюмина под иные сугубо университетские нужды. Фишер попытался опротестовать это решение, подготовив письмо на имя всё того же С.М. Голицына, однако оно так и осталось неотправленным (Липшиц, 1940).

В знак протеста Г.И. Фишер фон Вальдгейм в том же 1832 г. подал в отставку с должности профессора Демидовской кафедры и заведующего Музеумом естественной истории. Так закончилась «эпоха Фишера» в первоначальной истории становления Зоологического музея Московского университета.

Покинув должность университетского профессора, Г.И. Фишер сосредоточился на организации деятельности ИМОИП в должности его директора и издании своей фундаментальной многотомной «*Entomographia imperii rossici*».

На два года его преемником во главе Кафедры и Музея в Университете стал его сын — А.Г. Фишер фон Вальдгейм. При этом университетский Совет счёл «необходимым сделать проверку всем предметам, находящимся в Музее

естественной истории [...] для приведения в точнейшую ясность настоящего состояния Музея» (Журнал Совета 1833 г.; цит. по: Добров, 1962а, с. 81). Впрочем, это, по-видимому, сделано не было: недолгая деятельность Фишера-мл. в качестве заведующего Демидовской кафедрой и Музеем естественной истории ничем особым не была отмечена.

* * *

В 1835 г. в устройстве российского высшего образования произошёл важный перелом — Указом императора Николая I был утверждён новый Общий университетский устав, существенно ограничивший свободы и функции университетов. В числе этих ограничений оказалось понуждение университетам сосредоточиться на образовательном процессе («университет есть учебное заведение»), оставив «учёную разработку науки» Академии наук (Рождественский, 1902). Так в России было установлено разделение общей системы научно-образовательной деятельности, пагубное как для одной, так и для другой её составляющих.

На основе этого Общего устава в том же году был принят новый Устав Московского университета (Общий устав..., 1835; Летопись-Устав..., 1835). Согласно общему предписанию, в нём (§ 11) в составе Физико-математического отделения восстановленного Философского факультета учреждалось несколько кафедр, среди которых — зоологии, минералогии с геологией, ботаники и др. (Общий устав..., 1835). В дополнение к кафедрам § 167 Устава определил так называемые «учебные и вспомогательные пособия и заведения», среди которых значились кабинеты — зоологический, минералогический, ботанический и др., а также анатомический и зоологический (зоотомический) театры. Хотя их кафедральная принадлежность явно не была прописана, этот же параграф определял, что они «состоят в ведении преподавателей, к предметам коих принадлежат». Это означало, в частности, что Зоологический кабинет передавался «в ведение» профессора Кафедры зоологии. Следует упомянуть, что единственным «вспомогательным заведением», официально именуемым «музеем», в типовом Уставе оказался один лишь Музей изящных искусств и древностей. Всего же к концу 1850-х гг. при Московском университете значились 14 различных «пособий и заведений» такого рода (История..., 1955а).

Как видно из предыдущего абзаца, новым университетским Уставом не были предусмо-

трены ни единая Демидовская кафедра натуральной истории, ни Музей естественной истории. Иными словами, уставным порядком обе эти институции были официально упразднены. Их зоологический и минералогический разделы были обращены по «профильному» принципу в самостоятельные кафедры и приписанные к ним кабинеты, с этого времени начинается их во многом самостоятельная судьба, в том числе «персонифицированная». Причина в том, что каждый из названных кабинетов отныне поступал в ведение разных профессоров.

Казалось бы, Музею естественной истории, выпестованному Фишером в «послепожарные» годы, тем самым был положен конец — однако же этого «по факту» не случилось. Во многих исторических документах того времени, касающихся Московского университета, в том числе в его ежегодных отчётах вплоть до начала 1860-х гг., предмет нашего повествования обозначался именно таким традиционным названием, а только что упомянутые профильные кабинеты указывались как разделы этого Музея.

Такое несогласование между реальным (исторически сложившимся) статусом единого Музея естественной истории и официально утверждённым (согласно новому общеуниверситетскому Уставу) статусом отдельных кабинетов, как неких «вспомогательных заведений» при кафедрах, заслуживает несколько более подробного освещения.

В отчёте о деятельности Московского университета в 1835 г. вся статистика хранимых предметов уже поделена по кабинетам и иным «вспомогательным заведениям». Среди занимающих нас институций такого рода числятся два Кабинета — минералогический и зоологический, при этом раздел с описью последнего начинается с указания того, что «Зоологический Кабинет составляет часть Музея Естественной истории, который состоит из следующих собраний: I. Животных и их частей, как живущих, так и ископаемых; II. Минералов [...] III. Искусственных изделий [...] V. Одежд разных народов» (Отчёт..., 1836, с. 25).

К числу официальных документов Университета того времени относится распоряжение его Совета в 1837 г. подготовить и утвердить особую «Инструкцию хранителю Музея естественной истории». В этой инструкции Музей не разделяется по отдельным кабинетам, но одним из её параграфов определено, что некоторые действия «хранитель Музея [совершает]

Рис. 8. Часть комплекса зданий Московского университета, перестроенного из усадьбы Пашкова (левая сторона Никитской ул., вид со стороны Долгоруковского пер.; здание, где размещался Зоологический музей, центральное в ряду; фотография 1887 г.; из: Россолимо, 1991).

Fig. 8. A part of the building complex of Moscow University rebuilt from the Pashkov's estate (left side of Nikitskii str., a view from Dolgorukovskii lane; the building of Zoological Museum is central in the row; photo of 1887; after Rossolimo, 1991).

с согласия профессоров, под главным ведением которых состоит Музей» (Дело Совета 1837 г.; цит. по: Добров, 1962а, с. 83).

В нескольких последующих университетских отчётах исследуемая нами институция указана как «Зоологический кабинет и Музеум естественной истории» (Отчёт..., 1837, 1839); затем ситуация выглядит следующим образом. На протяжении 1840-х и 1850-х гг. Музей естественной истории значится в полных отчётах Московского университета, а Зоологический и Минералогический кабинеты — как его подразделения (например, выборочно: Отчёт..., 1843, 1849, 1857, 1858). В кратких же отчётах в числе «учебных пособий» названный Музей поначалу значится наряду с Минералогическим кабинетом (например, Краткий отчёт..., 1841), затем, в полном согласии с официально утверждённой («уставной») структурой, вовсе не указывается, перечисляются и характеризуются лишь кабинеты (например, Краткий отчёт..., 1847). При этом, если в начале 1840-х гг. указывается хранитель всего Музея естественной истории, то в его конце — только хранители кабинетов (впрочем, в начале 1850-х гг. прежнее указание на время восстановится, см. далее настоящий раздел). Данное обстоятельство, по-видимому, отражает постепенное размежевание зоологи-

ческого и минералогического разделов Музея естественной истории, которое усилилось в 1850-е гг. и завершилось в 1860-е гг.

* * *

Но вернёмся к текущим событиям середины и второй половины 1830-х гг., которые для нашего Музея оказались весьма значимыми. Начиная с этого времени и до конца 1850-х гг. в судьбе университетской зоологии, можно сказать, ключевую роль стали играть воспитанники Г.И. Фишера по Медико-хирургической академии.

Первым из них стал профессор А.Л. Ловецкий, которого в 1834 г. назначили главой Кафедры (тогда ещё, т. е. до «николаевской реформы», Демидовской, см.: Отчёт..., 1835) и Музея естественной истории взамен А.Г. Фишера, перешедшего на Кафедру ботаники. Он начал служить под руководством Г.И. Фишера в только что названной Академии, где читал зоологию и минералогию, а с 1828 г. также при Университете, помогая своему патрону и там, и там в налаживании музейного дела. В 1935 г. Ловецкого утвердили в должности профессора новой университетской Кафедры зоологии, на которой он пребывал до своей преждевременной кончины в 1840 г.; тем самым под его началом находился и Зоологический кабинет. Вдобавок к этому в некоторых отчётах, как отмечено выше, Ловецкий указывается как «надзирающий» над Музеем естественной истории; правда, официальный статус этого «надзора» не очень понятен, т. к. в университетских отчётах при Музее значатся только «хранитель» и «чучельник» (например, Отчёт..., 1835, 1836, 1837). В качестве хранителя в отчётах за 1834 и 1835 гг. указан «Ф. Ришард» — вероятно, тот самый упоминавшийся выше Ришар, который прибыл в Москву в начале XIX в. вместе с Семятинским кабинетом и был указан Г.И. Фишером в 1-м томе его каталога 1806 г.

В 1833 г. была начата и в 1837 г. завершена перестройка (архитектор Е.Д. Тюрин) городской усадьбы Пашковых, приобретённой за год до того Николаем I для Университета — на той же Моховой, но по другую сторону Никитской улицы (Шевырёв, 1855; Кириллов, 1997). В этот корпус, названный Аудиторным, переместился Музей естественной истории: во флигеле, выходящем на Никитскую улицу (рис. 8), ему отвели один большой зал в «два света» (т. е. с двумя рядами окон) с хорами. В этом зале «правую сторону занимают животные, левую минералы» (Шевырёв, 1855, с. 521–522). Тем самым,

согласно выше упоминавшейся классификации музейных институций по характеру занимаемых ими помещений, наш Музей формально вновь обратился в «Кабинет». Примечательно, что для придания Музею большей функциональности в качестве публичного при входе в эту общую залу был вывешен указатель размещения в ней показных предметов (Отчёт..., 1839).

В том же 1837 г. Министерство народного просвещения, в развитие Общего университетского устава, предписало во всех музеях и кабинетах ввести должности хранителей, чтобы снять с профессоров обременительные заботы о коллекциях (Таран, 2005; Бурлыккина, 2015). Впрочем, в годовых отчётах Московского университета они указывались и прежде. Как бы там ни было, в означенном году А.Л. Ловецкий взял себе в помощники молодого адъюнкта К.Ф. Рулье; возможной причиной была кончина Ришара. До того Рулье некоторое время служил в Московской медико-хирургической академии, где по представлению Ловецкого его в 1836 г. назначили хранителем Анатомического кабинета, а в 1837 г. он совместил это занятие с такой же должностью в университетском Музее естественной истории: последнее обстоятельство отражено в очередных отчётах Университета (Отчёт..., 1837, 1839).

В том же 1837 г., в связи с введением «уставной» должности хранителя, университетский Совет распорядился, как было отмечено выше, составить «проект инструкций смотрителю музея, по которой он обязан действовать в сей должности» (Журнал Совета 1837 г.; цит. по: Добров, 1962а, с. 82). Таковая «Инструкция хранителю Музея естественной истории Московского университета» в том же году была составлена А.Л. Ловецким; её полный текст воспроизведён в неоднократно упоминавшейся выше «летописи» С.А. Доброва (1962а, с. 82–83). Этот документ наделял хранителя довольно широкими полномочиями: § 2 гласит, что «он размещает по своему усмотрению предметы естественной истории, ведёт по возможности каталог и даёт систематические названия вновь поступающим предметам» (*ibid.*). Следует особо отметить, что, как видно из содержания «Инструкции...», она не предполагала обязательного составления инвентарной описи Музея (лишь «по возможности»); по-видимому, систематический учёт коллекций в эти годы не проводился.

Воспользовавшись переменами, связанными с освоением нового помещения и побуждаемый

университетским начальством, Ловецкий и Рулье ввели в организацию Музея новый принцип — разделили его коллекции на учебно-показные и научные (Отчёт..., 1839). Это деление фактически стало исполнением того распоряжения, которое было дано Г.И. Фишеру в 1822 г. (см. выше). Для зоологической части эти разделы официально обозначались как «систематическое» и «отечественное» собрания, для минералогической — как «большой» и «малый» кабинеты.

С проведённой реорганизацией между персонами, связанными с Музеем естественной истории, в конце 1830-х гг. сложились такие «административные» отношения. Музей значился с двумя кабинетами — минералогическим и зоологическим. Он находился под надзором проф. Ловецкого, первый из указанных кабинетов — в заведовании проф. Щуровского, для второго (обозначенный как «Зоологический кабинет и Музеум естественной истории») хранителем указан Рулье (Отчёт..., 1837). Годом позже Рулье представил университетскому Совету рапорт о принятии им от проф. Ловецкого также и Минералогического кабинета, подписав этот рапорт как «хранитель Музея естественной истории» (Дело Совета 1838 г.; цит. по Добров, 1962а, с. 84). Наконец, в 1839 г. в университетском годовом отчёте Рулье указан и как «хранитель [Минералогического кабинета] под наблюдением Щуровского и Ловецкого» (Добров, 1962а, с. 85).

Согласно годовым университетским отчётам, к началу карьеры Ловецкого в качестве профессора университетской натуральной истории зоологическая часть Музея естественной истории содержала несколько более 24 тыс. экземпляров животных и их остатков (Отчёт..., 1836), к концу — более 41 тыс. экз. (Краткий отчёт..., 1841; Отчёт..., 1843).

Следует отметить, что всё это время Музей исправно, хоть и не очень активно, служил просветительским целям. В частности, в только что указанной «Инструкции хранителю...» специально оговорено, что «каждое первое воскресенье после первого числа от 12 до 2 часов впускает он в Музей всех желающих видеть предметы Естественной истории» (Добров, 1962а, с. 83).

* * *

Следующая фаза в истории университетского собрания натуралий началась с того, что в 1840 г. Московскую медико-хирургическую академию перевели в Министерство народного просвещения. Этот перевод сопровождался вы-

сочайшим предписанием «поставить Академию в ближайшую связь с Московским университетом» (Шевырёв, 1855, с. 497).

В том же 1840 г., в связи с кончиной Ловецкого, его фактическим преемником по университетской Кафедре зоологии стал выходец из названной Академии, уже упоминавшийся К. Рулье. Несмотря на отсутствие профессорского звания, он в начале 1840 г. по предложению Совета Университета стал читать лекции по зоологии на указанной Кафедре. При этом за Рулье оставили должность хранителя Зоологического кабинета; в современных изданиях его аттестуют как директора Музея естественной истории (Иксанова и др., 1991а; Любарский, 2009; Летопись..., 2016к), хотя в университетских отчётах такая должность не отражена.

Не будучи профессором, Рулье не мог официально возглавлять Кафедру: на неё в 1842 г. назначили профессора Медико-хирургической академии И.Т. Глебова. Рулье какое-то время оставался в должности хранителя Кабинета, а в 1845 г. стал экстраординарным профессором при названной Кафедре, хранителем же Зоологического кабинета был назначен К. Ренар.

Этот фрагмент истории Музея озаглавлен очередной «зоной турбулентности», вызванной некоторыми разночтениями в административных вопросах, коим в настоящей статье уделяется основное внимание. В связи с этим он заслуживает отдельного краткого комментария, каковой приводится в нижеследующем очередном отступлении.

[В немалом числе современных источников указывается, что И.Т. Глебов был поставлен во главе Кафедры сравнительной анатомии и физиологии при Физико-математическом факультете. Вероятной причиной служит указание в биографии Глебова о его назначении «на Кафедру Сравнительной Анатомии и Физиологии в Физико-Математический и Зоологии в Медицинский факультеты» (Циммерман, 1855, с. 222). Однако согласно Общему университетскому уставу от 1835 г. факультетская принадлежность названных кафедр была прямо противоположная (Общий..., 1835), так что в приведённой цитате содержится явная ошибка. Согласно этому и сообразуясь с официальным положением дел, наверное, следует считать, что Глебов был назначен на Кафедру зоологии всё-таки при Физико-математическом факультете. Что касается его назначения на Медицинский факультет, я в этот вопрос углубляться не буду; отмечу лишь (буквоедства ради), что при этом факультете в то время значились раздельно две кафедры — анатомии и физиологии (Летопись..., 2016к1).

И.Т. Глебов в 1844 г., заведя Кафедрой зоологии, учредил Кабинет сравнительной анатомии и физиологии (Краткий отчёт..., 1846); его судьба не вполне ясна. В ряде источников, включая летопись Московского университета за 1844 г., его числят при Физико-математическом факультете (Летопись..., 2016л). В университетских отчётах 1840-х и 1850-х гг. самостоятельным «вспомогательным заведением» числится Анатомический кабинет, под который отведена часть помещения Анатомического театра в новом корпусе Университета. В этих отчётах его принадлежность прямо не указана, но отмечено, что в конце 1840-х гг. и позже Кабинет возглавляли по очереди профессора Л.С. Севрук и Н.А. Варнек, оба служащие при Кафедре анатомии Медицинского факультета (Отчёт..., 1849; Летопись..., 2016м). После Варнека Кабинетом сравнительной анатомии заведовал его ученик Я.А. Борзенков, также служивший при только что указанной Кафедре (Отчёт..., 1861; Летопись..., 2016м1). Таким образом, этот Анатомический кабинет, очевидно, относился к Медицинскому факультету, куда в 1849 г. перешёл И.Т. Глебов.

Неясность заключается в соотношении не только двух названных кабинетов, но и их обоих с основанным Г.И. Фишером Анатомическим кабинетом при Медико-хирургической академии (см. выше), которая в 1845 г. была объединена с университетским Медицинским факультетом (Шевырёв, 1855). Возможно, что «глебовский» Кабинет сравнительной анатомии и физиологии был преемником «фишеровского», притом что отдельно в только что названном факультете существовал и свой Анатомический кабинет; оба кабинета упомянуты в отчёте за 1844 г. (Краткий отчёт..., 1844).

Этот вопрос требует прояснения, т. к. он имеет видимое отношение к тому Музею сравнительной анатомии, который позже возглавляли М.А. Мензбир и А.Н. Северцов и который в 1930-е гг. был влит в наш Зоологический музей (см. один из следующих разделов), — а тем самым и к нашей истории.]

В 1844 г. были предприняты решительные шаги к разделению зоологического и минералогического кабинетов Музея естественной истории. Инициатором стал Г.Е. Щуровский, мотивировав своё предложение тем, что зоологическое собрание разраслось настолько, что минералогическое оказалось весьма стеснённым в занимаемом им пространстве; примечательно, что Щуровский пишет не о размежевании кабинетов, а об обособлении «Минералогического кабинета от Музея естественной истории» (Добров, 1962а, с. 86). Несколькими годами позже в результате некоторой перепланировки всего университетского комплекса зданий зоологическое и минералогическое собрания оказались разделёнными территориально (Отчёт..., 1849). Зоологический

кабинет остался во флигеле нового Аудиторного («Пашковского») корпуса, «малый» Минералогический кабинет был передвинут в одно из центральных помещений последнего, а «большой» — в бельэтаж флигеля старого университетского корпуса (Щуровский, 1855а). Однако полное размежевание «юридически», видимо, не состоялось: в одном из университетских документов 1850 г. указано, что К.Ф. Рулье (в связи с назначением ординарным профессором Кафедры зоологии, см. чуть ниже), «передал на хранение» Ренару не только Зоологический, но и Минералогический кабинеты (Добров, 1962а).

* * *

В 1850 г. ординарным профессором Кафедры зоологии, в связи с переводом И.Т. Глебова на Медицинский факультет, был поставлен К.Ф. Рулье. Он стал второй после Фишера значимой фигурой в истории зоологии в России и особенно в Москве; впрочем, фигурой, не слишком любимую начальством. И то (значимость), и другое (нелюбовь) оказались возможными во многом благодаря его ярко выраженной самобытности (Богданов, 1885; Любарский, 2015).

Как это ни покажется на первый взгляд странным, но молодого профессора, хотя и воспитанного в классических традициях Анатомического кабинета, не особо интересовали систематические описания животных, основанные на «мёртвых» коллекциях. Напротив того, Рулье более всего занимали связи живого организма с живой же средой, в которой он обитает (Богданов, 1885; Микулинский, 1979). Эти свои внутренние побуждения Рулье высказал достаточно горячо и определённо, вернувшись из обязательной научной стажировки в Европе, в раннем небольшом сочинении под характерным названием «Сомнения в зоологии как науке», изданном в 1841 г. В нём молодой естествоиспытатель, критикуя «фактологическую» часть принципа корреляций Кювье, отстаивал необходимость изучать «животное как нечто целое — полное животное, а не часть его» (цит. по: Рулье, 1954, с. 25), согласно чему надлежит рассматривать «животные тела в природе» вместо того, чтобы изучать «их в кабинетах по остаткам, шкуркам, чучелам и проч.» (op. cit., с. 24).

Благодаря таким мировоззренческим и научным наклонностям К. Рулье задал на вверенной ему Кафедре, а вместе с этим и почти во всей московской зоологии, в отличие от в то время доминировавшего систематического, эколого-фаунистического направления. Впрочем, в этом

Рулье был едва ли оригинален: в европейском естествознании в середине XIX в. происходила заметная смена научных акцентов (сейчас бы сказали — «парадигм»). Та сухая систематизация и каталогизация, вершиной которой был К. Линней и в которой в России столь весомо преуспели Двигубский и Фишер, постепенно замещалась иными дисциплинами, связанными с изучением жизнедеятельности организмов и объединяемыми общим в то время понятием «физиология» (Sachs, 1906; Лункевич, 1960).

Согласно этому первейший интерес у Рулье-натуралиста вызывало всё то, что можно непосредственно наблюдать здесь, под боком, а не изучать по остаткам, привезённым откуда-то из-за дальних морей. В упомянутом «Сомнении...» Рулье писал по этому поводу, что «украшать музей одними иностранными или красивыми экземплярами, значит унижать науку на степень её недостойную, делать из неё предмет любопытства и забавы» (Рулье, 1954, с. 11). И он убеждал своих коллег-соотечественников, что «естествоиспытатель, лишённый возможности приобретать новых [экзотических] животных, не лишён возможности делать полезные и важные наблюдения над животными своей фауны» (op. cit., с. 27).

Поэтому Рулье придавал особое значение подробному изучению животного мира российских пределов, всячески приветствуя поступления в Музей сборов с территории Европейской России, Кавказа, Средней Азии, Сибири. Так, Г.С. Карелин, ученик известного Э. Эверсмана, по поручению и на средства ИМОИП много путешествовал по южным окраинам Российской империи для изучения их природы и местного населения и привозил интереснейшие зоологические и ботанические сборы из горных районов Алтая, Тарбагатая и Джунгарии (Липшиц, 1940). Часть своих научных материалов присылал финский натуралист А. Нордман, который в это время трудился на благо российского естествознания в причерноморской части Малороссии и описал оттуда много новых видов растений и животных. Весьма значимые в научном отношении материалы поступали в Музей от И.Н. Шатилова — известного российского агронома и лесовода, долгое время возглавлявшего Императорское московское общество сельского хозяйства (Перепёлкин, 1890).

Важнейшим пополнением Музея естественной истории в 1843 г. стала зоологическая и частью минералогическая коллекции, входив-

шие в состав Анатомического кабинета Московской медико-хирургической академии: это было немалое собрание, включавшее более 16 тыс. предметов (Краткий отчёт..., 1844, 1846). Причиной было выше упомянутое «принудительное» сближение этой Академии с Университетом, которое завершилось в 1845 г. её окончательной ликвидацией и слиянием с Медицинским факультетом (Шевырёв, 1855; Летопись..., 2016н).

Такие акцентированные и массивные поступления зоологических материалов способствовали тому, что Зоологический кабинет, как раздел Музея естественной истории, как уже было сказано, при Рулье всё более превращался в самостоятельный Зоологический музей. Таковым он окончательно стал через полтора десятка лет при А.П. Богданове; впрочем, последний считал, что университетское собрание натуралий стало Зоологическим музеем ещё при Г. Фишере в 1805 г. (Bogdanov, 1893a).

* * *

В те же начальные 1840-е гг. при Кафедре зоологии появляется фигура К.И. Ренара. Это был племянник Г.И. Фишера, переехавший по его приглашению из Германии в Россию в 1834 г. в качестве практикующего врача. Но очень скоро он поступил на службу препаратором в Анатомическом кабинете Медико-хирургической академии, а также её библиотекарем. В таком же качестве Ренар вместе с Академией в 1842 г. перешёл в Университет, оставаясь в тех же должностях. После ликвидации названной Академии в 1845 г. и назначения Рулье экстраординарным профессором зоологии, как было указано выше, Ренар занял должность хранителя при Кабинете зоологии (это случилось в 1846 г.), причём в университетском отчёте написано о его назначении «хранителем университетского музея» (Краткий отчёт..., 1846, с. 2–3).

В годовых отчётах Ренар позже указывается как хранитель и Зоологического кабинета, и Музея естественной истории (Краткий отчёт..., 1851; Отчёт..., 1857, 1858). Наверное, по этой причине в Интернет-летописи Московского университета К. Ренар значится как «директор Музея натуральной истории», причём либо с 1842, либо с 1858 гг. (Летопись..., 2016о,п). Первая дата соответствует приходу Ренара в Университет, вторая — кончине Рулье, после которой Зоологический кабинет на какое-то время остался без профессорского надзора; обе даты и «титул» не соответствуют действительности.

Чтобы понять значение К. Ренара в истории нашего Музея, необходимо принять во внимание следующее. Радея о пополнении Музея разнообразными коллекционными материалами, Рулье тем не менее не слишком интересовался хранительскими делами. Поэтому основная работа о музейном собрании зоологических предметов была возложена на Ренара (Зограф, 1899; Кожевников, 1915). Как видно из годовых отчётов этого периода, именно Ренар подавал для них данные по Музею (Кабинету). В связи с этим А.П. Богданов аттестует Ренара как «реального руководителя (directeur) Музея, во всей полноте его власти», причём подчёркивает значительность сделанного им для приумножения музейных коллекций (Bogdanov, 1893a, p. 48). В результате в университетской зоологии, до того единой, установилось некое «двоевластие»: Кафедрой заведовал Рулье, а Кабинетом (Музеем) — фактически Ренар (Тихомиров, 1897).

Заслуживает упоминания, что Ренар, по-видимому, занимался не только университетскими музейными собраниями. Так, в годовом отчёте Московского университета за 1851 г. указано, что он «издал каталог насекомых Мочульского» (Краткий отчёт..., 1851, с. 14); правда, других указаний на этот каталог мне найти не удалось.

Как отмечено выше, действующая «Инструкция хранителю...» не предполагала обязательно и регулярно занесения записей в учётную книгу музейных коллекций. По-видимому, это объясняет, почему в современном архиве Зоо-музея отсутствуют признаки систематического заполнения «Шнуровой книги» при Рулье и Ренаре. В университетских годовых отчётах того времени для Зоологического кабинета данные о составе и новых поступлениях представлены по каждому из разделов его коллекций — отечественных, систематических и поступивших из Медико-хирургической академии (например, Отчёт..., 1849, 1857). В отчётах указывалось общее количество экземпляров по основным систематическим группам позвоночных и беспозвоночных животных, по «ископаемым», отдельно отмечались особо значимые дарения.

К концу 1850-х гг. в Зоологическом кабинете насчитывалось уже более 65 тыс. экз. животных (Отчёт..., 1858, 1860).

* * *

Музей в эти годы продолжал служить делу просвещения. Так, в университетском отчёте за 1856 г. отмечено, что его «Зоологический кабинет посетили более 3500 особ» (Отчёт...,

с. 55). Таким образом, суждение о том, что при Рулье наш Музей «был закрыт для публики» (Иксанова и др., 1991а, с. 210), едва ли справедлив, особенно если учесть упомянутое выше соответствующее предписание в «Инструкции хранителю».

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА: «ЭПОХА БОГДАНОВА»

В начале 1860-х гг. Российская империя в очередной раз встала на путь достаточно либеральных перемен, связываемых с преобразовательной деятельностью императора Александра II. Они были призваны серьёзно смягчить давление государственно-административной системы, сложившейся за время царствования Николая I. Важной их частью и в этот раз, подобно истории начала рассматриваемого столетия, стала реформа образования: в 1863 г. императорским Указом был утверждён новый Общий устав российских университетов. Он предназначался для вузов Петербурга, Москвы, Казани, Харькова и Киева и даровал им существенно более широкую свободу и самоуправление (Волосникова, 2006).

Согласно принятому вслед за этим Уставу Московского университета (Летопись-Устав..., 1863), при Физико-математическом факультете была утверждена (§ 14) Кафедра зоологии с двумя отделениями — а) сравнительной анатомии и систематики животных, б) анатомии человека и физиологии животных. В числе уставно-утверждённых «учебных пособий, заведений и собраний» (§ 121) значились различные кабинеты, среди коих из числа имеющих касательство к нашей истории указаны следующие: минералогический, зоологический, зоотомический, некоторые другие. Следует особенно отметить, что упомянутый в предыдущем разделе «глубовский» Кабинет сравнительной анатомии и физиологии в списке этих «пособий и собраний» не значится; но указан некий «Музей физиологической анатомии с амфитеатром и рабочими комнатами». Многие из перечисленных «пособий», согласно Уставу, обзавелись каждой своей лабораторией; в случае Зоологического кабинета она предназначалась «для препарирования и набивания животных».

Как видно, этим Уставом, как и предыдущим (от 1835 г., см. выше), в Университете официально не был предусмотрен единый Музей естественной истории. Более того, в отличие от предыдущих лет, указание о нём перестало

присутствовать в годовых университетских отчётах 1860-х гг. — не только в кратких, но и в полных (например, выборочно: Отчёт... 1863, 1866, 1868). В связи с этим здесь имеет смысл несколько подробнее рассмотреть, несколько забежав вперёд в нашем повествовании, каким образом Зоологический кабинет из подразделения Музея естественной истории (в университетских отчётах 1830–1850-х гг. их иногда отождествляли, см. предыдущий раздел), как уже было отмечено выше, постепенно стал превращаться — сначала подспудно, а затем уже и явно — в самостоятельный Зоологический музей.

Впервые это знаменательное для нашей истории словосочетание появляется несколько раньше нового университетского Устава: так, в полном университетском отчёте за 1858–1859 гг. стандартно указан Музеум естественной истории с Зоологическим и Минералогическим кабинетами, но в конце отчёта по Зоологическому кабинету он упомянут уже как «Зоологический музей» (Отчёт..., 1860, с. 35). Уместно заметить, что это едва ли случайным образом совпадает с началом административной карьеры А.П. Богданова (о нём см. чуть ниже). На рубеже 1860–1870-х гг. в полных отчётах уже отсутствует какое-либо упоминание о Музее естественной истории; имеющий отношение к нашей институции раздел озаглавлен «Зоологический кабинет», а начинается он так: «Зоологический музей к концу [цифры] года...» (например, выборочно: Отчёт..., 1867, с. 59; Отчёт..., 1872, с. 58; Отчёт..., 1874 г., с. 63; Отчёт и речь..., 1876 г., с. 72). Наконец, с 1877 г. и далее в университетских годовых отчётах фигурирует, в том числе титульно, только Зоологический музей (например, выборочно: Отчёт..., 1878, с. 61; Речь и отчёт..., 1884, с. 197).

Завершая этот краткий обзор, следует отметить, что «уставным» главой Зоологического кабинета (музея) в рассматриваемое здесь время (начало 1860-х гг. и далее) по-прежнему оставался руководитель Кафедры зоологии, в подчинении у коего пребывал музейный хранитель; должность «директора Музея» мне в университетских документах не встретилась. С середины 1860-х гг. отчёты о Кабинете (Музее) публиковались без указания имени и должности его руководителя, в 1890–1900-е гг. в них стал фигурировать «заведующий Музеем».

* * *

Либеральные преобразования начала 1860-х гг. открыли молодым инициативным людям воз-

возможность не только задумывать, но и претворять животворные идеи по новому обустройству России, развитию её общественных институтов, науки, образования, просвещения.

Одним из таких людей стал А.П. Богданов, первые годы активной организационной, научно-преподавательской и просветительской деятельности которого счастливо совпали с началом реформ. Это был одарённый учёный, лектор, просветитель; вдобавок ко всему судьба наделила его особым организационным даром (Юровская, 2004; Любарский, 2015). По завершении университетского учения Богданов, как было заведено в те времена, прошёл обязательную двухгодичную стажировку в ведущих европейских музеях и лабораториях, живо интересовался тамошними зоосадами. Он вернулся из ознакомительных странствий исполненный новыми идеями о способах организации научной и просветительской работы в России вообще и в Московском университете в особенности, а равно и стремлением воплотить их в жизнь.

В 1858 г. А.П. Богданов защитил в Московском университете диссертацию на магистерское звание и сразу же был назначен исполняющим обязанности заведования Кафедрой зоологии, опустевшей после кончины его учителя и покровителя К. Рулье (Отчёт..., 1860).

Этот выбор, возможно, стал несколько неожиданным: ведь в небольшой блестящей плеяде учеников Рулье, объединившей Н.А. Северцова, Я.А. Борзенкова, С.А. Усова и А.П. Богданова, последний был самым младшим; Северцов к тому же прежде него (в 1854 г.) защитил магистерскую диссертацию. И всё же назначение Богданова едва ли было случайным, если принять во внимание следующее. Северцова более всего влекли экспедиционные исследования, а не административная рутинная работа; Борзенков же и Усов к тому времени ещё не были «остепенёнными» и в этом отношении несомненно проигрывали своему более молодому коллеге в глазах университетского начальства. Понятно, что и умудрённый опытом К. Ренар, многолетний спутник Рулье и хранитель Зоологического кабинета, не имея не только магистерской степени, но даже и соответствующего образования, не мог претендовать на руководство Кафедрой.

В 1862 г. Богданов получил звание экстраординарного профессора и был назначен заведующим Кафедрой зоологии и одновременно Кабинетом при ней (Bogdanov, 1893a). В 1863 г.

он был «переназначен» в названной должности в связи с утверждением нового университетского Устава.

Так в истории московской зоологии, а с ней и Зоологического музея, началась плодотворная «эпоха Богданова», продлившаяся более 30 лет.

* * *

Началу университетской карьеры А.П. Богданова предшествовала «чёрная полоса» в судьбе нашего Музея, довольно краткая и счастливо завершившаяся — а потому не оставившая особых видимых последствий. История эта такова.

[Впрочем, сначала в качестве очередного отступления — короткая предыстория. Ближе к концу 1850-х гг. попечитель Московского учебного округа Е.П. Ковалевский задумал создать некий Публичный музей, соединив в нём различные собрания Московского университета; отчасти это было запоздалым развитием идей 1820–1830-х гг. (в том числе Г.И. Фишера), о которых упоминалось в предыдущем разделе. Его преемник в указанной должности Н.В. Исаков в 1860 г. стал активно воплощать в жизнь эту задумку, дополненную живейшим участием в деле спасения Румянцевского музея: основанный в Санкт-Петербурге в 1828 г., к рассматриваемому времени он из-за безденежья вливал достаточно жалкое существование в составе Императорской публичной библиотеки (Пятидесятилетие..., 1913). Результатом активной лоббистской деятельности Исакова стало утверждённое Комитетом министров в мае 1861 г. «Постановление о создании первого Публичного музея в Москве и вхождении в его состав Румянцевского Музеума Санкт-Петербурга»; месяц спустя Румянцевский музей был перевезён в Москву, а в 1862 г. Император Александр II утвердил («в виде опыта на три года») «Положение о Московском Публичном музее и Румянцевском музее» (Отчёт по..., 1864; Пятидесятилетие..., 1913; Иванова, 2002). Под этот новый музейно-библиотечный комплекс отвели известный белокаменный дом Пашкова, возвышающийся на Ваганьковском холме против Кутафьей башни Кремля.]

Руководствуясь министерским постановлением, попечитель Московского учебного округа Н.В. Исаков, под началом которого по служебному регламенту находился Московский университет, безо всяких проволочек распорядился перевезти в дом Пашкова предназначенные для новой институции коллекции нескольких университетских кабинетов: это случилось осенью 1861 г. (Отчёт по..., 1864; Игнатович, 2000). В новом музее организовали отделы зоологии и минералогии, куда было передано, соответственно, почти 67 тыс. и 25 тыс. предметов. Перемещение коллекций осуществлял К. Ренар (Bogdanov, 1893a), их хранителями от

Университета были назначены магистр зоологии А.П. Богданов и профессор геологии И.Б. Ауэрбах (Отчёт по..., 1864; Игнатович, 2000). В университетских отчётах за эти годы Зоологический кабинет (музей) указывался в двух «отделениях» — меньшее числилось за Московским университетом, большее за Публичным музеем, причём оба независимо пополнялись вновь поступающими материалами (Отчёт..., 1863). Отчёт по названному Кабинету (обозначен как «Зоологический музей») за 1862 г. в последний раз был подписан К. Ренаром (*op. cit.*).

А.П. Богданов, с самого начала своей административной карьеры встревоженный возможными тяжёлыми последствиями начинания Н.В. Исакова для университетской зоологии, в том же 1861 г. стал предпринимать решительные шаги к возвращению отнятых у Университета зоологических коллекций из Публичного музея в стены *Alma mater*. Для осуществления этого он (совместно с Я.А. Борзенковым) в указанном году представил на имя тогдашнего декана Физико-математического факультета Г.Е. Щуровского докладную записку, где изложил свои идеи по поводу роли университетского Музея в обучении студентов и предложил пути его реорганизации. В этой записке Богданов писал: «главная цель Музеума состоит в том, чтобы служить необходимым пособием для чтения Зоологии, ибо без правильно устроенного Музеума невозможно вполне научное и соответствующее назначению Университета преподавание этой последней, и потому с усовершенствованием Музеума надо связывать и повышение уровня преподавания Зоологии» [Архив МГУ, Ф.241, О.1, Л.1; публикуется в настоящем выпуске «Зоологических исследований»]. В своей записке Богданов настаивал на том, чтобы Музей находился в непосредственном ведении профессора Кафедры (в отличие от положения «Инструкции» от 1837 г., см. предыдущий раздел).

[В скобках хотелось бы отметить, что в таком акцентировании внимания на учебном значении Музея с определённой долей вероятности можно предполагать влияние одной из основных идей «николаевской реформы» образовательной системы (см. предыдущий раздел), в контексте которой Богданов вырос и начинал свою карьеру. Однако это не помешало ему в дальнейшем всячески содействовать вовлечению музейных коллекций в исследовательскую работу и воспитывать своих учеников, которые все без исключения проходили «музейную школу», именно как учёных, а не просто (как бы их обозначили современные студенты) «тупых преподав». И, очевидно,

совсем неслучайно в своего рода жизненном девизе Богданова, выбитом на его надгробии, обозначены три его великие любви — к России, к Университету, к Науке (Спасская, Павлинов, 2015).]

Усилия А.П. Богданова вскоре принесли свои требуемые результаты. В 1863 г. университетский Совет обратился к попечителю Московского учебного округа с соответствующим ходатайством, на каковое было получено предписание «в летние каникулы 1864 г. перенести зоологическую коллекцию университета» «из Московского Публичного и Румянцевского музеев в здание Московского университета» (Добров, 1962б, с. 144). Судя по годовым университетским отчётам, на протяжении 1864–1865 гг. зоологические коллекции были возвращены на своё исходное место (Отчёт..., 1866). В частности, в только что указанном отчёте отмечено, что «в 1865 г. Зоологический музей был переведён из прежнего помещения своего в доме, принадлежащем Публичному музею, в новое здание Университета и в настоящее время приводится в порядок» (с. 63); под «новым зданием» подразумевается Аудиторный корпус на левой стороне Никитской ул. Для полноты картины следует отметить, что минералогические коллекции в 1863 г. также были возвращены Московскому университету (Добров, 1962б).

После приведения коллекций в надлежащее состояние Зоомузей вновь получил возможность полноценно функционировать в качестве основы для учебной, научной и просветительной деятельности. В 1866 г. его открыли для публичных посещений по воскресным и праздничным дням (Отчёт..., 1866, 1867, 1868).

* * *

Сердцевиной всей бурной деятельности А.П. Богданова-администратора была особая «организационная технология», заключавшаяся в следующем (Любарский, 2015). В начале «технологической цепочки» лежала, как правило, временная выставка, инициированная самим Богдановым. Для её организации он привлекал меценатов, организовывал экспедиционные и иные сборы с целью наполнения выставки показным материалом. После завершения выставки на основе остающихся после неё экспонатов он стимулировал учреждение новой постоянно действующей институции. Важное место в этой «технологии» было отведено обществу, которые организационными и финансовыми средствами содействовали воплощению замыслов Богданова.

Поскольку многие начинания А.П. Богданова были связаны с музейной деятельностью и в частности с Зоомузеем, имеет смысл кратко перечислить сделанное им (Юровская, 2004).

Начать следует с того, что он многократно развил учреждённый ещё при К. Рулье Комитет акклиматизации, превратив его в авторитетное Императорское русское общество акклиматизации животных и растений.

При Московском университете в 1863 г. А.П. Богданов (вместе с Г.Е. Щуровским и рядом других профессоров), опираясь на его новый Устав, инициировал создание Общества любителей естествознания. Оно довольно быстро разрослось, расширило круг своих членов и проводимых ими исследований, получило общественное признание и в 1868 г. стало Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) с многочисленными отделениями, комиссиями и комитетами. Общество это стало своеобразной «параллельной альтернативой» двум другим, более чем авторитетным и по стилю сугубо академическим, — уже упоминавшемуся ИМОИП и Императорскому русскому географическому обществу (ИРГО). Одна из ключевых задумок его соучредителей состояла в том, чтобы посредством членства в ИОЛЕАЭ привлечь к участию в научной и просветительной деятельности как профессионалов-учёных, так и любителей (отсюда и название), причём желательно не только интересующихся живой природой, но и располагающих финансовыми средствами для поддержания деятельности самого общества и учреждаемых им институций. На средства, поступавшие от членов ИОЛЕАЭ, с 1866 г. стали издавать многотомные «Известия...» — издание с довольно сложной структурой, в котором печатались научные статьи, отчёты о заседаниях, экспедициях и их коллекционных сборах, планы поездок и мероприятий, дебаты по разным темам. В 1881 г. при Обществе было учреждено отделение зоологии, начавшее выпускать свои «Труды...» и «Дневник...» (Богданов А., 1888а; Богданов В., 1915). Это Общество в последней трети XIX в. значительно превзошло по продуктивности ИМОИП, которое к тому времени оказалось близко к исчерпанию своих организационных и финансовых возможностей (Липшиц, 1940). Однако в последующем «заочном соревновании» между ними победителем вышло в 1930-е гг. всё-таки МОИП (см. следующий раздел).

[Пожалуй, здесь нелишне отметить, что в 1916 г. на основе «Дневника зоологического отделения...» был создан «Русский зоологический журнал», действующий по настоящее время. Таким образом, в 2016 г., когда Зоомузей отмечает 225-летие, это периодическое издание — теперь просто «Зоологический журнал» — встречает свой столетний юбилей (Любарский, 2016).]

Во многом благодаря финансовым и организационным возможностям ИОЛЕАЭ и усилиям самого А.П. Богданова были подготовлены и проведены первые в России грандиозные публичные научно-популярные выставки, пользовавшиеся огромным успехом, — Акклиматизационные (в 1863 и 1878 гг.), Пчеловодческая и Этнографическая (обе в 1867 г.), Политехническая (1872 г.), Антропологическая (1879 г.).

На основе коллекций, демонстрируемых на этих выставках, в Москве появились постоянно действующие институции в основном публичного профиля. Первым из них стал Зоологический сад (1864 г.) — «живой музей на открытом воздухе», основа для работы Общества акклиматизации (Костина, 2015). Далее последовал Этнографический («Дашковский») музей (1867 г.), который позже стал подразделением уже упоминавшегося Публичного музеума. В ходе подготовки Политехнической выставки был учреждён Музей прикладных знаний (1870 г.), в настоящее время известный как Политехнический музей (Морозова, 2015).

Важным достижением Богданова, отразившим его собственные научные интересы, стало учреждение в Московском университете Кафедры антропологии и при ней одноимённого Кабинета. Разрешение на это было получено от Министерства народного просвещения в 1876 г., на их организацию значительную сумму тогда же пожертвовал российский предприниматель и меценат К.Ф. фон Мекк (Юровская, 2004). О планируемом открытии этого Музея и сборе для него коллекций объявлено было в университетском отчёте за 1877 г. (Отчёт..., 1878). Официальной же датой рождения Антропологического музея считается 1883 г., когда, по соглашению между Советом Университета и дирекцией основанного тогда же Исторического музея, в последнем для хранения антропологических и археологических коллекций был создан антропологический отдел, подчинённый Университету (Юровская, 2004; Балахонова, 2015). Вскоре, правда, согласно в очередной раз обновлённому типовому Уставу российских университетов от 1884 г., преподавание антропологии было

Рис. 9. Новые помещения Зоологического музея, обретенные в середине 1860-х гг.: галерея со шкафами для коллекций (слева) и лабораторная комната (справа) (фотографии 1870-х гг.; из: Bogdanov, 1893a).

Fig. 9. New rooms of the Zoological Museum acquired in the mid 1860s: a lobby with collection cabinets (left) and a lab room (right) (photos made in the 1870s; after Bogdanov, 1893a).

исключено из системы высшего образования (Общий устав..., 1884), а вместе с этим при Московском университете оказалась упразднённой и соответствующая Кафедра (будет восстановлена в 1919 г.), но Антропологический кабинет сохранился (Отчёт..., 1885).

* * *

Сразу после официального и окончательно назначения профессором Кафедры зоологии А.П. Богданов провёл в своём общем ведомстве значительные преобразования.

Прежде всего, пользуясь некоторыми открывшимися возможностями, он в 1864 г. расширил и реорганизовал помещения Кафедры и Музея (Bogdanov, 1893a). Ему удалось присовокупить к прежним помещениям новые, прилежащие к музейному залу: лекционную аудиторию, большую галерею для шкафов с коллекциями и научным оборудованием, особую комнату для лаборатории (рис. 9).

Теперь Музей (Кабинет) зоологии находился в прямом подчинении заведующего Кафедрой и стал фактически её частью. Это позволило А.П. Богданову провести некоторую «административную реформу», позволившую устранить известные недостатки прежнего «двоевластия» (см. предыдущий раздел). Для этого Богданов учредил особое «штатное разделение» между двумя взаимосвязанными структурами. Отны-

не при Кафедре стали числиться профессора и доценты (прежние адъюнкты), при Музее, кроме хранителя коллекций, — ассистенты, оставленные для подготовки диссертаций. В результате появилась возможность наладить научное курирование коллекций, их учёт, обеспечить надлежащее их использование в качестве учебных пособий.

Отмечу, что и в последующем А.П. Богданов не разделял деятельность Кафедры и Музея. Так, в записке о «насущных потребностях» последнего, адресованной в ИОЛЕАЭ в конце 1880-х гг. (публикуется в настоящем сборнике), он пишет о необходимости приращении учебных служб именно при Зоомузее, а не при Кафедре.

В 1863 г. университетский Совет, по представлению А.П. Богданова, назначил хранителем Зоомузея (взамен К. Ренара, перешедшего в Публичный музей на должность хранителя Этнографического кабинета, см.: Отчёт по..., 1864) своего ученика Н.К. Зенгера, пребывавшего в этой должности до своей безвременной кончины в 1877 г. (Богданов, 1888б). Затем хранителями музейных коллекций последовательно служили другие богдановские ученики — Н.Ю. Зограф (1877–1889 гг.), Н.М. Кулагин (1889–1894 гг.), А.Н. Корчагин (1895–1897 гг.), им помогали приписанные к Музею ассистенты Ф.Ф. Каврайский, Н.В. Насонов, А.А. Тихомиров, Г.А. Кожевников, некоторые другие (сведе-

ния почерпнуты из годовых отчётов Московского университета за указанные годы).

Важной частью наведения должного порядка в университетском зоологическом собрании стало его деление согласно основному назначению коллекций. Восприняв эту общую идею от Ловецкого и Рулье, А.П. Богданов ввёл иной способ структуризации: вместо выделенных теми «систематического» и «отечественного» разделов, к которым со временем добавилось некое отдельное существование коллекций Медико-хирургической академии (см. предыдущий раздел), он в 1865 г. разделил все коллекции Зоомузея на научную (систематическую), показную (экспозиционную) и учебную (лекционную) части. Кроме того, как указано в выше упомянутой докладной записке Богданова, поступающие коллекционные материалы разделялись, как бы мы их сегодня назвали, на основной и дублетный фонды, причём последний предназначался главным образом для научного обмена, а также для занятий со студентами. По этому поводу, например, в университетском отчёте за 1875 г. специально отмечено, что «согласно решению Совета [Факультета] из дублетов, собранных профессором Богдановым, составлена особенная коллекция, предназначенная для практических занятий» (Отчёт и речь..., 1876, с. 70). Впрочем, Г.А. Кожевников (1915) отмечает, что по мере роста коллекций из-за возрастающей тесноты этот общий принцип их разделения всё менее и менее соблюдался.

К сказанному следует добавить, что научные коллекции Зоомузея в эти годы начали, по-видимому, неявным образом делиться на разделы и по «таксономическому» принципу. Во всяком случае, в одном из университетских отчётов написано, что «усилия Общества [имеется в виду ИОЛЕАЭ] преимущественно направлены были на устройство отдела беспозвоночных в зоологическом музее» (Отчёт..., 1871, с. 39).

* * *

Одновременно с обновлением структуры музейного собрания была возобновлена систематическая работа по учёту коллекционных фондов.

В 1864 г. была начата новая единая «Шнуровая книга», которая содержала коллекционные описи, а также сведения по бухгалтерскому учёту Музея. В самом её начале помещено нечто вроде оглавления: указаны разделы книги и соответствующие им страницы. На последней

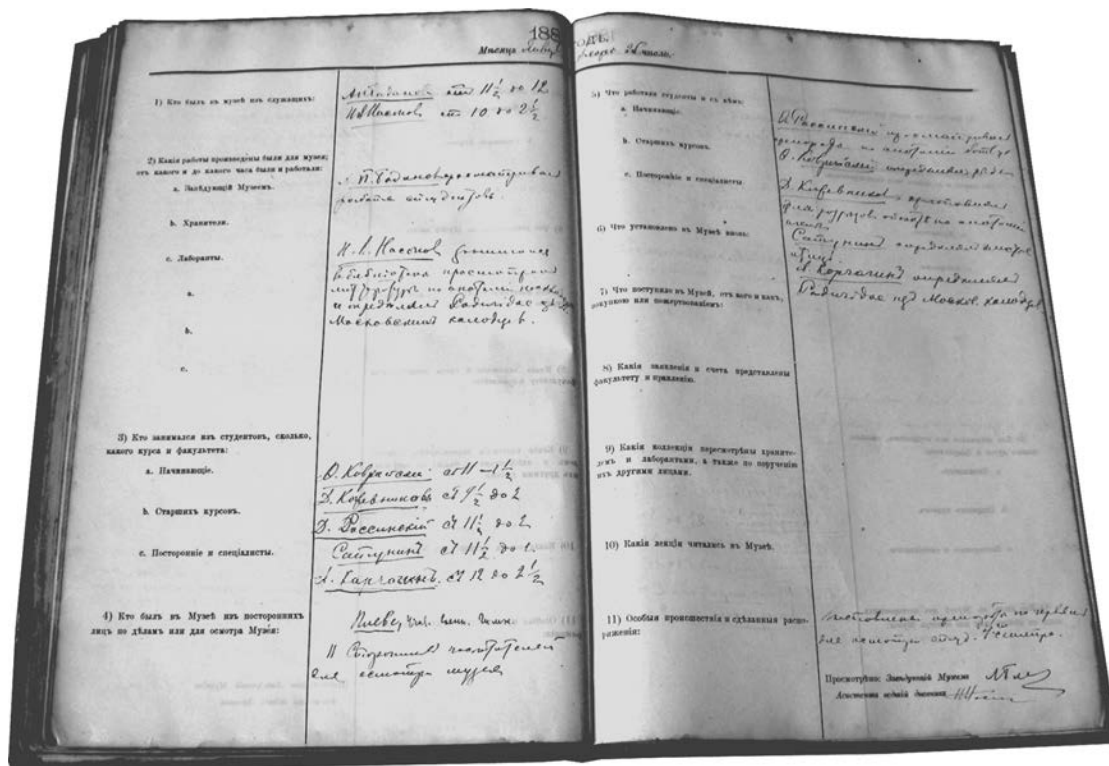
странице эту книгу при её введении в действие завизировало руководство Университета (ректор и секретарь Совета), с указанием общего количества листов в ней — 874.

Эта «Шнуровая книга» в своей систематической части была организована наподобие «фишеровской» (см. предыдущий раздел): в ней были выделены разделы для основных групп позвоночных (млекопитающие, птицы, «гады», рыбы) и беспозвоночных (гельминты, моллюски, пауки, ракообразные и др.). Каждой такой группе была присвоена условная литера, указанная в начале соответствующего раздела книги. В пределах каждой выделенной «литерной» группы порядковая нумерация коллекционных предметов проводилась независимо («параллельно»). Каждому экземпляру (единице хранения) отныне присваивался порядковый номер, который заносился в книгу и одновременно на музейную этикетку и (при возможности) на экземпляр, с указанием соответствующей литеры. Все записи, сделанные в прежней «Шнуровой книге» 1820-х гг., были аккуратно перенесены во вновь заведённую согласно принадлежности к определённой «литерной» группе и соответственно пронумерованы. Эти «перенесённые» записи, судя по почерку, были сделаны Н.К. Зенгером.

В дальнейшем «Шнуровая книга» заполнялась постепенно по мере поступления новых материалов; судя по некоторым годовым отчётам, в них, по-видимому, регистрировались только предметы, относящиеся к систематической (научной) коллекции и прошедшие полную музейфикацию, т. е. отпрепарированные и снабжённые этикеткой с видовым определением (например, Речь и отчёт..., 1887). При этом по чисто техническим причинам в книге со временем стала складываться система записей по принципу «чехарды»: например, начальный раздел по млекопитающим занимает стр. 450–469, следующий — стр. 662–721; разделы по птицам — стр. 470–551 и 726–752; по рептилиям и амфибиям — 588–600 и 800–802.

Следует отметить, что данная книга, в отличие от «фишеровской», содержала и некоторые (очень скудные) сведения по энтомологической коллекции. Этот раздел был обозначен как «Систематическое собрание насекомых» и включал видовые описи (без нумерации экземпляров) *Hymenoptera phytophaga* и *Orthoptera*.

В конце «Шнуровой книги» ежегодно проводилась общая статистика по поступлениям

Рис. 10. Фрагмент «Дежурной книги» Музея: разворот заполнен 25 января 1887 г. (архив ЗМ; записывал Н.В. Насонов, завизировал А.П. Богданов, их подписи справа внизу).

Fig. 10. Fragment of the Museum “Duty book”; this broadside is dated by Jan 25, 1887 (ZM archive; filled in by N.V. Nasonov, vised by A.P. Bogdanov, their signatures in the right left).

новых коллекций, которая подавалась в университетские годовые отчёты.

Эта книга функционировала и как «Книга поступлений»: в неё последовательно записывались новые приобретения коллекционных материалов. Например, на стр. 603–605 указана «коллекция микропрепаратов от проф. Лейкарта», купленная А.П. Богдановым в 1868 г.; на стр. 648 — партия американских рыб, поступивших из Музея сравнительной зоологии Гарвардского университета в 1876 г.

Наконец, она служила, как было отмечено, в качестве бухгалтерской: в ней указывались приобретения мебели, инструментов и прочих «материальных ценностей».

В 1884 г. в Зоомузее была заведена специальная «Дежурная книга», которая первый год велась просто как некий «дневник» с достаточно свободной формой записей, а в 1885 г. приобрела официальный формат (рис. 10). В ней ежедневно фиксировалось всё, что происходит в стенах Музея: кто и в какие часы из сотрудников присутствовал, какие работы проводились, кто из студентов занимался с коллекциями, кто был в Музее из посторонних, что и от кого в Музей поступило. Книгу заполняли специально на-

значаемые дежурные ассистенты, ежедневные записи заверял сам Богданов. Забегая вперёд, следует отметить, что и после Богданова дежурства по Музею сохранились, причём имена дежурных указывались в годовых университетских отчётах (например, Речь..., 1901); однако «Дежурную книгу» уже, по-видимому, не вели: в архивах Зоомузея последний её том датирован 1891 г.

* * *

В поддержании нормальной деятельности Зоологического музея до конца 1890-х гг. особую роль играло ИОЛЕАЭ (Богданов, 1888а; Тихомиров, 1897). Выделяемых Университетом денег Музею (всего 600 руб. в год) было совершенно недостаточно, поэтому он жил главным образом на средства названного Общества. В Устава последнего было записано (§ 2), что «предмет занятий Общества составляет: а) соби́рание естественных предметов и произведений в губерниях Московского Учебного Округа и составление систематической коллекции оных при зоологическом и минералогическом музеях Московского Университета [...] с) приобретение коллекций животных и минералов, не достающих в систематических собраниях музе-

ев и важных в научном отношении» (Устав..., 1866). Такие коллекции поступали как от финансируемых Обществом экспедиций, так и от его членов, или приобретались на жертвуемые ими денежные средства; на средства Общества пополнялась музейная библиотека; наконец, Общество выделяло средства на поездки сотрудников Музея в Европу. «Дневник зоологического отделения Общества» в некоторых случаях выступал в качестве издания трудов Музея, официально называясь «Дневник зоологического отделения [...] и Зоологического музея» (например, см.: Щелкановцев, 1897).

В части коллекционной ИОЛЕАЭ во многом потеснил ИМОИП, который до того был одним из ключевых «поставщиков» научных материалов для Музея. По-видимому, коллекционные дарения от ИОЛЕАЭ, как и таковые ИМОИП, имели некий частично автономный статус: так, в одном из университетских годовых отчётов того времени отмечено, что «краниологическая коллекция Императорского Общества Любителей Естествознания, помещающаяся в Зоологическом музее, получила приращения...» — и далее идёт перечень «приращений» (Отчёт..., 1871, с. 81).

Тесная связь между Зоомузеем и ИОЛЕАЭ проявлялась и в том, что в работе по наведению порядка в систематических коллекциях Музея самое активное участие принимали члены зоологического отделения Общества. Для их поощрения была даже учреждена особая медаль «за труды по научному описанию коллекций Зоологического музея» (Богданов, 1888а, с. 64). Особой заботой стало налаживание хранения значительно разросшегося энтомологического собрания: дело в том, что ранее поступавшие крупные коллекции от различных жертвователей (Разумовский, Стевен, Фишер, Эшшольц и многие другие) хранились как некие «отдельности». С конца 1860-х гг. началось приведение всего этого разношёрстного собрания в единый систематический порядок, для чего при Обществе учредили специальную Энтомологическую комиссию под водительством А.П. Федченко; в этом активное участие принимал и хранитель Зоомузея Н.К. Зенгер (Богданов, 1888а).

* * *

«Эпоха Богданова» в жизни Зоологического музея отмечена активнейшей экспедиционной деятельностью как важным источником пополнения его коллекций. Причём, следуя заветам К. Рулье, особый акцент был первоначально

сделан на полноценном представлении в Музее отечественной фауны. Таковой, как и прежде ИМОИП, была определена ключевая задача ИОЛЕАЭ: § 1 его Устава гласил, что Общество создаётся «для изучения губерний Московского Учебного Округа в естественно-историческом отношении» (Устав..., 1866). Об этом в своей вступительной речи на первом годичном заседании ИОЛЕАЭ в 1867 г. говорил его президент Г.Е. Щуровский, желавший, чтобы «зоологический музей был по преимуществу богат русскими естественными предметами». В связи с этим он подчёркивал, что «экспедиции составляют коренную потребность нашего Общества. В них архимедов рычаг для движения русской науки» (цит. по: Богданов, 1888а, с. 5). Ему вторил А.П. Богданов, полагавший, что «такое направление, при котором музей будет [...] преимущественно русским по своему содержанию, — единственно возможное, и потому это направление положено в основание всего дальнейшего развития музея» (*op. cit.*, с. 9). В 1889 г., с этой целью при Зоологическом отделении ИОЛЕАЭ была учреждена специальная Комиссия для исследования фауны Московской губернии.

[Пользуясь случаем, хотелось бы отметить, что в рассматриваемое время к сбору научных зоологических коллекций в России отношение было достаточно серьёзное; в частности, в академическом Зоологическом музее в Санкт-Петербурге научному коллектированию был придан особый «государственный» статус. Об этом вспоминает Н.В. Тимофеев-Рессовский (2008, с. 39): сборщикам и поставщикам коллекций выдавалось официальное именное удостоверение за подписью президента Академии наук, в котором было записано: «Податель сего является препаратором и сборщиком материала Зоологического музея Императорской Российской Академии наук». Оно давало «подателю сего» право круглогодичного научного коллектирования в пределах всей Российской империи, а местным властям предлагалось оказывать ему всяческое содействие.]

Первыми полевыми работами, согласно намеченной ИОЛЕАЭ программе, стали энтомологические и гидробиологические изыскания в центральном регионе России (А.П. Федченко, Н.К. Зенгер). Сам А.П. Богданов, увлечённый антропологическими и этнографическими исследованиями, организовал раскопки древнеславянских курганов в европейской части России, в чём ему активнейшим образом помогал археолог-любитель Н.Г. Керцелли. Добытые ими материалы сначала хранились в помещении Зоологического музея, в 1883–1884 гг. бы-

ли перенесены во вновь выстроенное здание Исторического музея (Речь..., 1884), а затем составили первоначальную основу коллекции университетского Кабинета антропологии (Ефимова, 2015).

Разумеется, само ИОЛЕАЭ с самого начала постоянно нарушало первый параграф своего Устава, организуя значительно более дальние экспедиционные исследования (Богданов, 1888а; Bogdanov, 1893а). В их числе были, например, осуществлённые на средства Общества работы по сбору разнообразной фауны в Балтийском (Н.К. Зенгер), Чёрном (В.Н. Ульянин), Белом морях и на Северной Земле (Н.Ю. Зограф, А.И. Кронеберг), на островах Эгейского моря (Н.Ю. Зограф); активно исследовалась фауна в окрестностях Байкала (местный член Общества М.П. Пуцилло), Кавказа (Н.В. Насонов), Киргизской степи (К.А. Сатунин, Г.А. Кожевников, А.Н. Харузин), в Крыму и Бессарабии (Н.В. Насонов, А.Н. Корчагин). В 1886 г. А.П. Богданов начал готовить большую экспедицию от Общества в Сибирь, но затея не имела успеха (Богданов, 1888а; Bogdanov, 1893а).

Важное направление экспедиционных исследований в российском естествознании в 1860-е и 1870-е гг. было задано начавшимся значительным расширением Российской империи на юг за счёт туркестанских земель, которое закончилось в 1867 г. официальным присоединением значительной части Западного Туркестана, ставшего после этого «Русским Туркестаном» (ныне этот регион известен как Средняя Азия). В связи с этим ИОЛЕАЭ незамедлительно организовало масштабную Туркестанскую учёную экспедицию под началом всё того же неутомимого А.П. Федченко. Она продолжалась с 1869 по 1872 гг., за это время были сделаны богатейшие зоологические сборы, уникальные как по объёму, так и по качественному составу. Основная их часть была передана в московский Зоомузей, отдельные экземпляры — также в Зоологический музей в Санкт-Петербурге. Результаты исследований этой экспедиции публиковались в серийном издании «Путешествие в Туркестан», выпускавшемся в «Известиях ИОЛЕАЭ». О значении их для зоологической науки говорит тот факт, что на основании привезённых материалов было описано более тысячи неизвестных ранее науке видов животных; особенно много среди них насекомых, сборы которых обрабатывали многие известные энтомологи (Антонова, 1991). После

трагической гибели Федченко исследования Туркестана продолжил другой ученик А.П. Богданова — В.Ф. Ошанин, также собравший для Зоомузея весьма объёмные коллекции.

Одновременно с Туркестанской экспедицией ИОЛЕАЭ обширнейшие работы в тех краях проводил Н.А. Северцов. Основным организатором масштабных экспедиций, в которых он участвовал, было ИРГО, поэтому большая часть собранных коллекций осела в санктпетербургском Зоологическом музее; но и в московский Музей также попало много его сборов.

Среди значимых поступлений за 1860-е, 1870-е и отчасти 1880-е гг., кроме только что указанных, необходимо отметить следующие: орнитологические материалы из Крыма от уже упоминавшегося И.Н. Шатилова, с Урала от Л.П. Сабанеева; разные водные беспозвоночные животные от Р. Лейкарта (Гиссен); паукообразные и насекомые от В. Розенгауэра (Эрланген); собрание рыб, наземных моллюсков и рептилий с Филиппинских островов от К. Земпера (Зенкенбергский музей); морские беспозвоночные из Средиземного моря от директора Неаполитанской биологической станции А. Дорна; тропические бабочки от К.М. Мазурина и из центральной России от Л.К. Альбрехта; коллекция пресноводных рыб из Индии от Дж. Буленджера (Отчёт..., 1870, 1871, 1874, 1888; Речь..., 1882, 1886; Антонова, 1991; Веригина, 1991; Гептнер и др., 1991; Орлова, 1991; Томкович, 1991).

А.П. Богданов и его ученики использовали неоднократные поездки в Европу (в том числе за счёт денежных средств ИОЛЕАЭ) для посещения ведущих научных и музейных центров во благо Зоомузея, причём разными способами. С одной стороны, во время рабочих визитов на биологические станции они сами коллектировали научные материалы: таким образом в Зоомузей попадали достаточно многочисленные сборы беспозвоночных животных из Виллафранка, Неаполя, Триеста (Богданов, 1888а). С другой стороны, Богданов покупал интересные материалы для пополнения как научного, так и показного разделов музейного собрания — главным образом в магазине естественно-научных коллекций В. Фрича в Праге, в торговом доме Годафруа в Гамбурге. Весьма примечательна подборка мастерски сделанных чучел колибри на цветах, выполненных в живописном китайском стиле «цветы и птицы» известным германским натуралистом и художником-анималистом Л. Райхенбахом (Иксанова и др., 1991б), кото-

рый самолично иллюстрировал многие свои книги о природе.

Со второй половины 1880-х гг. важным источником поступлений в Зоомузей ценнейших в научном отношении «экзотических» коллекционных материалов стали морские походы и рейсы. Для организации этой деятельности по поручению ИОЛЕАЭ в 1889 г. врач, натуралист и путешественник Н.В. Слюнин разработал специальную программу, согласно которой ключевыми фигурами в сборе и консервации коллекций в этих походах становились судовые врачи (что было не внове, см. об Эшшольце в предыдущем разделе). Для придания всему этому начинанию большего «административного веса» Морское министерство издало особый циркуляр, коим было официально предписано врачам содействовать исполнению программы (Речь..., 1893).

Сам Слюнин был одним из таких врачей и неоднократно участвовал в морских походах и сложнейших экспедициях на Дальнем Востоке; многие из собранных им в тех местах ихтиологических материалов хранятся в Зоомузее (Веригина, 1991). Служа на фрегате «Владимир Мономах» на протяжении 1884–1887 гг., он собрал и передал в Зоомузей очень интересные коллекции рептилий и птиц на Малаккском полуострове, а также довольно значительную коллекцию беспозвоночных в Японии (Отчёт..., 1888; Гептнер и др., 1991; Орлова, 1991; Томкович, 1991).

В рамках слюнинской программы, пожалуй, самые обширные зоологические коллекции собрал и доставил в Москву микробиолог и эпидемиолог В.И. Исаев, ходивший врачом на судне «Адмирал Нахимов» в трёхлетнюю (1888–1890 гг.) кругосветку. Участники похода посетили Мадагаскар, Цейлон и Яву, побережье Индокитая и Южной Африки, Японию, остров Святой Елены, многие другие заморские территории. Оттуда доктор Исаев (так он значится на многих музейных этикетках) привёз большую коллекцию позвоночных и представителей всех типов беспозвоночных животных: она достаточно подробно охарактеризована в отчёте за 1892 г., где записано, что коллекция Исаева «составлена весьма опытной рукой [...] все экземпляры отличаются замечательно удачной консервировкой» (Речь..., 1892, с. 105; см. также: Речь..., 1890; Гептнер и др., 1991; Орлова, 1991; Павлинов, Яхонтов, 1991).

Из других интересных поступлений второй половины 1880-х и начала 1890-х гг. хо-

телось бы указать следующие. В первую очередь заслуживают быть отмеченными сборы Н.М. Пржевальского и его спутников по экспедициям в Центральную Азию, организованным ИРГО: основная их часть поступала в музей Санкт-Петербурга, но и в Москву также попали некоторые интереснейшие и редчайшие материалы. В частности, ту коллекцию птиц, которую Н.М. Пржевальский пожелал оставить у себя, после смерти знаменитого путешественника пожертвовал нашему Музею его брат В.М. Пржевальский (Речь..., 1893). От А.В. Селиванова поступило несколько сотен экземпляров многоножек из разных стран. Большая коллекция самых разных животных, собранных в Уссурийском крае, Японии, Индии, на о-вах Фиджи, была пожертвована П.А. Бурцевым. На средства С.П. фон Дервиза при содействии А. Милн-Эдвардса в Парижском музее была приобретена коллекция представителей ныне ставших очень редкими видов млекопитающих и птиц Мадагаскара. В 1892 г. в Зоомузей были переданы коллекционные материалы, которые пожертвовали крупнейшие мировые собрания для выставки, организованной в связи с проведением в Москве Международного зоологического конгресса (Указатель..., 1892).

В наполнении Зоологического музея «экзотическим» коллекционным содержанием значимую роль играл Зоосад, на протяжении всей своей полуторастолетней истории сохранявший теснейшую связь с Зоомузеем. В рассматриваемый здесь период своего рода «посредником» между этими двумя родственными институциями выступало Императорское русское общество акклиматизации: на это есть прямое указание в одном из университетских годовых отчётов (Отчёт..., 1895). Среди экспонатов, олицетворяющих собой крепость этих связей, есть и вполне легендарные: один из них — самка индийского носорога по кличке Семирамида, а в просторечии Моська, подаренная Московскому зоосаду в 1863 г., чьи бранные останки в форме скелета и чучела выставлены в экспозиции Зоомузея (Спаская, 2015).

Как видно из этого кратчайшего очерка новых пополнений, сам А.П. Богданов и его ближайшие помощники, вопреки выше упомянутой идее создания «русского» Музея зоологии, очень многое делали для того, чтобы последний прирастал «экзотикой» и по составу своих коллекций становился вполне международным.

Что касается представителей отечественной фауны, соответствующие многочисленные кол-

лекции поступали в Музей через Зоологическое и Ихтиологическое отделения ИОЛЕАЭ. Сборы по наземным позвоночным из центральных регионов России передавал К.А. Сатунин, приступивший к работе в Комиссии по изучению фауны Московской губернии.

Благодаря такой многогранной собирательной деятельности коллекции Зоологического музея, руководимого А.П. Богдановым, росли довольно активно (разумеется, по тогдашним меркам). При этом важно отметить, что рост шёл не столько в количественном отношении (в некоторые годы новые поступления не превышали нескольких сотен экз.), сколько в качественном — за счёт приобретения редких представителей отечественной и мировой фауны. Перечислять таксономический состав вновь поступавших материалов здесь вряд ли уместно — достаточно сослаться на записи в «Шнуровой книге» Зоомузея и на годовые отчёты Московского университета. Что же касается самых общих количественных показателей, они в этих записях и отчётах таковы: в 1863 г. указано около 73 тыс. экз., в 1873 г. — 77.5 тыс. экз., в 1884 г. — 83.2 тыс. экз., в 1893 г. — почти 87 тыс. экз. (Отчёт..., 1863, 1874, 1885, 1895); в ряде отчётов для некоторых отрядов насекомых указано количество представленных в коллекции видов (например, Речь..., 1893).

В конце 1860-х гг. А.П. Богданов начал готовить систематический каталог Зоомузея под общим названием «Зоологический музей Московского университета»; о нём было объявлено в университетских отчётах (Отчёт..., 1869, 1870). По более позднему свидетельству самого Богданова (1888а), это был «пробный» рукописный выпуск, распространённый малым количеством экземпляров и содержащий главным образом материалы, подготовленные Е.К. Фреймут (также см.: Валькова, 2012). Именно на него, по всей очевидности, даны ссылки (Панов, 2002; Бурлыкина, 2015), упомянутые в вводном разделе настоящей статьи. Судя по отсутствию других указаний на эту «книгу», данный проект не был в то время реализован: коллекционные описи Зоомузея стали публиковаться в конце 1880-х гг. (см. далее настоящий раздел).

* * *

А.П. Богданов придавал особое значение использованию музейных коллекций в учебном процессе: в этом его позиция во многом совпадала с таковой официального руководства народным просвещением, которая очевидным

образом проявилась в уставной квалификации университетских музеев и кабинетов как «учебных пособий и заведений» (Общий устав..., 1835, 1863, 1884). На это Богданов обращал внимание в выше упомянутой записке от 1861 г., об этом же писал в своей подробной характеристике деятельности ИОЛЕАЭ, прямо называя Зоологический музей «серьёзным учебным пособием» (Богданов, 1888а, с. 9–10).

Для учебных и частью научных потребностей А.П. Богданов преобразовал лабораторию, изначально предназначенную для «для препарирования и набивания животных» (см. выше), в место проведения практических занятий со студентами на музейном материале. Так на базе Зоомузея, наверное, впервые в российской университетской системе были организованы особые учебные лабораторные занятия — зоологический практикум.

Курсы лекций и эти практические занятия на основе учебной коллекции Зоомузея посещали как слушатели Кафедры зоологии, так и (в облегчённом варианте) будущие медики. Для студентов Музей был открыт по будним дням на протяжении всего года (Отчёт и речь..., 1876 и более поздние). Для старшекурсников с 1875 г. был организован постоянно действующий «зоологический семинарий», на собраниях которого его участники обсуждали новые публикации по своей специальности (*op. cit.*).

Постепенно эта лаборатория, усилиями А.П. Богданова, стала вполне научной; с 1877 г. она стала публиковать свои труды (Отчёт..., 1878), их издавали в «Известиях ИОЛЕАЭ» (Богданов, 1888а). Богданов пишет, что «выпуски трудов лаборатории составляют [...] продолжение той же руководящей мысли, которая сгруппировала около музея [...] молодых самостоятельных работников» (*op. cit.*, с. 426).

«Расширение Зоологического музея, устройство лаборатории и создание целой школы учеников — всё это слилось у А.П. Богданова настолько вместе, что говорить о том, другом и третьем в отдельности невозможно» (Тихомиров, 1897, с. 12). Вот лишь самый краткий перечень наиболее известных учеников А.П. Богданова (частью уже были упомянуты выше): Н.В. Насонов — академик и директор Зоологического музея в Санкт-Петербурге; крупнейший анатом академик В.М. Шимкевич; ещё один известный анатом Н.Ю. Зограф; деятель охраны природы Б.М. Житков; будущие директора московского Зоомузея А.А. Тихо-

миров и Г.А. Кожевников (о двух последних подробнее будет сказано ниже).

* * *

В «прикладном» использовании коллекций А.П. Богданов не ограничивался только академическим образовательным процессом. В отличие от своего учителя К. Рулье, он считал умело налаженный показ музейных предметов важной частью просветительной работы — и всячески стремился к её усовершенствованию. В этом Богданов находил моральную, а порой и материальную поддержку в среде активных членов ИОЛЕАЭ с первых лет его существования (Богданов, 1888а).

В связи с передачей большей части зоологического собрания в Румянцевский музей его оставшаяся в Университете часть в первой половине 1860-х гг. была закрыта для публики. В 1866 г. возобновлённый Зоологический музей вновь стал открыт для посещений по воскресным и праздничным дням. Посетителей, по тем временам, было немало: так, в университетском отчёте за 1875 г. отмечено, что «число посетителей было 7729 человек, из них до 60% рабочего класса, воспитанников учебных заведений 20%, детей 15%» (Отчёт и речь..., 1876, с. 67). Впрочем, во время университетских каникул Музей для публики закрывался — по той простой причине, что хранители и ассистенты разъезжались по экспедициям (Отчёт..., 1880).

Особым начинанием Богданова стал цикл известных на всю Москву бесплатных популярных лекций под общим названием «Воскресные объяснения коллекций музея», рассчитанных на вовсе неподготовленную публику. Лекции читались еженедельно (т. е. по 52 в год) с 1877 г. в Музее прикладных знаний (Поздняков, 1957), среди них было немало посвящённых зоологической тематике с демонстрацией животных препаратов и экспонатов (в указанном Музее было своё зоологическое отделение): таковой стала, например, самая первая лекция названного цикла (Морозова, 2015). Идея «объяснения коллекций» была одним из основных пунктов уже упоминавшегося «тронного» выступления Г.Е. Щуровского в качестве первого президента ИОЛЕАЭ в 1864 г. (Протоколы..., 1866). Говоря об этих «объяснениях», Щуровский подчёркивал, что они должны быть не столько лекциями в узком смысле, сколько «состоять из демонстраций имеющихся препаратов и ограничиваться только теми важными и любопытными фактами, которые доступны для наглядного

разъяснения» (*op. cit.*, с. 4). Развивая и воплощая эту мысль, Богданов рекомендовал «при объяснениях учить более наглядно, рассчитывать более на впечатлительность глаза и прилагать словесное изложение только как дополнение к выставленному и подобранному систематично и образно, только как к неизбежной и необходимой связи между отдельными членами показываемого ряда» (Богданов, 1878, с. vii). Тексты этих «объяснений» публиковались отдельными дополнениями к «Известиям ИОЛЕАЭ» (например, Левинский, 1885).

* * *

В 1884 г. произошла очередная реформа образовательной системы России: в связи с недавним воцарением Александра III и приближением к нему К.П. Победоносцева «исторический маятник» качнулся в противоположную (в сравнении с реформами Александра II) сторону и был принят новый, более жёсткий в сравнении с предыдущим Общий устав Императорских Российских университетов (Общий устав..., 1884; Новиков, Перфилова, 2014). Он сохранил прежнюю структуру университетов, согласно которой при Физико-математическом факультете полагаются (из числа имеющих отношение к нашей истории) следующие кафедры: минералогии и геологии, зоологии, сравнительной анатомии и физиологии (§ 56). Из «учебно-вспомогательных установлений» отдельно указана университетская библиотека (§ 94), прочие же «установления и коллекции» поимённо не перечислены, но отмечено, что они «поручаются заведованию тех профессоров, к предметам преподавания которых они относятся» (§ 95).

Эта реформа едва ли сказала на том, как Зоологический музей продолжил действовать и развиваться согласно устремлениям и замыслам его неутомимого директора. Благодаря выделенной Университетом дополнительной денежной сумме активизировалась отмеченная выше работа по налаживанию хранения систематических фондов, а также по новому обустройству экспозиции. Кроме университетских средств, значительные суммы на приобретение новой мебели и иного музейного оборудования жертвовал известный промышленник и меценат С.П. фон Дервиз (Отчёт..., 1888; Bogdanov, 1893а).

Годом ранее, в 1883 г., была проведена очередная частичная реорганизация структуры и системы хранения коллекций (Речь..., 1884). В «главном научном отделении» Музея были оставлены только определённые до вида и

особо примечательные экземпляры; устроено отделение для хранения вновь поступающих и неопределённых материалов; были выделены учебная и лекционная коллекции; отделены предметы для учебной препарировальной работы студентов. В налаживании хранения коллекций начиная со второй половины 1880-х гг. активное участие принимал ассистент, а затем хранитель Музея Н.М. Кулагин.

В этот период продолжилась подготовка к публикации каталогов некоторых разделов музейного собрания. Их составлением занимались в основном хранители Зоологического музея, а также (по просьбе Богданова) заведующий Кабинетом сравнительной анатомии М.А. Мензбир. Предполагалось, что эти описи будут изданы сводным каталогом коллекций позвоночных животных Зоологического музея (Речь..., 1886), но таковой не состоялся. Вместо этого на протяжении 1888–1901 гг. в «Дневнике Зоологического отделения» под общим названием «Списки и описание предметов, находящихся в Зоологическом музее Московского университета» было опубликовано пять отдельных коллекционных описей (их библиографию см. в: Костылева, 1991): по рыбам (два выпуска за авторством Н.Ю. Зографа и Ф.Ф. Каврайского), по земноводным и пресмыкающимся (Н.М. Кулагин), по млекопитающим (А.А. Тихомиров, А.Н. Корчагин), по птицам (Б.М. Житков, В.С. Елпатьевский); вне этой серии вышли каталоги по мшанкам (А.Г. Теплов), ракообразным (В.Ф. Ошанин), прямокрылым (А. Ауновский), медведкам (В.В. Воронин), пилыльщикам (Е.К. Фреймут), описание коллекции микроскопических препаратов (А.П. Богданов). Кроме того, А.П. Богданов опубликовал краткие обзоры коллекций по всем группам, представленным в Музее (Bogdanov, 1893b,c).

* * *

В середине 1880-х гг. заметные изменения начали происходить в экспозиции Зоомузея. Для начала в 1884 г. были отремонтированы хоры и потолок, приобретены новые и отчасти отреставрированы старые витринные шкафы, изменена планировка (Речь..., 1885, 1886). Затем дело дошло до самой экспонатуры.

Для усовершенствования показного отдела А.П. Богданов, в добавление к классическому стилю представления животных в форме чучел, порой неказистых, отдельно стоящих на деревянных подставках, загорелся идеей экспонировать то, что сейчас принято называть *био-*

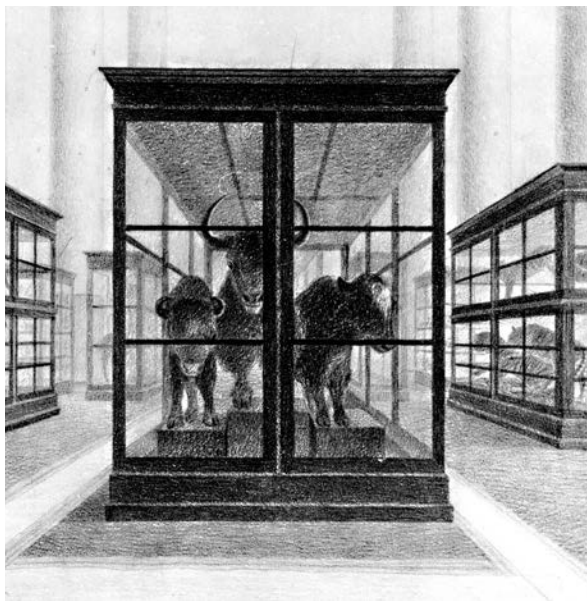
группами. Согласно этой технике животные — одиночно или по несколько штук, в живописных позах — помещались в имитацию участка свойственной им природной обстановки. Новые экспонаты призваны были оживить классическую музейную экспозицию, лишив её той мёртвой статичности, которую в своё время справедливо порицал К.Ф. Рулье.

Для воплощения этой идеи А.П. Богданов в 1884 г. задумался об организации при Музее специальной «чучельной лаборатории» (Речь..., 1885, с. 77). Из этой важной затеи тогда ничего не вышло; но в Зоомузей был принят некий И.Ф. Иванов, опытный «в чучельном и препарировальном деле», ему поручено было изготовление экспонатов и слежение за сохранностью экспозиционных фондов (*op. cit.*, с. 76).

Важнейшим помощником Богданову в новом обустройстве музейной экспозиции стал Ф.К. Лоренц, который начинал свою карьеру как учёный-орнитолог, но затем увлёкся таксидермией — техникой изготовления чучел животных. В конце 1860-х гг. Лоренц основал фирму, которая впоследствии превратилась в известнейшую таксидермическую студию, специализирующуюся на изготовлении именно биогрупп. Развитию таксидермии в этом направлении в немалой степени способствовало сохранение Лоренцом научных интересов: он подходил к своему делу не просто как «чучельник», но как учёный, знающий повадки зверей и птиц, — и, конечно, как истинный художник, чувствующий красоту живого тела и умеющий передать её средствами своего очень специфического мастерства (Шишкин, 2001). Лоренц впервые выставил свои биогруппы на Политехнической выставке в 1872 г., а затем стал целенаправленно изготавливать их для переустраиваемой экспозиции Зоомузея. И поныне некоторые из приобретённых у Лоренца чучел можно увидеть в залах нашего Музея: токующую дрофу, биогруппу глухарей, ревущего оленя. К этому следует добавить, что Лоренц, оставаясь увлечённым орнитологом, многие годы жертвовал свои сборы в научную коллекцию.

* * *

Зоологический музей в его новом облике, приобретённом в результате частичной реконструкции, А.П. Богданов описывает так (Bogdanov, 1893a, p. 60–61). «Современный Музей включает большой зал с двумя этажами, окружённый кольцевой галереей, и четыре небольших комнаты. Одна из этих комнат,

Рис. 11. Фрагмент экспозиции Музея после частичной реконструкции 1880-х гг. (рисунок 1885 г.; архив ЗМ).

Fig. 11. Fragment of the Museum exhibition after a partial reconstruction of 1880s (drawing of 1885; ZM archive).

расположенная на первом этаже Музея, занята под сухой материал и служит также приёмным залом и дополнением к лаборатории. Вторая комната, расположенная также на первом этаже, в обычное время служит вестибюлем, поскольку основной вход находится на другом конце Музея. На втором этаже расположены: небольшая аудитория, служащая для занятий и работы студентов, в ней также хранится коллекция микроскопических препаратов; и кабинет директора, который, в связи с нехваткой места, служит также складом для дубликатов коллекций.

Большой зал на первом этаже разделён на три части: первую занимает аудитория, вторую занимают коллекции, предназначенные для занятий профессоров и студентов, в третьей части находится лаборатория для практических занятий и первичных исследований студентов. В распоряжении более продвинутых студентов, лаборантов и хранителя коллекций Музея имеются рабочие столы, расположенные в свободном пространстве между шкафами галереи. Зал первого этажа в основном занят коллекциями млекопитающих и птиц, галерея — коллекцией рептилий, амфибий, рыб и беспозвоночных. Только в последние годы была организована специальная коллекция предметов, служащих для занятий и работ студентов Университета,

а также библиотека, расположенная в помещении, принадлежавшем ранее лаборатории.»

Из-за всех этих достаточно масштабных реорганизаций Музей пришлось на два года закрыть. В 1886 г. экспозиционный зал стал вновь доступен для посетителей — опять только в выходные дни (рис. 11). Правда, посетителей было совсем немного: в отчётах конца 1880-х гг. указывается по 450–600 человек в год; одной из причин было то, что экспозиционный зал был слабо освещён и поэтому едва ли привлекал публику (Кожевников, 1915).

* * *

В годовом отчёте за 1865 г. отмечено, что «положено основание специальной библиотеке при Музее» (Отчёт..., 1866, с. 63). В дальнейшем в отчётах указывались источники новых поступлений, число книг и проч. Так, в конце 1880-х гг. в музейной библиотеке числилось две с половиной сотни названий (Отчёт..., 1888). Как отмечено выше, для неё была отведена особая комната. Обязанности хранителя библиотеки с 1894 г. (возможно, раньше) были возложены на Н.Ю. Зографа (например, Отчёт..., 1895; Речь..., 1901).

* * *

Приток в Музей значительных коллекционных материалов с неизбежностью привёл к вечной проблеме всякого крупного активно развивающегося хранилища — к нехватке помещений. Из-за значительной тесноты большие затруднения встречало развитие экспозиции: среди показных предметов в зале остались почти только наиболее крупные и привлекательные чучела и раковины, а прочее было убрано на всё те же хоры, куда не было доступа для посетителей.

В отчёте о деятельности Музея за 1892 г. читаем следующее: «Приведению в полный порядок и обставлению предметов музея в необходимой для сохранности их обстановке мешают: 1) крайняя теснота нынешнего помещения музея, 2) невозможность отделить систематическое, основное собрание предметов от помещений для практических занятий студентов [...] Необходимость расширения музея была признана уже более 10 лет тому назад всеми лицами из высшей учёной и учебной администрации [...] но, к сожалению, и теперь ещё ничего окончательно определённого не осуществлено по отношению музея для выведения его из становящегося с каждым днём всё более и более невозможным положения» (Отчёт..., 1894, с. 105–107).

[Следует отметить, что, пожалуй, в ещё более бедственное положение во второй половине 1890-х гг. пришёл Кабинет сравнительной анатомии, руководимый М.А. Мензбиром. В 1895 г. его перевели в небольшое наёмное помещение в начале Долгоруковского (ныне Никитский) переулка. И в последующих годовых отчётах неизменно отмечалось, что из-за тесноты нельзя нормально разместить коллекции и инструменты, что приходится отказываться от приобретения новых препаратов, что невозможно проводить нормальные занятия со студентами (например, Отчёт..., 1898 и др.).]

Становилось всё более очевидно, что Музей не может долее развиваться в прежних стенах, ему нужно новое помещение. И, разумеется, А.П. Богданов на склоне лет подступил к очередному грандиозному начинанию — на этот раз к возведению нового здания для Зоологического музея.

К осуществлению этого замысла в конце 1880-х гг. создались весьма благоприятные предпосылки. Попечительский совет Московского университета поручил известному профессору архитектуры К.М. Быковскому, взятому в 1883 г. на должность главного архитектора Университета, спроектировать несколько новых и модернизировать ряд существующих университетских зданий на Моховой (Сергеев, Иванов, 2011).

К.М. Быковский в довольно короткие сроки подготовил проект двух смежных зданий — Зоологического и Ботанического корпусов, занимавших начало Никитской улицы по её правой стороне. Зоологический корпус, расположенный Г-образно на углу Никитской улицы и Долгоруковского переулка, Быковский замыслил общим для двух «родственных» университетских музеев — Зоологии и Сравнительной анатомии. Из них первому отводилась часть здания по Никитской улице («зоологическое крыло»), второму — вдоль Долгоруковского переулка («анатомическое крыло»).

Однако проект Быковского пришёлся не по душе Богданову, пожелавшему оставить Зоомузей на прежнем месте, т. е. в Аудиторном («Пашковском») корпусе (Кожевников, 1915). Он начал готовить собственный эскиз нового здания, но кончина помешала ему продвинуть замысел далее общей идеи.

* * *

Преемником А.П. Богданова по заведованию Кафедрой и Музеем зоологии в 1896 г. стал его ученик профессор А.А. Тихомиров, до того служивший в Музее хранителем. Он начинал как активный исследователь-зоолог и сподвижник

своего руководителя во многих научных и общественных проектах. Тихомирова более всего интересовали вопросы физиологии насекомых, к решению которых он подходил экспериментальным путём. Это позволило ему сделать в 1888 г. важное открытие — искусственный партеногенез у тутового шелкопряда. Однако позднее Тихомиров отошёл от научных дел и погрузился в администрирование: в 1899–1904 гг. он, сохраняя за собой руководство университетской зоологией, исполнял обязанности ректора Московского университета, а затем перешёл на работу в Министерство народного просвещения (Летопись..., 2016п).

Должность музейного хранителя в 1897 г. занял Г.А. Кожевников в связи с безвременной кончиной А.Н. Корчагина. Тогда же он был командирован в Зоологический музей в Санкт-Петербурге, а в 1899 г. — в ведущие музеи Европы для ознакомления с принятыми в них системами хранения, каталогизации и постановки коллекций (Отчёт..., 1899, 1901). Причина была вполне очевидна: Музей собирался переезжать в новое здание.

Вскоре после своего назначения на заведование Кафедрой А.А. Тихомиров вернулся к проекту Быковского и, пользуясь своими административными возможностями, приложил все усилия к его скорейшему воплощению. Закладка нового здания состоялась в 1898 г., в 1901 г. было в основном завершено строительство его «анатомического крыла», в 1902 г. — «зоологического крыла» (Кожевников, 1915; Туров, 1956). Как полагают современные специалисты-архитекторы, было создано одно из первых в Москве зданий специального музейного назначения (Панов, 2002; Зоологический..., 2011).

Здание Зоологического корпуса было решено в стиле классических европейских музеев (рис. 12) — двухэтажное, с тремя занимавшими основной объём высокими залами с большими окнами, из них залы второго этажа — с хорами, с аудиторией в центральной части (рис. 13), с многочисленными лабораторными и подсобными помещениями. Для увеличения освещённости экспозиционных залов второго этажа крышу здания выполнили в форме остеклённого свода, соответственно чему стеклянными же сделали и потолочные перекрытия под ним. В торцевых частях «крыльев» корпуса были оборудованы жилые помещения для университетских профессоров, служивших при Кафедре и двух музеях — Зоологическом и Сравнительной анатомии. Для

Рис. 12. Здание Зоологического корпуса по проекту К.М. Быковского на углу Никитской ул. и Долгоруковского (ныне Никитского) пер. (фотография 1910-х гг.; из: Зоологический институт, 2011).

Fig. 12. The Zoological Building designed by K.M. Bykovskii at the cross of Nikitskaia str. and Dolgorukovskii (now Nikitskii) lane (photo of the 1910s; after Zoologicheskii Institute, 2011).

наружного оформления прообразом был взят фасад Эрмитажного театра в Санкт-Петербурге; в украшении музейного фасада (фриз, капители колонн небольшого портика) использованы анималистические мотивы — фигурки зверей и птиц, для многих из них можно идентифицировать таксономическую принадлежность (сова, олень, заяц и др.). Вдобавок по фризу была выведена рельефная надпись «Зоологический музей», указывающая предназначение здания Зоологического корпуса (рис. 14).

Рис. 13. Интерьер аудитории в здании Зоологического корпуса (фотография 1937 г.; архив ЗМ).

Fig. 13. Interior of the lecture room in the Zoological Building (photo of 1937; ZM archive).

Впрочем, как специально отметил Г.А. Кожевников (1915, с. 10), К.М. Быковский разработывал своей проект «почти совершенно самостоятельно, вследствие чего в плане здания недостаёт многого, что было бы желательно зоологам».

Как бы там ни было, в этом здании Зоологический музей Московского университета располагается по настоящее время.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА: ВЕЛИКИЕ ПОТЯСЕНИЯ

Для Кафедры зоологии с Зоологическим музеем и «родственного» им Института и Музея сравнительной анатомии (в которые в 1901 г. усилиями М.А. Мензбира превратился былой одноимённый Кабинет) очередной этап истории

Рис. 14. Фрагмент фриза Зоологического корпуса (из: Зоологический институт, 2011).

Fig. 14. A fragment of the frieze of the Zoological Building (after Zoologicheskii Institute, 2011).

Рис. 15. Первоначальные интерьеры Верхнего зала Зоологического музея (слева) и зала Музея сравнительной анатомии (справа) в новом здании (фотографии начала 1910-х гг.; архив ЗМ).

Fig. 15. Initial interiors of the Upper Hall of the Zoological Museum (left) and the hall of the Museum of Comparative Anatomy (right) in the new building (photo of the beginning of 1910s; ZM archive).

начался в первые годы XX в. с освоения новых помещений Зоологического корпуса Московского университета.

Переезд в новое здание начался незамедлительно по завершении строительных работ над корпусом. Его «анатомическое крыло» было в основном освоено уже к концу 1901 г., зоологические коллекции стали переезжать в отведённые им новые помещения одноимённого крыла в середине 1902 г.

Однако не всё с переездом было просто, причина была весьма прозаичной: «ко времени переноски ещё не состоялась ассигновка потребной на оборудование нового здания суммы, и это заставило расположить коллекции не в окончательном порядке, а временно, и закрыть музей для публики» (Речь..., 1903, с. 179; Кожевников, 1915). В общем, обоим подразделениям достались, по-видимому, лишь «голые стены».

[Г.А. Кожевников (1915) отмечает, что спешка с переездом в новое помещение была вызвана тем, что здание, которое занимал Зоологический музей, предполагалось к скорейшему сносу. Сличение изображения фасада здания того времени, в котором располагался Зоомузей (см. рис. 8), с нынешним по левой стороне Б. Никитской улицы (здесь не представлен) показывает различия в этажности, оформлении и т. п. Таким образом, можно констатировать, что то помещение, которое занимал наш Музей при Рулье и Богданове, строго говоря, ныне не существует.]

Некоторые денежные суммы на обустройство нового помещения начали отпускаться руководством Университета во второй половине 1902 г., причём первоочередной задачей было определено оборудование лабораторных и лекционных комнат, чтобы обеспечить сносные ус-

ловия для работы со студентами (Речь..., 1903). Коллекции же, за отсутствием новой мебели, расположили в тех же деревянных шкафах, что и ранее (рис. 15). В таком «временном» состоянии музейные собрания пребывали до 1905 г.; для публики Музей оставался закрытым, поскольку этот «временный порядок» скорее походил на беспорядок (Кожевников, 1915).

* * *

Важный поворот в жизни Музея в этот трудный для него период произошёл в 1904 г.: А.А. Тихомиров, как было сказано, «пошёл на повышение», должность заведующего Кафедрой и Музеем зоологии была отдана Г.А. Кожевникову, за год до этого получившему звание экстраординарного профессора (хотя по старшинству на заведование вправе был претендовать скорее Н.Ю. Зограф). Хранителем Музея ненадолго стал Б.М. Житков, через год эту должность занял ещё один ученик А.П. Богданова — Я.П. Щелкановцев, несколькими годами позже В.С. Елпатьевский (Отчёт..., 1905, 1906, 1910).

Подобно своему учителю А.П. Богданову, Г.А. Кожевников обладал важными качествами организатора научной и научно-педагогической работы. Так, в 1908 г. он основал на Севастопольской биостанции первую учебную зоологическую практику студентов, а также Косинскую лимнологическую станцию: всё это успешно работало до 1941 г. Очень значим был вклад Кожевникова в налаживание охраны природы в России: он был одним из инициаторов создания системы заповедников и учреждения Всероссийского общества охраны природы, в 1924 г. став его первым председателем (Борейко, 2002).

Рис. 16. Интерьеры Верхнего зала Зоологического музея (слева) и зала Музея сравнительной анатомии (справа) после их оборудования металлическими витринами (фотографии 1937 г.; архив ЗМ).

Fig. 16. Interiors of the Upper Hall of the Zoological Museum (left) and the hall of the Museum of Comparative Anatomy (right) after their furnishing with the metallic showcases (photo of 1937; ZM archive).

Г.А. Кожевников, следуя завету своего учителя, большое внимание уделял преподавательской деятельности. Демонстрацией музейных экспонатов сопровождалась 16 курсов университетских лекций, большие и малые практикумы, на материалах из коллекций Музея работали аспиранты и ассистенты. Такой характер преподавания имел чрезвычайно большое значение для воспитания «музейного духа» у будущих зоологов классического толка, понимания роли Зоомузея и его коллекций в научной и просветительской деятельности. Многие ученики Кожевникова составили впоследствии цвет отечественной зоологии, некоторые из них связали свою судьбу с Зоологическим музеем: Л.А. Зенкевич, В.В. Алпатов, Б.Б. Родендорф, С.И. Огнёв, В.Г. Гептнер, С.С. Туров и др.

Все эти деловые качества помогли Кожевникову вынести на своих плечах (разумеется, с активной помощью своих учеников и сотрудников) огромный груз забот и проблем, связанных с переустройством Музея. Забегая вперёд, хотелось бы особо отметить, что ему же выпала и тяжёлая доля сохранить Зоологический музей, его коллекции, его традиции и в лихие после-революционные годы.

* * *

В 1904–1905 гг. руководство Университета стало наконец выделять достаточные денежные суммы для приобретения новых шкафов как для хранения систематических и учебных коллекций, так и показных экспонатов (Отчёт..., 1906; Кожевников, 1915). Были заказаны особые металлические герметично закрывающиеся витрины с зеркальными стёклами у известной фирмы «Кюншерф с сыновьями» в Дрездене. Первая

их партия поступила в 1906 г., за несколько последующих лет оба зала второго этажа были полностью укомплектованы ими (рис. 16). Постановка и заполнение новых витрин в зале Музея сравнительно анатомии были завершены в 1907 г., в этом же году был он открыт для публики (Отчёт..., 1908). С Верхним залом Зоомузея произошла значительная задержка: из-за проблем с финансированием новые витрины в него поставили в 1909 г. (Отчёт..., 1910), а открыли зал лишь в 1911 г. (о причинах см. чуть ниже).

При обустройстве экспозиции Г.А. Кожевникову пришлось произвести замену значительного количества прежней экспонатуры (Кожевников, 1915). Многие старые экземпляры, пришедшие в плачевное состояние, утратили не только свою привлекательность, но и научную ценность и (по согласованию с университетским Советом) были ликвидированы. Новые экспонаты птиц и млекопитающих были поставлены мастерской Ф.К. Лоренца, причём, как подчёркивает Кожевников, по сильно заниженной цене или вообще в качестве пожертвования. Были заменены также экспозиционные этикетки силами ассистентов Б.М. Житкова и С.И. Огнёва.

Однако проблемы Зоомузея на этом не кончились — точнее, кончились одни, но начались другие, которые Г.А. Кожевников специально отметил в отчётах за 1909 и последующие годы (Отчёт..., 1909, 1910, 1911).

Во-первых, из-за урезания запланированной сметы не хватило денег на изготовление или приобретение металлических шкафов: их оказалось в половину меньше требуемого числа. Поэтому для Нижнего зала были изготовлены деревянные витрины особой конструкции по

эскизам Кожевникова: боковые части предназначались для размещения показного материала, особые внутренние полости (так называемые «междушкафья») — для систематических коллекций (Отчёт..., 1907).

Во-вторых, как оказалось, новые помещения изначально мало были приспособлены именно для коллекционных нужд. Они планировались скорее как лекционные и лабораторные комнаты, нежели как хранилища музейных коллекций. По этой причине по мере разрастания университетской биологии многие помещения Зоологического корпуса стали отводиться для учебных, научных и «производственных» нужд, но не для размещения коллекций. Так, уже вскоре после освоения Зоомузеем новых помещений часть их по требованию университетского руководства пришлось освободить для вновь организуемых лабораторий (Отчёт..., 1907, 1908).

Наконец, при проектировании нового здания не были приняты во внимание объёмы и рост научных коллекций: из-за этого сразу обнаружилась нехватка помещений. Так, основное пространство Верхнего зала предполагалось для птиц и млекопитающих, а его хоры — для показной коллекции насекомых. Однако на этих хорах пришлось разместить научные материалы по высшим позвоночным, которым не хватило места в витринах и шкафах основного помещения, поэтому энтомологические экспонаты были перенесены в Нижний зал.

После заполнения экспозиционных залов выяснилась очень серьёзная «стратегическая» ошибка инженеров-проектировщиков Зоологического корпуса: несущий пол здания не выдержал нагрузки (на опорных колоннах «лежал» весь второй этаж с металлическими витринами) и начал потихоньку проседать: это стало явным уже в 1908 г. По указанной причине в 1910 г. Нижний зал пришлось освободить от шкафов с коллекциями и произвести полную замену пола; к концу года ремонтные работы были закончены (Отчёт..., 1910). Нечто подобное повторится частично в начале 1950-х гг. и полностью в 1970-е гг. (см. следующий раздел статьи).

После окончания ремонтных работ в Нижнем зале, в самом начале 1911 г. Верхний зал Зоомузея был открыт для посетителей. Нижний же зал так и остался на многие годы во «временном порядке», лишь частично оборудованный необходимыми витринами и шкафами и потому недоступным для зрителей.

Чтобы завершить «строительно-ремонтную» тему, отмечу, что в 1914 г. стеклянный «фонарь» над Верхним залом был заменён обычной металлической крышей, поскольку, как оказалось, в летнее время зал сильно прогревался (Отчёт..., 1915).

* * *

Насколько можно судить по весьма лаконичным в этом отношении годовым отчётам первых двух десятилетия XX в., а также по краткому очерку Г.А. Кожевникова (1915), коллекции Зоомузея в конечном итоге были размещены таким образом: птицы и млекопитающие — в Верхнем зале (включая хоры), прочие коллекции — в Нижнем зале. Кроме того, какая-то их часть была распределена по отдельным комнатам, прилегающим к залам; одна из комнат была отведена под препараторскую мастерскую. Было выделено некое помещение, в отчётах фигурирующее под названием «склад»: в нём хранились в ожидании полной музейной обработки коллекционные материалы, поступающие из экспедиций и от дарителей. Остальные помещения Зоологического корпуса были отведены для учебных аудиторий, лабораторных занятий, исследовательских подразделений Кафедры зоологии и Зоомузея. Кабинет Кожевникова располагался на 3-м этаже угловой части здания с окнами, выходящими на Никитскую улицу.

Многообразную и многотрудную работу Зоомузея в эти годы во многом обеспечивали ассистенты, которых в его штате, согласно университетским годовым отчётам, ежегодно числилось по три–четыре человека. Среди них в разные годы были (частью упомянуты выше): Э.Г. Беккер, В.С. Елпатьевский, Б.М. Житков, С.В. Покровский, Я.П. Щелкановцев, Н.В. Богоявленский, В.С. Муралевич, В.И. Грацианов, С.И. Огнёв, И.И. Месяцев и др. Под их руководством работали препараторы (Н.А. Андреев, А.А. Головин и др.), в чьи обязанности входила «препаровка шкурок, набивка чучел, накалывание насекомых, монтировка и доливка коллекций».

В годовых отчётах перечисляются многочисленные зоологи, работавшие с научными коллекционными материалами, — профессора, ассистенты, отчасти и студенты. Для того, чтобы обеспечить им возможность исследовать и приводить в порядок коллекции, пришлось оборудовать рабочие места на хорах Верхнего зала (Отчёт..., 1915). В отчётах за эти годы отдельным пунктом впервые начинает указывать-

ся ещё одна важная форма введения коллекций в научный оборот — их выдача специалистам для исследования вне стен Музея с последующим возвратом, причём не только по России, но и за рубеж (например, упомянут д-р Горн из Берлина, см.: Отчёт..., 1906).

* * *

В качестве руководителя Зоомузея Г.А. Кожевников внёс своеобразную лепту в его историографию. Вводный раздел подготовленного им к открытию Музея «Краткого указателя...» (Кожевников, 1915) начинается примечательной таблицей с перечнем «главнейших моментов в истории Музея» (см. публикацию этого раздела в настоящем сборнике). Некоторые из этих «моментов», как было отмечено в самом начале настоящей статьи, заметно расходятся с теми, которые указаны в университетских годовых отчётах и других документах и которые, соответственно, приведены в данной статье и в Хронике. При этом указание на «специализацию Музея как зоологического» в 1805 г. вообще не соответствует действительности.

* * *

Основное направление сбора новых коллекций Г.А. Кожевников определил так же, как и несколько десятилетий назад А.П. Богданов: «собрать возможно полный материал по русской фауне — его [Зоомузея] прямая задача» (Кожевников, 1915, с. 13). При этом он весьма строго подходил к отбору поступающих материалов, настаивая на их полноценном этикетировании. Для обеспечения этого было подготовлено и выпущено специальное «Руководство к зоологическим экскурсиям и собиранию зоологических коллекций» (*op. cit.*). Примечательно, что Кожевников считал важным пополнение фондов Зоомузея серийными сборами, позволяющими изучать «колебания признаков» (с. 13); это его увлечение видно из того, что он посвятил характеристике разных форм изменчивости заметную часть вводного раздела своего «Краткого указателя...». Таково было, вообще говоря, веление времени: в зоологии и ботанике начинала активно формироваться популяционная систематика, которую спустя несколько десятилетий назовут «новой» (Павлинов, 2013).

Новые поступления систематических коллекций тех лет порой были весьма объёмные. Значительные сборы, главным образом ихтиологические, на протяжении нескольких лет поступали от Л.С. Берга (будущего знаменитого

эволюциониста): он возглавлял Аральскую экспедицию, которую совместно организовали Зоологическое отделение ИЮЛЕАЭ и Туркестанское отделение ИРГО. Продолжала действовать Комиссия для исследования фауны Московской губернии, в полевых работах которой в это время стал активно участвовать С.И. Огнёв; через эту Комиссию в 1905 г. в Зоомузей была передана большая коллекция насекомых от Р.Р. Вальха (20 коробок). Была учреждена экспедиция для исследования Северо-Западного края; на севере европейской России активно коллектировал Б.М. Житков, работавший в составе организованной ИРГО Ямальской экспедиции. Под руководством Г.А. Кожевникова с начала 1900-х гг. работала Окская экспедиция, в которой участвовали многие его ученики, в том числе С.С. Туров. Начали регулярно передавать свои орнитологические сборы С.А. Бутурлин, Г.И. Поляков, Л.А. Портенко. Среди активных дарителей неоднократно указывается Н.Ф. Иконников, от которого поступали материалы с Дальнего Востока, из Южной Америки и других отдалённых мест. Каждый год, пусть и понемногу, великолепно изготовленными чучелами и тушками показную и систематическую коллекции Зоомузея обогащала мастерская Лоренца. В 1917 г. начала действовать Байкальская экспедиция под руководством И.И. Месяцева, Л.А. Зенкевича и Л.Л. Россолимо (последний — отец будущего директора Зоомузея О.Л. Россолимо), положившая начало систематическому изучению этого уникального водоёма.

Одним из интереснейших стало поступление в 1911 г. очень крупной коллекции (точнее, её наибольшей части) известного энтомолога-любителя В.И. Мочульского, заключённой в 285 деревянных ящиках (Отчёт..., 1912). Служа на протяжении 30–60-х гг. XIX в. офицером Генерального штаба Русской армии, он выполнял дипломатические поручения во многих странах мира и в разъездах постоянно пополнял свою домашнюю коллекцию (Кривохатский, 2013). В результате в ней оказались представленными насекомые (главным образом жесткокрылые) всех частей света, важную её часть составляли типовые экземпляры многочисленных новых видов, описанных самим Мочульским. Первоописания Мочульского в его собственном журнале «*Études entomologiques*» (издавался в 1852–1862 гг.) были весьма лаконичными и не позволяли надёжно идентифицировать виды (Griffin, 1936). Поэтому поступление в музейный фонд этой огромной

частной коллекции, ранее почти закрытой для исследований (впрочем, в одном из предыдущих разделов было отмечено, что её каталог опубликовал К. Ренар), стало весьма значительным событием для сообщества учёных-энтомологов. К сожалению, собранные Мочульским насекомые после смерти владельца очень долгое время (почти сорок лет) хранились его наследниками в крайне неблагоприятных условиях, прежде чем попали в поле зрения ИМОИП, а затем через его посредство в фонды Зоологического музея. Первичную ревизию коллекции поручили молодому Н.Н. Плавильщикову, по заключению которого она «поступила в музей в таком плохом виде, что многими ящиками совершенно нельзя было пользоваться» (Отчёт..., 1914, с. 91). Впрочем, это не помешало какие-то её разделы сразу же включить в научные исследования (*op. cit.*; Кожевников, 1915). Позже были опубликованы каталоги некоторых разделов типовой коллекции В.И. Мочульского, хранящейся в Зоомузее (Костылева, 1991).

В середине 1910-х гг. в систематической коллекции Зоомузея числилось несколько более 93 тыс. экз., в это число не были включены насекомые (Отчёт..., 1914).

Одновременно с постепенным приведением коллекций в надлежащий порядок решением Г.А. Кожевникова была начата работа по составлению картотеки-каталога музейного собрания, которая проводилась выборочно по отдельным группам. Так, в отчёте за 1903 г. записано о том, что занесена в карточный каталог учебная коллекция (Речь..., 1904), вслед за этим Л.Л. Сабанеев провёл каталогизацию коллекции амфибий и рептилий (Отчёт..., 1905); по-видимому, именно эта картотека ныне хранится в архиве отдела герпетологии Зоомузея. Несколькими годами позже Кожевников объявил о необходимости каталогизации всех коллекций (включая частично насекомых) (Отчёт..., 1911, 1912); надо полагать, что хранящиеся в архиве отдела беспозвоночных карточки того же формата, что и герпетологические, представляют собой результат начальной реализации этого решения (рис. 17).

* * *

Как отмечено выше, экспозиционная работа в Зоомузее возобновилась в 1911 г., но для посетителей был открыт только его Верхний зал. Как и прежде, Музей функционировал в качестве публичного весьма ограниченное время: только во время учебных семестров и только

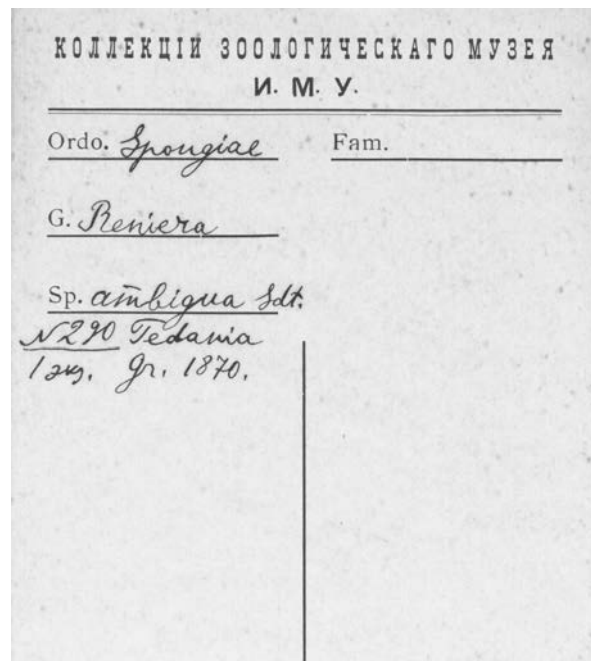

Рис. 17. Карточка повидовой картотеки сектора беспозвоночных животных (ок. 1911 г.; архив ЗМ).

Fig. 17. A card of the species catalogue of the Section of Invertebrates (about 1911; ZM archive).

по выходным дням; при этом допуск в зал публичности был бесплатным (например, выборочно: Отчёт..., 1912, 1915).

В год открытия Музея для публики Г.А. Кожевников (при содействии ассистента С.И. Огнёва) составил и издал уже упоминавшийся «Краткий указатель показной коллекции млекопитающих и птиц Зоологического музея Императорского Московского университета», очень быстро разошедшийся (Отчёт..., 1912); его несколько раз допечатывали, последнее 4-е издание вышло в 1915 г. (Кожевников, 1915).

Количество посетителей было весьма значительным — 4–5.5 тыс. человек в разные годы (*op. cit.*). Экскурсии проводили ассистенты Музея, а также студенты старших курсов.

* * *

Некоторая нормализация деятельности Зоомузея побудила Г.А. Кожевникова подготовить и обнародовать несколько документов, регламентирующих работу с коллекциями и библиотечной литературой, а также посещение экспозиции [архЗМ].

В «Правилах поступления коллекций в Зоологический Музей [...] и пользования ими» оговаривается, что материалы, передаваемые в Музей для постоянного хранения, должны быть надлежащим образом этикетированы. Подчёр-

кивается, что все действия с коллекциями, а равно деловая переписка по их поводу (обработка, обмен, выдача, получение) контролируются заведующим Музеем. В частности, согласно этому документу «обработка переданных музею коллекций производится не иначе, как с разрешения заведующего музеем и на устанавливаемых им условиях». Одновременно с этим накладывался запрет на использование официального титула «Зоологический музей» при отсылке или получении личных коллекций. Можно лишь догадываться о том, по какой причине вводились столь жёсткие ограничения: вероятно, ранее допускались излишне широкие вольности в обращении с коллекциями, к тому же под «шапкой» Зоомузея.

Согласно «Правилам пользования библиотекой Зоологического Музея...» книги было дозволено выдавать на руки только «работающим по зоологии в лаборатории музея». При этом «лица, пользующиеся книгами, покорнейше приглашаются не делать в них никаких пометок, надписей и подчёркиваний» (это правило, впрочем, редко кем соблюдалось).

Для регулирования публичной деятельности были утверждены «Условия посещения Зоологического Музея...». В них указывалось, что «Верхняя зала [...] открыта для публики с 1-го сентября до 1-го мая по воскресениям с 10 час. утра до 3 час. дня». При этом особо оговаривалось, что «заведующий Музеем и его помощники не имеют возможности брать на себя заботы по объяснению коллекций посетителям».

* * *

Научная библиотека Зоомузея в эти годы находилась под надзором Г.А. Кожевникова, который всячески поощрял безвозмездное жертвование в неё специальной литературы учёными и учреждениями. Ежегодно в библиотеку передавали по несколько сотен книг и журналов: так, в отчёте за 1909 г. значится почти 700 единиц новых поступлений (Отчёт..., 1910).

* * *

В 1901 г. при Кафедре зоологии и Зоомузее был учреждён «Студенческий кружок для исследования Русской природы»: его инициаторами были сами студенты, опекуном и руководителем вызвался быть Н.Ю. Зюграф (см. статью Е.А. Дунаева в настоящем сборнике). Члены кружка привлекались к участию в полевых исследованиях и сбору новых материалов для Музея, к хранительской работе с коллекциями, они активнейшим образом участвовали в Зоо-

логическом семинарии, который вёл Г.А. Кожевников. Для публикации результатов исследований кружковцев были учреждены «Труды студенческого кружка для исследования русской природы», выходившее несколько лет (Отчёт..., 1906; например, Труды..., 1909).

В деятельности кружка и «семинария» Кожевников особое внимание уделял систематике, что было, по-видимому, не самым простым делом. Он писал своему коллеге и другу А.П. Семенову-Тян-Шанскому, что «создать из молодежи не коллекторов только, а систематиков мне прямо таки умышленно мешает пр. Н.Ю. Зюграф, который всячески старается внушить молодёжи, что систематика не истинная наука» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 6). И хотя, как видно из только что приведённой цитаты, Кожевников стремился сделать из студентов нечто большее, чем «коллекторов только», он направлял их интерес именно к практической части систематики, которая начинается, как известно, со сбора и обработки полевого материала. Для этого он издал специальное «Руководство...» (Кожевников, 1902), на его основе стал читать нечто вроде спецкурса под названием «Что и как собирать», а затем изыскал возможность выделять некоторые ассигнования на оплату экспедиционных работ студентов (Отчёт..., 1915, 1917). В результате, как специально отмечено в отчёте за 1914 г., стал проявляться заметный рост интереса среди студентов к занятиям фаунистикой и систематикой (Отчёт..., 1915).

* * *

[Для полноты картины, которая будет полезной при рассмотрении последующей судьбы Зоомузея в 1920-е и 1930-е гг., следует дать самую краткую справку о состоянии дел с разного рода «учебно-вспомогательными установлениями» при Московском университете рассматриваемого времени (Отчёт..., 1910, 1911, 1915). К началу 1910-х гг. они весьма разрослись в числе и разнообразии: насчитывалось более десятка институтов, четыре музея, не менее семи кабинетов и шесть самостоятельных лабораторий. Среди этих последних с 1910 г. значится отдельная «Зоологическая лаборатория, находящаяся в заведовании засл. орд. проф. Н.Ю. Зюграфа» — таково её (и только её) официальное «именное» название, фигурирующее в отчётах тех лет. Примечательно, что за год до этого она числилась за Зоомузеем (Отчёт..., 1910), притом что в Зоомузее была лаборатория, восходящая к А.П. Богданову, в одном из отчётов её заведующим указан Н.В. Богдавленский, ученик Зюграфа (Отчёт..., 1915).

В жизни «родственного» Зоомузею и соседствующего с ним в Зоологическом корпусе Института и

Музея сравнительной анатомии в это время происходило следующее. При подготовке его экспозиции применили новый иллюстративный принцип: были изготовлены картины с прижизненными изображениями морских животных, поскольку в препарированном виде они утрачивали свою естественную окраску; автором картин был начинающий художник-анималист В.А. Ватагин (тогда ещё под своей первой фамилией Шереметьевский) (Отчёт..., 1906). После известной «политической» отставки М.А. Мензбира в 1911 г. («дело Кассо») этот Институт вместе с одноимённым Музеем под своё начало принял будущий крупный зоолог-анатом и эволюционист А.Н. Северцов, сын ранее упоминавшегося зоогеографа Н.А. Северцова. Он сменил преобладавшее при Мензбire систематико-зоогеографическое направление исследований на эволюционно-морфологическое, заложив основания существующей по сей день московской школы эволюционной морфологии. М.А. Мензбир вернулся в Московский университет в 1917 г., возглавив его на два года в качестве ректора: он стал первым главой университета послереволюционного времени и четвёртым за всю его историю ректором-музейщиком.

Говоря о развитии музейного естествознания в Москве начала XX в., необходимо отметить, что при Московских высших женских курсах был учреждён очень интересный Музей эволюционной теории (Константинов, 2003). Его основатель и бессменный директор (до 1964 г.) зоолог-эволюционист А.Ф. Котс датой возникновения этого Музея считал 1907 г., когда он был приглашён на названные Курсы читать лекции по естественной истории; согласно другой версии, такой датой следует считать 1913 г., когда Котс пожертвовал Курсам собранную им коллекцию. Зоологии он учился у М.А. Мензбира, препараторскому же делу — у Ф.К. Лоренца, причём весьма преуспел в изготовлении чучел и даже был несколько раз награждён за свои таксидермические творения, показываемые на выставках. Наверное, интересно упомянуть о том, что основную часть его коллекции составляли примеры внутривидовой изменчивости, начало этому собранию было положено Лоренцом (Шишкин, 2001). В 1922 г. названный Музей получил современное название «Дарвиновский», которое говорит о его основном предназначении — пропагандировать на музейном материале эволюционные идеи Ч. Дарвина.]

* * *

Грянувшая 1-я мировая война мало отразилась на жизни Зоомузея. Некоторые её следы в отчётах тех лет проявились лишь в указании того, что для солдат, находившихся на излечении после ранений, проводились бесплатные экскурсии (Отчёт..., 1915, 1917). Во всём остальном так же проводились занятия со студентами, совершались экспедиции, поступали новые кол-

лекционные материалы, по мере возможности докупалась мебель для их хранения.

* * *

Конец 1910-х и начало 1920-х гг. в России ознаменовались грандиозными потрясениями. Революция, братоубийственная гражданская война, радикальная смена политического и экономического устройства страны, силовое насаждение новой властью нового понимания мира и общества, а равно и места человека в них — всё это породило настоящую административно-командную чехарду уничтожений и созиданий, разделений и слияний всего и вся в поисках того, каким образом надлежит устраивать «новое общество» и воспитывать для него «нового человека».

По этой причине в 1920-е и в продолжившие и отчасти даже усугубившие их 1930-е гг. Московский университет, как и вся страна, вступил в пору радикальных реорганизаций, которые глубоко отразились на его научной, образовательной и просветительной деятельности. В эти годы при Университете с лёгкостью возникали новые учебные и научные подразделения, многие из них с не меньшей лёгкостью прекращали своё существование, меняли статус и подчинение, а на худой конец хотя бы название; одновременно с этим менялись способы и формы организации учебно-научной работы.

Ниже в самом кратком виде представлена хронология этого этапа истории Московского университета — не вся, разумеется, а лишь та её часть, которая имеет наиболее тесное касательство к Зоологическому музею. Это важно для того, чтобы осознать, что пришлось пережить Музею, его людям и его коллекциям, с чем приходилось бороться и с чем смиряться, чтобы не прервалась нить живой музейной традиции.

[В 1918 г. при Академии наук учреждена Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС): она принимала значительное участие в организации и финансировании многочисленных экспедиций, в некоторых из них участвовали университетские зоологи. При Народном комиссариате просвещения (Наркомпрос) — перелицованном прежнем Министерстве народного просвещения — организован специальный Музейный отдел для руководства работой всех музеев (Гарданов, 1957). Московский университет, в 1917 г. названный «государственным», в 1918 г. получил название «1-го» в связи с тем, что «2-м» стал университет, возникший на основе выше упоминавшихся Высших женских курсов. Все учёные степени и звания отменены, введено единое звание «учёного специалиста».

В 1921 г. декретом Наркомпроса утверждено «Положение о высших учебных заведениях РСФСР» (Летопись-Положение..., 1921): все университеты подчинены этому комиссариату, ему же передано исключительное право определять их структуру, штаты и т. п. Это стало по сути продолжением и усилением общего тренда, заложенного реформами Николая I и Александра III (см. предыдущие разделы) — означало отмену всех университетских свобод и переход университетского образования целиком под государственный контроль. Названным «Положением» определён основной штатный состав университетов — профессора, преподаватели (прежние доценты) и научные сотрудники (прежние ассистенты), сосредоточенные на «учебной или учебно-учёной деятельности» (§ 5). Основной университетской единицей признан факультет (§ 7), подтверждена возможность выделения в структуре университетов научно-исследовательских институтов (§ 8). Никакие «вспомогательные учебно-учёные учреждения» в Положении отдельно не указаны (по образцу Общего устава 1884 г.), но в кое-каких параграфах упомянуты лаборатории, кабинеты, музеи, библиотеки (например, § 15).

При Наркомпросе учреждено Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука), в него включён Музейный отдел (Организация..., 1968). При этом определена необходимость «добиваться, чтобы научные исследования увязывались с задачами социалистического строительства» (*op.cit.*, с. 46). Для обеспечения этой одной из первоочередных задач признано необходимым введение работников-коммунистов в руководящие органы всех учреждений.

В связи с массовой организацией новых (нередко просто «перелицованных» старых) научных институций, при Главнауке особым декретом учреждён Плавающий морской институт: в проекте он назван «Морской плавающий зоологический институт», потом переделан в «биологический», с аббревиатурой «Плавморин» (также Плавморбин, Плавморнин) (Зенкевич, 1941; Организация..., 1968). К слову можно упомянуть, что одним из его инициаторов и первым директором был А.И. Россолимо (Россолимо..., 2012) — двоюродный дед будущего директора Зоомузея О.Л. Россолимо. Плавморин расположился в помещении Зоологического корпуса.

В 1922 г. началась серьёзная реорганизация научных учреждений и высшей школы; её частью, в продолжение линии на «огосударствление» науки, стало предписанное постановлением Наркомпроса учреждение при университетах специализированных научно-исследовательских институтов. В Московском университете при Физико-математическом факультете их в том же году учреждено семь (частью они воспроизводили ранее существовавшие), объединённых в Ассоциацию научно-исследовательских институтов (Гулевич, 1928). Среди них — Научно-

исследовательский институт зоологии (НИИЗ), в который включили прежние или учреждённые заново научные лаборатории зоологического профиля (ликвидирован вместе с многими другими университетскими институтами в 1950 г.). Все службы НИИЗа расположились в помещении Зоологического корпуса. Интересно отметить, что Институт сравнительной анатомии в составе названной Ассоциации не значится, хотя в годовых отчётах университета 1920-х гг. он указывается как одно из подразделений Физико-математического факультета.

Многие крупные научные общества (в том числе ОЛЕАЭ, МОИП; уже без начальной буквы «И») «национализированы»: подчинены Наркомпросу, переведены на государственное финансирование.

В 1923 г. на Физико-математическом факультете 1-го Московского университета организовано несколько отделений, в том числе биологическое во главе с Г.А. Кожевниковым (История..., 1955б; Летопись..., 2016р). Наркомпрос учредил «Государственный музейный фонд», усиливший госконтроль над всеми музейными и иными собраниями; введено деление музеев по их значению на «центральные» и разного рода «местные», а также по их ведомственной принадлежности.

В 1925 г. в ведение Главнауки перешли все академии и учебные заведения, научно-исследовательские учреждения «теоретического» профиля (т. е. не имеющие выраженного прикладного характера), научные библиотеки, музеи, заповедники, ботанические сады и другие подобные учреждения, а заодно (почему-то) государственные академические театры и музыкальные учреждения (Организация..., 1968).

В 1927 г. проведена очередная реорганизация высшей школы: постановлением Совнаркома РСФСР университетам предписано пересмотреть существующую структуру и специализацию подразделений факультетов в целях: «1. приведения структуры факультетов в большее соответствие с потребностями народного хозяйства и госаппарата; 2. возможного укрупнения факультетских делений» (Летопись..., 2016с). В развитие этой общей идеи в ректорате 1-го Московского университета стал разрабатываться проект его разделения на три-четыре более специализированных учебно-научных учреждения (Летопись..., 2016т,у).

В 1929 г. («год великого перелома») в государственных, научных и учебных заведениях страны начата «идеологическая чистка», продолжившаяся несколько лет, в ходе которой из 1-го Московского университета было уволено несколько сотен сотрудников, включая десятки известных профессоров. В научных институтах введена аспирантура.

В 1930 г. некоторые факультеты 1-го Московского университета отданы в иные ведомственные органы; но одновременно с этим в нём учредили несколько новых факультетов и кафедр (Летопись..., 2016в).

Среди них — Биологический факультет с тремя отделениями (зоологии, ботаники и почвенно-географическое) и с более чем двумя десятками кафедр, каждая со своими «вспомогательными подразделениями» (лабораториями и т. п.). Все службы Биофака расположились в помещениях Зоологического и Ботанического корпусов. Существовавшая прежде единая Кафедра зоологии разделена на несколько более специальных: общей зоологии, морфологии и систематики позвоночных животных, зоологии беспозвоночных животных, ихтиологии, охотоведения и промыслового дела. Институт сравнительной анатомии преобразован в лабораторию эволюционной морфологии при Академии наук. Музеи биологического профиля, исторически сложившиеся в рамках бывшего Физико-математического факультета или потом включённые в него, переданы в подчинение учебных кафедр Биофака: Зоологический музей приписан к Кафедре зоологии беспозвоночных (и затем ненадолго к НИИЗу), Музей сравнительной анатомии — к Кафедре морфологии и систематики позвоночных. Университетская Ассоциация научно-исследовательских институтов ликвидирована, входившие в неё институты перешли в прямое подчинение профильных факультетов.

На Первом всероссийском музейном съезде (Москва, декабрь 1930 г.) принята резолюция, призывающая преодолеть «реакционное рутинёрство, уйти от музеев-кунсткамер, поставить музеи на службу социалистическому строительству, превратить их в инструмент культурной революции» (цит. по: Рубан, 2014, с. 1).

В 1931 г. опять проведена перестройка образовательных учреждений: постановлением Совнаркома «О реорганизации государственных университетов» университетские институты и музеи поступили в прямое подчинение соответствующих отраслевых наркоматов (Постановление..., 2011а). В частности, указанные институты, относящиеся к 1-му Московскому университету (включая Зоомузей), переданы в Главнауку Наркомпроса. Одновременно особым постановлением в университетах ликвидирована факультетско-кафедральная структура, вместо этого учреждены многочисленные специализированные отделения; в 1-м Московском университете одним из них стало зоологическое отделение (Летопись..., 2016ф). ОЛЕАЭ включено в состав МОИП.

В 1932 г. только что проведённая реорганизация, в традиционной лексике тех лет, объявлена «перегибами и извращением» (История..., 1955б), началась постепенная отмена достигнутых в ходе её результатов. Согласно этому в университетах частично восстановили кафедральную структуру в рамках сохранённых отделений (Летопись..., 2016х).

В 1933 г. университетам вернули факультетскую структуру и вновь передали в их ведение ранее переданные другим ведомствам факультеты и институты. В связи с этим в Московском университете вновь ут-

верждён (на этот раз окончательно) Биологический факультет, в его составе установлены отделения зоологии и ботаники, каждое с несколькими кафедрами и профильными НИИ (зоологии, ботаники, антропологии). Зоомузей этот «обратный ход» формально не затронул, но во всех университетских документах он указывается как подразделение Биофака (Летопись..., 2016ц).

В 1934 г. восстановлена учёная степень доктора наук и введена учёная степень кандидата наук (до 1936 г. степени присваивались без защиты); введены учёные звания ассистента, младшего научного сотрудника, доцента, профессора, действительного члена научного учреждения.

В 1935 г. в связи с разработкой Генерального плана реконструкции Москвы ректорат МГУ начал обсуждать проект реконструкции университетского комплекса на Моховой, при этом все существующие здания предполагалось надстроить на 3–4 этажа (Летопись..., 2016ч).

В 1938 г. Совет Московского университета рассмотрел вопрос о необходимости постройки нового университетского комплекса на Ленинских горах (так в советские времена называли Воробьёвы горы), куда предполагалось перевести все факультеты естественно-научного профиля (Летопись..., 2016ш). Этот предварительный проект планировал использование существующих зданий на Моховой для университетских музеев и лекториев, т. е. сохранение их на прежнем месте.

В 1939 г. на основании распоряжения Комитета по высшей школе при Совнарком СССР принят новый устав Московского университета, которым зафиксирована его базовая факультетско-кафедральная структура (Летопись-Устав..., 1939). Зоомузей официально возвращён под полную юрисдикцию МГУ и включён в состав Биологического факультета. В рамках последнего в качестве его самостоятельных подразделений установлены: четыре научно-исследовательских института (в том числе НИИЗ), два музея (Зоологический и Антропологический), а также Ботанический сад; в самостоятельное факультетское подразделение выделен Гербарий.]

Важной частью кратко охарактеризованных преобразований стала последовательная реализация идеи разделения учебной, научной и музейной сфер деятельности. В результате в вузах преподавание было отдано кафедрам, наука — исследовательским институтам, а музеям была отведена в основном просветительная роль. Такое направление начальственных мыслей в значительной мере воспроизводило то понимание содержания университетской деятельности, которое предписывалось «николаевской реформой» середины 1830-х гг. (см. один из предыдущих разделов).

[Кстати сказать, эта «разделительная» тенденция сказалась и на академическом Зоологическом музее в Ленинграде. На его основе в начале 1930-х гг. был учреждён Зоологический институт (ЗИН) со всей наукой и всеми систематическими коллекциями, а собственно Музею были оставлены только экспозиционные залы с показными коллекциями и просветительная деятельность.]

Ради справедливости следует отметить, что эта общая идея едва ли радикально противоречила традиционному организационному устройству Зоомузея. На самом деле с нею было вполне совместимо унаследованное от А.П. Богданова (а им — отчасти от Ловецкого и Рулье) деление коллекций на научные (систематические), учебные и показные.

В рассматриваемый период расставленные приоритеты отчётливо видны из структуры годовых отчётов, представляемых руководством Зоомузея вышестоящему начальству. В них на протяжении большей части 1930-х гг. первым пунктом шла экспозиционная работа, затем научная и в конце — хранительская [архЗМ]. Впрочем, во всех отчётах присутствовало важное указание на предоставление систематических коллекций для текущих исследований, с поимённым указанием работавших с ними учёных-зоологов: это подтверждало их несомненный научный статус.

Проблема, как «дьявол», проявилась в деталях. Устранение науки и подчинение всей выстраиваемой образовательной системы достижению основной цели, каковой было объявлено «формирование нового человека», с особым акцентом на прикладные аспекты в преподавании и просвещении (Красовицкая, 2002), — всё это выводило научные коллекционные фонды за «скобки» основных направлений деятельности Зоомузея и фактически превращало их хранение в некую дополнительную нагрузку. Музейные коллекции частично «оправдывало» и спасало их использование в учебном процессе — но материалов для практических занятий студентов и экспонирования требовалось значительно меньше, чем многие десятки тысяч экземпляров научных коллекций. Как будет показано далее в настоящем разделе, на рубеже 1920–1930-х гг. это обстоятельство едва не сыграло в истории Зоомузея роковую роль.

* * *

Рассказ об этом «горячем времени» в истории нашего Музея хотелось бы начать выражением глубочайшего уважения в адрес Г.А. Кожевни-

кова. Принявший бразды правления университетской зоологией от своих учителей в ту пору, когда ничто не предвещало особых бед, он в пришедшие лихие годы по мере возможности сохранял в руководимых им учебных подразделениях и в Музее дух преданности своему делу невзирая ни на какие недобрые новые веяния. А это несомненно предполагало дух свободы мысли, без которого не может быть творчества и соответственно не может быть образования и науки, — но не может быть и сложным образом организованной и никоим образом не могущей быть прерванной работы по сохранению и приумножению музейных коллекций.

Не меньшего уважения заслуживают выпестованные Г.А. Кожевниковым учёные хранители зоомузейных собраний, отдававшие им свои силы в бурные послереволюционные годы. Во многом благодаря именно их заботам бесценные многотысячные научные коллекции, накопленные к тому времени в Зоомузее усилиями многих учёных и любителей естествознания, были сохранены для следующих поколений зоологов.

В должности хранителя Зоомузея в первые послереволюционные годы служили: в 1919–1921 гг. — Н.Н. Плавильщиков, вынужденно покинувший Музей в 1921 г. (вернётся сюда позже), в следующий год Э.Г. Беккер (заведовал также хозяйственной частью Музея), затем эти обязанности последовательно исполняли В.А. Яшнов, И.И. Ёжиков, В.В. Алпатов, С.Г. Крыжановский, И.И. Месяцев ([Отчёт... 1923, 1924, 1925 гг.: архЗМ]; Михайлов, 2002). В 1924 г. должность хранителя/ассистента «перелицевали» в научного работника (сотрудника) согласно общему Положению, утверждённому Совнаркомом для вузовских учреждений: в указанном году в таком статусе числились Г.Г. Абрикосов, Е.В. Боруцкий, А.Н. Желоховцев и некоторые другие [Отчёт... 1925 г.: архЗМ]. Таким образом, в результате оказалась фактически упразднённой критически важная для всякого музея штатная должность хранителя коллекций.

В 1925 г. научные (систематические) фонды в Зоомузее впервые административно разделили по «таксономическому» принципу на три секции: позвоночных животных, насекомых и прочих беспозвоночных. Их заведующими (фактически хранителями) были назначены, соответственно, В.Г. Гептнер, Б.С. Кузин и Е.В. Боруцкий. Должность единого для Музея учёного хранителя, отвечающего за разработку

и соблюдение общих принципов пополнения, хранения, документирования и использование коллекций Зоомузея, в новом штатном расписании отсутствовала; её восстановят лишь в 1970-е гг.

* * *

Основной «головной болью» для Зоомузея, к тому же стремительно усугубляющейся, в эти годы стала опять нехватка помещений, причём не только для хранения коллекций, но и экспозиционных. В этой «боли», в дополнение к присущей всякому музею обычной причине — росту коллекций, появилась совсем новая составляющая, к которой наш Музей оказался вовсе неподготовлен. Вновь учреждаемые при Университете и вне него институты, расположившиеся в Зоологическом корпусе, стали обрастать своим хозяйством, своими службами и рабочими местами, организовывать свои экспедиции, для которых нужно было специальное оборудование, — и всё это размещалось в Зоологическом корпусе, включая его экспозиционные залы. По мере разрастания Плавморин и НИИЗ постепенно стали претендовать на всё большие площади и помещения, вытесняя из хранилищ и залов музейные коллекции. Такие же территориальные притеснения испытывал и Музей сравнительной анатомии, в помещениях которого располагался разросшийся штат одноимённого Института.

Значительные проблемы причинял Плавморин (в 1930 г. переименован в Государственный океанографический институт — ГОИН, теперь это Полярный институт рыбного хозяйства и океанографии — ПИНРО). Его главой долгое время был И.И. Месяцев, ученик Кожевникова и им же рекомендованный на эту должность. Основной задачей нового Института было исследование северных морей, их островов и побережий, а основной «производственной базой» для него стал служить Нижний зал Зоомузея. По свидетельству очевидца, «с 1927 г. кроме трёх подвальных помещений и помещения для канцелярии в вестибюле Музея, Институту было предоставлено несколько рабочих мест в Нижнем зале Музея [...] В настоящий момент эти несколько мест превратились в рабочие места около сотни сотрудников [...] Нижний зал Музея оказывается заставленным столами (перед каждым окном стоит от 4 до 6 столов [...] и по 2 шкафа)» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 15–16).

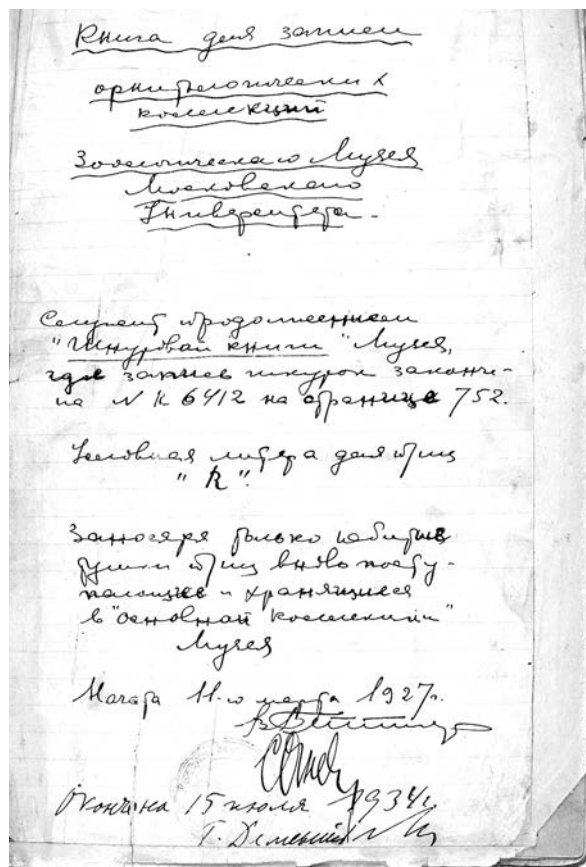
Весьма специфические отношения, в каких-то вопросах достаточно сложные и едва ли

формально регулируемые, сложились между Зоомузеем и НИИЗом.

С одной стороны, во главе этого Института и многих его лабораторий стояли учёные, выросшие в стенах Зоологического музея и Института (и Музея) сравнительной анатомии и по мере возможности сохранявшие прежние научные традиции. Первым директором НИИЗа на короткое время был назначен М.А. Мензбир, которого сменил А.Н. Северцов; его «действительными членами» стали Г.А. Кожевников, Б.М. Житков, С.А. Усов, Н.В. Богоявленский и некоторые другие (Гулевич, 1928). Г.А. Кожевников, оставаясь заведующим Кафедрой зоологии и Зоомузеем, возглавил лабораторию зоологии беспозвоночных в НИИЗе, во главе некоторых других лабораторий встали его прямые ученики — Б.М. Житков (лаборатория зоологии позвоночных, позже заведовать ею стал С.И. Огнёв), Н.В. Богоявленский (лаборатория гистологии и эмбриологии); руководить лабораторией морфологии назначили Б.С. Матвеева, проходившего «школу» у А.Н. Северцова (Университеты..., 1935). Своя научно-учебная лаборатория сохранялась и за Зоомузеем. Некоторые работники совмещали должности штатных сотрудников и Зоомузея, и НИИЗа — в первую очередь сам Г.А. Кожевников, а также В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, Б.С. Кузин и др.

Общую ситуацию сложного переплетения формальных и неформальных связей между Зоомузеем и НИИЗом хорошо иллюстрирует такой факт. В отчёте за 1925–1926 гг. отмечено, что С.И. Огнёв «не принадлежит к служебному персоналу музея» [Отчёт... 1927 г., с. 67: архЗМ], но во вновь заведённой «Книге для записи орнитологических коллекций», начатой в 1927 г., стоят подписи В.Г. Гептнера и С.И. Огнёва [архЗМ] (рис. 18): видимо, первый представлял Зоомузей, второй — НИИЗ. Такой характер визирования музейной документации, как можно полагать, отражает тот факт, что оба эти учреждения в то время обладали некими объединёнными правами на музейные коллекции.

Коль скоро в настоящей статье фиксируются все более или менее значимые факты из «административной» истории Музея, нужно, по-видимому, отметить следующую запись в годовом отчёте Университета за 1925–1926 гг. В ней сообщается, что «в Наркомземе в июне 1925 года было постановлено включить лабораторию Зоологического музея в сеть исследовательских учреждений опытного отдела [...] На эти рабо-

Рис. 18. Титульная страница «Книги для записи орнитологических коллекций», начатой в 1927 г. (архив ЗМ; записано В.Г. Гептнером, подписи С.И. Огнёва и Г.П. Дементьева).

Fig. 18. Title page of the "Book for records of ornithological collections" started in 1927 (ZM archive; written by V.G. Heptner, signatures by S.I. Ognev and G.P. Dementiev).

ты была отпущена Наркомземом субсидия» [Отчёт... 1927 г., с. 70: архЗМ]. Надо полагать, что Г.А. Кожевников и В.В. Алпатов, работавшие над биологией и морфометрией медоносной пчелы, смогли получить для своих исследований, а тем самым и для музейной лаборатории, какую-то дополнительную поддержку.

* * *

В 1920-е гг. Зоомузей испытывал значительные финансовые затруднения: так, в годовом отчёте за 1924 г. отмечено, что выделяемые суммы составляют лишь пятую часть довоенного финансирования (Отчёт..., 1925). Денег катастрофически не хватало на поддержание помещений в надлежащем состоянии, на приобретение необходимого оборудования для хранения коллекций, на организацию полевых исследований: на хронические проблемы такого рода в каждом ежегодном отчёте обращалось особое внимание.

Несмотря на все невзгоды, в 1920-е гг. Зоомузей исправно выполнял своё основное предназначение — собирать, хранить и предъявлять различным пользователям свои коллекции.

На протяжении 1920-х гг. зоомузейцы совместно с низовцами участвовали в экспедиционных работах, наиболее масштабные из которых организовывались обычно вышеупомянутой КЕПС и местными властями. Понятно, что эти работы преследовали преимущественно «прикладные» цели, но позволяли в ходе решения основных предписанных задач попутно собирать и коллекционные материалы. Наиболее известными и продуктивными были работы в Воронежской губернии в 1919–1921 гг. (С.И. Огнёв, К.А. Воробьёв, В.Г. Гептнер), организованные местным управлением Наркомзема; Кавказская экспедиция (те же лица плюс Н.В. Шибанов), работавшая в 1923 г. на средства местного Отдела защиты растений в восточной части предгорий и гор Большого Кавказа; Туркестанская энтомологическая экспедиция (Е.С. Смирнов, Б.С. Кузин, А.Н. Желоховцев и др.), она проводилась в том же 1923 г. под началом Туркестанского наркомзема в оазисах Средней Азии (Закаспийская обл., Сырдарьинский р-н, Семиречье). Кроме того, были достаточно многочисленные поездки более «частного» порядка, в том числе (об этом говорится в годовых отчётах) на собственные средства зоологов. Всего за эти годы удалось участвовать в более чем 50 экспедициях — преимущественно в европейской России, на Сев. Кавказе, в некоторых местах Средней Азии, юга Сибири ([Отчёт... 1923, 1924, 1927 гг.: архЗМ]; Михайлов, 2002).

Для того, чтобы обеспечить квалифицированный сбор научных музейных материалов, сотрудники зоологического отделения Физико-математическом факультета выпустили достаточно обстоятельное пособие для полевых коллекторов (Бобринский, Четвериков, 1925).

Значительные как по объёму, так и по научной ценности коллекционные материалы по фауне полярных морей поступали от Плавморина: так, в 1922 г., т. е. в первый же год существования Института, его сотрудники привезли около 6 тыс. экз. (Отчёт..., 1923); затем такие коллекции поступали ежегодно. Согласно годовым отчётам, они передавались в Зоомузей на временное хранение в ожидании того, когда при Московском университете будет учреждён Океанографический музей; особый статус этих

коллекций подчёркивался тем, что заведование ими было поручено сотруднику Плавморина (Отчёт..., 1923; [Отчёт... 1924, 1927 гг.: архЗМ]). Однако ожидаемый музей не был создан, Институт в 1929 г. переехал в Мурманск (Зенкевич, 1941), а его коллекции почти в полном составе остались в Зоомузее.

Важным источником пополнения научных фондов Музея стали крупные собрания коллекционеров-любителей, на частное владение которыми новые власти наложили серьёзные ограничения. Некоторые из них, как и коллекции Плавморина, передавались на хранение в Зоомузей с особыми оговорками: за их (бывшими) собственниками сохранялись некоторые преимущественные права; но важно то, что коллекции становились более доступными для изучения [Отчёт... 1923, 1924 гг.: архЗМ]. Такова, например, огромная коллекция из более чем 7.5 тыс. тушек птиц (вместе с особыми сундуками, где они хранились), которую пожертвовал Музею в 1923 г. орнитолог-любитель и собиратель Г.И. Поляков. Не такой крупной, но не менее значимой была коллекция птиц, переданная в Музей в 1922 г. другим известным орнитологом С.А. Бутурлиным (работал в эти годы в Зоомузее внештатным хранителем): она включает более 6 тыс. экз.

Не прекращалась и учётная работа с научными коллекциями Зоомузея, которая в конце 1920-х и начале 1930-х гг. приобретала несколько иные формы. По мере исчерпания возможностей единой «Шнуровой книги» хранители соответствующих секторов стали постепенно заводить новые — на этот раз по группам хранения. Они носили общее название «Книга для записи [группа хранения] коллекций Зоологического Музея Московского университета» и служили продолжением записей «богдановской» книги (о ней см. предыдущий раздел). В 1927 г. такая книга была начата для орнитологического раздела, в 1928 г. — для маммалогического (так в титульном названии книги), в 1930 г. — для герпетологического, в 1931 г. — для отдельных групп беспозвоночных (пауки, некоторые ракообразные); первые три завизировал В.Г. Гептнер, последние — Е.В. Боруцкий. Кроме того, для орнитологической коллекции в 1929 г. была заведена отдельная «Книга поступлений» новых материалов. Как видно из содержания титульной страницы «Книги для записи орнитологических коллекций», в эти учётные книги заносились только

материалы, «хранящиеся в “основной коллекции” музея» (см. рис 18).

К сожалению, в университетских годовых отчётах за 1920-е гг. нет записей об общем объёме хранящихся в Зоомузее коллекций.

За первую половину 1920-х гг. в отчётах отсутствуют сведения и об экспозиционной деятельности Зоомузея. В 1925 г. заведующий музейной экспозицией С.Д. Перелешин (охотовед по основной специализации) подготовил путеводитель и разработал план экскурсионной работы, которые соответствовали новым веяниям (Михайлов, 2002). В годовом отчёте за 1925–1926 гг. кратко отмечено, что «за отчётный период музей посетили 5641 человек» [Отчёт... 1927 г., с. 71: архЗМ]. В 1930 г. он, как и прежде, был открыт «дважды в декаду» (Михайлов, 2002).

* * *

В начале 1931 г. Зоомузей получил очень серьёзное приращение, ставшее следствием административной реорганизации Института и Музея сравнительной анатомии.

Как указано выше, в 1930 г. его научная часть была преобразована в академическую лабораторию, которую организовал и возглавил А.Н. Северцов. Музей же (экспозиционный зал со всеми коллекциями) был сначала включён в состав Кафедры зоологии позвоночных животных (поэтому его возглавил Б.С. Матвеев), а затем в Зоомузей. Таким образом, территориальное соседство в одном здании обратилось в административное единство.

* * *

В конце 1920-х и в самом начале 1930-х гг. ситуация с Зоологическим музеем существенно обострилась. В 1929 г., в рамках выше упомянутой общей кампании по «идеологической чистке», Г.А. Кожевников был отстранён от заведования Кафедрой зоологии, но за ним сохранили Зоомузей; годом позже его вовсе изгнали из Университета. В ходе этой чистки, продолжавшейся несколько лет, такая же судьба постигла многих «неблагонадёжных» профессоров: из числа имеющих отношение к Зоомузее — М.А. Мензбира, Б.М. Житкова. Начался довольно тяжёлый период истории нашего Музея «после Кожевникова» (который через два года после полной отставки скончался)...

В 1930 г., как отмечено выше, был утверждён Биологический факультет: его, затем также Зоологическое отделение и НИИЗ, возглавила А.М. Быховская (в ту пору «идеологически вы-

держанная», но в 1937 г. уволенная с достаточно обычным для того времени обвинением во «вредительстве» и с ярлыком «разоблаченный враг народа», см.: Летопись..., 2016ш). Согласно новой разрядке Зоомузей включили в состав Кафедры зоологии беспозвоночных во главе с Б.М. Житковым (Летопись..., 2016у), а затем очень скоро (и очень ненадолго) в прямое подчинение НИИЗа, его директором назначили сотрудника последнего Л.А. Зенкевича.

Новое руководство НИИЗа сразу же стало предпринимать активные шаги по «инкорпорации» Зоомузея в свою структуру. Чтобы подчеркнуть единство Зоомузея и НИИЗа, для них на 1931 г. был составлен общий «производственный план» за подписью Л.А. Зенкевича [архЗМ]. Затем последовало предложение реорганизовать подразделения Зоомузея: вместо традиционных секций по таксономическому принципу (или в дополнение к ним?), предлагалось введение отделов фауны районов Сибири, животноводства (Михайлов, 2002); это предложение не было воплощено в жизнь.

В связи с подчинённым статусом Зоомузея подразделения и службы вновь организованного факультета, разместившиеся в Зоологическом корпусе, стали всё активнее претендовать на его фондохранилища и экспозиционные залы. Руководство Биофака, радея о внедрении биологического преподавания «нового типа», достаточно быстро привело дело к тому, что, как сказано в докладной записке, «у Зоомузея отняли: площадь для его научной работы и хранения коллекций [...] весь инвентарь и учебное оборудование [...] отнято право распоряжаться тем помещением, которое всегда Зоомузею принадлежало и которое специально для его целей было выстроено» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 17).

Не удовлетворившись этим, Быховская и её заместитель по НИИЗу Е.М. Вермель придумали радикальное средство решения проблемы нехватки места. В одной из справок, адресованных руководству Университета, они сообщили, что «из имеющихся дублетов и мультиплетов коллекций Музея, Зоологический Музей может и *предлагает* укомплектовать коллекции для втузов или вузов» (*op. cit.*, с. 16; курсив мой. — И.Я.П.); напомним, что руководителем Зоомузея в это время числился Л.А. Зенкевич. Очевидно, что это означало бы полную деградацию Зоомузея как одного из крупнейших отечественных и мировых хранилищ научных зоологических коллекций.

Важно иметь в виду, что предложение руководителей университетской зоологии о раздаче «дублетного фонда» Зоомузея было тем опаснее, что возникло не на пустом месте. Как отмечено выше, тогдашние официальные идеологи советского музееведения считали музеи классического толка «пережитком прошлого». Чтобы превратить их в «инструмент культурной революции», они рекомендовали обогащать «местные» музеи за счёт центральных, чем и попыталась воспользоваться Быховская.

* * *

От угрозы разрушения, исходившей от руководства Биологического факультета и НИИЗа, Зоомузей спасла его юридическая передача в 1931 г. в прямое (т. е. минуя университетское руководство) ведение музейного отдела Главнауки Наркомпроса. Следует напомнить, что это не было какой-то исключительной акцией, затронувшей только наш Музей: как отмечено в выше приведённой краткой летописи преобразований, таково было общее предписание Совнаркома о переподчинении всех университетских институтов и музеев напрямую Главнауке. Судя по «шапкам» директорских приказов по Зоомузею и годовым отчётам [архЗМ], в этой новой структуре его обозначили нейтрально как «Московский зоологический музей».

[В скобках замечу, что такое переподчинение Зоомузея, вообще говоря, было «палкой о двух концах». Как видно из процитированного выше фрагмента резолюции Первого всероссийского музейного съезда, оно могло сработать и против его классической «кунсткамерной» специализации. По счастью, этого не случилось.]

Директором Зоологического музея в его новом статусе в том же 1931 г. был назначен В.Н. Макаров — специалист по охране природы, основным делом которого была организация сети заповедников в СССР (надо заметить, антипод Г.А. Кожевникова во взглядах на природоохранную идею, см.: Вайнер, 1991). Это был чиновник высокого ранга, к рассматриваемому времени занимавший ведущие посты в Секторе науки Наркомпроса. Хотя, очевидно, новое поручение для Макарова было по сути дополнительной «нагрузкой», он весьма ответственно отнёсся к нему и сделал достаточно много для налаживания в Музее действительно музейной работы.

[Вопрос о том, почему и как выбор пал на В.Н. Макарова, весьма далёкого от музейных дел, требует отдельной проработки на основании изучения архивных материалов. Но можно признать

post factum, что этот выбор, по-видимому, оказался удачным: положение Макарова в чиновной «табели о рангах» сыграло важную роль в отстаивании им Зоомузея от посягательств факультетского начальства, которое для министерского служащего такого уровня было вполне «мелкой сошкой».]

Первое впечатление В.Н. Макарова о состоянии Зоомузея было просто ужасным. В своей записке, направленной в Наркомпрос, он писал, что за «последние 2 года музей превратился просто в склад научных коллекций, хранящихся в хаотическом беспорядке, и всяких других вещей [...] Не велось никакой специфической музейной работы, отсутствовал необходимый учёт всего имеющегося, поступающего и выбывающего научного материала [...] Музей был превращён в проходной двор в прямом смысле этого слова» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 17). Макаров счёл «возможным поставить прямое обвинение директору Зооинститута тов. Быховской, в ведении которой находился Зоомузей, всё то запущение, к которому он пришёл к настоящему моменту» (*op. cit.*, с. 18).

Руководство Московского университета, однако, не согласилось с новым юридическим положением Зоомузея, выведенного из-под его контроля. По этой причине, как было отмечено выше в краткой летописи университетских перестроек, в документах Московского университета на всём протяжении 1930-х гг. наш Музей указывался в составе его Биологического факультета. В качестве частичной «бюрократической» уступки в 1932 г., согласно постановлению Совнаркома «О сети научно-исследовательских учреждений РСФСР», Зоомузей переименовали в «Государственный зоологический музей при Московском государственном университете» (Постановление..., 2012).

Тем не менее, год спустя (очевидно, по предложению В.Н. Макарова) Музейный отдел Наркомпроса подготовил «Положение о Государственном зоологическом музее», подтверждающее его самостоятельный юридический статус и без указания университетской принадлежности. Оно было разработано на основе типового документа, единого для всех музеев Наркомпроса, и утверждено зам. наркома Н.К. Крупской в 1934 г. [архЗМ]. В отчёте Зоомузея за только что указанный год он значится как «Центральный государственный зоологический музей», а в последующих отчётах вплоть до 1939 г. — как «Московский государственный зоологический музей».

Новому директору Зоомузея пришлось бороться не только с университетскими деятелями, но и с другими преобразователями музейного дела и музеев. В первую очередь здесь имеется в виду проект директора Биологического музея (создан при Коммунистическом университете в 1922 г., переведён в Наркомпрос в 1926 г., см.: Биологический..., 2015) Б.М. Завадовского о создании в Москве Объединённого естественнонаучного (он же, согласно некоторым источникам, Центральный биологический) музея под эгидой Наркомпроса. Отчасти это было обращение к идее Г.И. Фишера почти столетней давности (разумеется, без упоминания о нём). По исходному замыслу Б.М. Завадовского, этот супермузей должен был объединить существовавшие в то время столичные «родственные» музеи — только что упомянутый Биологический, Зоологический и Дарвиновский. Завадовский, критиковавший традиционное представление о музее как об «архиве» (Завадовский, 1932) и потому встретивший понимание в Наркомпросе, в 1933 г. доложил свою идею Музейному отделу последнего и получил предварительное добро на разработку проекта; здание нового музея предполагалось разместить на Ленинских (прежних Воробьёвых) горах (Биологический..., 2015). Однако руководители двух других предлагаемых к объединению музеев не согласились с этой идеей, прежде всего с её «антикунсткамерным» концептуальным ядром, — и она была благополучно забыта.

* * *

На этом этапе истории Зоологического музея 1932 г. стал в известном смысле поворотным — «реконструктивным», как записано в его документах.

В.Н. Макаров начал (вполне по-чиновничьи, но наверное оправданно) с того, что ввёл должности заместителя директора Музея по научной и административно-хозяйственной части; первую занял С.С. Туров [Отчёт... 1932 г.: архЗМ]. Надо сказать, что в силу выше отмеченной занятости В.Н. Макарова на основной работе он появлялся в Музее едва ли чаще одного–двух раз в неделю, многие вопросы с ним приходилось решать «заочно» (Михайлов, 2002). Поэтому должность заместителя была более чем значимой: от выбора персоны, руководившей Музеем в «оперативном» режиме, зависело очень многое — и этот выбор, как показали следующие полтора десятилетия, оказался очень удачным. Турову поручалось руководить

научной и хранительской работой, а также осуществлять научное курирование экспозиционной части Зоомузея.

Одновременно с этим была реорганизована внутренняя структура Музея, призванная, в отличие от выше упомянутой «ниизовской», наладить хранительскую и экспозиционную работу [Приказы... 1932 г.: архЗМ]. Эта новая структура отражала как традиционное «таксономическое» деление научных коллекций, так и недавние новшества — присоединение Музея сравнительной анатомии и обязательный акцент на прикладную деятельность. Соответственно этому в Музее, вместо прежних трёх «макротаксономических» секций (позвоночных, насекомых, беспозвоночных, см. выше) были учреждены три основных отделения: научно-систематическое с несколькими секциями (зав. С.С. Туров), филогении (на основе экспозиции бывшего Музея сравнительной анатомии, зав. Б.С. Матвеев) и охотничьего хозяйства (преимущественно с экспозиционными функциями, зав. С.Д. Перелешин). Научная лаборатория при Музее новой структурой не была предусмотрена.

Главным назначением первого из указанных отделений было определено хранение и изучение научных коллекций. В нём выделили секции по крупным таксонам животных более подробно, чем при Кожевникове, они почти без изменений существуют до сих пор: млекопитающих, птиц, рептилий и земноводных, рыб, насекомых, беспозвоночных животных. Заведующими секций стали (указаны в порядке их перечисления): В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, Н.В. Шибанов, Г.В. Никольский, Б.С. Кузин (с 1936 г. А.Н. Желоховцев), Г.Г. Абрикосов. В 1935 г. названия большинства секций были «латинизированы»: териологии (или маммалиологии), орнитологии, герпетологии, ихтиологии, энтомологии.

В 1937 г. отделения были ликвидированы, секции переименовали в отделы, филогенетическое отделение — в отдел эволюционной морфологии (с теми же заведующими); такое же название получил соответствующий экспозиционный зал. Вместо отделения охотничьего хозяйства был введён отдел экспозиции.

В ходе реорганизации значительно возросли финансы и штаты Зоомузея. До 1932 г. в нём числилось 7 научных работников (технического штата, видимо, не было), в 1932 г. их стало 15, к ним добавили 11 единиц технического персонала [Отчёт... 1932 г.: архЗМ].

В том же 1932 г. и в ближайшие последующие годы в штатном расписании происходили определённые изменения вслед за поступлением очередных директив (отчасти были начаты в 1924 г., см. выше). Некоторые заведующие секциями были «перелицованы» в старших научных сотрудников (Гептнер, Кузин, Желоховцев, Дементьев), прочие «научники» — в научных сотрудников 1-го разряда [Приказы... 1932 г.: архЗМ], техническому персоналу был присвоен статус сотрудников 2-го разряда. В 1934 г. некоторым старшим научным сотрудникам, как и в научно-исследовательских институтах, было присвоено звание «действительный член Зоологического музея МГУ»: в таком качестве в отчёте за 1935 г. указаны В.Г. Гептнер, С.С. Туров, А.А. Парамонов, Г.П. Дементьев [Отчёт... 1935 г.: архЗМ]. В 1935 г. в связи введением положения об учёных степенях в Зоомузее докторами биологических наук стали В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, С.С. Туров, кандидатами — Е.В. Боруцкий, Н.А. Гладков, А.Н. Желоховцев (все без защиты); в 1938 г., согласно уточнённому положению, Г.В. Никольский первым в Зоомузее защитил докторскую диссертацию.

Особым распоряжением Сектора науки Наркомпроса в 1932 г. Зоомузею было предписано издавать сборник «Известия Зоологического музея» для публикации результатов научных исследований [Приказы... 1932 г.: архЗМ]. Он в какой-то мере позволял возместить прекращение издания «Известий ОЛЕАЭ» в связи с ликвидацией этого Общества в 1931 г. По видимому, музейный научный сборник под названием «Известия...» так и не вышел в свет, в 1933 г. его переименовали в «Труды Зоологического музея» (рис. 19) [Отчёт... 1933 г.: архЗМ]. Этот сборник стал ежегодным, его первые тома регулярно выпускались вплоть до 1941 г., затем последовал значительный перерыв.

В середине 1930-х гг., вслед за существенным увеличением научных штатов Музея и подкреплением их статуса соответствующими названиями занимаемых должностей и учёными степенями, была предпринята серьёзная попытка освободиться от навязанного Зоологическому музею доминирующего «просветительного» стереотипа. В частности, на одном из производственных совещаний в 1934 г. была принята следующая резолюция: «Подчинение научно-исследовательской работы Зоомузея целиком задачам экспозиции считать невозможным [...] В его задачи [...] входит не толь-

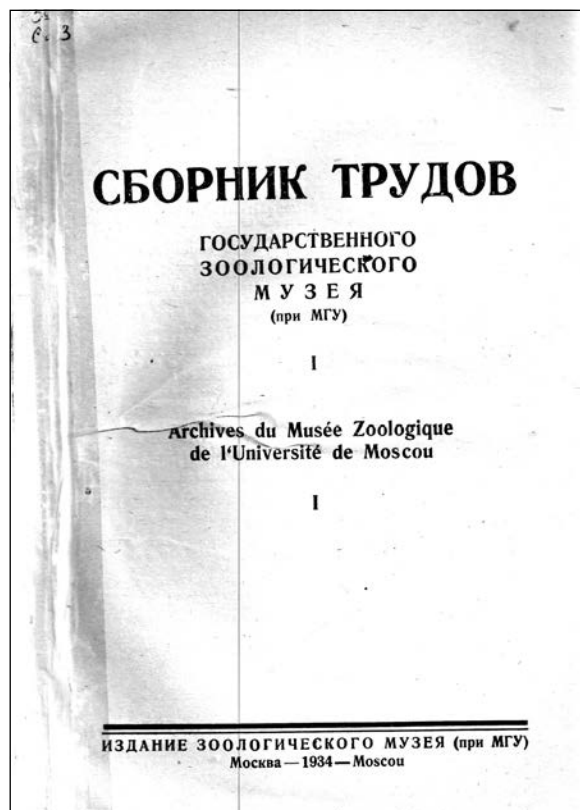
ко научная работа, связанная с экспозицией и имеющая целью ознакомить посетителей с фауной СССР и мира [...] но и научная работа по систематике и зоогеографии, далеко выходящая за пределы экспозиции» (Михайлов, 2002, с. 26–27). Эта декларация, идущая вразрез с официальными установками, имела под собой более чем серьёзные основания: так, в 1934 г. начал выходить многотомный «Полный определитель птиц СССР», в подготовке которого активнейшее участие принимал Г.П. Дементьев; в 1936 г. В.Г. Гептнер издал фундаментальный труд «Общая зоогеография»; Г.Г. Абрикосов написал раздел по мшанкам для 1-го тома сводки «Животный мир СССР» (вышел в 1936 г.); здесь же следует указать серьёзные региональные обзоры Г.В. Никольского «Рыбы Таджикистана» (1938) и «Рыбы Аральского моря» (1940).

В подкрепление этого направления деятельности Зоомузея в 1935 г. в его структуру был введён Учёный совет, обязательный для всех музеев Наркомпроса [Отчёт... 1935 г.: архЗМ]. Как видно из музейных годовых отчётов за 1935–1937 гг., на нём заслушивались сугубо научные доклады, т. е. он фактически выполнял функции научного семинара. В последующих отчётах этот Совет не упоминается.

В отчёте Зоомузея за 1938 г. названия его штатных научных единиц выглядят уже вполне по-современному: профессор (Дементьев, Гептнер, Никольский), старший научный сотрудник (Шибанов, Желоховцев, Гладков, Дружинин и др.), научный сотрудник (Гофман, Птушенко и др.). В указанном году зав. отделом эволюционной морфологии назначен А.Н. Дружинин связи с уходом Б.С. Матвеева из Зоомузея. В годовых отчётах Зоомузея отмечено, что некоторые научные сотрудники выполняют лаборантские обязанности (например, Л.Г. Турова в 1939 г.).

* * *

Большое значение для развития Музея имело постепенное освобождение его залов и некоторых других помещений от занимавших их сторонних организаций. Первым Зоологический корпус покинул Плавморин, который в 1929 г. перебазировали в Мурманск ближе к месту его действительной работы (Зенкевич, 1941): освободился Нижний зал и кое-какие подвальные комнаты. В 1934 г. из «анатомического крыла» Зоологического корпуса выехала «северцовская» лаборатория: в связи с переездом руководства Академии наук из Ленинграда в Москву она

Рис. 19. Титульный лист 1-го тома «Трудов Зоологического музея» (библиотека ЗМ).

Fig. 19. Title page of the 1st issue of the “Archives of Zoological Museum” (ZM library).

была преобразована в академический Институт эволюции животных, получивший здание в начале Большой Калужской улицы (теперь Ленинский проспект; речь идёт о нынешнем ИПЭЭ РАН, см.: История создания..., 2005).

Частичное освобождение помещений Зоомузея позволило несколько упорядочить хранение систематических коллекций; впрочем, эта упорядоченность была относительной, поскольку многие материалы размещались по «лоскутному» принципу — там, где для них удавалось подыскать место (Антонова, 1991; Веригина, 1991; Иксанова и др., 1991б; Орлова, 1991; Павлинов, Яхонтов, 1991; Томкович, 1991; Михайлов, 2002). Все научные материалы по беспозвоночным животным исходно (с начала 1900-х гг.) были размещены вместе с показными в витринах Нижнего зала. После освобождения последнего от посторонних предметов и людей его заднюю четверть специально отгородили для части научных фондов насекомых и некоторых других беспозвоночных. Кроме того, значительную часть коллекций отдела беспозвоночных разместили в подвальном помещении, а некоторые шкафы с насекомыми — в отгоро-

Рис. 20. Хоры правой стороны Верхнего зала; в глубине сидит В.Г. Гептнер (фотография 1937 г.; архив ЗМ).

Fig. 20. Gallery of the right side of the Upper Hall; V.G. Heptner sitting on the far side (photo of 1937; ZM archive).

женной торцевой комнате, примыкающей к вестибюлю («под мамонтами»). Ихтиологическую и герпетологическую коллекции разместили в основном в подвале «анатомического крыла» здания Зоологического корпуса. Большая часть сухих коллекций птиц и млекопитающих (тушки, черепа) помещалась на хорах Верхнего зала (рис. 20). Сундуки со скелетами крупных млекопитающих распихали в нескольких центральных помещениях подвала Зоомузея. Позже на хорах также были обустроены рабочие места сотрудников, отгороженные от основного пространства решётками, поэтому их в обиходе называли «клетками».

В связи с общей линией на налаживание хранения и использования коллекций, в 1932 г. были приняты соответственные регулирующие меры [Приказы... 1932 г.: архЗМ]. Новое руководство Музея утвердило и ввело в действие «Правила пользования материалами и коллекциями...» из 16 пунктов. Научные коллекции было предписано заносить в инвентарные книги в том же общем порядке, что и «прочие материальные ценности» (так было и в «Шнуровой книге» при А.П. Богданове). Право предоставлять доступ сторонним специалистам к коллек-

циям и выдавать их во временное пользование, а также вести всю переписку от имени Зоомузея стало прерогативой директора или его заместителя по научной части (*op. cit.*). Стоит напомнить, что такие же строгости в обращении с коллекциями в 1910-е гг. вводил Г.А. Кожевников (см. выше настоящий раздел).

Для усиления административного контроля за присутствием и деятельностью сотрудников на рабочих местах были введены особые формы. Одной из них стал «Журнал учёта», в котором сотрудники обязаны были отмечать время прихода и ухода. Вдобавок была заведена особая «Книга служебных поездок...», назначение которой состояло в регистрации так называемых «городских командировок» музейцев. Понятно, что всё это было не особой прихотью руководства Зоологического музея, но лишь выполнением соответствующих руководящих распоряжений. В таком статусе, меняя время от времени форму, эти регистрационные журналы для «личного состава» просуществовали до конца 1980-х гг.

Реорганизация структуры фондов Музея и рост объёма коллекций обусловили некоторое изменение системы их учёта, начатое за несколько лет до этого. Её разработка была поручена В.Г. Гептнеру, который в 1932 г. был командирован в Зоологический институт Академии наук (Ленинград) для ознакомления с принятыми там формами учёта.

В.Н. Макаров узаконил начавшуюся складываться практику ведения отдельных учётных книг по группам хранения. Единая «Шнуровая книга» была разброшюрована (по-видимому, в 1932 г.), её разделы по позвоночным животным, а также по всем беспозвоночным (без насекомых) были розданы по соответствующим секциям, каждый из разделов был вновь сброшюрован и прошнурован. «Остатки», не разошедшиеся по секциям («бухгалтерские», с данными по насекомым и др.), были вновь соединены в единую книгу, но её более не продолжали. В секциях пресмыкающихся и млекопитающих в 1932 г. были заведены отдельные «Книги поступлений» для предварительной регистрации вновь поступающих коллекционных материалов. Аналогичный журнал (под названием «Сырейная книга») был заведён в секции (тогда уже в отделе) ихтиологии в 1937 г. В секции беспозвоночных в 1933–1934 г. были начаты отдельные учётные книги по мшанкам, отдельным классам моллюсков (завизированы

Рис. 22. Интерьер Нижнего зала после реконструкции (фотография середины 1930-х гг.; архив ЗМ).

Fig. 22. Interior of the Lower Hall after reconstruction (photo of the mid 1930s; ZM archive).

значительную коллекцию бабочек с Дальнего Востока. Заметным добавлением стала личная коллекция С.И. Огнёва — более 7 тыс. экз. мелких млекопитающих (правда, она была не пожертвована, а продана её владельцем, причём за довольно «круглую» по тем временам сумму).

Общий количественный порядок новых поступлений на протяжении 1930-х гг., не в пример прошлым десятилетиям, стал весьма высоким: в год поступало от 24 до 30 тыс. экз. В годовых музейных отчётах суммарный объём научных фондов Музея за этот период не указывался; по некоторым оценкам, к концу 1930-х гг. они насчитывали около 1.2 млн экз., из которых более половины приходилось на насекомых (Иксанова и др., 1991).

* * *

С 1932–1933 гг. в связи с высвобождением залов и под влиянием новых «руководящих идей» стала организовываться экспозиционная работа: во всяком случае, в отчёте Зоомузея за 1934 г. отмечено, что эта работа «началась толь-

ко в 1932 г.» [Отчёт... 1932 г., с. 3: архЗМ]. Вся подготовка нового содержания и оформления экспозиции была поручена научным сотрудникам во главе с С.С. Туровым [Приказы... 1932 г.: архЗМ]. В Верхнем зале, в дополнение к прежней экспозиции птиц и млекопитающих, были выставлены показательные материалы герпетологического и ихтиологического отделов: таким образом, по содержанию он стал «Залом позвоночных животных». Поскольку за экспозиционную работу отвечало отделение охотничьего хозяйства (см. выше), выставленные в Верхнем зале материалы были реорганизованы соответственным образом: витрины показывали промысловое хозяйство тундры, тайги, степей и пустынь, крупных водоёмов. В Нижнем зале были выставлены коллекции всех беспозвоночных животных, при входе в него оформлены (ненадолго) два особых раздела — по задачам охотничьего хозяйства и по фауне четвертичного периода. Витрины занимали боковые части зала, а в среднем проходе расположили череп голубого кита (рис. 22). В 1933 г. Нижний зал наконец-то был открыт для посетителей — впервые после переезда Музея в здание Зоологического корпуса в начале 1900-х гг.

Заметно улучшилась ситуация с Залом сравнительной анатомии. В музейном отчёте за 1932 г. отмечено, что «лишь в 1932 г., ставши отделом филогении Зоологического музея, бывший Музей сравнительной анатомии 1-го МГУ смог сойти с мёртвой точки, на которой он стоял, не способный к прогрессу из-за отсутствия материальных средств и рабочей силы. И этот первый 1932 реконструктивный год, несмотря на ряд недочётов, нужно расценивать как гигантский шаг вперёд в жизни Музея сравнительной анатомии» [Отчёт... 1932 г., с. 42: архЗМ]. Следующим таким шагом стал выше упомянутый выезд «северцовской» лаборатории, благодаря чему был полностью освобождён экспозиционный зал и в «анатомическом крыле» Зоологического корпуса.

В 1934 г. новый заведующий экспозицией биолог-эволюционист А.А. Парамонов стал настаивать на возвращении традиционного принципа организации показательных коллекций. Он считал необходимым не только следовать систематическому способу, но также выделить особый раздел, рассказывающий о зоологии и систематике как научных дисциплинах, об истории их развития. На следующий год для

воплощения этой идеи в Нижнем зале был организован вводный фрагмент, иллюстрирующий «основные понятия классификации животных, разделы дарвиновского учения, положенные в основу классификации, филогенетические отношения отдельных групп животных (родословная схема)» (Туров, Дементьев, 1940, с. 186). Одновременно с этим поменяли местами несколько экспозиционных разделов: из Верхнего зала в Нижний перенесли низших позвоночных, в противоположном направлении — общий раздел по охотничьему хозяйству; ископаемые материалы, иллюстрирующие некоторые «классические» закономерности эволюции, переместили в Зал сравнительной анатомии [Отчёт... 1934 г.: архЗМ].

В новом обустройстве экспозиции большую роль играли пополнившие штат Зоологического музея мастера-«чучельники». В 1932 г. сюда пришли работать воспитанники мастерской Лоренца — В.К. Федулов (зав. препараторской мастерской) и П.Н. Большунов, участник монгольских экспедиций П.С. Савельев, молодой Н.К. Назьмов; в 1938 г. к ним добавился П.С. Николаев. Среди появившихся в то время интересных работ, выставленных в экспозиции по сей день, — чучело белого медведя. Некоторые из препараторов трудились не только в Зоомузее, но и в других учреждениях музейного профиля. Поэтому сходным образом сделанные чучела, диарамы и биогруппы можно увидеть не только в Зоологическом, но и, например, в Дарвиновском музее.

При перестроении экспозиционных залов Зоомузее в 1930-е гг. был использован уже упоминавшийся выше иллюстративный принцип: значительное внимание было отведено их художественному оформлению. В Верхнем и Нижнем залах и в вестибюле Музея было выставлено большое количество больших картин (панно), призванных показывать обитателей нашей планеты в их «живом» облике и в естественной обстановке. Это позволило в какой-то степени дополнить значительно оживляющие экспозицию биогруппы, которых в Музее явно недоставало. Зал сравнительной анатомии украсили большие картины, показывающие основные этапы развития жизни на Земле; чтобы эти реконструкции были достоверными, исходные материалы для них подготовили Б.С. Матвеев и А.Н. Дружинин. Вдобавок к этому стены Нижнего зала по бокам от входа украсили фрески, имитирующие петроглифы первобытных лю-

дей, что вполне гармонировало с выставленной здесь в то время «четвертичной» экспозицией. Основу всей этой своеобразной художественной галереи составили произведения В.А. Ватагина, который специально для оформления экспозиции был взят в штат Зоомузее в 1932 г. научным сотрудником [Приказы... 1932 г.: архЗМ] и служил в нём (с перерывом на годы войны) по 1958 г.; указание на то, что Ватагин «исполнял обязанности заместителя директора» (В.А. Ватагин..., 2015), ошибочно. Работы этого замечательного художника украшают ещё два музея Москвы — Дарвиновский и Биологический. В экспозиционных залах Зоомузее были выставлены также картины А.Н. Комарова и некоторых других известных анималистов.

Во второй половине 1930-х гг. Зоомузей стал организовывать временные выставки, в том числе выездные (в Таганском парке, в Сокольниках и др.). Сотрудники Музея регулярно проводили семинары по зоологии с учителями Москвы, читали лекции в колхозах, школах, клубах, на фабриках и заводах. Для того, чтобы привлечь посетителей в залы Музея, по школам и организациям стали рассылать специально отпечатанные рекламные афиши и открытки.

Всё это сыграло свою положительную роль. Если в 1932 г. посетителей было всего около 600 человек, то в 1933 г. — уже более 13 тыс., в 1936 и 1937 гг. — около 30 тыс., в 1938 г. — около 67 тыс., в 1939 г. — около 107 тыс. человек; из них не менее двух третей составляли «организованные посетители», т. е. участники экскурсий ([годовые отчёты Зоомузее: архЗМ]; цифры повторены в: Мануильская, 1941; Иксанова и др., 1991а,б; Михайлов, 2002). В этой положительной динамике большое значение имела не только возросшая активность самого Музея: посещение его экспозиционных залов было включено в обязательные учебные планы средних школ Москвы.

* * *

В конце 1920-х и в 1930-х гг. при Зоомузее числились юннатские кружки, что соответствовало развитию массового юннатского движения в стране (подробнее см. статью Е.А. Дунаева в настоящем сборнике). Это движение породило такие знаковые объединения как Кружок юных биологов Московского зоопарка — знаменитый КЮБЗ (основан в 1924 г.). Впрочем, за музейными кружками особо значимых дел в те годы не значилось — наверное, просто не хватило времени.

* * *

В 1939 г. в судьбе Зоомузея произошёл очередной поворот, замкнувший круг административных преобразований. По приказу наркома просвещения, в ответ на неоднократные обращения руководства Московского университета, он возвратился в Alma mater и опять стал университетским не только по размещению в Зоологическом корпусе, но и по юридическому подчинению (в составе Биологического факультета). Это зафиксировано в новом Уставе Московского университета, утверждённом в 1939 г., согласно которому официальное положение «Музея зоологии» (так он обозначен в Уставе) было определено как «подразделение Биологического факультета» (Летопись-Устав..., 1939).

Однако в этой структуре за Зоомузеем вроде бы была сохранена некоторая автономия: в его собственных документах отмечено, что он «вошёл в число научно-исследовательских учреждений Университета, на правах титульного учреждения, с самостоятельным государственным бюджетом и существующего по особому положению» [Сводные данные... 1939 г., с. 7: архЗМ]. В тех же музейных (но не университетских) документах он значится под современным названием «Зоологический музей МГУ».

Наверное, это возвращение было в общем-то благим шагом. Однако трудно сказать, во что оно могло бы вылиться в те сверхидеологизированные времена. Ибо начало было очень уж странным и едва ли многообещающим...

В связи с указанными административными изменениями В.Н. Макаров оставил пост директора Зоологического музея. Руководить Музеем назначили не заместителя по научной части С.С. Турова, как то диктовала здравая логика, а людей, едва ли глубоко понимающих специфические музейные проблемы. Директором Музея, во главе которого в своё время стояли корифеи отечественной зоологии, сначала назначили аспиранта Н.С. Ульянина (как единственного члена ВКПб в Зоомузее, см.: Любарский, 2009), а через полгода его заменил уже упоминавшийся энтомолог-любитель Н.Н. Филиппов, для которого основной была дипломатическая служба.

Эту странную «административную чехарду» прервала величайшая трагедия — началась Великая Отечественная война...

* * *

Беспокойная жизнь Зоомузея во время военных лет достаточно подробно изложена в

годовых отчётах, хранящихся в его архиве, как-то главным образом и положены в основу нижеследующего краткого очерка.

В связи с началом войны Зоологический музей в июле 1941 г. был закрыт для публики (в первое полугодие его посетило более 57 тыс. человек). В сентябре были уволены некоторые сотрудники (Г.В. Никольский, А.Н. Дружинин, В.А. Ватагин и др.), исключены должности экскурсоводов (восстановлены только в 1955 г.). А.Н. Желоховцев, Н.А. Гладков и В.К. Федулов были мобилизованы в армию; место Желоховцева занял вернувшийся в Зоомузей Н.Н. Плавильщиков.

В октябре и ноябре 1941 г. в связи с угрозой сдачи Москвы немцам ведущие государственные учреждения, в том числе многие подразделения Университета, эвакуировали — повторилась история 1812 г. Для Университета основным местом временного размещения был определён Ашхабад, какую-то часть его подразделений отправили в Свердловск и ряд других городов: туда несколькими эшелонами спешно вывезли множество университетского имущества и сотрудников. Среди последних в основном были профессора и учёные преклонного возраста; более молодые (аспиранты и др.) выбирались из Москвы пешими колоннами, их потом также загружали в поезда и отправляли в места назначения (История..., 1955б; Летопись..., 2016э). Люди прибыли в Ашхабад в основном в декабре, а в январе 1942 г. пришли эшелоны с имуществом. Среди эвакуированных туда зоомузейцев были В.Г. Гептнер, Г.П. Дементьев, Н.В. Шибанов и ещё несколько человек.

С музейной коллекцией во второй половине 1941 г. происходила такая история. По распоряжению Н.Н. Филиппова наиболее ценные материалы (включая энтомологические сборы Мочульского, Эшшольца, скелет стеллеровой коровы, шкуры крупных млекопитающих и др.) упаковали в 85 сундуков, которые были перевезены в Южный порт на Москве-реке, чтобы погрузить на баржу и отправить в г. Горький (бывший Нижний Новгород) — как и в 1812 г., но на этот раз водным путём. Однако сундуки там пролежали около месяца под открытым небом, предоставленные самим себе и непогоде, после чего их привезли обратно в Зоологический корпус. После осмотра и просушки эти коллекции опять упаковали в сундуки и отправили железной дорогой в Ашхабад вместе с другим университетским имуществом. Некоторые из этих

вместилищ, вернувшиеся с коллекциями в Москву, и по сию пору можно увидеть в Зоомузее, их легко опознать по соответствующим «эвакуационным» надписям (рис. 23).

Оставшиеся в Москве коллекции снесли частью в Нижний зал, частью в подвал Музея, некоторое их количество укрыли в подвале университетского химического склада. Это были в основном ящики с насекомыми, которым переезд в тряских вагонах грозил неминуемыми разрушениями, большое количество стеклянных банок с заспиртованными и заформалиненными животными. Однако неподходящие условия хранения в подвальных помещениях привели к тому, что «коллекции сильно попортились: заплесневели пузыри, которыми были закрыты банки, отвалились наружные этикетки» [Отчёт... 1942 г., с. 1–2: архЗМ]. Кроме того, в результате всех этих масштабных перетасовок и перемещений систематический порядок, который наводили в коллекциях десятилетиями, был полностью нарушен.

В конце октября 1941 г. во время одной из немецких бомбёжек центра Москвы во двор Аудиторного корпуса Университета упала большая фугасная авиабомба. От её взрыва досталось и зданию Зоомузея: взрывной волной в Верхнем зале были разбиты окна, витринные стёкла, стеклянное потолочное перекрытие. При реставрации зала в конце 1943 г. в этом перекрытии стекло заменили железом, в витрины вместо зеркальных стёкол пришлось временно вставить оконные.

Н.Н. Филиппов в октябре 1941 г. выехал из Москвы, не известив об этом университетское руководство. После нескольких дней его отсутствия исполнение директорских обязанностей приказом ректора было возложено на С.С. Турова, в начале 1942 г. он был утверждён в должности директора. Под его началом работали недавно поступившие в Музей молодые сотрудницы А.А. Световидова, А.М. Судиловская, Л.Г. Морозова-Турова (жена С.С. Турова), М.В. Васильева (за штатом), а также Д.М. Вяжлинский. В связи с эвакуацией «старожилов» исполняющими обязанности заведующих отделами стали: Б.Н. Цветков — по беспозвоночным (указание у Любарского, 2009, на Е.В. Боруцкого ошибочно), Плавильщиков — по насекомым, Световидова — по ихтиологии и герпетологии, Судиловская — по орнитологии, Морозова-Турова — по териологии; отдел эволюционной морфологии опекал, по-видимому, Д.Н. Гофман. Кроме того,

Рис. 23. Сундуки, в которых была эвакуирована часть коллекций Музея в конце 1941 г. (из: Павлинов, Иванов, 2005).

Fig. 23. The chests in which a part of the Museum collections was evacuated in the end of 1941 (after Pavlinov, Ivanov, 2005).

многие из них составили группу противовоздушной обороны и ночами поочерёдно дежурили на крыше Зоологического корпуса — оберегали от зажигательных бомб. В 1943 г. в штат Музея (в отдел териологии) был зачислен В.И. Цалкин, проработав в нём до 1950 г. В здании Зоомузея получил своеобразную «постоянную прописку» С.И. Огнёв (с 1941 г. и до конца жизни — штатный профессор Педагогического ин-та им. В.П. Потёмкина): заняв директорский кабинет, он не покладая рук трудился над очередными томами своих «Зверей...».

* * *

Несмотря на эти трудности, Московский университет очень скоро начал мало-помалу возвращаться к нормальной деятельности. Осенью 1942 г. возвращавшиеся профессора и доценты стали читать лекции, принимать и выпускать студентов, а учёные планомерно приступили к своим исследованиям.

Зоологический музей также начал (в который раз) возрождаться к нормальной жизни [Отчёт... 1942 г.: архЗМ]. Уже в марте 1942 г. его экспозиционные залы на втором этаже были открыты, причём в Верхнем зале были выставлены представители всех типов животных — от простейших до хордовых. Экспозиция была доступна все дни недели, кроме понедельника. Посетителей было, разумеется, не так много — в 1942 г. 6.6 тыс. и в 1943 г. 7.7. тыс. человек.

Нижний же зал по-прежнему служил временным хранилищем коллекций, его открыли для публики в 1945 г.

Эвакуированные в Ашхабад зоомузейцы, пользуясь пусть и несчастливими, но благоприятными обстоятельствами, летом 1942 г. проводили научные экспедиционные работы в местах своего временного пребывания. В.Г. Гептнер исследовал позвоночных животных Бадхыза, Г.П. Дементьев работал в окрестностях Гассан-Кули, Н.В. Шибанов — в Репетеке. Оставшиеся в Москве зоологии по мере возможности также совершали экспедиционные поездки: так, в 1943 г. С.С. Туров коллектировал мелких наземных позвоночных на Кавказе.

В сентябре 1942 г. научные сотрудники Зоомузея почти в полном составе вернулись в Москву и после восстановления в штате приступили к исполнению своих обязанностей; на один год в Свердловске задержался В.Г. Гептнер.

В 1943 г. в Москву были возвращены (в тех же деревянно-фанерных сундуках) эвакуированные в Ашхабад материалы проездом через Свердловск (в сопровождении В.Г. Гептнера). Вместе с ними прибыли и собранные в Туркмении новые коллекционные материалы — несколько тысяч экземпляров птиц, млекопитающих, рептилий, рыб, насекомых. В 1944 г. спиртовые коллекции отдела беспозвоночных были перенесены из подвала в Нижний зал, а также в небольшую комнату слева перед входом в него (так называемая «сотка»). В 1945 г. герпетологические материалы также переместили из подвала в Нижний зал, благодаря этому в подвале было расширено помещение для ихтиологических коллекций. В этом же году шкафы с энтомологическими коллекциями переместили с хоров Верхнего зала в Нижний зал, на хоры возвратили сухие коллекции млекопитающих и птиц.

Таким образом, научные коллекции позвоночных животных по большей части заняли свои прежние места. Коллекции отдела беспозвоночных оказались рассредоточенными по нескольким помещениям: они заняли часть подвала, «сотку», «междушкафья» витрин Нижнего зала и его отгороженную заднюю часть [Отчёт... 1944 г.: архЗМ]. Рассредоточенными по разным помещениям Музея оказались и обширные энтомологические коллекции. Однако несколько позже в связи с разрастанием не только коллекций, но и администрации и учебных подразделений Биологического факультета

порядок размещения некоторых научных фондов опять пришлось нарушить: часть скелетов и черепов копытных млекопитающих, черепа китообразных, а также часть ихтиологических коллекций были вновь перенесены в подвальное помещение (млекопитающие — в так называемую «кишку»). Большой проблемой стала нехватка жидких фиксаторов, из-за чего страдали все «влажные» коллекции.

В 1945 г. была введена должность учёного секретаря Зоомузея, которую занял Н.А. Гладков [Отчёт... 1945 г.: архЗМ], в 1948 г. он стал заведовать отделом орнитологии, а указанная должность перешла к Д.М. Вяжлинскому [Отчёт... 1948 г.: архЗМ]. В том же 1945 г. вернувшиеся в Музей сотрудники старшего поколения вновь возглавили отделы: В.Г. Гептнер — териологии, Г.П. Дементьев — орнитологии. Исполнение обязанностей заведующего отделом эволюционной морфологии было сохранено за Д.Н. Гофманом, отделом ихтиологии — за А.А. Световидовой; для заведования отделом беспозвоночных животных был приглашён И.И. Малевич. В 1946 г. возвратился в Музей и приступил к заведованию отделом энтомологии А.Н. Желоховцев, в связи с чем Н.Н. Плавильщикова перевели на должность заведующего отделом экспозиции; заведовать отделом герпетологии назначили только-только зачисленного в штат Зоомузея орнитолога Е.Н. Спангенберга (Н.В. Шибанов в 1943 г. был назначен заместителем декана Биологического факультета и ушёл из Музея). Заведовать препараторской мастерской назначили одного из старейших таксидермистов П.С. Николаева.

В 1944 г. в штате Зоомузея состояло 24 человека, из них 13 научных сотрудников; в 1946 г. последних числилось уже 20 человек. В Музее по-прежнему не было «официальных» (должностных) хранителей: эти обязанности были возложены на научных сотрудников. Ближе к концу 1940-х гг. в музейных годовых отчётах стали регулярно появляться жалобы на острую нехватку технического персонала: так, в 1948 г. в Зоомузее было только три штатных лаборанта.

Из-за всеобщей тесноты сотрудники сидели очекнь тесно. Так, в комнате справа перед входом в Верхний зал были рабочие места профессоров С.С. Турова, Г.П. Дементьева, В.Г. Гептнера (последний, впрочем, вскоре «отвоевал» для себя директорский кабинет после кончины С.И. Огнёва в 1951 г.).

* * *

Важной частью нормализации хранительской работы с коллекциями, естественным образом сопряжённой с их выверкой и размещением в систематическом порядке на прежних местах, стало налаживание учётной документации. Териологи и орнитологи в конце 1940-х гг. возобновили повидовые картотеки, но новые карточки теперь были формата А4. Эти картотеки (а также картотеку дарителей) вели до начала 1970-х гг., потом они перешли в архив. Кроме того, в двух указанных отделах в эти годы впервые завели поэкземплярные каталоги (карточки в формате библиографических), причём в отделе орнитологии основа была изготовлена типографским способом, а в отделе териологии первые карточки линовали от руки. Тогда же в отделе беспозвоночных были начаты отдельные «Книги для записи коллекций» кишечнополостных, иглокожих и пиявок.

Довольно скоро стала налаживаться и планомерная экспедиционная работа. Сотрудники Зоомузея и НИИЗа ездили для сбора научных коллекций на Кавказ, в Среднюю Азию, на Дальний Восток. Одной из крупнейших стала Амурская экспедиция, которой руководил Г.В. Никольский: она была организована в 1945 г. для изучения рыбных запасов и гидробиологии Амура и продолжалась до 1949 г. В ней принимали участие не только ихтиологи и гидробиологи, но и учёные других специальностей: в частности, для Зоомузея там собирал коллекции по водным беспозвоночным Е.В. Боруцкий. В 1949–1953 гг. была организована комплексная экспедиция в южные степные районы европейской части России в связи с организацией там лесных полос, также принёсшая немало интересных новых коллекций. Зоологизповозночники участвовали в фаунистических исследованиях Туркмении (Дементьев, Спангенберг, Туров, Гептнер) и Армении (Туров, Цалкин, Морозова-Турова), организованных местными филиалами АН СССР. Кроме того, продолжались фаунистические обследования территорий, предназначавшихся к организации заповедников: одним из них стала экспедиция в Читинскую область (Гладков, Желоховцев).

Среди материалов, поступавших в первые послевоенные годы от сторонних организаций, особый интерес представляют большие многолетние сборы по млекопитающим из Монголии от А.Г. Банникова и В.Н. Скалона (в общей сложности несколько тыс. экз.), несколько сотен

тушек птиц из разных заповедников Сибири и Дальнего Востока.

В Музей были переданы некоторые крупные частные коллекции по насекомым, оставшиеся после смерти их владельцев. Среди наиболее интересных можно упомянуть сборы В.Н. Вучетича по перепончатокрылым (более 4 тыс. экз.), по жесткокрылым из Маньчжурии (сборы В.Ф. Люде, почти 4.5 тыс. экз.).

* * *

Во второй половине 1940-х гг. из стен Музея стали одна за другой выходить крупные научные сводки, материалы для которых накапливались за военные и первые послевоенные годы. Так, уже в 1945 г. В.Г. Гептнер опубликовал работу «Гады Бадхыза». Орнитологи Г.П. Дементьев, Е.С. Птушенко и А.М. Судилова выпустили в свет новое «Руководство к определению птиц» (1948 г.). Сразу после этого они же, с привлечением большого числа соавторов (среди них Н.А. Гладков, Е.П. Спангенберг), приступили к подготовке многотомного издания «Птицы Советского Союза» (начало выходить в 1951 г.), за которое получили Государственную премию. Уместно заметить, что такую же премию за работу в составе Амурской экспедиции получили Г.В. Никольский и Е.В. Боруцкий. Стоит упомянуть также последние прижизненные тома «Зверей...» С.И. Огнёва: их автор, хоть и не числился официально в штате Зоомузея (см. выше), именно в его здании готовил тексты и иллюстрации, а в предисловии указал, что основой книги послужили коллекции Зоомузея.

Однако с изданием собственных ежегодных «Трудов...» у Музея были большие проблемы. В 1945 г. музейцы собрали и в 1946 г. сдали в печать 7-й том, но выпустить его удалось лишь в 1951 г. Впрочем, дальше было не лучше: следующий том «Трудов...» был собран и издан лишь спустя ещё 10 лет.

Значительные силы учёные нашего Музея отдавали написанию научно-популярных книг: они были рассчитаны на самый широкий круг читателей и выходили огромными тиражами, неоднократно переиздавались. Среди них многим любителям природы запомнились прежде всего «Записки натуралиста» Е.П. Спангенберга, «Очерки по истории зоологии» и «Гомункулус» Н.Н. Плавильщикова. Много статей зоомузейцы, в большинстве своём заядлые охотники, писали для научно-популярного журнала «Охота и охотничье хозяйство».

* * *

С 1945 г. вся экспозиция Зоомузея стала функционировать в обычном режиме, в 1946 г. число посетителей достигло 32 тыс. человек [Отчёт... 1946 г.: архЗМ]. Из-за отсутствия штатных экскурсоводов их обязанности были возложены на научных сотрудников [Отчёт... 1945 г.: архЗМ]. Примечательно, что в отчёте за 1949 г. отмечено, что «в нижнем зале Музея до сих пор не отремонтирован провалившийся пол, что привело к закрытию целого отсека» [Отчёт... 1949 г., с. 87: архЗМ]. По-видимому, с ним отчасти повторилась та же история, что в начале XX в. (и она опять повторится в начале 1970-х гг.).

Для популяризации научных знаний средствами музейной экспозиции возобновилась организация временных выставок. В послевоенные годы, в связи с провозглашённой борьбой против космополитизма и за «советский патриотизм», одной из их основных тем стала своего рода отечественная «мемуаристика». Выставки были посвящены памяти А.П. Богданова, К.Ф. Рулье, Б.М. Житкова, истории развития некоторых разделов зоологии в нашей стране. Разумеется, в конце 1940-х гг. не обошлось без выставки, посвящённой «мичуринскому учению»; обсуждалось предложение организовать постоянно действующий раздел экспозиции, специально посвящённый этому «учению» [Отчёт... 1948 г.: архЗМ].

Вторая половина XX века: между «складом» и ремонтом

1950-е гг. начались для Зоомузея новыми трудностями и проблемами. Одни из них были связаны с очередной реорганизацией советской системы науки и преподавания, другие — с переездом Университета на новое место.

* * *

Важнейшей из проблем стало странным образом «аукнувшееся» из 1920-х гг. проведённое тогда разделение научной, преподавательской и музейной деятельности (см. об этом предыдущий раздел). Получилось так, что в 1947–1948 гг. научным работникам и вузовским преподавателям Академии наук и Министерства просвещения существенно повысили зарплату; но музеев это почему-то не коснулось. Впрочем, для Зоомузея как университетского подразделения, по-видимому, была возможность попасть в «элитную» категорию; однако, как рассказывала О.Л. Россоломо (со слов «старо-

жилов»), администрация Музея просто опоздала подать в ректорат МГУ нужные бумаги.

Результат не замедлил проявиться: в годовых отчётах Зоомузея за 1950 и 1951 гг. отмечено, что зарплата работающих в нём научных сотрудников в 2.5–3 раза ниже, чем в научных институтах и вузах, и это заставляет их покидать Музей в поисках более достойной оплаты квалифицированного труда [архЗМ]. Вдобавок к этому в 1950 г. университетскому профессорско-преподавательскому составу было частично или полностью запрещено совместительство. А поскольку Зоомузей и профильные кафедры к этому времени уже не составляли единое целое, как то было во времена Богданова и Коженикова, их административное разделение автоматически сделало работающих при нём и на кафедрах профессоров «совместителями».

Из-за всего этого Зоомузей очень скоро лишился своих ключевых сотрудников, начинавших служить в нём ещё в 1920-е и 1930-е гг. и возглавлявших научно-хранительские отделы. Они традиционно преподавали на кафедрах Биологического факультета МГУ или в других вузах и теперь вынуждены были полностью закрепиться за ними, отказавшись от официальных музейных должностей. Среди них были такие известнейшие зоологи как Г.П. Дементьев, В.Г. Гептнер, С.С. Туров; покинули Музей также В.И. Цалкин и К.В. Арнольди (последний работал в Музее с 1946 г.). Впрочем, С.С. Туров остался главой Зоомузея — но «на общественных началах» (т. е. без оплаты труда и формально не попадая под запрет совместительства). В годовом отчёте за 1950 г. с горечью констатировалось, что вслед за отчислением сотрудников Музей лишился и их штатных единиц, которые те занимали на протяжении 1930-х и 1940-х гг. [архЗМ]. В 1953 г. число научных сотрудников сократилось до 17 человек.

Для того, чтобы устранить это очевидно ненормальное положение, в 1950 г. было предложено разработать «проект создания Зоологического научно-исследовательского института на базе Зоологического музея и зоологических кафедр факультета» [Отчёт... 1950 г., с. 82: архЗМ] — очевидно, взамен упразднённого тогда же НИИЗа. В книге К.Г. Михайлова (2002) упомянуто также предложение учредить при Музее «лабораторию по изучению и реконструкции фауны РСФСР». В просмотренных мною архивных материалах Зоомузея я не нашёл отражения этого факта, но в отчёте за 1952 г. содержится

предложение включить его в число научно-исследовательских учреждений или перевести его научных сотрудников в штат факультетских кафедр [Отчёт... 1952 г.: архЗМ]. Ни одно из этих предложений руководство Университета в то время не поддержало; соответствующие изменения будут сделаны позже (см. далее).

Парадокс был в том, что поневоле «ушедшие» профессора всё равно остались в Музее — теперь в статусе научных консультантов соответствующих отделов, назначаемые приказом ректора МГУ [Отчёт... 1955 г.; Приказ... 1962 г.: архЗМ]. Они сохранили за собой в Музее постоянные рабочие места, а вместе с ними право и обязанность опекать музейные коллекции. Да и местом своей работы в публикациях они чаще всего указывали Зоологический музей МГУ: это полностью соответствовало действительности, если принять во внимание, что за профессорами были закреплены в Музее постоянные рабочие места и они проводили в музейных хранилищах значительное время. Так реальная жизнь протестовала против бюрократических бессмыслиц.

[Здесь хотелось бы опять немного отступить от общей канвы рассказа и особо отметить, что научные коллекции, особенно такие огромные и разнообразные, как хранящиеся в Зоомузее, вообще невозможно полноценно обслуживать только силами немногочисленных штатных сотрудников. Поэтому по мере роста коллекций в работу с ними активно вовлекаются внештатные кураторы, берущие на себя определённые обязанности по налаживанию хранения и учёта тех разделов коллекций, которые соответствуют их научной специальности. При этом необходимо особо отметить, что свои хранительские обязанности такие кураторы выполняли и выполняют вполне бескорыстно.

Поэтому я полагаю, что будет более чем справедливым, отдавая дань уважения этим людям, отметить хотя бы некоторых из тех, кто в сложные для Зоомузея годы участвовал в его жизни, не будучи его штатными сотрудниками. Особенно много их, по вполне понятным причинам, среди «беспозвоночников» (в широком смысле): П.В. Матёкин, А.А. Шилейко-ст., Т.С. Всеволодова-Перель, Г.А. Викторов, А.П. Расницын, Г.Б. Зевина, Д.В. Панфилов, Н.Л. Гершкович; следует вспомнить также и некоторых известных орнитологов — Е.С. Птушенко, С.М. Успенского, Л.С. Степаняна, А.А. Кищинского.]

В результате всех этих перипетий в начале 1950-х гг. из старшего поколения в штате Зоомузея остался лишь глава отдела энтомологии А.Н. Желоховцев; заведовать отделом беспозвоночных («на общественных началах») был

приглашён Е.В. Боруцкий. Заведовать другими отделами стали молодые специалисты, пришедшие в Музей на рубеже 1930–1940-х гг. и опекавшие коллекции в военные годы: А.А. Световидова (ихтиология), А.М. Судиловская (орнитология), Л.Г. Морозова-Турова (териология), Д.Н. Гофман (эволюционная морфология). Во главе отдела герпетологии вместо Е.П. Спангенберга (перешёл в отдел орнитологии) формально поставили другого орнитолога — Р.Л. Бёме, только что поступившего на работу в Зоомузей; фактически же этот отдел в те годы курировал молодой И.С. Даревский (несколько лет заполнял учётную документацию). Штат отдела беспозвоночных животных пополнили Н.Л. Сокольская и Г.Б. Зевина, отдела энтомологии — Л.В. Зими́на, С.И. Келейникова, Д.В. Панфилов.

* * *

Источником особых проблем и трудностей, частью временных, частью постоянных, стал переезд Московского университета в новый комплекс зданий на Ленинских (прежних и нынешних Воробьёвых) горах, проектирование которого было начато ещё в конце 1930-х гг.

В связи с начавшимися строительными и иными работами многие помещения Зоологического корпуса распоряжением ректората МГУ были отведены под разнообразные технические службы, а также для временного размещения закупаемых материалов, оборудования и т. п. В 1951 г. были заняты Нижний и Эволюционный экспозиционные залы, которые стали вместилищем для экспонатов только что созданного Музея земледения, вновь закупаемых книг университетской научной библиотеки (рис. 24), новых шкафов и учебных пособий [Отчёт... 1951, 1952 гг.: архЗМ]. В 1952–1953 гг. из подвала, также целиком отданного под нужды переезжающего Университета, пришлось перенести в Верхний зал коллекции отделов беспозвоночных и ихтиологии, сундуки со скелетами крупных млекопитающих. В экспозиционных залах вдобавок размещались рабочие места сотрудников Музея и всех проходящих работать с коллекциями. Из-за этого залы были закрыты для посетителей: в 1951 г. — Нижний и Эволюционной морфологии, в 1952 г. — Верхний. Только в 1955 г., когда Биологический факультет окончательно выехал из здания Зоологического корпуса, Зоомузей смог вернуться к нормальной деятельности по всем направлениям — коллекционной, экспозиционной, научной.

Рис. 24. Интерьер Зала эволюционной морфологии, занятого под комплектацию университетской библиотеки (фото 1952 г.; архив ЗМ).

Fig. 24. Interior of the Hall of evolutionary morphology occupied for completion of the University library (photo of 1952; ZM archive).

Большой утратой стала специально подобранная научная библиотека, которая в 1930-е и 1940-е гг. была общей зоомузейско-ниизовской. В связи с ликвидацией НИИЗа это книжное собрание, включавшее около 30 тыс. библиотечных единиц, было передано в ведение выше упомянутой Научной библиотеки МГУ и переехало вместе с естественными факультетами на Ленинские горы [Отчёт... 1955 г.: архЗМ]. Удалось сохранить лишь небольшую часть важнейших для музейной деятельности книг, которые работавшие в Зоомузее учёные, предвидя возможные неприятности, убрали в укромные места. В результате на начало 1950-х гг. в остатках библиотечного собрания Зоомузея было немногим более тысячи книг — вшестеро меньше, чем в 1916 г.; за их сохранность отвечала М.В. Васильева (Свиридов, 1991; Михайлов, 2002). Лишь начиная с середины 1950-х гг., когда музейную библиотеку выделили в самостоятельное подразделение и её возглавила В.И. Короткова, ситуация стала постепенно исправляться. В библиотеке были заведены инвентарные книги и библиографический каталог.

Более отдалённой по своим последствиям, но весьма серьёзной проблемой, вызванной переездом Университета, стал разрыв тесной связи нашего Музея с профильными кафедрами. На это обращал внимание С.С. Туров, писавший в одной из докладных записок, что «отрыв музея от факультета отзовется отрицательно, как на преподавании зоологии, так и на научной деятельности преподавателей, аспирантов факультета» (цит. по: Михайлов, 2002, с. 41). Это, с одной стороны, снизило

учебный потенциал систематических коллекций, которые перестали активно участвовать в воспитании будущих учёных в классических зоологических традициях. С другой стороны, это же постепенно привело к утрате со стороны студенчества интереса к этим традициям: возобладали иные устремления.

Разумеется, работающие в Зоомузее научные сотрудники по мере сил и возможностей по-прежнему участвовали в преподавании — руководили курсовыми и дипломными работами, читали специальные курсы и проводили практические занятия на коллекционном материале. Но всё-таки важный прямой постоянный контакт учителя и ученика, дополненный обучением препарировальной и хранительской работе с музейными коллекциями, потихоньку становился «уходящей натурой».

* * *

В связи с выездом Биологического факультета и университетских служб из Зоологического корпуса в 1954 г. почти все его помещения наконец-то стали использоваться по своему прямому и основному предназначению. Одни из них превратились в хранилища музейных коллекций, другие — в кабинеты сотрудников (эти кабинеты чаще были также и хранилищами). Из того, что Зоомузею всё-таки удалось приобрести в ходе подготовки Университета к освоению нового здания на Ленинских горах, следует отметить специально спроектированные и изготовленные шкафы (так называемые «шибановские») для хранения банок с «влажными» коллекциями и энтомологических коробок. Кроме того, Музею перепала старая добротная мебель, оставленная выехавшими в новое здание кафедрами [Отчёт... 1955 г.: архЗМ].

«Заполнение» Зоологического корпуса во второй половине 1950-х и первой половине 1960-х гг. в общих чертах выглядело следующим образом [op. cit., с. 37–40: архЗМ]; оно сохранилось до самого конца 1960-х гг. (Михайлов, 2002; личные воспоминания О.Л. Россолимо, В.Ф. Орловой).

С правой стороны вестибюля в первой комнате располагался гардероб, в следующей за ней — касса Зоомузея (в ней продавали не только входные билеты, но также фотографии наиболее примечательных экспонатов). Большую комнату справа перед входом в Нижний зал занимали коллекции отделов беспозвоночных и герпетологии. В комнате «под мамонтами» в вестибюле разместилась препараторская мастерская.

Нижний зал был на три четверти отдан под экспозицию: в нём в деревянных витринных шкафах размещались показные материалы отдела беспозвоночных (в левой части), энтомологии (в задней части), герпетологические и ихтиологические (в правой части). В ходе этого обновления экспозиции Нижнего зала центральный проход в нём был оборудован новыми подиумами для некоторых крупных экспонатов рыб и рептилий. В самом начале зала были выставлены крупногабаритные териологические объекты: справа от входной двери — череп голубого кита, слева — скелеты и чучела хоботных и сирен. Задняя четверть осталась отгороженной под хранилище и рабочие места отдела беспозвоночных. Во всех витринных «междушкафьях» Нижнего зала хранились научные коллекции согласно их систематической принадлежности.

В начале коридора первого этажа «анатомического крыла» в двух комнатах размещалась другая часть коллекций и рабочие места отдела беспозвоночных, в его конце расположилась библиотека (остальные помещения по этому коридору заняло МОИП).

На втором этаже комнаты по правую сторону коридора «анатомического крыла» заняли ихтиологические коллекции, его левую сторону отвели под хранилища и рабочие места отдела энтомологии.

Зал эволюционной морфологии остался почти в том же виде, как и при Мензбуре и Северцове; комнаты за ним занимали рабочие места и коллекции отдела эволюционной морфологии.

Комнаты с левой стороны по коридору второго этажа, ведущему к Верхнему залу («зоологическое крыло»), отвели под администрацию Музея (кабинеты директора, канцелярии и заместителя по АХЧ) и экскурсионное бюро. Большую комнату по правую сторону этого коридора (перед входом в Верхний зал) заняли Г.П. Дементьев и Д.М. Вяжлинский.

Верхний зал целиком отдали под экспозицию птиц (правая часть) и млекопитающих (левая и средняя части); его хоры занимали научные коллекции этих двух отделов: в передней половине — млекопитающие, в задней — птицы; там же располагались рабочие места для разбора коллекций и работы приходящих специалистов — уже упоминавшиеся «клетки». Основное помещение отдела млекопитающих (рабочие места сотрудников, пристенные шкафы с «мокрыми» коллекциями и сундуки) занимало третий этаж

«зоологического крыла» здания Зоомузея. Директорский кабинет, замыкавший это помещение, начиная с середины 1950-х гг. служил рабочим кабинетом В.Г. Гептнера. Этажом выше над териологами в нескольких небольших комнатах расположился орнитологический «офис». В эти два отдела «рабочий» вход шёл по особой винтовой лестнице, которая начиналась на втором этаже перед входом в Верхний зал.

Подвальные помещения центральной части Зоологического корпуса стали подсобными и частью хранилищами («кишка», «слоновник»), тянущееся вдоль улицы Белинского (бывший Долгоруковский, ныне Никитский переулок) преобразовали в бомбоубежище — неременный атрибут времён «холодной войны».

Комнаты вдоль коридора третьего этажа «анатомического крыла» Зоологического корпуса отдали сначала под библиотеку МОИП, затем для обучения русскому языку студентов-иностранцев МГУ. Они-то и пользовались главной лестницей, ведущей со второго на третий этаж.

Торцевые части обоих «крыльев» Зоологического корпуса по-прежнему оставались жилыми помещениями.

* * *

«Руководящие» штатные дела Зоомузея во второй половине 1950-х и в 1960-е гг. в целом были таковы (см. годовые отчёты в [АрхЗМ]). Директором Музея до 1960 г. оставался С.С. Туров, покинувший эту должность в связи с выходом на пенсию. Его на три года сменил С.Г. Соин, в 1964–1969 гг. Музей возглавлял Н.А. Гладков. По указанным выше чисто формальным административным причинам (невозможность оплачиваемого совместительства) названные профессора исполняли директорские обязанности «на общественных началах» (т. е. вовсе без оплаты) и не могли отдавать себя полностью работе в Зоомузее. Туров одновременно заведовал Кафедрой зоологии в Московском государственном педагогическом институте, Соин работал заместителем декана Биологического факультета МГУ, Гладков преподавал на Географическом факультете МГУ. В 1954 г. должность учёного секретаря Зоомузея была переделана в таковую зам. директора по научной части: на неё назначили сначала А.Г. Банникова, очень скоро его сменил Н.А. Гладков, а того — Г.А. Викторов, все они были отчислены как совместители [Отчёт... 1954 г.: архЗМ]. С 1955 г. эту должность занимал Д.М. Вяжлинский (до 1976 г.), при Соине он и Плавильщиков

Рис. 25. «Инструктаж» по проведению экскурсии, слева направо: Г.П. Дементьев, ?, О.Л. Россолимо, Э.М. Смирин, ?, В.А. Долгов (фотография конца 1950-х гг.; архив ЗМ).

Fig. 25. A “briefing” for conducting excursion, left to right, G.P. Dementiev, ?, O.L. Rossolimo, E.M. Smirina, ?, V.A. Dolgov (photo of the end of 1950s; ZM archive).

писывали документы Зоомузея как «и. о. директора». С 1962 г., в связи с кончиной Н.Н. Плавильщикова, заведовать экспозицией стала Н.П. Куликова (работала в Музее с 1945 г., заведовала экспозицией до 1974 г.).

Пополнения «младшего персонала» (из числа надолго задержавшихся в Музее) были, в перспективной оценке, довольно значительны. В середине–конце 1950-х гг. в Музей пришли работать ихтиолог И.А. Веригина (в 1974 г. возглавила отдел ихтиологии), териологи О.Л. Россолимо (в 1959 г. стала заведовать отделом териологии, в 1970 г. — всем Зоомузеем), В.А. Долгов (в 1972 г. на некоторое время возглавил отдел эволюционной морфологии) и Н.Р. Павлова (с 1974 г. заведовала отделом экспозиции, с 1976 г. главный хранитель Зоомузея), орнитолог Р.Л. Бёме (какое-то время заведовал отделом герпетологии) и энтомолог Е.М. Антонова (сначала лаборант, затем научный сотрудник, некоторое время зам. директора по административно-хозяйственной части). В начале 1960-х гг. в штат Музея пришла В.Ф. Положихина (Орлова) (с 1965 г. заведует отделом/сектором герпетологии), ближе к их концу — В.Е. Флинт, Е.Н. Матюшкин, И.Я. Павлинов (в 1995–2008 гг. заведовал сектором териологии).

В эти годы и позже своего рода «кузницей кадров» для Музея, а отчасти и для московской «классической» зоологии, стала экскурсионная работа в Зоомузее. Многие из перечисленных только что персон начинали свою музейную жизнь именно экскурсоводами (рис. 25); к этому далеко не полному перечню можно добавить

имена зоологов, которые позже, став маститыми учёными вне стен Музея, сохранили связь с ним: А.К. Агаджанян, В.В. Жерихин, выше упоминавшиеся А.П. Расницын, Д.В. Панфилов, Л.С. Степанян и А.А. Шилейко-ст.

В продолжение темы — о людях, пришедших работать в Зоомузей в то время (и несколько позже), — хотелось бы добрым словом упомянуть тех технических работников, которые служением Музею также вносили свой важный вклад в сохранение его коллекций. Едва ли возможно указать всех тех, кто работал в нашем Музее в таком нужном и важном качестве, но хотя бы некоторых наиболее заметных «долгожителей» непременно здесь должно перечислить. В отделе орнитологии в трудные 1940-е и 1950-е гг. работала М.В. Егорова, а вскоре после неё — С.В. Луцкая, с середины 1970-х годов — И.К. Барышева. Р.А. Каменская, являвшая собой один из лучших образцов «старой школы» лаборантов, работала в Зоомузее с конца 1960-х гг. — сначала у энтомологов, потом у териологов; там ей долгое время помогала в качестве препаратора К.П. Котова. С начала 1970-х гг. в отделе эволюционной морфологии очень прилежно работала Т.И. Постовская, в отделе герпетологии — Т.О. Александровская. С.В. Пичугина с середины 1970-х гг. до сего дня опекает некоторые разделы обширных коллекций сектора беспозвоночных. Важную и не очень лёгкую работу по обработке материалов для научных коллекций, которые поступают из Московского зоопарка, выполняет А.Б. Кузьмин, работающий в Музее с 1980 г. И многие-многие другие...

* * *

На протяжении 1960-х гг. руководство Зоологического музея постоянно обращалось в ректорат МГУ с настоятельными предложениями, касающимися повышения его научного статуса, улучшения условий работы сотрудников и хранения коллекций.

В начале указанного десятилетия в ректорат была направлена докладная записка с двумя альтернативными предложениями по расширению помещений Зоомузея; дата на записке не значится, на титульном листе указаны сроки «перспективного плана переустройства музея»: сначала 1961–1965 гг., затем исправлено на 1966–1970 гг. [архЗМ]. Одно из них подразумевало постройку нового здания на Ленинских горах, что позволило бы не только существенно улучшить состояние самого Зоомузея, но и приблизить его к переехавшим туда учебным

подразделениям Университета. Основанием было то, что проект нового университетского комплекса на Ленинских горах предполагал возведение (во вторую очередь) специального музейного корпуса. Согласно второму предложению, Зоомузею надлежало передать все те помещения в здании Зоологического корпуса, которые заняты сторонними организациями и квартирами, а также помещения соседствующего с ним Ботанического корпуса, в котором разместились Психологический факультет. Из этой затеи ничего не вышло.

В 1962 г. С.Г. Соин обратился в ректорат с просьбой учредить в Зоомузее Учёный совет: в музейном архиве хранится бумага с соответствующими поддерживающими резолюциями и проектом ректорского приказа. Напомню, что такой Совет был учреждён в 1930-е гг. (см. предыдущий раздел) по распоряжению Наркомпроса, но затем он как-то «самоликвидировался». Никаких бумаг, свидетельствующих о позитивной реакции университетского начальства на это обращение, в архиве Зоомузея обнаружить не удалось: вероятно, в то время Музей оставался без названного Совета. Вместо этого ректор МГУ И.Г. Петровский в том же 1962 г. особым приказом распорядился «подчинить в научном, административном и хозяйственном отношении декану биолого-почвенного факультета [...] Зоологический музей»; в нём указаны также Музей антропологии, Ботанический сад [Приказ... 1962 г.: АрхЗМ]. Чем было вызвано появление такого приказа именно в это время, не ясно: ведь согласно действующему университетскому Уставу от 1939 г. Зоомузей и так числился в составе Биофака МГУ (см. предыдущий раздел).

Удалось добиться частичного исправления ситуации с зарплатой сотрудников: приказом Министерства высшего образования в конце 1965 г. Зоомузей был отнесён к первой группе оплаты труда. Однако и это не дало требуемого выравнивания зарплат научных сотрудников, из-за чего угроза «обезлюживания» Зоомузея сохранилась.

Для того, чтобы исправить почти катастрофическое положение с научными штатами, было принято решение, предложенное десять лет назад (см. выше). Всех научных сотрудников, работающих в Зоомузее, в 1965 г. официальным приказом «приписали» (зачислили в штат) к профильным кафедрам Биологического факультета — зоологии позвоночных, зоологии

беспозвоночных, энтомологии, ихтиологии. Благодаря этому они стали получать существенно более высокие «научные» зарплаты, продолжая постоянно работать в Музее. Это отчасти спасло ситуацию, но действительно лишь отчасти: руководство факультета и Зоомузея, желая сделать «как лучше», могло получить вариант «как всегда», поскольку этим решением Музей юридически полностью лишился штатных научных сотрудников — кураторов коллекций. И только доброе отношение заведующих кафедрами, которые понимали всю нелепость ситуации, спасало положение: зоомузейцы, формально числясь за кафедрами, фактически работали в Музее по музейным планам; на кафедрах же они появлялись лишь в связи с разными «административными» делами (переаттестация и т. п.). Окончательно эту ситуацию удалось исправить позже, в середине 1980-х гг.

* * *

Существенное улучшение условий хранения научных коллекций естественным образом расширило возможности их развития и роста. На протяжении 1950-х и 1960-х гг. Музей обильно пополнялся сборами главным образом с территории Советского Союза. Их особенностью стал уже упоминавшийся в предыдущем разделе акцент на массовые материалы, а также достаточно широкий охват собираемых таксономических групп. Как и прежде, для того, чтобы в Зоомузей поступали более качественные коллекции, было выпущено обновлённое руководство по их сбору и препаровке (Плавильщиков, Кузнецов, 1952).

Поступления орнитологических материалов в целом несколько сократились в связи с изменением доминирующих научных интересов среди специалистов: они стали уделять больше внимания экологии и этологии (Томкович, 1991). Из наиболее значимых пополнений (впрочем, отнюдь не «свежей сборки») следует отметить почти тысячу экз. коллекции М.М. Березовского из Ганьсу (экспедиция Г.Н. Потанина). В 1960-х гг. музейные орнитологии предприняли попытку создать фонотеку голосов птиц: поступило несколько магнитофонных лент с записями от некоторых коллег (в настоящее время не сохранились). На какое-то время развитие фонотеки было прекращено, её собирание возобновилось в последние годы. Происходило активное пополнение оологической коллекции, которая начинала формироваться ещё при Фишере: в рассматриваемый период

Рис. 26. «Ватные» сборы насекомых (современная фотография; архив ЗМ).

Fig. 26. Dry insect collection on cotton (contemporary photo; ZM archive).

в Зоомузее её начал серьезно собирать Е.П. Спангенберг, переломным стало поступление более 700 кладок птичьих яиц с гнёздами от пришедшего на работу в Зоомузей В.Е. Флинта. Следующий значительный вклад в развитие этой коллекции внёс орнитолог-любитель, тончайший знаток голосов птиц и собиратель птичьих кладок В.В. Леонович.

Среди важных поступлений по млекопитающим следует указать приобретение второй порции коллекции С.И. Огнёва — около 10 тыс. экземпляров. Когда отдел териологии возглавила О.Л. Россолимо, в связи с её научными интересами (внутривидовая изменчивость) резко возросли поступления больших серийных материалов по обычным видам мелких млекопитающих (Павлинов, Яхонтов, 1991). В частности, особое значение приобрели массовые материалы, на протяжении многих лет собираемые в районе научно-исследовательского стационара Мирное в среднем течении Енисея.

Существенно увеличились сборы посткраниальных скелетов по всем группам позвоночных, которые до этого были представлены единичными экземплярами. В начале 1970-х гг. их расширяющееся собрание было сосредоточено в отделе эволюционной морфологии.

Среди энтомологических сборов рассматриваемого периода наиболее обширными стали новые поступления из Средней Азии, как равнинной, так и горной — несколько десятков тыс. экз., а также из Закавказья, Казахстана, отчасти

Приморья (Антонова, 1991). Весьма масштабными были энтомологические приобретения у частных коллекционеров — многие десятки тысяч экземпляров главным образом жуков (от Д.Д. Ромашова, несколько позже от А.В. Богачёва, Н.Н. Плавильщикова), двукрылых (от Е.С. Смирнова). Из-за активизации полевых энтомологических исследований, результаты которых лишь частично удавалось доводить до надлежащего коллекционного состояния, энтомологи в эти годы начали активнее собирать и хранить «ватные сборы» (рис. 26).

Судя по хранящимся в архивах Зоомузее годовым отчётам, к концу 1960-х гг. в его научных фондах было накоплено около 350 тыс. экз. (точнее, единиц хранения) позвоночных животных и не менее 2 млн экз. беспозвоночных, включая насекомых.

* * *

Обновлённая музейная экспозиция, как указано выше, была открыта для посещения в 1955 г., в связи с чем был издан новый краткий путеводитель по ней (Туров, 1956). Для активизации научно-просветительной деятельности в штат Музея вернули экскурсоводов. В Нижнем зале ликвидировали вводный раздел и несколько расширили систематический.

Была частично переработана экспозиция Зала эволюционной морфологии: он хоть и стал частью общемузейной экспозиции, решаемые им задачи по-прежнему были достаточно специфические. Его основу составляли смонтированные скелеты позвоночных животных (см. выше рис. 15, 16), из-за чего зал на жаргоне зоомузейцев назывался «костным». Эти уникальные экспонаты, в большинстве своём изготовленные ещё во второй половине XIX в., сами по себе представляли значительную историческую и научную ценность — например, почти полный (хоть и сборный) скелет стеллеровой коровы. Вместо прежнего их размещения преимущественно по анатомическому и частью систематическому принципам основной стала тема морфологических доказательств эволюции. Она раскрывалась на сформулированном в рамках классической филогенетики принципе «тройного параллелизма», подразумевающим сходство преобразований животных в ходе их эволюции (филогенез), индивидуального развития (онтогенез) и в палеонтологической летописи.

Чтобы как-то отойти от простой демонстрации сухих и влажных препаратов, представляющих те или иные интересные виды животных, с

помощью научных коллекций был организован показ некоторых особенностей их биологии и эволюции. Так, в витринах с насекомыми и паразитическими червями были смонтированы панно, иллюстрирующие сложно протекающие метаморфозы в индивидуальном развитии (Иксанова и др., 1991б). Некоторые витрины обогатились показом проявлений индивидуальной изменчивости животных, полового диморфизма, особыми формами мимикрии и покровительственной окраски (рис. 27).

Следует отметить, что из-за отсутствия штатных сотрудников в отделе экспозиции (кроме заведующего и экскурсоводов) основную работу по планированию, организации и поддержанию в должном порядке показных (экспозиционных) коллекций по-прежнему выполняли сотрудники научно-хранительских отделов. Данное обстоятельство было отражено в годовых отчётах Зоомузея: каждый отдел отчитывался не только за хранительскую и научную, но и за экспозиционную работу [архЗМ].

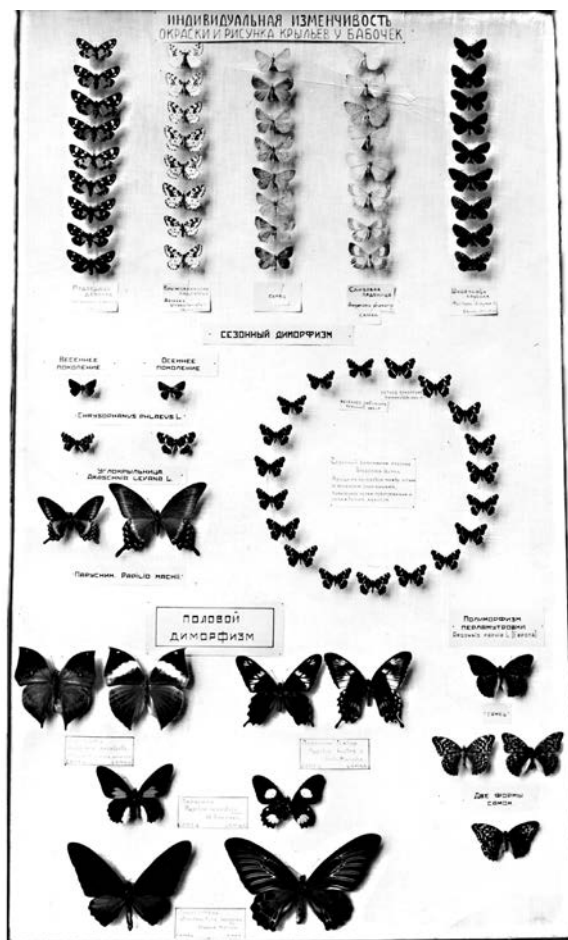
Число посетителей в указанное время было достаточно велико — в разные годы от 39 тыс. до 65 тыс. человек. Из них значительная часть, как и в последние довоенные годы, приходилась на экскурсии, организуемые специально для школьников.

Среди выставок 1950-х и 1960-х гг. довольно много было посвящено собственно музейной тематике — истории самого Зоомузея, проводимым в его стенах исследованиям, истории его научных коллекций, искусству таксидермии.

В связи с освобождением музейных пространств отдельное помещение — упомянутое выше «под мамонтами» — получила препараторская мастерская. В ней тогда работали В.И. Пивоваров (заведующим), который учился мастерству у П.С. Николаева, и В.П. Радин (в 1968 г. возглавил мастерскую).

* * *

Как и опасался в своё время С.С. Туров, территориальное разобщение Зоомузея и кафедр Биологического факультета неизбежно привело к тому, что в 1950-е и особенно в 1960-е гг. постоянные занятия со студентами-биологами были постепенно сведены к минимуму. Отдельные практические занятия по систематике птиц и млекопитающих ещё проводились, однако по другим группам почти нет. К концу 1960-х гг. занятия с группами студентов в самом Музее были вовсе прекращены; они возобновились лишь в последние годы.

Рис. 27. Фрагмент одной из витрин Нижнего зала, показывающий внутривидовую изменчивость насекомых (фотография середины 1960-х гг.; архив ЗМ).

Fig. 27. A fragment of one of the showcases of the Lowe Hall showing infraspecies variation in the insects (photo of the mid 1960s; ZM archive).

Отчасти эта серьёзная недостача компенсировалась тем, что Зоомузей по мере возможности организовывал в своих стенах юннатскую работу (Михайлов, 2002; статья Е.А. Дунаева в настоящем сборнике). Наиболее крупный школьно-студенческий кружок работал в отделе энтомологии под руководством Е.М. Антоновой (до 1982 г.), его активными членами были несколько десятков юных энтомологов. В начале 1960-х гг. подобный кружок при отделе орнитологии вела С.В. Луцкая, хотя количество его членов было невелико. Наконец, Музей представлял свои экспозиционные и частью учебные коллекции для занятий юннатских кружков при Московском зоопарке (уже упоминавшийся КЮБЗ), МОИП (руководитель А.П. Разорёнова, в 1930-е гг. недолго проработавшая в Зоомузее), юношеской секции ВООП (руководитель П.П. Смолин). Всё это оказалось свёрнутым в

последующие два десятилетия в связи с неожиданно нагрянувшим ремонтом.

* * *

В 1971 г. жизнь Зоологического музея вновь резко поменялась: он оказался ввергнутым в очередной период полной реконструкции, не затронувшей разве что его стены и крышу.

Дело состояло в следующем. К указанному времени под зданием Зоологического корпуса образовались значительные пустоты вследствие того, что вода, протекавшая сквозь обветшавшую каменную обкладку одного из упрятанных под землю притоков Неглинки, постепенно промыла грунт. Из-за конструктивных особенностей здания, как и в начале 1900-х гг. (см. предыдущий раздел), начал проседать пол Нижнего зала, вслед за ним стали угрожающе уходить вниз колонны, опирающиеся на него и несущие перекрытие Верхнего зала. Это грозило обрушением значительной части «зоологического крыла» корпуса, что похоронило бы Музей — и экспозиционные залы со всеми витринами и экспонатами, и хранилища со всеми научными коллекциями. В общем, хуже некуда...

Была ли на то воля providения или так просто совпало, но за год до этого в высшей степени неприятного события директором Зоологического музея МГУ была назначена О.Л. Россолимо (в скобках замечу — опять-таки, согласно приказа, «без дополнительной оплаты»: [архЗМ]). Она принадлежала к достаточно известной семье учёных, в честь одного из представителей которой (Г.И. Россолимо) названа улица в Москве в районе Большой Пироговки, уже упоминавшиеся ранее её отец (Л.Л. Россолимо) и двоюродный дед (А.И. Россолимо) были известными гидробиологами. В Зоомузей она пришла работать в середине 1950-х гг., в их конце была назначена заведовать отделом териологии (Л.Г. Морозова-Турова ушла на пенсию).

[Как вспоминает О.Л. Россолимо, в качестве кандидата на должность директора Зоомузея после ухода Н.А. Гладкова фигурировал «варяг» В.Е. Флинт. Однако музейцы высказались резко против него. Россолимо, будучи «профсоюзной активисткой», с этим мнением пошла к тогдашнему декану Биофака Н.П. Наумову, тот предложил ей занять директорскую должность, О.Л. согласилась — так всё и началось.]

Хотя музейские «старички» это назначение приняли не слишком благожелательно (наверное, хотели видеть в этой должности кого-то из своих рядов), как показало ближайшее будущее, в сложившейся катастрофической ситуации де-

ловые качества нового директора Зоомузея, её энергия и упорство, умение найти особые подходы к начальству оказались более чем востребованными. Ей удалось почти невероятное — не только провести капитальный ремонт всего здания без ущерба для коллекций, но и чуть ли не вдвое увеличить площадь фондохранилищ и рабочих помещений и переоборудовать их. Благодаря этому оправдалась известная поговорка «нет худа без добра»: Зоологический музей из навалившейся на него очередной напасти вышел существенно обновлённым и, как представляется, во многих отношениях улучшенным.

Несколько забегаая вперёд, следует отметить, что в нелёгком труде по реконструкции Зоомузея О.Л. Россолимо помогала весьма энергичная Н.Р. Павлова, которая в 1976 г. была назначена на восстановленную должность главного хранителя (фактически была заместителем директора «по реконструкции»), а некоторое время спустя С.А. Кулешова (между ними ещё была Л.Г. Марусова). Это были «управленцы», а не учёные — но именно в них, очевидно, и была особая нужда в этот тяжелейший для Зоомузея «реконструктивный» период. В связи с переустройством залов второго этажа в 1986 г. на заведование экспозицией была приглашена музейщица И.В. Иксанова, ранее зарекомендовавшая себя с лучшей стороны в нескольких краеведческих музеях. Наконец, следует упомянуть и тех, кто в эти годы занимался тяжёлой работой по обеспечению хозяйственной части Зоомузея, — Е.М. Антонову, В.А. Азарова.

* * *

Принимая во внимание катастрофическую ситуацию, Музей в 1971 г. закрыли для посетителей. Для ремонта фундамента и пола Нижнего зала экспозицию в нём полностью демонтировали, пол был вскрыт, под него закачали некий состав, который заполнил пустоты и, застыв, подпёр пол снизу. По распоряжению противопожарной службы от старых деревянных витрин пришлось отказаться (по словам О.Л. Россолимо, они были переданы в один из краеведческих музеев Подмосковья), их заменили новыми металлическими, заказанными в одном из московских заводов (правда, как потом выяснилось, не очень удачными в конструктивном отношении). В ходе реконструкции в зале была ликвидирована отгороженная задняя часть для научных коллекций — предпосылкой к этому послужило расширение фондохранилищ (об этом см. далее). Согласно плану новой экспо-

зиции Нижнего зала, в нём не нашлось места для «крупногабаритных» экспонатов млекопитающих, упоминавшихся выше: за их счёт существенно расширили экспозицию рептилий и рыб, а также низших беспозвоночных. Чучело слона теперь выставлено у входа в Нижний зал, его скелет — в Зале эволюционной морфологии; череп кита отдали в Палеонтологический музей, который в это время как раз осваивал новое очень большое здание, взамен был получен полный смонтированный скелет мамонта (выставлен в начале главной лестницы). Ватагинские «фрески» при входе в Нижний зал, заметно поблекшие и переставшие гармонировать с его экспозицией, закрыли защитным каркасом, который затем покрасили в один тон с другими стенами. Нижний зал после полной реконструкции был открыт для посетителей в 1984 г.

В те же годы по требованию всё той же противопожарной службы закрыли и полностью разобрали Большую зоологическую аудиторию в центральной части здания. К сожалению, в результате проведённой реконструкции её классический амфитеатр был утрачен; правда, использование современных стульев после ремонта аудитории позволило увеличить число «посадочных мест».

Пользуясь предоставленной возможностью, было решено существенно модернизировать и экспозицию обоих залов второго этажа Зоологического музея.

Реконструкция Верхнего зала была начата в 1985 г., в нём по мере возможности, как и во времена А.П. Богданова, систематический показ экспонатов был дополнен биогруппами. Экспозицию обогатили многие интересные работы вернувшегося в Зоомузей в середине 1980-х гг. Н.К. Назьмова — «Стадо сайгаков», «Семья гепардов», «Лежбище котиков», «Охота харз». Там, где это не удавалось сделать, чучела снимали со старых подставок и монтировали прямо на полках, что также придавало им отчасти более «живой» вид. К сожалению, при этом была утрачена некоторая часть старых этикеток, прикреплённых снизу на подставках, а с ними — и часть музейной истории.

В 1986 г. приступили к реконструкции Зала эволюционной морфологии. Его обновлённая экспозиция стала более соответствовать современным представлениям о принципах филогенетических изменений. Однако при этом были сохранены нетронутыми многие исторические экспонаты, составлявшие основу экспозиции за-

ла, — прежде всего ажурные скелеты как достопримечательные произведения самой Природы.

Названные залы открылись для посетителей в 1989 и 1990 гг., соответственно.

Следует отметить, что основную работу по «интеллектуальному» обеспечению реконструкции экспозиционных залов по-прежнему выполняли научные сотрудники Зоомузея. Руководствуясь Естественной системой в одних случаях и/или «филогенетической идеей» в других, они определяли последовательность размещения экспонатов как по залам в целом, так и по отдельным витринам. Важной частью этой работы было грамотное составление пояснительных текстов, подбор иллюстративного материала. Наконец, разработка тематических экскурсий, проводимых в экспозиционных залах, также была заботой «научников».

* * *

На протяжении второй половины 1970-х и первой половины 1980-х гг., одновременно с проводимым ремонтом и под его «прикрытием», благодаря невероятной административной энергии О.Л. Россолимо удалось освободить почти все помещения Зоологического корпуса, которые едва ли не полвека использовались не по своему прямому музейному назначению. Это в первую очередь коснулось жилых квартир, занимавших торцевые части здания, вслед за ними было отвоёвано обширное пространство третьего этажа «анатомического крыла» здания. К сожалению, это не удалось сделать с комнатами по коридору первого этажа, четыре из которых до сих пор занимает МОИП.

В конечном итоге общая площадь помещений, которыми стал располагать Зоомузей, увеличилась чуть ли не вдвое: новые пространства обрели все научно-хранительские отделы, библиотека, таксидермическая мастерская. Многие вновь полученные и прежние хранилища были оборудованы металлическими стеллажами (рис. 28, лев.), для энтомологических коллекций были заказаны специальные металлические шкафы (рис. 28, прав.). Благодаря этому, пожалуй, впервые за всю историю Зоомузея для научных коллекций удалось создать вполне приемлемые условия хранения, рассчитанные не только на сегодняшний день, но и на будущий значительный прирост фондов.

Новая схема размещения научно-хранительских отделов и хранилищ получилась следующей. Отдел беспозвоночных занял, в добавление к прежним хранилищам в коридоре первого эта-

Рис. 28. Металлические стеллажи (слева) и энтомологические шкафы (справа), которыми были обустроены хранилища во время последней реконструкции (современная фотография; архив ЗМ).

Fig. 28. Metallic shelves (left) and entomological cabinets (right), with which collection rooms were equipped during the last reconstruction (contemporary photo; ZM archive).

жа «анатомического крыла» (см. выше), бывшие жилые помещения первого этажа «зоологического крыла» здания за Нижним залом. Отдел энтомологии освободил помещения второго этажа «анатомического крыла»: вместо них энтомологам отошли хоры Зала эволюционной морфологии, часть помещений второго этажа за этим залом, второй этаж «зоологического крыла» за Верхним залом; энтомологические шкафы были размещены также в коридоре третьего этажа «анатомического крыла». Все помещения вдоль коридора второго этажа этого крыла, а также несколько комнат за Залом эволюционной морфологии заняли ихтиологи. В бывших «профессорских» квартирах на первом этаже «анатомического крыла» разместились отделы герпетологии и эволюционной морфологии; одна из комнат отошла библиотеке Зоомузея. За отделом териологии осталась центральная часть второго этажа здания; его коллекции с хор Верхнего зала были перемещены в комнаты на третьем этаже «анатомического крыла». Орнитологический отдел целиком занял хоры Верхнего зала и третий этаж «зоологического крыла» за этим залом, частично освободив помещения четвёртого этажа в центральной части здания; в них разместили художественный фонд и часть териологических коллекций. Наконец, значительное пространство в полуподвале этого же «крыла» получила таксидермическая мастерская.

К сказанному можно добавить, что комнаты по коридору, ведущему к Верхнему залу, были отданы под службы, обеспечивающие просветительную и административную работу Музея.

Понятно, что забота о всеохватных передвижках коллекционных материалов по помещениям Зоомузея в большой мере легла на плечи его научных сотрудников. Такова уж специфика музейной работы: кто, кроме учёных-зоологов, понимающих смысл существования коллекций и определённого порядка в них, смог бы обеспечить квалифицированное и максимально щадящее заполнение «старыми» коллекциями новых фондохранилищ?

Хотелось бы заметить, что с завершением реконструкции к концу 1980-х гг. Зоомузею очень повезло: затянулись всё это ещё на год–два — и кто знает, удалось ли бы довести до конца начатые работы. В начале 1990-х гг., с развалом прежней политэкономической системы и наступлением хаоса, наш Музей вместе с другими аналогичными институтами опять оказался на грани «физического выживания»...

* * *

Одновременно с реконструкцией «материальной базы» Зоомузея — хранилищ, аудитории и экспозиционных залов — была проведена крайне насущная и требующая особых бюрократических приёмов работа по повышению его статуса как особого подразделения Московского университета. Для этого в разные министерские инстанции писались многочисленные письма от имени руководства Биологического факультета и Университета, а также (в их поддержку) от других учреждений. И они постепенно стали давать свои желаемые плоды.

В 1979 г. приказом министра высшего и среднего специального образования Зоологи-

ческий музей МГУ был опять отнесён к первой группе оплаты труда [архЗМ], что было подтверждением приказа от 1965 г. (см. выше). На общечеловеческом языке это означало, что «дискриминация» по ведомственной принадлежности закончилась и числящиеся за Музеем штатные сотрудники (экскурсоводы и др.) смогли наконец-то получать более-менее пристойную зарплату.

В начале–середине 1980-х гг. в Московском университете была произведена административная реформа, отчасти воспроизводящая таковую 1920-х гг. В 1981 г. согласно партийно-правительственному постановлению «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» (Постановление..., 2011б) в вузах опять разделили учебную и научную сферы деятельности, для координирования второй в вузах была введена особая структура — Научно-исследовательская часть (НИЧ; упразднена в 1993 г.). Под этим «прикрытием» в Зоомузее удалось провести собственную весьма важную административную реформу, позволившую отчасти решить упомянутые выше застарелые кадровые проблемы (соответствующие документы хранятся в архиве Зоомузея).

Сначала Зоомузей в 1983 г. был включён в НИЧ в качестве самостоятельного подотдела в рамках отдела «Зоология позвоночных». На этом основании в том же году в ректорат МГУ было направлено предложение о целесообразности включения всех работающих в Зоомузее научных сотрудников в штат Кафедры зоологии позвоночных, которой в то время заведовал академик В.Е. Соколов, поддержанное всеми заинтересованными заведующими кафедрами Биофака; позитивного решения не последовало. Вместо этого, после соответствующей подготовительной работы, приказом ректора МГУ в июне 1986 г. в структуре НИЧ Биологического факультета была учреждена научно-исследовательская «Лаборатория таксономической зоологии и кадастровых исследований» (с территориальным базированием в Зоологическом корпусе) во главе с О.Л. Россолимо; этим же приказом Зоологический музей МГУ был подчинён заведующему названной лабораторией (т. е. О.Л. Россолимо). Отдельным последующим приказом в её штат были включены все фактически работающие в Музее научные сотрудники, а О.Л. Россолимо, как зав. лабораторией, была переназначена директором Зоомузея.

Но вот ведь парадокс: этим приказом формальный юридический статус университетского Зоомузея, одного из лидеров отечественной классической зоологии, был сильно понижен: теперь он был уже даже не при факультете, а при лаборатории факультетского подчинения. Для такого решения были свои «конъюнктурные» предпосылки, о которых за истечением времени не хотелось бы здесь упоминать; ясно было, что это временное паллиативное решение и что оно потребует развития — каковое вскоре и последовало (см. далее).

Одновременно с учреждением названной лаборатории приказом ректора была несколько перекроена структура Зоомузея. В нём были выделены два «макроотдела»: а) научно-фондовой работы и б) теории и методики музейного дела. Во главе первого был поставлен главный хранитель (сначала Л.Г. Марусова, затем С.В. Кулешова), во главе второго — И.В. Иксанова. Согласно новой структуре научно-хранительские подразделения, входящие в первый из этих «макроотделов», были переименованы из «отделов» в «секторы». Второму «макроотделу» была подчинена вся экспозиционная работа. В этой структуре у Музея, строго говоря, собственного научного штата почти не было, т. к. научные сотрудники числились за лабораторией.

В 1984 г. был выпущен приказ Минвуза СССР «Об утверждении типового положения о музее высшего учебного заведения» (Приказ..., 2007). По административной логике, на этом основании должно было быть разработано и утверждено Положение о Зоологическом музее МГУ. Однако в его архиве соответствующие материалы не обнаружены, хотя подготовительная работа, по-видимому, велась: об этом свидетельствует хранящаяся в архиве Зоомузея копия документа, касающегося Музея земледелия МГУ.

Важным предлогом к дальнейшему «административному» продвижению стал 200-летний юбилей Зоологического музея: по предложению О.Л. Россолимо было решено юридически объединить Музей и названную лабораторию, что и было сделано в 1991 г. (Летопись..., 2016ю). Приказом ректора Зоомузею был присвоен статус научно-исследовательского: его полное название стало выглядеть как «Научно-исследовательский зоологический музей МГУ им. М.В. Ломоносова». Музей в таком качестве был включён в состав НИЧ Биологического факультета, «макроотделы» и лаборатория были

упразднены, числившиеся в последней учёные-зоологи официально были переведены в штат Музея, О.Л. Россолимо наконец-то (впервые за несколько десятилетий) стала его «штатным» (т. е. на окладе) директором. Таким образом, Зоологический музей пришёл в относительно нормальное состояние с достаточно приличным научным (до 25 человек) и иным (более чем 50 человек) персоналом. Впрочем, должности штатных хранителей (кураторов) научных коллекций в нём по-прежнему отсутствовали: сказалось инерция 1930-х гг., которая не преодолена по сей день.

К этому можно добавить, что с 1991 г. выпускаемый Музеем сборник трудов стал называться несколько проще — «Исследования по фауне» в связи с исчезновением Советского Союза.

Перечисленные административные преобразования поставили завершающую точку в рассматриваемом периоде истории Зоомузея — но не в нашем рассказе.

* * *

В происходившую в 1970–1980-е гг. реконструкцию Музея логично вписалось заметное обновление его научных кадров. Место зоомузейцев, составивших его славу в 1950-е и 1960-е гг., более чем достойно заняли новые люди. Одни из них пришли сюда уже сложившимися учёными: таковы специалисты по разным группам беспозвоночных животных М.В. Гептнер (сын В.Г. Гептнера), Н.И. Кудряшова, О.В. Волцит и В.А. Спиридонов, энтомологи Н.Б. Никитский, А.В. Свиридов и А.И. Шаталкин, орнитолог А.А. Кузнецов, ихтиолог Ю.И. Сазонов. Другие же, частью упомянутые выше, попадали в Зоомузей со студенческой скамьи или после аспирантуры (перечислены в порядке зачисления в штат): В.Н. Горячев, П.С. Томкович, В.Г. Бабенко, Е.Д. Васильева, Д.Л. Иванов, К.Г. Михайлов, А.Л. Озеров, А.В. Антропов, Г.Ю. Любарский, М.В. Калякин, Е.А. Дунаев, Е.Л. Яхонтов, Е.А. Коблик.

Новое пополнение сразу или постепенно стало включаться в руководство деятельностью музейных подразделений или Музея в целом. Н.И. Кудряшова в 1976 г. возглавила отд. беспозвоночных животных, в 1981 г. её сменил М.В. Гептнер (заведовал до 1996 г.), А.И. Шаталкин в 1977–1987 гг. заведовал отделом энтомологии и в 1977–1990 гг. организовывал научную работу Музея в должности учёного секретаря (в 1976 г. её опять «перелицевали»

из должности заместителя директора по науке). В этой второй должности Шаталкина сменил в 1990 г. Д.Л. Иванов, занимал её до 2000 г., затем возглавил отдел беспозвоночных животных (до 2013 г.). Со временем заведовать научно-хранительскими отделами стали П.С. Томкович (зав. отделом орнитологии с 1977 г.), Е.Д. Васильева (зав. отделом эволюционной морфологии в 1985–1990 гг., зав. отделом ихтиологии с 1990 г.), А.Л. Озеров (зав. отделом энтомологии с 1987 г.), Е.Л. Яхонтов (в 1990-е гг. некоторое время заведовал отделом териологии, исполнял обязанности главного хранителя), В.А. Спиридонов (зав. отделом беспозвоночных животных в 1996–2000 гг.). М.В. Калякин в 2000–2009 гг. — учёный секретарь, с 2009 г. — директор Зоологического музея.

* * *

В 1970-е и 1980-е гг. наука в Зоомузее оставалась преимущественно конкретной и описательной. Как и десятилетиями прежде, основной акцент делался на исследованиях отдельных систематических групп и/или локальных фаунистических комплексов; к ним добавились детальные изыскания в области закономерностей внутривидовой изменчивости, чем занимались главным образом О.Л. Россолимо, Е.Д. Васильева, И.Я. Павлинов. В конце указанного периода начались активные теоретические исследования по систематике и филогенетике (А.И. Шаталкин, И.Я. Павлинов), их результатом стали статьи (прежде всего в Журнале общей биологии), а затем сравнительно небольшие книги «Биологическая систематика» (1888) и «Кладистический анализ» (1990): это было только начало. Изменился характер выпускаемых Зоомузеем «Трудов...»: они стали издаваться ежегодно, ранее сложившийся стиль т. н. «братских могил» случайным образом собранных разношёрстных статей постепенно стал меняться на стиль тематических изданий и монографий, имеющих индивидуальные титульные названия («Птицы осваиваемых территорий», «Систематика млекопитающих СССР», «Эволюционная морфология моллюсков» и др.). Следует также упомянуть начало работы научного семинара Зоомузея, основой которой стали лекции теоретического характера по систематике и филогенетике (Любарский, 2009).

Свою лепту сотрудники Зоомузея вносили в природоохранное дело, которое в эти годы стало обретать «второе дыхание». Они не ограничивались традиционным участием в обследо-

нии заповедных территорий: большое значение приобрела подготовка Красных книг. В СССР первые издания национальной Красной книги вышли в 1978 и 1984 гг., после этого стали печататься многочисленные региональные Красные книги. Наибольшую активность здесь проявили А.В. Свиридов, Н.Б. Никитский, П.С. Томкович.

В популяризацию научных знаний о разнообразии живой природы в 1970-е и 1980-е гг. особо значимый вклад вносили наши орнитологи. А.А. Кузнецов писал и издавал справочники-определители — такие как «Птицы лесов и гор», «Птицы открытых и околоводных пространств». В.Е. Флинт активно содействовал переводу на русский язык произведений многих зарубежных натуралистов (Дж. Даррелл, Дж. Адамсон и др.). Приметой времени стал совершенно новый стиль этих книг: если раньше натуралисты писали о том, как они в экспедициях для музеев добывали и препарировали разнообразную живность, то теперь речь шла в основном о самих зверях и птицах, об их нравах и повадках, о любви к ним и о необходимости их охраны.

* * *

В пополнении научных коллекций Зоомузея в 1970-е и 1980-е гг. существенное значение имело участие его сотрудников в ряде больших государственных экспедиционных проектов, получавших «зелёный свет» в финансировании. Одним из наиболее масштабных стал проект конца 1970-х и середины 1980-х гг., связанный с возобновлением строительства Байкало-Амурской магистрали (в 1920-е гг. была известна как «Великий Северный железнодорожный путь»). Участие в нём позволило провести обширные систематические и фаунистические исследования в Приамурье и Приморье и собрать там значительные по объёму и составу коллекции; особенно активными здесь были энтомологи и орнитологи.

Существенный вклад в пополнение коллекций вносили «родственные» академические и отраслевые институты. Среди них особо следует отметить Институт эволюционной морфологии и экологии животных (ИЭМЭЖ, теперь ИПЭЭ), Институт океанологии (ИОАН), Тихоокеанский научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО), Азово-Черноморский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (АзЧерНИРО), Всесоюзный институт рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО).

В сравнении с предыдущими десятилетиями заметно выросла доля «экзотических» представителей животного мира, которыми музейные фонды теперь стали пополняться вполне систематически и регулярно. Среди основных источников такого рода материалов нужно прежде всего и особо отметить действующие на постоянной основе международные комплексные биологические экспедиции, основным участником которых со стороны СССР (теперь РФ) был упомянутый ИЭМЭЖ (= ИПЭЭ). Начиная с 1970-х гг. работает Советско-(ныне Российско-) Монгольская экспедиция (Совместная..., 2015), масштабы исследований которой многократно превышают всю предшествующую деятельность в этом регионе. С середины 1980-х гг. действует Тропический центр (Тропцентр..., 2016), который начал с организации биологических исследований во Вьетнаме, а затем содействовал организации Советско-(Российско-) Эфиопской экспедиции. В результате проводимых Тропцентром полевых работ, в которых принимают участие некоторые сотрудники Зоомузея, коллекции пополнились многотысячными сборами главным образом млекопитающих, птиц, рептилий и амфибий, в меньшем объёме — рыб, некоторых групп насекомых из Индокитая и Африканского Рога. Более чем добрую память в связи с этим заслужил академик В.Е. Соколов, который был инициатором создания названных центров и организовывал их экспедиции, сам же в них нередко и участвовал.

Активными поставщиками интереснейших материалов по морским животным стали участники рейсов научно-исследовательских судов. «Витязь» и «Д. Менделеев» обследовали Тихий океан и его моря, «Академик Курчатов» и «Профессор Месяцев» совершали рейсы в Тихий и Атлантический океаны, «Академик Петровский» — в Северную Атлантику, Индийский океан и в Красное море. Особо ценные коллекции привезли участники рейса «Одиссей», обследовавшего прибрежный шельф Австралии и глубоководные участки внутренних морей Малайского архипелага. Если во времена Богданова основными коллекторами в морских походах были судовые врачи (см. один из предыдущих разделов), то теперь эти рейсы изначально планировались именно как научные (родоначальником был знаменитый «Персей» 1920–1930-х гг. при Плавморине, см.: Зенкевич, 1941). В них принимали полноценное участие многие зоологи-исследователи, в том числе

трудники нашего Музея (Д.Л. Иванов, Б.В. Межов, несколько позже Ю.И. Сазонов).

В это время, как впрочем и в любое другое, активные «точки роста» в научных коллекциях возникали благодаря появлению в Зоомузее специалистов по той или иной группе животных. Так случилось, например, с собранием по клещам-краснотелкам: вплоть до 1970-х гг. они были представлены в Музее единичными препаратами, однако с приходом ведущего отечественного специалиста Н.И. Кудряшовой объём коллекций по этой группе вырос до 130 тыс. препаратов, включая многие типовые серии.

Среди источников пополнения научных коллекций Зоомузея в рассматриваемый период по-прежнему значительное место занимали частные собрания, порой чрезвычайно крупные и значимые в научном отношении.

Крупнейшую коллекцию раковин тропических моллюсков, включающую более 15 тыс. экз. по 2 тыс. видов, в 1980-е гг. передала в дар нашему Музею В.И. Хотовицкая — рождённая в России гражданка Австралии (Гептнер и др., 1991). Разрешение различного рода бюрократических формальностей и транспортировка коллекции заняли почти три года. В этом неординарном событии приняли живейшее участие сотрудники Квинслендского музея натуральной истории и члены Русско-Славянского общества австралийского города Брисбена: упаковывали хрупкие раковины, обеспечили доставку ящиков с коллекцией в морской порт. Далее при содействии консульских органов Министерства иностранных дел СССР коллекция была переправлена морским путём в Ленинград, откуда её перевезли в наш Музей. Ещё три годы ушло на то, чтобы эту огромную коллекцию разобрать, этикетировать и поставить в систематическом порядке.

Фантастическую по своей полноте коллекцию бабочек на протяжении 50 лет собирал известный энтомолог-любитель А.В. Цветаев. Она включает почти 84 тыс. экз., представляющих более пяти тыс. видов, была куплена Университетом у потомков собирателя и передана в Музей, в настоящее время считается, наряду с упоминавшейся коллекцией Мочульского, «жемчужиной в короне» обширнейшего зоомузейного собрания насекомых (Антонова, 1991).

Из других личных собраний, поступивших в эти годы в Зоомузей, пусть и не столь объёмных, следует указать ещё два. Известный художник-анималист Н.Н. Кондаков подарил Музею

огромный архив своих рисунков и уникальную коллекцию бабочек около 12 тыс. экз. Известный морской зоолог М.Е. Виноградов передал в Зоомузей большую коллекцию морских ракообразных и также бабочек.

Параллельно с налаживанием хранительской работы с фондовыми коллекциями были частично изменены формы хранения и учёта типовых экземпляров. В научно-хранительских отделах (кроме энтомологии) номенклатурные типы выделили в отдельные группы хранения, собрав вместе и снабдив типовые экземпляры особыми этикетками. Одновременно были заведены «типовые» картотеки-каталоги (сделанные по образцу ЗИНовской), основу которых составили крупноформатные карточки, заполняемые на каждую типовую серию. Первыми были териологии (середина 1970-х гг.), затем малакологи (середина 1980-х гг.), герпетологи и ихтиологи (конец 1980-х гг.). В середине—конце 1980-х гг. в отделе беспозвоночных продолжилось «дробление» учётных книг по коллекциям: были заведены отдельные книги для коллекций пантопод, сенокосцев, клещей. В 1990 г. была введена особая благодарственная карточка, адресованная дарителю типовых экземпляров; однако эта инициатива не получила развития.

Говоря о развитии хранительского дела в Зоомузее тех лет, следует указать некоторые подвижки в методах препаровки коллекционных материалов. Так, для чистки большого числа мелких черепов и скелетов был организован «дерместарий», в котором основная роль отведена личинкам жуков рода *Dermestes*. Это позволило существенно активизировать накопление качественно отпрепарированных остеологических коллекций. Своеобразный облегчённый метод был изобретён для изготовления коллекционных тушек мелких млекопитающих: вместо «объёмных» тушек, набиваемых ватой и имитирующих «живой» облик зверьков, теперь чаще изготавливают «плоские» тушки (снятые «чулком» шкурки натягиваются на картонки).

К этому очередному «реконструктивному» периоду относится целый ряд публикаций о коллекционных фондах Зоомузея (Костылева, 1991). Были изданы каталоги типовых коллекций некоторых групп насекомых (Е.М. Антонова, А.И. Желоховцев, Е.В. Зимица, С.И. Келейникова), равноногих раков (Е.В. Боруцкий), рыб (А.А. Световидова), млекопитающих (И.Я. Павлинов, О.Л. Россолимо); последние два автора издали также полный каталог териологической

коллекции Зоомузея; можно ещё раз упомянуть публикацию каталога мемориальной коллекции «Демидовские раковины» (Иванов, Кантор, 1991).

К концу XX в. стараниями многих сотен зоологов, как профессионалов, так и любителей, общий объём научных фондов Зоологического музея МГУ достиг примерно семи миллионов единиц хранения. Причём понятно, что собственно индивидуальных экземпляров значительно больше: достаточно вспомнить планктонные сборы морских беспозвоночных и ватные сборы насекомых, содержимое которых едва ли кто когда-либо решился бы подсчитать. По этому показателю наш Музей занимает второе место в России после Зоологического института РАН в Санкт-Петербурге и входит во вторую десятку крупнейших зоологических собраний в мире.

Подавляющую часть современных научных фондов Зоомузея составляет коллекция насекомых — её объём не менее 4.5 млн экз. Из них почти половина приходится на жесткокрылых, которые и в природе по видовому обилию занимают первое место. Очень велики собрания по перепончатокрылым (800 тыс. экз.), двукрылым (700 тыс. экз.), чешуекрылым (500 тыс. экз.).

Из других беспозвоночных особого упоминания заслуживает коллекция моллюсков — второго по разнообразию (после членистоногих) типа животных. Их в фондах Музея насчитывается 300 тыс. экз., особенно представительны сборы по наземным брюхоногим. Весьма представительна коллекция пауков, которая составляет около 200 тыс. экз.

Среди позвоночных наиболее объёмны научные фонды по млекопитающим — почти 200 тыс. экз., это крупнейшее в России собрание. Почти столь же велики размеры орнитологической коллекции; в ней хотелось бы особо отметить весьма значительное собрание кладок птиц (почти 10 тыс. единиц) — крупнейшее в России и одно из крупнейших в мире.

* * *

В завершение следует кратко указать, как развивалась библиотека Зоомузея. В последнюю «полувековину» музейной истории для её развития был найден достаточно специфический способ: источником пополнения книжного фонда стали личные библиотеки крупных зоологов, которые по мере ухода их владельцев из жизни Университет покупал специально для Зоомузея (Свиридов, 1991). Первым такого рода приобретением стала библиотека С.И. Огнёва (1954

г., более 7 тыс. книг и 2.5 тыс. номеров периодики); следующей по дате и наибольшей по объёму была библиотека Н.Н. Плавильщикова (1964 г., более 16 тыс. библиотечных единиц); больше всего таких поступлений (увы, по вполне понятным печальным причинам) пришлось на 1970-е гг., когда были приобретены библиотеки покойных Г.В. Никольского (более 12 тыс. изданий), Г.П. Дементьева (14 тыс. изданий), В.Г. Гептнера (около 13 тыс. различных изданий) и некоторых других учёных.

В ходе последней реконструкции Зоомузея помещение библиотеки расширили за счёт добавления комнаты, входившей в прежнюю «северцовскую» квартиру, её оборудовали металлическими стеллажами в два яруса. Эта комната стала основным хранилищем, в первой же комнате в шкафах разместились «именные» книжные собрания. После ухода В.И. Коротковой в 1982 г. библиотеку возглавила Г.В. Костылева. Основной её заслугой стало налаживание справочно-поисковой системы, включая единую систему именных и предметных картотек, систематический каталог (Свиридов, 1991).

Эпилог

Вместо того, чтобы писать какие-то дежурные юбилейные фразы о «долгом историческом пути», «достигнутых успехах», «большом значении» и т. п., в завершение представленного выше обзора истории Зоологического музея Московского университета я считаю важным обратить внимание на одну её особенность, поразившую меня.

Когда настоящая статья уже была вчерне готова и составлялась хроника Зоомузея (публикуется в данном выпуске «Зоологических исследований»), мне бросилось в глаза, что он довольно часто — много чаще, чем хотелось бы и полагалось бы для музейного учреждения, требующего стабильности и покоя, — так или иначе переустраивался.

С момента учреждения его «предвестника» — Минералогического (Натурального) кабинета в 1759 г. — он один раз почти погиб и возродился (1812 г.), несколько раз переезжал с места на место целиком или частично (1791, 1820, 1837, 1901, 1941 гг.), сверх того подвергался частичной или почти полной перекройке *in situ* (начало 1800-х, середина 1880-х, 1910, начало 1950-х, 1970–1980-е гг.), почти утрачивал и вновь восстанавливал свою «самость» (начало 1860-х, рубеж 1920–1930-х гг.)...

Так что, наверное, если считать «на круг», не менее четверти 225-летнего существования Зоологического музея Московского университета пришлось на периоды прохождения им через то или иное «узкое горлышко» исторического отбора.

В этом отношении судьба Зоомузея, наверное, в какой-то мере уникальна. Мало какой иной музей может «похвастаться» такой бурной историей — «похвастаться» именно в кавычках, ибо хвастаться тут особо нечем.

Может быть, лишь тем, что наш Музей не только смог выжить, буквально «протискиваясь» сквозь разного рода исторические «узкие горлышки», но и вырасти количественно и качественно, во всех передрыгах сохранив эту самую свою «самость». Впрочем, было бы правильнее сказать, что благодаря именно сохранению последней сохранился и сам Зоомузей. Ибо сущность этой «самости», без которой невозможна нормальная жизнедеятельность всякого музея, — в единстве коллекций, служащих науке и просвещению, и людей, которые своим служением этим коллекциям обеспечивают их существование и развитие (Rossolimo, Pavlinov, 1993).

Воистину: *per aspera ad astra!*

* * *

Хотелось бы подчеркнуть, что настоящая статья отнюдь не завершает историографию Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова, а скорее открывает в ней новый этап, в котором основной задачей должно стать изучение архивов.

В силу краткости статьи отдельные эпизоды истории Музея и некоторые аспекты развития его деятельности в ней оказались лишь затронутыми, но не исследованными. Ниже указаны основные из них.

Прежде всего, требует прояснения соотношение официального («уставного») и фактического статуса Музея естественной истории в середине XIX в.: в университетском Уставе его нет, в университетских отчётах он есть.

Не вполне ясным (и потому заслуживающим более внимательного анализа в будущем) остаётся официальный статус руководства Кабинетом/Музеем на протяжении большей части его истории, что видно из следующего.

[Согласно университетскому Уставу и отчётам, в XVIII и первой половине—середине XIX вв. сия институция находилась «в ведении» (уставная формула) или «под надзором» (в отчётах) профессора соответствующей кафедры. В университетском штатном расписании того времени при Кабинете/Музее чис-

лились только «хранитель» и «чучельник», никакого отдельно обозначенного штатного «заведующего» или «директора» нет.

В некоторых исторических свидетельствах XIX в. профессор Кафедры изредка упоминается как «директор» Музея: например, Г.Е. Щуровский (1855а) так обозначает Ф.Г. Политковского в его биографии; в послужном формуляре Г.И. Фишера он значится в качестве «директора университетских музеев» (Добров, 1962а, с. 78); о себе самом Фишер в вводном разделе музейного каталога пишет как о «le Directeur d'un établissement aussi important que le Muséum de Moscou» (Fischer, 1806, p. 10); таким образом обозначен А.Л. Ловецкий в одном из университетских отчётов (Отчёт..., 1836); в историческом очерке А.П. Богданов называет Г. Фишера и К. Ренара «directeur du Musée de l'Université» (Bogdanov, 1893а, p. 46); наконец, Г.А. Кожевников (1915) вслед за Богдановым в своей брошюре о Музее в части, касающейся истории XIX в., также использует этот термин.

Начиная с 1884 г. согласно новому университетскому Уставу, Музей препоручается «заведованию» руководителя соответствующей Кафедры. Каковой затем и указывается (в отчётах, в «Дежурной книге») именно как «заведующий Музеем».

В начале 1930-х гг. появляется официальное обозначение руководителя Зоомузея как «директора», назначаемого вне связи с кафедральной иерархией.

Практическими делами Кабинета/Музея занимался его смотритель или хранитель; в 1837 г. должность «хранителя» была введена уставным порядком. Коль скоро музейная институция, согласно университетскому Уставу, находилась в «ведении» профессора кафедры (с 1835 г. двух кафедр), то хранитель находился у него в подчинении; так оно чаще всего и было. Здесь прояснения требует соотношение статуса Ф.Г. Политковского и А.А. Антонского (натуральная история) в конце XVIII в., К. Рулье (зоология), Г.Е. Щуровского (минералогия) и К. Ренара в середине XIX в. В первом случае проблема в том, что эти профессора служили при разных факультетах; во втором — в том, что профессор Кафедры зоологии Рулье почти не вмешивался в музейные дела, так что полноценным самостоятельным руководителем Зоологического кабинета, по свидетельству А.П. Богданова, фактически был хранитель Ренар; он же иногда указывался и как хранитель Музея естественной истории — но каковы были его отношения с проф. Щуровским, не очень ясно.

Среди прочего, требуют отдельного анализа последствия того, что в Зоомузее в 1920-е гг. «хранителей» официально перелицевали в «научных специалистов». В 1976 г., по образцу прочих музеев, была введена должность главного хранителя, но его функции были сведены к опеканию экспозиционного и художественного фондов, архива].

Нужна более детальная характеристика деятельности Зоомузея в 1920–1930-е гг., вклю-

чая многие важные эпизоды взаимоотношений между ним, НИИЗом и Плавморином.

Заслуживает восстановления документально датированная последовательность ремонтных и иных работ в Зоомузее в 1970–1980-е гг.

Практически не рассмотрена деятельность административно-хозяйственной части и канцелярии Зоомузея, а также его экспозиционной части, по каковой причине «за кадром» остались и многие относящиеся к ним люди.

Очевидно, описание советского периода истории Зоомузея остаётся неполным без хотя бы краткой характеристики функционирования общественных организаций, которые оказывали заметное влияние на его деятельность.

По-видимому, имеет смысл внимательно и подробно рассмотреть и охарактеризовать отражённые в университетских годовых отчётах и в музейной учётной документации наиболее значимые поступления зоологических материалов на протяжении XIX–XX гг. Это позволит выявить в современной коллекции Зоомузея особо интересные исторические экспонаты.

В данной статье поимённо указаны далеко не все зоологи, которые работали в штате Зоомузея на протяжении второй половины XIX и особенно первой половины XX вв., — только оставившие наиболее заметный след в его истории. Слишком кратким получилось освещение их научной, экспедиционно-коллекционной, научно-просветительной и педагогической деятельности. По причине «лаконичности» более чем скудными получились биографические сведения об упомянутых в статье персонах (см. Краткий биографический справочник в настоящем сборнике).

За рамками статьи осталось авторство записей в учётной документации Зоомузея, начиная со «Шнуровой книги» времён Г.И. Фишера и кончая её последующими «преемниками», которое является важной частью реконструкции «персонифицированной истории». Для этого необходима графологическая экспертиза, основанная на сличении этих записей с авторизованными рукописными текстами.

Наконец, следует особо отметить, что в большей мере неописанной остаётся история Музея сравнительной анатомии. Между тем, в начале 1930-х гг. он стал частью Зоомузея, а коли так, то история первого тем самым оказывается и частью истории второго.

* * *

В настоящее время открываются ранее мало-доступные и неизвестные архивные материалы

и документы по истории Московского университета, а отчасти и нашего Музея, в Интернете обнаружатся важные первоисточники и документированные сведения. И лишь некоторая доля этого архивного богатства была использована при написании статьи (ибо её автор — совсем не историк).

Хотелось бы надеяться, что в не столь отдалённом будущем объявится человек (очевидно, историк), который почувствует в себе интерес и силы закопаться в архивы, причём не только учрежденческие, но и личные, разобраться в них — и написать (разумеется, при содействии музейских зоологов) хорошо документированную полноценную книгу об истории Зоологического музея Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

ЛИТЕРАТУРА

- 250-летие.... 2009. 250-летие Государственного геологического музея им. В. И. Вернадского. http://onznnews.wdcb.ru/news09/info_091101.html.
- Александровский... 2016. Александровский музей. (Википедия).
- Алфёров А.А. 2011. Современность: два среза понятия. — Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение», 3. http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/3/Alferov_Modernity/.
- Ананьев В.Г. 2009. О некоторых источниках по истории формирования музейной коллекции Московского университета в начале XIX века (к предыстории приобретения Семятичского кабинета). — Музеология–музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания. Материалы Международной научной конференции, 14–16 мая 2008 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургск. госуд. универ. С. 321–327.
- Андреев Ю.А. 1998. 1812 год в истории Московского университета. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 85 с.
- Андреев Ю.А. 2001. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. Москва: Госуд. историч. музей. 748 с.
- Антонова Е.М. 1991. Энтомологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 69–115.
- Балахонова Е.И. 2015. А.П. Богданов: от выставок к науке антропологии. — Спасская Н.Н, Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку. Зоологические исследования, 18. С. 146–159.
- Беляев О. 1800. Кабинет Петра Великого. Издано по Высочайшему повелению Императорской Академии Наук. Отделение 1–3. Санктпетербург: Императ. типогр. 215, 287, 278 сс.

- Белявский М.Г., Сорокин В.В. 1970. «Наш первый, наш московский, наш российский...». Памятные места старого здания Московского университета. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 159 с.
- Бессуднова З.А. 2005. Музей естественной истории Императорского московского университета до и после отечественной войны 1812 года. — Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции 22–23 октября 2004 г. Малоярославец. <http://musey1812.ru/sborniki/>.
- Бессуднова З.А. 2006. Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета. Очерки по истории геологических знаний, вып. 32. Москва: Наука. 246 с.
- Бессуднова З.А., Жегалло В.И. 1998. Коллекция кораллов П.Г. Демидова: второе рождение — Селиванов А.М. (ред.). Для великого блага отечества... Демидовские чтения. Ярославль. С. 85–87.
- Биологический... 2015. Биологический музей имени К.А.Тимирязева. История музея. <http://gbmt.gu/gu/museum/history.php>.
- Бобринский Н.А., Четвериков С.С. 1925. Сбор и приготовление зоологических коллекций. Москва–Ленинград: ГИЗ. 112 с.
- Богданов А.П. (ред.). 1878. Московский музей прикладных знаний. Воскресные объяснения коллекций Политехнического музея в 1877–78 году. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 22 (4): v–ix.
- Богданов А.П. 1885. Карл Францович Рулье и его предшественники на кафедре зоологии в Императорском Московском университете. Библиографический очерк. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 43 (2). Труды лаборатории при Зоологическом музее Московского университета, 2 (2). 215 с.
- Богданов А.П. 1888а. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888 г.). Том первый. Фаунистические работы Общества. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 54. Труды Зоологического отделения Общества, 2. 494 с.
- Богданов А.П. 1888б. Николай Карлович Зенгер. — Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Том первый. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 54. Труды Зоологического отделения Общества, 3. С. 111–112.
- Богданов В.В. 1915. Торжественное заседание 15 октября 1913 г. — Пятидесятилетие Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863–1913. Москва: Типогр. т-ва Рябушинских. С. 5–34.
- Борейко В.Е. 2002. Философы дикой природы и природоохраны. Киевский эколого-культурный центр. http://svitk.ru/004_book_book/5b/1267_boreyko-filosofi_prirodi.php.
- Боханов А.Н. 1989. Коллекционеры и меценаты в России. Москва: Наука. 187 с.
- Бурлыкина М.И. 2015. Московский государственный университет: история музейного дела (1755–2015). Москва: МАКС Пресс. 320 с.
- В.А. Ватагин... 2015. В.А. Ватагин: связь длиною в жизнь. <http://zmmu.msu.ru/posetiteli/vystavki/va-vatagin-svyaz-dlinoyu-v-zhizn>
- Вайнер Д.Р. 1991. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. Москва: Издат. группа «Прогресс». 398 с.
- Валькова О.А. Премия ее памяти. К биографии Е.К. Фреймут-Кандинской. — Природа, 4: 90–95.
- Варсанофьева В.А. 1955. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. 1805–1955. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 104 с.
- Вихман А.А., Генералова Л.П. 2008. Карл фон Линней — человек планеты Земля. Санкт-Петербург. 51 с.
- Веригина И.А. 1991. Ихтиологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 116–136.
- Вернадский В.И. 1988. Труды по истории науки в России. Москва: Наука. 457 с.
- Волосникова Л.М. 2006. Университетский устав российской империи 1863 года — режим академической свободы. — История государства и права, 5: 13–15.
- Вулиснова Г.А. 2002. Век просвещенный. — Международный исторический журнал, 17. <http://ricolor.org/history/eng/edu/mgu/3/>.
- Гарданов В.К. 1957. Музейное строительство и охрана памятников культуры в первые годы советской власти (1917–1920 гг.). — История музейного дела в СССР. Труды научно-исследовательского института музееведения, 1: 7–36.
- Гептнер М.В., Иванов Д.Л., Кудряшова Н.И. и др. 1991. Коллекции беспозвоночных животных. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 36–68.
- Грицкевич В.П. 2004. История музейного дела до конца XVIII века. 2-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербург. госуд. универ. культуры и искусства. 408 с.
- Гулевич В.С. 1928. Ассоциация научно-исследовательских институтов при физико-математиче-

- ском факультете Московского государственного университета. — Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ, 1 (1–2): 1–3.
- Двигубский [И.А.]. 1814. Краткая история Императорского московского университета с июля месяца 1812 года по 8-е число июля 1814 года. Москва: Универ. типогр. 8 с.
- Двигубский [И.А.]. 1815. Краткая история Московского университета с 8-го июля 1814 года по 1-е июля 1815 года. Москва: Универ. типогр. 7 с.
- Двигубский [И.А.]. 1819. Краткая история Московского университета с 6-го июля 1817 года по 4-е июля 1819 года. Москва: Универ. типогр. 12 с.
- Двигубский [И.А.]. 1820. Краткая история Московского университета с 4-го июля 1819 года по 6-е июля 1820 года. Москва: Универ. типогр. 10 с.
- Демидов П.А. 1910. Родословная рода Демидовых, их благотворительная деятельность и медали в память их рода. Житомир. 42 с.
- Добров С.А. 1962а. Летопись «Минерального» (Минералогического) кабинета Московского университета за первые сто лет его существования (1755–1855). — Гордеев Д.И. (ред.). История геологических наук в Московском университете. Москва: Изд-во Московск. универ. С. 76–90.
- Добров С.А. 1962б. Летопись Минералогического кабинета (музея) до 1890 г. — Гордеев Д.И. (ред.). История геологических наук в Московском университете. Москва: Изд-во Московск. универ. С. 142–152.
- Естественная... 1788. Естественная история. *História naturalis. Histoire naturelle*. — Магазин натуральной истории, физики и химии... Часть I. Москва: Универ. типогр. С. 1–19.
- Ефимова С.Г. 2015. Антропология древнего населения России в трудах А.П. Богданова. — Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (Зоологические исследования, 18). С. 160–169.
- Житков Б.М. 1940. Г.И. Фишер фон Вальдгейм (1771–1853). Москва: Московское общество испыт. природы. 27 с.
- Завадовский Б.М. 1932. Целевые установки и основные показатели к созданию Центрального биологического музея. — Советский музей, 5: 23–41.
- Заключение... 2014. Кунсткамера (1714–1836): к 300-летию первого академического музея. Заключение. <http://www.ras.ru/kunstkamera/bbf77c6e-1a42-418e-b303-46a4369e3118.aspx>.
- Зарождение... 2016. Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского. История музея. I. Зарождение. <http://www.sgm.ru/8/#up>.
- Зенкевич Л.А. 1941. Работа Плавучего морского научного института на судне «Персей». — Советская Арктика, 2: 70–77.
- Зограф Н. 1899. Отрадная страница из истории русской науки. Анатолий Петрович Богданов. — Журнал Министерства народного просвещения, 9: 21–46; 10: 207–230. [Публикация воспроизведена в: Зоологические исследования, 2015, 18: 39–63.]
- Зоологический институт. 2011. — Архитектурное наследие К.М. Быковского в Москве. Москва: Издат. дом Руденцовых. С. 230–243.
- Иванов Д.Л., Кантор Ю.И. 1991. Малакологическая коллекция П.Г. Демидова в Зоологическом музее МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 95 с.
- Иванова Е.А. 2002. Становление и развитие Румянцевского музея как Российского общественного, научного и культурного центра, XIX – начало XX вв. Дисс.... канд. истор. наук. Москва: Московск. госуд. универ. 342 с.
- Игнатович Т.М. 2000. Императорский Московский Университет в истории создания московского Румянцевского музея. — Румянцевские чтения, 1: 250–252.
- Известие... 1805. Известие о Музее натуральной истории при Императорском московском университете. — Московские Учёные Ведомости, 48: 380–381.
- Иксанова И.В., Кузнецов А.А., Михайлов К.Г. 1991а. Экспозиция. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 207–237.
- Иксанова И.В., Кузнецов А.А., Михайлов К.Г. и др. 1991б. История музея. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 4–35.
- История... 1955а. История Московского университета, Т. 1. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 562 с.
- История... 1955б. История Московского университета, Т. 2. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 456 с.
- История создания... 2005. История создания Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова. http://www.sevin.ru/menues1/index_rus.html?../jubilee/index.html.
- Каулен М.Е. (ред.). 2003. Музейное дело в России. Москва: Изд-во «ВК». 614 с.
- Кириллов В.В. 1997. Университетский дом на Моховой. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 64 с.
- Кожевников Г.А. (ред.). 1902. Руководство к зоологическим экскурсиям и собиранию зоологических коллекций. Москва: Изд-во Московск. универ. 182 с.
- [Кожевников Г.А.] 1915. Краткий указатель показной коллекции млекопитающих и птиц Зоологического музея Императорского московского университета. 4-е изд. Москва: 12 с.

- Коновалов Д. 2014. Рязанские меценаты. — Родная сторона. <http://rodnaya-storona.ru/node/322>.
- Константинов В.М. 2003. Александр Федорович Котс. 1880–1964. http://www.rbcu.ru/information/272/13290/?sphrase_id=246722.
- Костина И.Л. 2015. А.П. Богданов и Московский зоопарк: идеи отца-основателя в развитии. — Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (Зоологические исследования, 18). С. 129–136.
- Костылева Г.В. 1991. Библиографический указатель публикаций о музее. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 259–262.
- Красовицкая Т.Ю. 2002. Российское образование между реформаторством и революционизмом. Февраль 1917–1920 гг. Москва: Историко-архивн. инст. 416 с.
- Краткий отчет... 1841. Краткий отчет о состоянии Императорского московского университета за 1840–1841 академический год. — Речи и отчет... Москва: Универ. типогр. С. 73–84.
- Краткий отчет... 1844. Краткий отчет о состоянии Императорского московского университета за 1843–1844 академический год. — Речи и отчет... Москва: Универ. типогр.
- Краткий отчет... 1846. Краткий отчет о состоянии Императорского московского университета за 1845–46 академический год. — Речи и отчет... Москва: Универ. типогр. С. 1–16.
- Краткий отчет... 1851. Краткий отчет о состоянии Императорского московского университета за 1851 гражданский год. — Речи и отчет... Москва: Универ. типогр.
- Краткий отчет ... 1888. Краткий отчет о состоянии Императорского московского университета за 1887 год. Москва: Универ. типогр. 197 с.
- Кривохатский В.А. 2013. Приключение жизни Виктора Ивановича Мочульского, описанное им самим. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 261 с.
- Кузнецов И.В., Минаева О.Д. 2005. Газетный мир Московского университета. Москва: Флинта. 208 с.
- Кунсткамера... 2014. Кунсткамера (1714–1836): к 300- летию первого академического музея. <http://www.ras.ru/kunstkamera/f27eca03-bd7c-4706-943a-22da91f03f2c.aspx>.
- Кунсткамера... 2016. 300 лет Кунсткамере. <http://kunstkamera.ru/index/300/>.
- Левинский В.Д. (ред.). 1885. Воскресные объяснения коллекций Политехнического музея (Год 8) (1884–85 год). Московский музей прикладных знаний. — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 47 (1): 3–59.
- Левшин Б.В. 1998. Академический университет в Санкт-Петербурге (историческая справка). — Отечественная история, 5: 73–76.
- Летопись... 2016а. Летопись Московского университета. <http://letopis.msu.ru/>.
- Летопись... 2016б. Летопись Московского университета. Летопись-1756. <http://letopis.msu.ru/letopis/1756>.
- Летопись... 2016в. Летопись Московского университета. Летопись-1755. <http://letopis.msu.ru/letopis/1755>.
- Летопись... 2016г. Летопись Московского университета. Летопись-1759. <http://letopis.msu.ru/letopis/1759>.
- Летопись... 2016д. Летопись Московского университета. Летопись-1765. <http://letopis.msu.ru/letopis/1765>.
- Летопись... 2016д1. Летопись Московского университета. Керштенс Иоганн Христиан. <http://letopis.msu.ru/peoples/370>.
- Летопись... 2016е. Летопись Московского университета. Летопись-1775. <http://letopis.msu.ru/letopis/1775>.
- Летопись... 2016ж. Летопись Московского университета. Летопись-1786. <http://letopis.msu.ru/letopis/1786>.
- Летопись... 2016з. Летопись Московского университета. Летопись-1791. <http://letopis.msu.ru/letopis/1791>.
- Летопись... 2016з1. Летопись Московского университета. Прокопович-Антонский Антон Антонович. <http://letopis.msu.ru/peoples/566>.
- Летопись... 2016и. Летопись Московского университета. Летопись-1802. <http://letopis.msu.ru/letopis/1802>.
- Летопись... 2016к. Летопись Московского университета. Летопись-1840. <http://letopis.msu.ru/letopis/1840>.
- Летопись... 2016к1. Летопись Московского университета. Медицинский факультет (1755–1930). <http://letopis.msu.ru/facultet/medicinskiy>.
- Летопись... 2016л. Летопись Московского университета. Летопись-1840. <http://letopis.msu.ru/letopis/1844>.
- Летопись... 2016м. Летопись Московского университета. Варнек Николай Александрович. <http://letopis.msu.ru/peoples/314>.
- Летопись... 2016м1. Летопись Московского университета. Борзенков Яков Андреевич. <http://letopis.msu.ru/peoples/302>.
- Летопись... 2016н. Летопись Московского университета. Медицинский факультет. 1754. <http://letopis.msu.ru/content/letopis-medicinskogo-fakulteta>.
- Летопись... 2016о. Летопись Московского университета. Ренар Карл Иванович. <http://letopis.msu.ru/peoples/1017>.
- Летопись... 2016п. Летопись Московского университета. Тихомиров Александр Андреевич. <http://letopis.msu.ru/peoples/1040>.

- Летопись... 2016р. Летопись Московского университета. Летопись-1923. <http://letopis.msu.ru/letopis/1923>.
- Летопись... 2016с. Летопись Московского университета. Летопись-1927. <http://letopis.msu.ru/letopis/1927>.
- Летопись... 2016т. Летопись Московского университета. Летопись-1923. <http://letopis.msu.ru/letopis/1929>.
- Летопись... 2016у. Летопись Московского университета. Летопись-1930. <http://letopis.msu.ru/letopis/1930>.
- Летопись... 2016ф. Летопись Московского университета. Летопись-1931. <http://letopis.msu.ru/letopis/1931>.
- Летопись... 2016х. Летопись Московского университета. Летопись-1932. <http://letopis.msu.ru/letopis/1932>.
- Летопись... 2016ц. Летопись Московского университета. Летопись-1933. <http://letopis.msu.ru/letopis/1933>.
- Летопись... 2016ч. Летопись Московского университета. Летопись-1936. <http://letopis.msu.ru/letopis/1936>.
- Летопись... 2016ш. Летопись Московского университета. Летопись-1938. <http://letopis.msu.ru/letopis/1938>.
- Летопись... 2016щ. Летопись Московского университета. Быховская Анна Марковна. <http://letopis.msu.ru/peoples/3177>.
- Летопись... 2016э. Летопись Московского университета. Летопись-1941. <http://letopis.msu.ru/letopis/1941>.
- Летопись... 2016ю. Летопись Московского университета. Летопись-1991. <http://letopis.msu.ru/letopis/1991>.
- Летопись-Положение... 1921. Летопись Московского университета. Положение о высших учебных заведениях РСФСР (2 сентября 1921). <http://letopis.msu.ru/documents/2762>
- Летопись-Устав... 1804. Летопись Московского университета. Университетский Устав (5 ноября 1804). <http://letopis.msu.ru/documents/327>.
- Летопись-Устав... 1835. Летопись Московского университета. Университетский устав (26 июля 1835). <http://letopis.msu.ru/documents/2123>
- Летопись-Устав... 1863. Летопись Московского университета. Университетский устав (18 июня 1863). <http://letopis.msu.ru/documents/2760>.
- Летопись-Устав... 1939. Летопись Московского университета. Устав МГУ (1939). <http://letopis.msu.ru/documents/2763>.
- Липшиц С.Ю. 1940. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805–1940) (исторический очерк). Москва: Полиграфкнига. 155 с.
- Лунин В.В., Зоркий П.М., Лубнина И.Е. 1999. Российские университеты в XVIII веке. — Вестник Московского университета, Сер. 2. Химия., 40 (5): 345–350.
- Лункевич В.В. 1960. От Гераклита до Дарвина. Очерки истории биологии. 2-е изд. Т. 2. Москва: Учпедгиз. 547 с.
- Любарский Ю.Г. 2009. История зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 744 с.
- Любарский Ю.Г. 2015. Карл Францевич Рулье и Анатолий Петрович Богданов: мастерство организации науки. — Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (Зоологические исследования, 18). С. 89–109.
- Любарский Ю.Г. 2016. История «Зоологического журнала». — Зоологический журнал, 95 (1): 4–27.
- Магазин... 2002. Русская литература и фольклор. Магазин натуральной истории, физики и химии... <http://feb-web.ru/feb/periodic/pp0-abc/pp1/pp1-0761.htm>
- Мануильская Е.Н. (ред.). 1941. 185 лет Московского ордена Ленина государственного университета им. М.В. Ломоносова. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 126 с.
- Менцин Ю.Л., Путря П.В. 2013. Дар Зоя Павловича Зосимы и развитие астрономии в Московском университете. — Государственный астрономический институт имени П.К. Штернберга МГУ. http://www.sai.msu.ru/history/Dar_Zosima.html.
- Микулинский С.В. 1979. Карл Францевич Рулье. Ученый, человек и учитель. 1814–1858 гг. Москва: Наука. 335 с.
- Михайлов К.Г. 2002. Материалы по истории Зоологического музея МГУ (1917–1978). Москва: Т-во науч. изд. КМК. 59 с.
- Михайлов К.Г. 2009. От издателя. — Любарский Ю.Г. История зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. Москва: Т-во науч. изд. КМК. С. 3.
- Морозова С.Г. 2015. А.П. Богданов и Музей прикладных знаний: замыслы и воплощение. — Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (Зоологические исследования, 18). С. 137–146.
- Московские... 1805. В Москве, июля 5. — Московские ведомости, 51, 8 июля. С. 881.
- Моховая... 2015. Моховая. Университетский квартал. <http://www.geogr.msu.ru/science/aero/center/atlas/10-11.htm>.
- Назаренко Н.И. 1962. Борьба М.И. Афонина за создание «Минерального» кабинета в Московском университете. — Гордеев Д.И. (ред.). История геологических наук в Московском университете. Москва: Изд-во Московск. универ. С. 30–37.
- Новиков М.В., Перфилова Т.Б. 2014. Университетский устав 1884 г.: иллюзия академической свободы (Часть I). — Ярославский педагогический вестник, 1 (Гуманитарные науки) (4): 27–40.

- Об училищных... 1805. Об училищных пособиях и в особенности о Музее натуральной истории при Императорском московском университете. — Московские учёные ведомости, 5: 37–40.
- Общий устав... 1835. Общий устав Российских университетов (26 июля 1835 г.). <http://museum.guru.ru/ustavy/ustav1835/contents.phtml>
- Общий устав... 1835. Общий устав Российских университетов (18 июня 1863 г.). http://www.lib.ru/ТЕХТBOOKS/ustaw_18.txt
- Общий устав... 1884. Общий устав Императорских Российских университетов (23 августа 1884 года). <http://www.reformshistory.ru/reformy/reformy-aleksandra-iii/reformaobrazovania/universitetskayareforma/ustav1884-g>.
- Одолламская З. 2016. Московский университет, ул. Моховая, дд. 9–11. — Узнай Москву. <http://um.mos.ru/places/30245/>
- Организация... 1968. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Ленинград: Наука. 419 с.
- Орлова В.Ф. 1991. Герпетологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 137–149.
- Отчёт... 1835. Отчёт Императорского московского университета с 1го января 1834го по 10ое января 1835го года. Москва: Универ. типогр. 54 с.
- Отчёт... 1836. Отчёт Императорского московского университета с 1го января 1835го по 1ое января 1836го года. Москва: Универ. типогр. 54 с.
- Отчёт... 1837. Отчёт Императорского московского университета с 1го января 1836го по 1ое января 1837го года. Москва: Универ. типогр. 50 с.
- Отчёт... 1839. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1840/41 академический и 1837 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 37 с.
- Отчёт... 1843. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1841–42 академический и 1842 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 189 с.
- Отчёт... 1849. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1847–1848 академический и 1848 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 82 с.
- Отчёт... 1857. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1855–56 академический и 1856 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 92 с.
- Отчёт... 1858. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1856–57 академический и 1857 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 90 с.
- Отчёт... 1860. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1858–59 академический и 1859 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 66 с.
- Отчёт... 1861. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1860–61 академический и 1861 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 62 с.
- Отчёт... 1863. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета в 1861–62 академическом и 1862 гражданском году. Москва: Универ. типогр. 44 с.
- Отчёт... 1866. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1864–65 академический и 1865 гражданский годы. — Приложение к № 7 Московских университетских известий. Москва: Универ. типогр. 102 с.
- Отчёт... 1867. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1865–66 академический и 1866 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 126 с.
- Отчёт... 1868. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1866–67 академический и 1867 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 97 с.
- Отчёт... 1869. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1867–68 академический и 1868 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 97 с.
- Отчёт... 1870. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1868–69 академический и 1869 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 94 с.
- Отчёт... 1871. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1869–70 академический и 1870 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 119 с.
- Отчёт... 1872. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1870–71 академический и 1871 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 95 с.
- Отчёт... 1874. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1872–73 академический и 1873 гражданский годы. Москва: Универ. типогр. 102 с.
- Отчёт... 1878. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1877 год. Москва: Универ. типогр. 85 с.
- Отчёт... 1880. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1879 год. Москва: Универ. типогр. 159 с.
- Отчёт... 1885. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1884 год. Москва: Универ. типогр. 168 с.
- Отчёт... 1888. Отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1887 год. Москва: Универ. типогр. 197 с.
- Отчёт... 1894. Отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1892 год. Москва: Универ. типогр. 180 с.
- Отчёт... 1895. Отчёт о состоянии Императорского московского университета за 1894 год. Москва: Универ. типогр. 351 с.

- Отчёт... 1898. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1896 год. Москва: Универ. типогр. 270 с.
- Отчёт... 1899. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1897 год. Москва: Универ. типогр. 279 с.
- Отчёт... 1901. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1899 год. Москва: Универ. типогр. 285 с.
- Отчёт... 1905. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1904 год. Москва: Универ. типогр. 291 с.
- Отчёт... 1906. Отчёт Императорского московского университета за 1905 год. Москва: Универ. типогр. 391 с.
- Отчёт... 1907. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1906 год, Часть Iя. Москва: Универ. типогр. 412 с.
- Отчёт... 1908. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1907 год, Часть Iя. Москва: Универ. типогр. 441 с.
- Отчёт... 1909. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1908 год, Часть Iя. Москва: Универ. типогр. 512 с.
- Отчёт... 1910. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1909 год, Часть Iя. Москва: Универ. типогр. 503 с.
- Отчёт... 1911. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1910 год. Москва: Универ. типогр. 525 с.
- Отчёт... 1912. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1911 год. Москва: Универ. типогр. 421 с.
- Отчёт... 1914. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1913 год, Часть II. Москва: Универ. типогр. 425 с.
- Отчёт... 1915. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1914 год, Часть II. Москва: Универ. типогр. 392 с.
- Отчёт... 1917. Отчёт о состоянии и действиях Императорского московского университета за 1916 год, Часть II. Москва: Универ. типогр. 118 с.
- Отчёт... 1923. Отчёт о состоянии и действиях Iго Московского государственного университета за 1922 год. Москва. 137 с.
- Отчёт... 1925. Отчёт Iго Московского государственного университета за 1924 год. Москва. 139 с.
- Отчёт и речь... 1876. Отчёт и речь, произнесённые в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1876 года. Москва: Универ. типогр. 88 с.
- Отчёт по... 1864. Отчёт по Московскому Публичному музею от времени основания его до 1-го января 1864 года, представленный бывшим директором Музея свиты Его Императорского Величества генерал-майором Н.В. Исаковым. Санктпетербург: типогр. Роговского. 178 с.
- Павлинов И.Я. 2008. Музейные коллекции как феномен науки. — Известия Музейного фонда им. А.А. Браунера (Одесса), 5 (4): 1–4.
- Павлинов И.Я. 2013. История биологической систематики: эволюция идей. Saarbrücken: Palmarium Academic Publ. 474 с.
- Павлинов И.Я. 2016. Биоразнообразие и биокolleкции: проблема соответствия. — Сборник трудов Зоологического музея Московск. госуд. универ. им. М.В. Ломоносова, 54: 733–786.
- Павлинов И.Я., Иванов Д.Л. 2005. Зоологический музей МГУ: коллекции и люди. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 56 с.
- Павлинов И.Я., Яхонтов Е.Л. 1991. Териологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 168–193.
- Павлов В.Н., Губанов И.А., Барсукова А.В., Багдасарова Т.В. 1978. Гербарий Московского университета. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 149 с.
- Панов В.В. 2002. Архитектурно-типологические принципы проектирования музеев вузов. Дисс. канд. архитектуры. Москва: Центр. науч.-исслед. и проект. ин-т жилых и обществ. зданий. 224 с.
- Пекарский П.П. 1870. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. Санкт-Петербург: Изд-во Императ. акад. наук. 774 с.
- Пенчко Н.А. 1952. Основание Московского университета. Москва: Изд-во Московск. универ. 175 с.
- Перепёлкин А.П. 1890. Историческая записка о 30-тилетней деятельности Московского общества сельского хозяйства и его президента И.Н. Шатилова. 1860–1889 г. Москва: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон. 746 с.
- Пётр I.. 2014. Пётр I. Честь, слава, империя. Труды, артикулы, переписка, мемуары. Москва: Лит-агент «5 редакция». 187 с.
- Петров Ф.А. 2002. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1 Российские университеты и устав 1804 года. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 416 с.
- Плавильщиков Н.Н., Кузнецов Н.В. 1952. Собиранье и изготовление зоологических коллекций. Москва: Госкультпросветиздат. 137 с.
- Поздняков Н.Н. 1957. Политехнический музей и его научно-просветительная деятельность в 1872–1917 гг. — История музейного дела в СССР. Труды Научно-исследовательского института музееведения, 1: 129–158.
- Постановление... 2011а. Постановление СНК РСФСР от 13.07.1931 № 752 «О реорганизации государственных университетов». <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=15953>.
- Постановление... 2011б. Постановление Совмина РСФСР от 05.06.1978 № 272. «О повышении

- эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях РСФСР». <http://www.bestpravo.ru/ussr/gn-normy/t2o.htm>.
- Постановление... 2012. Постановление СНК РСФСР от 03.05.1932. «О сети научно-исследовательских учреждений РСФСР». <http://7law.info/ussr/act2q/n577.htm>.
- Приказ... 2007. Приказ Минвуза СССР от 05.11.1984 № 725 «Об утверждении Типового положения о музее высшего учебного заведения». <http://lawru.info/dok/1984/11/05/n1182953.htm>.
- Проект... 2016. Проект об учреждении Московского университета (12 января 1755). <http://letopis.msu.ru/documents/270>.
- Прокопович-Антонский А.А. 2010. Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории. — Артемьева Т.В. (сост.). Общественная мысль в России XVIII века, Т. 1. Москва: РОССПЭН. С. 403–424.
- Протоколы... 1866. Протоколы заседаний Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском московском университете. Год первый. Первое заседание 1 мая 1864. г. — Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. Москва: Типогр. Лазаревского инст. восточных языков. С. 1–8.
- Пятидесятилетие... 1913. Пятидесятилетие Румянцева музея в Москве, 1862–1912. Исторический очерк. Москва: Скоропечатня А.А. Левенсон. 194 с.
- Речи... 1824. Речи, отчет и стихи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 4 июля 1824 г. Москва: Универ. типогр. 45 с.
- Речь... 1882. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1882 года. Москва: Универ. типогр. 94 с.
- Речь... 1884. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1884 года. Москва: Универ. типогр. 309 с.
- Речь... 1885. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1885 года. Москва: Универ. типогр. 168 с.
- Речь... 1886. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1886 года. Москва: Универ. типогр. 201 с.
- Речь... 1887. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1887 года. Москва: Универ. типогр. 165 с.
- Речь... 1890. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1890 года. Москва: Универ. типогр. 154 с.
- Речь... 1892. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1892 года. Москва: Универ. типогр. 155 с.
- Речь... 1893. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1893 года. Москва: Универ. типогр. 292 с.
- Речь... 1901. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1901 года. Москва: Универ. типогр. 453 с.
- Речь... 1903. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1903 года. Москва: Универ. типогр. 527 с.
- Речь... 1904. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского московского университета 12-го января 1904 года. Москва: Универ. типогр. 505 с.
- Рождественский С.В. 1902. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 гг. Санктпетербург: Мин. нар. прос. 814 с.
- Росолимо... 2012. Полярная Почта. Россолимо Александр Иванович (1865–1939). <http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=8&t=6213>.
- Росолимо О.Л. (ред.) 1991. Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 264 с.
- Рубан Н.И. 2014. Первый Всероссийский музейный съезд, его влияние на развитие дальневосточных музеев. — Российское музееведение. http://www.museumstudy.ru/content/files/ruban_1_s_ezd.pdf.
- Рулье К.Ф. 1954. Сомнения в зоологии как науке. — Рулье К.Ф. Избранные биологические произведения. Изд-во Акад. наук СССР. С. 9–29.
- Рулье К.Ф. 1855. Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 2. Москва: Универ. типогр. С. 520–528.
- Рулье К.Ф., Спаский М.Ф. 1855. Двигубский Иван Алексеевич. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 290–294.
- Свиридов А.В. 1991. Научная библиотека. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 238–250.
- Сергеев С.В., Иванов К.М. 2011. Главный архитектор Московского императорского университета. — Архитектурное наследие К.М. Быковского в Москве. Москва: Издат. дом Руденцовых. С. 6–11.

- Слепкова Н.В. 2015. История Зоологического музея. <https://www.zin.ru/museum/history.html>.
- Слепкова Н.В. 2016. Зоологический музей Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в XIX веке. Принципы экспонирования. — Историко-биологические исследования, 8 (1): 29–65.
- Смекалина В.В. 2012. Образ европейской науки на страницах газеты «Московские ученые ведомости»: университетская газета как средство интеллектуального трансфера. — Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, II: История. 1 (44): 28–39.
- Смуров А.В. 2015. 260 лет Московскому университету и его естественнонаучным коллекциям. 260 лет служения науке, образованию, просвещению. — Садовничий В.А., Смуров А.В. (ред.). Жизнь Земли. Сборник научных трудов Музея земледелия МГУ, 37: 4–11.
- Совместная... 2015. Совместная Российско-Монгольская комплексная биологическая экспедиция РАН и АНМ (СРМКБЭ). http://www.sevin.ru/menues1/index_rus.html.
- Соколов В.Е., Шишкин В.С. 2005. Развитие отечественной териологии в XIX веке. Москва: Наука. 324 с.
- Сорокин В.В. 2006. По Москве исторической. Москва: Тончу. 464 с.
- Сотникова С.И. 2011. Естественноисторическая музееология. Томск: Изд-во Томск. гос. универ. 304 с.
- Спаская Н.Н. 2015. Легендарная московская носорожиха: Семирамида, *aka* Монька. — Научная Россия. <http://scientificrussia.ru/articles/semi-ramida-opa-zhe-monka>.
- Спаская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). 2015. Любил Россию, Университет, Науку. Зоологические исследования, 18. 213 с.
- Станюкович Т.В. 1953. Кунсткамера Петербургской академии наук. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР. 240 с.
- Сытин А.К. 2014. Ботаник Петр Симон Паллас. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 456 с.
- Таран А.В. 2005. Университетские музеи России: прошлое, настоящее, будущее. — Обсерватория культуры: журнал-обозрение, 2: 64–71.
- Тимофеев-Рессовский Н.В. 2008. Воспоминания. Москва: Вагриус. 416 с.
- Тихомиров А. 1897. Анатолий Петрович Богданов. — Речь и Отчеты Императорского Московского Университета за 1897 г. Москва: Университ. типогр. С. 1–20 [Публикация воспроизведена в: Зоологические исследования, 2015, 18: 30–38.]
- Томкович П.С. 1991. Орнитологические коллекции. — Россолимо О.Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 150–167.
- Тропцентр... 2016. Российско-Вьетнамский Тропический научно-исследовательский и технологический центр. <http://tropcenter.ru/about/>.
- Труды... 1909. Труды студенческого кружка для исследования русской природы, состоящего при Московском университете. Кн. 4. Под ред. Г.Г. Щёголева. Москва: Универ. типогр. 149 с.
- Туров С.С. 1956. Зоологический музей Московского университета. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 42 с.
- Туров С.С., Дементьев Г.П. 1940. Очерк истории Зоологического музея Московского университета. — Учёные записки Московского университета. Сер. биология, 54: 176–196.
- Указатель... 1826. Указатель Императорского московского университета, или краткое описание Кабинетов и других заведений, находящихся при Университете, с показанием всего достопримечательного в оных. Москва: Универ. типогр. 131 с.
- Указатель... 1892. Указатель выставки зоологических и физиологических предметов, доставленных членами конгресса и приобретённых организационным комитетом Международного зоологического конгресса в Москве с 10/22 по 18/30 августа 1892 г. Москва: Т-во Кушнерев и Ко. 34 с.
- Ульянова Г.Н. 2004. Благотворительные пожертвования Московскому университету (XIX – начало XX в.). — Экономическая история. Ежегодник. Москва. С. 371–399.
- Университеты... 1935. Университеты и научные учреждения. 2-е изд. Москва–Ленинград: Объединенное научно-техническое изд-во. 586 с.
- Устав... 1866. Устав Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском московском университете. — Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском московском университете с 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. Москва: Типогр. Лазаревского инст. восточных языков. С. 1–2.
- Фишер Г. 1806(?) Музеум естественной истории Императорского московского университета. Приведённый в порядок и описанный публичным ординарным профессором и членом многих учёных обществ Г. Фишером. Перевёл с французского Дмитрий Лазаревич. 72 с. [Публикуется в настоящем выпуске «Зоологических исследований»]
- Фишер фон Вальдгейм Г.И. 1811. Система ископаемых, служащая основанием порядка, в каком расположены они в Музее императорского Московского университета. Москва: Универ. типогр. 178 с.
- Фролов Э.Д. 2002. Античный Мусейон в его развитии от частно-правового института к государственному учреждению. — Университетский историк, вып. 1. Изд-во Санкт-Петербург. универ. С. 5–26.
- Ходяцкий В.Г. 2004. История создания университетских музеев. — Газета «Московский университет», № 10 (4071).
- Циммерман А.М. 1855. Глебов Иван Тимофеевич. — Биографический словарь профессоров

- и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 209–225.
- Чайковский Ю.В. 1997. Старейшее общество и его библиотека. — Москва научная. Москва: Янус-К. С. 392–415.
- Шахермайр Ф. 1986. Александр Македонский, 2-е изд. Москва: Наука. 384 с.
- Шевырёв С.П. 1855. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевырёвым. 1755–1855. Москва: Универ. типогр. 600 с.
- Шевырёв С.П., Щуровский Г.Е. 1855. Антонский-Прокопович Антон Антонович. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 12–36.
- Шишкин В.С. 2001. Федор Карлович Лоренц. — Первое сентября, 10. <http://bio.1september.ru/article.php?ID=200101006>.
- Щелкановцев Я.П. 1897. К истории развития ложных скорпионов (Chernetidae). — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 86. Труды Зоологического отделения общества, 10. Дневник Зоологического отделения общества и Зоологического музея, 2 (5): 1–8.
- Щепкин П.С. 1827. Краткая история императорского Московского университета с 3-го числа месяца июля 1826 года по 27-е число июня 1827 года. Москва: Универ. типогр. 19 с.
- Щуровский Г.Е. 1855а. Политковский Фёдор Герасимович. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 2. Москва: Универ. типогр. С. 280–287.
- Щуровский Г.Е. 1855б. Керштенс Иоганн Христиан. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 407–410.
- Щуровский Г.Е. 1855в. Афонин Матвей Иванович. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 1. Москва: Универ. типогр. С. 42–49.
- Щуровский Г.Е. 1855г. Сибирский Иван Андреевич. — Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета, за истекающее столетие... 1755–1855. Часть 2. Москва: Универ. типогр. С. 414–415
- Эйнгорн В. 1912. Московский университет, губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 году (Переписка Московской дирекции училищ). — Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских (1912 г.), кн. 4. 100 с.
- Юренева Т.Ю. 2003. Музей в истории мировой культуры. Москва: Русское слово. 532 с.
- Юркин И.Н. 2015. Трижды первый (загадки Генкелева кабинета — первой коллекции первого музея первого российского университета). — Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (2015), Том 1: Общие проблемы развития науки и техники. — Москва: ЛЕНАНД. С. 122–131.
- Юрковская В.З. 2004. Анатолий Петрович Богданов (1834–1896). Москва: Инст. антропологии МГУ. 116 с.
- Alexander E.P., Alexander M. 2008. Museums in motion. An introduction to the history and functions of museums. New York: Altamira Press. 352 p.
- Bogdanov A. 1893a. Musée Zoologique de l'Université Impériale de Moscou. — Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie et de Zoologie. 11-ème session, à Moscou, du 1/13–8/20 août, 1892. 1 pt. Moscou: Imprim. Univ. impér. P. 45–64. [Перевод публикуется в настоящем выпуске «Зоологических исследований»]
- Bogdanov A. 1893b. Musée Zoologique de l'Université Impériale de Moscou. Collections du Musée. — Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie et de Zoologie. 11-ème session, à Moscou, du 1/13–8/20 août, 1892. 1 pt. Moscou: Imprim. Univ. impér. 1 pt. P. 105–114.
- Bogdanov A. 1893c. Musée Zoologique de l'Université Impériale de Moscou. Collections du Musée (suite et fin). — Congrès international d'archéologie préhistorique et d'anthropologie et de Zoologie. 11-ème session, à Moscou, du 1/13–8/20 août, 1892. 2, 3 pt. Moscou: Imprim. Univ. impér. P. 237–268.
- Boylan P.J. 1999. Universities and museums: Past, present and future. — Museum Management and Curatorship, 18 (1): 43–56.
- Fischer G. 1802. Das Nationalmuseum der Naturgeschichte zu Paris ...von seinem ersten Ursprunge bis zu seinem jetzigen Glanze. Bd. 1. Frankfurt am Main: Esslinger. 547 S.
- Fischer G. 1803. Das Nationalmuseum der Naturgeschichte zu Paris ...von seinem ersten Ursprunge bis zu seinem jetzigen Glanze. Bd 2. Frankfurt am Main: Esslinger. 422 S.
- Fischer G. 1805. Discours sur l'utilité des collections publiques pour l'instruction en général et sur l'influence de l'étude de la nature sur la culture de l'esprit en particulier... — Торжественные речи в полувековой Императорского Московского университета юбилей, говоренные в большой

- аудитории онаго... Москва: Печат. Универ. типогр. С. 68–74.
- Fischer G. 1806. *Muséum d'Histoire naturelle de l'Université Impériale de Moscou. Tome premier contenant les mammifères.* Moscou: Imprim. C.F. Schildbach. 119 p.
- Fischer G. 1807. *Muséum Demidoff, ou Catalogue systématique ou raisonné des curiosités de la nature et de l'art. ... Muséum Demidoff mis en ordre systématique et décrit. Tome 3. Vegetaux et animaux.* Moscow: Imprim. l'Université Impériale. 330 p.
- Fischer G. 1822. *Museum historiae naturalis Universitatis Caesariae Mosquensis. Pars I. Animalia.* Mosquae: Typus Universit. Caesariae. 76 p.
- Fischer G. 1829. *Museum historiae naturalis Universitatis Caesariae Mosquensis. Pars II. Insecta.* Mosquae: Typus Universit. Caesariae. 147 p.
- Fischer de Waldheim G. 1832. *Rapport sur les travaux de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou...* Moscou: Imprim. Acad. Impér. Médico-Chirurgical. P. 1–12.
- Griffin F.J. 1936. On the dates of publication of Motschulsky (V. de), 'Etudes entomologiques', I.–XI., 1853–1862. — *Annals and Magazine of Natural History.* Ser. 10, 17 (98): 256–257.
- History... 1897. *History and present state of the Imperial Museum of Natural History at Moscow.* — *The Literary Panorama, Vol. 1.* London: C. Taylor. P. 601–604.
- Impey O., MacGregor A. (eds.). 2001. *The origins of museums: The cabinet of curiosities in sixteenth- and seventeenth-century Europe, 2nd ed.* London: House of Stratus. 431 p.
- Lourenço M. 2003. Contributions to the history of university museums and collections in Europe. — *Museologia*, 3 (1–2): 17–26.
- Ridder-Symoens Hilde, de (ed.). 2003. *A history of the university in Europe: Vol. 1, Universities in the Middle Ages.* Cambridge: Cambridge Univ. Press. 536 p.
- Rossolimo O.L., Pavlinov I.J. 1993. Seventy years of Soviet zoological collections and the lessons they taught us. — Rose C.L., Williams S.L., Gisbert J. (eds.). *International symposium and First world congress on the preservation and conservation of natural history collections. Vol. 3.* Madrid: Direccion General de Bellas Artes y Archivos. P. 135–142.
- Sachs J. 1906. *History of botany, 1530–1860.* Oxford: Clarendon Press. 588 p.

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ МГУ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА — МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

М.В. Калякин¹, Н.Н. Спасская²

Научно-исследовательский Зоологический музей МГУ имени М.В. Ломоносова

¹*kalyakin@zmmu.msu.ru*, ²*equusnns@mail.ru*

Сделана попытка изложить в общих чертах концепцию развития современного собрания зоологических коллекций в условиях, сложившихся в зоологии в начале XXI столетия. Современное состояние Зоологического музея МГУ представляет собой определённый итог исторического развития; на его будущую деятельность влияет бурная компьютеризация музейного дела, развитие новых научных технологий и методов анализа биоматериалов, позволяющих добывать из коллекций всё новую и новую информацию, развитие новых форм коллектирования и хранения научных материалов и ряд других. Одним из важнейших событий, влияющих на определение траектории развития Зоологического музея, стало решение руководства Московского университета о создании в нём Биобанка живых систем, призванного поддержать и развить широкий спектр биокolleкций, уже имеющихся или только появляющихся, чтобы повысить эффективность их использования в научных, образовательных и практических целях.

ZOOLOGICAL MUSEUM OF MSU TODAY AND TOMORROW — BETWEEN PAST AND FUTURE

M.V. Kalyakin¹, N.N. Spasskaya²

Research Zoological Museum of Lomonosov of Moscow State University

¹*kalyakin@zmmu.msu.ru*, ²*equusnns@mail.ru*

An attempt was made to outline a concept of the development of a contemporary zoological collection under conditions arose in the zoology at the beginning of 21th century. The current state of the Zoological Museum of Moscow University is a certain result of its historical development. Its future activities is under influence of rapid computerization of museum activity; development of new scientific technologies and techniques of analysis of biomaterials that make it possible to extract far new information from the collections; development of new forms of collecting and storage of the scientific materials, etc. One of the most important events, affecting direction of the trajectory of development of the Zoological Museum, was a decision of the Moscow University Board to establish BioBank of the living systems. The latter is designed to support and develop a wide range of biocollections, both already existing and just arising, to increase effectiveness of their use in research, educational and practical purposes.

ВВЕДЕНИЕ

Юбилей Зоологического музея МГУ, празднующего своё 225-летие, заставляет нас обратиться к вечным вопросам о том, какое место естественно-научный музей занимает в меняющемся обществе, какова его роль в науке, образовании и просвещении, какие исторические традиции определяют его сегодняшнее состояние, какие новейшие вызовы формируют перспективы его развития. Настоящее сообщение посвящено жизни Зоомузея в последние десятилетия и продолжает тем самым ряд публикаций о его новейшей истории и современной жизни (обзор см. в статье И.Я. Павлинова в настоящем сборнике), которую мы несколько условно отсчитываем от 1991 г. — года, когда 200-летний юбилей совпал с коренными изменениями в российском обществе и государстве.

Вопрос о функциях музейной институции имеет столь же длительную историю, как и сама она. На разных этапах развития нашего музея задачи ставились разные, в зависимости от насущного момента, исторического контекста, интересов и позиции его руководителей (см. раздел «Учители» настоящего сборника). Следует, однако, подчеркнуть, что смена руководства музея никогда не сопровождалась кардинальным пересмотром этих задач, всегда сохранялась преемственность и поступательное накопительное развитие. Даже в самые сложные годы отрицания всего и вся находилось достаточно здравомыслящих людей, которые хотели и могли противостоять сиюминутным конъюнктурным настроениям. Преемственность на протяжении по меньшей мере полутора веков обеспечивалась традицией ученичества, чередой людей, полностью или большую часть жизни посвятивших служению музею, его развитию и процветанию. В статье мы будем неоднократно ссылаться на деяния одной из наиболее ярких фигур среди них — А.П. Богданова, заведовавшего музеем во второй половине XIX в. Если его предшественникам Г.И. Фишеру фон Вальдгейму и особенно К.Ф. Рулье мы обязаны тем, что музей в качестве основного направления деятельности выбрал зоологическую специализацию, то А.П. Богданову надо отдать должное за то, что он на полтора столетия предопределил его основные функции, технологии и правила работы с коллекциями. Они продолжают действовать сейчас — и, как можно надеяться, будут действовать впредь.

Музей по определению служит местом накопления коллекций, они являются главным стержнем и смыслом его существования, их состав и цели накопления и хранения определяют направления и формы деятельности музея. Основные функции музея как одновременно научного, учебного и просветительского учреждения сформировались в период руководства музеем А.П. Богдановым. И судя по дошедшим до нас свидетельствам — в основном лично им. На протяжении следующего столетия в разные периоды одним функциям оказывалось больше внимания, другим меньше, но все они неизменно осуществлялись. Основная современная задача, на наш взгляд, состоит в гармоничном и согласованном развитии этих основных направлений деятельности Зоологического музея МГУ — конечно, с учётом современных реалий и вызовов.

КОЛЛЕКЦИИ

Кабинет, музеум или музей, — это собрание предметов, в нашем случае, зоологических объектов, представляющих современных животных. Собираение коллекций на протяжении нескольких веков претерпело определённую эволюцию. В начале это было собиранье редкостей, затем многообразия видов и форм, а примерно с середины XIX в. началось планомерное научное коллекционирование. Коллекции стали собирать как под конкретные научные задачи, так и в расчёте на последующие исследования.

Формы и варианты хранения научных коллекций также развивались и дополнялись. К классическим можно отнести тотальные препараты в фиксирующих жидкостях (влажное хранение) или в сухом виде (раковины моллюсков, расправленные насекомые, скелеты, шкуры и др.), анатомические, гистологические препараты и др. Разные систематические группы животных традиционно хранят в том или ином виде, соблюдая главный принцип — объект должен быть зафиксирован так, чтобы обеспечить наибольшую информативность о животном и длительное хранение (по возможности вечное).

Развитие молекулярных и биохимических методов сделало широко распространёнными исследования ДНК. Для их обеспечения в музее в последние годы практикуется хранение фиксированных в спирте и замороженных проб тканей, а также тотальных животных, сохраняющих, естественно, больше материала для всестороннего анализа, в том числе и для выде-

ления ДНК. К совсем новым формам хранения следует отнести виртуальные коллекции, среди которых активно пополняемая цифровая фонотека голосов животных (куратор С.С. Гоголева), фототека птиц Европейской части России (куратор О.В. Волцит). В 2010 г. был организован научный террариум (куратор Р.А. Назаров) — живая коллекция для исследования биологии ряда редких и малоизученных видов рептилий.

Наряду с этими новыми формами, традиционные способы представления коллекционных экземпляров также не остаются неизменными. В последние десятилетия их пополняют особые приёмы «дезинтеграции» музейных объектов. Так, в секторе орнитологии активно собираются изолированные крылья птиц в расправленном виде, в секторах териологии и энтомологии — отпрепарированные гениталии самцов.

Базовым требованием к научным коллекциям является наличие этикетки (с названием объекта, местом и временем сбора, указанием сборщика) и инвентарного номера для каждого экземпляра или пробы, собранной в определённом месте в одно время. Только в этом случае возможно неоднократное обращение в процессе исследования к одному и тому же экземпляру, что служит ключевым условием верификации ранее полученных данных. Важной частью документирования является создание описей и каталогов коллекций, а также компьютерных баз данных. Эта сторона деятельности музейных сотрудников фактически является «производственным процессом», включающим сбор, определение, инвентаризацию и каталогизацию поступивших экземпляров, подготовку к длительному хранению и расстановку материала, а также регулярное проведение мероприятий по поддержанию биологического и температурно-влажностного режима в хранилищах. Нарушение этого процесса грозит гибелью уникальным объектам: «сотрудники преходящи, а коллекции вечны».

Пополнение коллекций университетского музея за все время его существования шло неровными темпами. При образовании музея (кабинета) было получено несколько крупных пожертвований от именитых персон, неравнодушных к образованию в России. Далее, до середины XIX в., поступления были не слишком многочисленными. Об этом можно судить по ежегодным университетским отчётам, где дарители перечислены поимённо. Затем наступила пора массовых сборов в ходе специально организованных экспедиций, благодаря которым

фонды музея увеличились в десятки раз. В начале XX в. сначала из-за переезда и обустройства музея на новом месте, а затем из-за революционных изменений условий его работы, поступления были не столь значительными. Но уже с 1930-х гг. музей постоянно наращивал темпы роста объёмов коллекционного собрания (с паузой на военные годы, хотя полного прекращения его деятельности и в это время не произошло). На рубеже XX и XXI вв. коллекции музея по-прежнему активно растут, хотя темпы роста могут показаться не столь высокими: ежегодно добавляются несколько десятков тысяч единиц хранения (включая насекомых).

В настоящее время научный коллекционный фонд разделён между семью секторами: териологии, орнитологии, герпетологии, ихтиологии, энтомологии, беспозвоночных животных (без насекомых) и эволюционной морфологии. Существование последнего сектора можно считать данью традиции: это «реликт» Музея сравнительной анатомии Московского университета, который до 1931 г. размещался в одной из частей современного здания музея.

Зоологический музей в 2011 г. учредил филиал на Беломорской биологической станции им. Н.А. Перцова Биологического факультета МГУ. Коллекция беспозвоночных животных (около 4 тыс. единиц хранения), собранная на станции, представляет собой результаты комплексной ревизии морской биоты, которая происходит с обязательным генотипированием образцов и внесением в электронную базу данных сведений о самом образце и о полученных при его изучении сиквенсах (куратор Т.В. Неретина).

Общий объём коллекционных фондов Зоологического музея на 2016 г. оценивается «примерно в» (или, лучше, «до») 10 млн. экземпляров; прямой подсчёт мелких беспозвоночных животных, в том числе планктонных организмов и насекомых, в настоящее время невозможен, так что приведённая оценка может оказаться несколько завышенной. Среди сборов по беспозвоночным заслуживает упоминания коллекция жесткокрылых (порядка 2 млн экземпляров), перепончатокрылых и чешуекрылых насекомых (около 400 и 300 тыс. экземпляров, соответственно), паукообразных (около 20 тыс. единиц хранения), моллюсков (около 50 тыс. единиц хранения), клещей (примерно 15 тыс. препаратов). Объёмы фондов по позвоночным животным меньше: немногим более 200 тыс. экземпляров составляет коллекция млекопитающих, почти 140 тыс. — птиц;

герпетологическая коллекция примерно — 22 тыс. и ихтиологическая коллекция — почти 25 тыс. единиц хранения.

Зоологический музей Московского университета по общему объёму коллекций уступает в России только Зоологическому институту РАН в Санкт-Петербурге, в мировом рейтинге музеев входит во вторую десятку крупнейших собраний, а среди университетских музеев занимает 3–4 место, уступая Museum of Natural History, University of Michigan (USA), Museum für Naturkunde — Leibniz Institut für Evolutions- und Biodiversitätsforschung (Berlin) и University Museum of Zoology (Cambridge).

Принципы формирования научного собрания Зоомузея также можно считать традиционными, постепенно сложившимися на протяжении его длительной истории. Известно, что чем объёмнее выборка коллекционных экземпляров по каждому виду животных, тем полнее она отражает его индивидуальную, возрастную, половую и географическую изменчивость. Кроме того, зоологические коллекции являются отображением реального состояния биологического разнообразия конкретных групп на конкретных территориях. Безусловно, ещё со времён Двигубского и Фишера (т. е. с начала XIX в.) приоритетными являются исследование и инвентаризация отечественной фауны — ранее Российской Империи, затем Советского Союза, а теперь Российской Федерации. Конечно, в фондах музея представлена и фауна Палеарктической зоогеографической области, и мировая фауна.

Поступление материалов происходит в настоящее время, как и ранее, разными путями. В первую очередь это целенаправленные сборы в ходе экспедиционных работ сотрудников музея, которые охватывают не только всю Россию и сопредельные территории, но и Вьетнам, Эфиопию, Перу и ряд других стран. Здесь же отметим, что наиболее полно и осмысленно накапливаются материалы по тем группам животных, которые являются объектами изучения сотрудников музея. Массовые сборы поступают также от специалистов из разных научных и учебных заведений, заповедников и национальных парков: ИПЭЭ им. А.Н. Северцова, ИО им. П.П. Ширшова, ВНИРО, ИБР им. Н.К. Кольцова, Биологического и Географического факультетов МГУ, МГАУ-ТСХА им. К.А. Тимирязева и др. С момента своего основания постоянным поставщиком материалов был и остаётся

Московский зоопарк, а в последнее время ряд других зоопарков и питомников (например, Парк птиц «Воробьи» и Тульский экзотариум). Поступают также конфискованные материалы и от правоохранительных и таможенных органов. За последние десятилетия музей получил в дар (иногда выкупил) несколько крупных частных коллекций: малакологическую коллекцию Р.Н. Буруковского, коллекции кладок птиц от В.В. Леоновича и Г.С. Кисленко, часть орнитологических коллекций Л.С. Степаняна, В.Н. Сотникова, А.В. Цветкова, А.Н. Смирнова, коллекцию ракообразных и бабочек М.Е. Виноградова и некоторые другие.

Как уже было отмечено, коллекция представляет собой объект научного исследования, только если она определена, заинвентаризирована и правильно размещена. Это зона ответственности специалистов по данной группе животных — кураторов соответствующих коллекций. Они способствуют пополнению коллекции, определяют поступающие в коллекцию материалы, ведут их учёт, следят за изменением систематики группы, вносят соответствующие изменения в музейную документацию и в расстановку коллекции, поддерживают сохранность коллекции; предметом особой важности для каждого куратора является коллекция типовых экземпляров, относящихся к соответствующей группе. Кроме того, они обеспечивают корректное использование коллекций сторонними специалистами (очно или дистанционно).

Для большинства коллекций кураторами являются сотрудники музея. Следует упомянуть хорошо собранные и обработанные коллекции нескольких групп моллюсков (кураторы Д.Л. Иванов, А.В. Сысоев, А.В. Мартынов), иксодовых (О.В. Волцит) и краснотелковых (до недавнего времени Н.И. Кудряшова) клещей, пауков (К.Г. Михайлов), диплопод (А.А. Шилейко-мл.), среди насекомых — жесткокрылых (Г.Ю. Любарский, Н.Б. Никитский, А.А. Гусаков), двукрылых (А.Л. Озеров, А.И. Шаталкин), бабочек-совок (А.В. Свиридов), перепончатокрылых (А.В. Антропов, Е.Б. Федосеева); рукокрылых (С.В. Крускоп) и др. Для ряда систематических групп, в первую очередь для очень разнообразных и многочисленных беспозвоночных животных, в качестве кураторов привлекаются специалисты из сторонних организаций, например: А.А. Шилейко-ст. (наземные брюхоногие моллюски), С.И. Головач (диплоподы), Д.Ю. Тишечкин (цикадовые), Н.Е. Вихрев и

Д.И. Гаврюшин (некоторые группы двукрылых), В.Ю. Савицкий (прямокрылые), А.Ф. Медведев (стрекозы), Ю.Н. Щербачёв (глубоководные рыбы), Н.А. Поярков (земноводные).

Особое значение имеют типовые коллекции — собрание экземпляров, которые послужили основой для описания новых видов и подвидов. Такие экземпляры должны храниться особо; музеи, имеющие такие собрания, несут ответственность за их сохранность перед мировым научным сообществом. Типовая коллекция музея насчитывает около 2500 экземпляров моллюсков, 1000 многоножек, 3000 паукообразных, чуть более 600 рыб, около 100 рептилий и амфибий, 340 птиц, 600 млекопитающих. Типовые экземпляры насекомых более многочисленны, пока их инвентаризация только начинается.

Какими видятся нам основные особенности коллекционной работы в ближайшем будущем? Помимо традиций, на них, безусловно, влияют и современные вызовы. При этом необходимо отметить, что уже в самое ближайшее время музею предстоит решать стоящие перед ним задачи в новых условиях, а именно — в качестве самого объёмного по размерам хранимых и изучаемых коллекций кластера создаваемого в Московском университете Биобанка-депозитария живых систем.

Развитие коллекционной работы в музее, как нам представляется, будет происходить по нескольким направлениям.

В первую очередь коллекции будут продолжать накапливаться для наиболее полного отражения биологического разнообразия животного мира (прежде всего России), адекватного выявления его структуры, этапов и механизмов его формирования. Во-вторых, из опыта последних десятилетий совершенно очевидным оказывается факт, что развитие научных технологий и методов анализа биоматериалов позволяет добывать из коллекций всё новую и новую информацию. Соответственно, пополнение коллекций будет происходить не только для вовлечения их в решение конкретных научных задач — сложных таксономических вопросов или заполнение пробелов в знаниях о скрытом биоразнообразии (например, глубоководных моллюсков, исследования А.В. Сысоева). Коллекции необходимо собирать и «на будущее» в формах, позволяющих сохранить наиболее полную информацию о биологических объектах.

В любом случае коллекции должны и будут расти. И здесь мы не можем не отметить, что в

настоящее время возможностей для размещения новых массовых поступлений почти нет — помещений музея для этого просто не хватает.

По этой причине мы, к сожалению, иногда не можем принимать массовые сборы фоновых видов, собранные за определённые временные периоды в одном и том же локалитете, хотя именно сейчас актуальность накопления таких мониторинговых коллекций становится всё более очевидной. В частности, с каждым годом становятся всё более ценными результаты многолетних сборов мелких млекопитающих, проводимых на стационаре «Мирный» ИПЭЭ РАН на Енисее (руководитель работ Б.И. Шефтель). В 2016 г. Зоомузей впервые начал принимать на хранение сборы бентоса — результатов мониторинга состояния биоты северных морей России в местах разработки полезных ископаемых. Отдельную коллекцию, выполняющую специфические и очень востребованные функции, могут и должны составить археозологические материалы, которые в настоящее время не получают в подавляющем большинстве случаев музейного статуса и утрачиваются навсегда. Такие коллекции несут огромный пласт не оценённой уникальной информации о кратко- и среднесрочном историческом развитии природных сообществ отдельных регионов. В нашем музее работал один из основателей этого направления — В.И. Цалкин, так что появление такой полноценной коллекции было бы продолжением заложенных традиций, но это также ограничивается нехваткой помещений.

Помимо увеличения числа коллекций, перечень которых мы начали выше, повышенное внимание в ближайшем будущем будет сосредоточено также на развитии новых форм хранения (криоколлекции, пробы тканей, виртуальные коллекции и т. п.).

Развитие новых коллекций и форм хранения в Зоологическом музее, а также в иных подразделениях Московского университета, предусмотрено в рамках осуществления крупного проекта, поддержанного Российским Научным Фондом в 2014 г. и направленного на разработку научных основ создания уже упоминавшегося Биобанка-депозитария живых систем. В Биобанке будут собраны разнообразные коллекции: зоологические, ботанические, микробиологические, коллекции грибов и водорослей, а также биоматериалов человека. В перспективе ожидается также расширение площадей хранилищ, даже возможное строи-

тельство отдельного корпуса депозитария на Воробьёвых горах.

В определённой степени поможет пополнению и сохранности фондов Зоомузея техническое переоснащение существующих хранилищ: оборудование помещений новыми более ёмкими, подвижными и герметичными шкафами/стеллажами и автоматизированной системой поддержания температурно-влажностного режима хранения. Эта работа уже начата. Сектор орнитологии получил по Программе развития МГУ партию новых шкафов для хранения тушек птиц, что позволило закончить переоснащение орнитологического хранилища на хорах Верхнего зала, сделать хранение герметичным, что особенно важно в связи с увеличивающимся потоком посетителей музея. Хранилище сектора герпетологии оборудовано подвижными стеллажами, имеющими увеличенную ёмкость, что позволит освободить место для интенсивно растущих коллекций из Юго-Восточной Азии. На очереди переоборудование спиртовых хранилищ секторов орнитологии, эволюционной морфологии и беспозвоночных животных.

Ещё одно требование современного развития науки и общества сводится к тому, что коллекции и сопровождающая их информация должны становиться всё более доступными для потребителей разных категорий в интернете. Работы в этой области в Зоомузее уже начаты и включают несколько направлений.

Прежде всего, происходит полная инвентаризация музейных коллекций с созданием электронных баз данных (ЭБД). Новые поступления в секторах териологии и орнитологии с 2000 г. уже вносятся в ЭБД, с 2007 г. в секторе герпетологии (по некоторым разделам фондовой коллекции) и в секторе энтомологии (типовая коллекция двукрылых), с 2015 г. — в секторе ихтиологии. Но эта работа далека от завершения: в электронную форму в настоящий момент переведены только от четверти до половины объёмов каталогов коллекций позвоночных животных, а для многих групп беспозвоночных такая база данных ещё не создана. С 2015 г. начаты работы по созданию общей ЭБД для типовой коллекции музея (кураторы И.Я. Павлинов, А.А. Лисовский, работа поддержана грантом РФФИ). Она будет включать не только сведения о типовых экземплярах, но и электронные копии публикаций с первоописаниями соответствующих таксонов, электронные фотографии типовых экземпляров и авторских этикеток. Такая вирту-

альная форма коллекций существенно расширит возможность их дистанционного использования специалистами разных стран.

Часть базы данных Зоологического музея и будущего Биобанка МГУ составят цифровые коллекции. Так, в перспективе предусмотрено дополнение музейной ЭБД изображениями музейных экземпляров, в первую очередь по ряду наиболее востребованных групп животных, генетическими, морфологическими, физиологическими и другими данными. Такие коллекции будут важны сами по себе, но их ценность, если они будут соотноситься с конкретными музейными экземплярами, многократно возрастёт. Увеличится и количество пользователей такого рода баз данных. Например, галерея фотографий птиц Европейской части России, размещённая на сайте музея и активно пополняемая, включает фотографии птиц в сезонных и возрастных вариантах нарядов, является наиболее полной в Европе (16 тыс. изображений; куратор О.В. Волцит). Она не только является основой опубликованного фотоопределителя, но и используется специалистами и любителями для определения птиц, в том числе и в полевых условиях. Планируется продолжать собирать и хранить в оцифрованном виде также акустические данные — записи голосов животных, всё чаще используемые не только в этологических, но и в систематических исследованиях. На сегодня эта коллекция (куратор С.С. Гоголева) имеет более 3 тыс. обработанных и введённых в базу данных записей, и ещё несколько тысяч записей уже получены от специалистов.

Важной частью проекта Биобанка-депозитария живых систем будет создание единой базы данных для разнородных коллекций, которая должна облегчить поиск нужной информации и удовлетворить внешние запросы на использование коллекций в научных, технологических и производственных процессах.

НАУЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ

Невозможно точно отметить тот момент, когда коллекции в Московском университете перестали быть просто собранием диковин и начали служить целям науки. Уже Г.И. Фишер в начале XIX в. использовал коллекции Кабинета естественной истории Московского университета для описания новых для науки видов животных. Важной вехой, как и во многих других отношениях, стали действия А.П. Богданова. К концу 1860-х гг. он преобразовал имеющуюся

при музее препараторскую лабораторию в научную. Здесь работали оставленные при кафедре для подготовки к профессорскому званию ассистенты, к исследованиям активно привлекались студенты. Основной задачей лаборатории на первых этапах был разбор и определение коллекций. Эта работа и сейчас занимает значительную часть времени у научных сотрудников музея, т. к. требует высокой квалификации, но она стала уже рутинной и в большей степени относится к сфере описанного выше технологического музейного процесса.

Коллекции первоначально использовались также для проведения разнообразных морфологических, анатомических, систематических и таксономических, фаунистических работ. Эти области исследований классической «музейной» зоологии остаются актуальными и на современном этапе. Далее к этому перечню добавились онтогенетические, зоогеографические, экологические, этологические, археозоологические, микробиологические и биохимические исследования, работы в области биологических основ охраны природы — все они проводятся с использованием коллекций музея и, конечно, предусматривают использование и других данных, в том числе полученных сотрудниками музея в экспедиционных и полевых работах. Часть исследований, не сводящихся к сбору коллекционного материала, сотрудники музея проводят в полевых условиях.

Число научных сотрудников музея невелико — 24 человека, чего недостаточно для курирования и изучения коллекций по всем основным группам животных, в первую очередь беспозвоночных. Кроме них постоянно ведут научные исследования ещё директор, учёный секретарь и около 10 сотрудников из числа научно-вспомогательного персонала. На 2016 г. в музее работают 7 докторов наук и 21 кандидат наук. Музей ежегодно обслуживает (предоставляет для исследований научные коллекции) 500–700 научных сотрудников, докторантов, аспирантов, студентов из различных научных и учебных учреждений Москвы, России и зарубежных стран, которые непосредственно или дистанционно (пересылка материала, фотографий, проб тканей и т. п.) работают с коллекциями и базами данных. Отдельно надо упомянуть внешние запросы на экспертизу с использованием коллекций музея от правоохранительных и таможенных органов, при проведении экологических экспертиз, по составлению списков фауны

отдельных территорий для природоохранных организаций и т.п. Таким образом, востребованность и вовлечённость коллекций Зоологического музея в научный оборот оказываются весьма значительными и будет продолжать расти в связи с применением новых подходов и методов в исследованиях.

Одни из наиболее бурно развивающихся современных отраслей зоологии — молекулярная систематика и филогенетика. Относительно медленное включение в исследовательский арсенал сотрудников музея методов, предусматривающих анализ ДНК, до настоящего времени объяснялось в первую очередь отсутствием собственной технологической базы. Работа со «свежей» ДНК ранее проводилась в рамках партнёрства с коллегами из других подразделений Биологического факультета или иных организаций. Однако увеличивающийся поток таких работ требует новых «производственных» мощностей. С осени 2016 г. начнёт работать новая генетическая лаборатория в Ломоносовском корпусе университета, создаваемая как центр коллективного пользования в рамках реализации общеуниверситетского проекта создания всё того же Биобанка-депозитария живых систем. Обеспечивать её работу будут, в том числе, и сотрудники музея. В музее в 2015–2016 гг. за счёт собственного финансирования и финансирования по только что названному проекту оборудована лаборатория по работе со «старой» ДНК, извлекаемой из музейных коллекционных экземпляров, хранящихся десятки и сотни лет (кураторы В.С. Лебедев, Е.Н. Соловьева). Эти новообразования позволят, как мы надеемся, широко использовать новейшие биохимические технологии в изучении вопросов биологии и систематики животных.

Развитие науки диктует развитие и обновление приборного парка. Это касается, прежде всего, оптических приборов как повседневного пользования, так и позволяющих вести специальные исследования. Музей постепенно оснащается микроскопами и биноклями с высоким разрешением, снабжённых камерами для цифровой макросъемки. Электронные, сканирующие, конфокальные микроскопы, требующие специального технического обеспечения и штата, доступны сотрудникам музея в лабораториях электронной микроскопии и конфокальной микроскопии Биологического факультета МГУ, а в перспективе — в оптическом кабинете, который как центр коллективного пользования

планируется создать в Зоомузее в рамках формирования Биобанка-депозитария.

В последнее время активно развиваются «щадающие» методы исследования, которые позволяют изучать внутреннее строение биологических объектов, не повреждая их. Для музейных предметов такие неразрушающие технологии дают возможность исследовать их многократно, продлевая срок их существования. К таким новым методам сейчас относятся конфокальная микроскопия, томография и 3D-сканирование. Последний метод позволяет получать изображение, которое становится предметом для дальнейших многократных и разноплановых исследований, что снижает риск порчи уникальных коллекционных материалов. В планах на будущее — оснащение музея подобными приборами.

Музейные коллекции должны рассматриваться в качестве (по возможности) вечной «энциклопедии», которая с помощью новых методов, подходов и технологий позволяет отвечать на вновь возникающие, порой непредсказуемые вопросы. Например, технология биохимических исследований, в частности изотопных, позволила использовать музейные экземпляры для реконструкции условий обитания двух видов непарнокопытных в Джунгарской Гоби в XIX–XX вв. (совместный проект с австрийскими учёными и коллегами из ЗИН РАН при участии Н.Н. Спасской). Сведения о местах встреч и поимки животных, в том числе основанные на музейных коллекциях, в сочетании с информацией о структуре ландшафтов и растительности, получаемой из космических снимков, и новыми компьютерными программами дают возможность моделирования видовых ареалов (куратор проекта А.А. Лисовский).

Значительное место в научно-практической деятельности сотрудников музея всегда занимали и занимают вопросы, связанные с охраной природы, в первую очередь — с изучением, сохранением и реинтродукцией редких и исчезающих видов. Примерами могут служить начавшийся после многолетней подготовки проект по восстановлению природной популяции лошади Пржевальского в Оренбургской области (совместный проект с ИС УрО РАН и ИПЭЭ РАН при участии Н.Н. Спасской) и проект по увеличению природной популяции эндемичного для России вида песочников — кулика-лопатня (международный проект под эгидой Британского треста по изучению водно-болотных угодий

с участием П.С. Томковича). Многие научные сотрудники музея входят в состав комиссий по подготовке и ведению Красных книг Российской Федерации, Москвы и Московской области, принимают активное участие в работе природоохранных организаций. Это продолжение традиций, восходящих к Г.А. Кожевникову.

Особого упоминания заслуживают проекты фаунистических исследований, которые связаны с организацией обширных сетевых структур для привлечения не только профессиональных зоологов, но и любителей. Возможность реализации таких проектов подтвердила Программа «Птицы Москвы и Подмосковья», объединившая несколько сотен орнитологов и успешно работающая с 1999 г. Сейчас одновременно запущены несколько подобных проектов: мониторинг гнёзд белого аиста в Московской области (с 2004 г.), мониторинг численности обычных видов птиц в Москве и Московской области (с 2011 г.), составление Атласа гнездящихся птиц Европейской части России (с 2011 г., совместно с Русским обществом сохранения и изучения птиц им. М.А. Мензбира и Европейским советом по учётам птиц), анализ современного состояния редких видов птиц Нечернозёмного центра России. Координация деятельности участников проектов, обработка и обобщение наблюдений, ведение ЭБД встреч птиц, их статуса осуществляется сотрудниками музея (М.В. Калякин, заведующая сектором научно-общественных проектов О.В. Волцит, А.А. Морковин).

В представленном обзоре тем и проблем, с которыми работают сотрудники музея, упомянуты только часть, как иллюстрация разноплановых возможностей использования коллекций в научных целях. О спектре научных интересов и исследований музейцев можно узнать на сайте Зоомузея (<http://zmmu.msu.ru>) и в аналитической системе «Истина» Московского университета (<http://istina.msu.ru>).

Одним из показателей научного авторитета сотрудников музея может служить увеличивающееся год от года количество проектов, поддержанных различными фондами, в которых они участвуют в качестве руководителей или исполнителей. Результаты исследовательской деятельности сотрудников ежегодно отражаются примерно в сотне научных статей и 5–10 монографиях и главах монографий. Музей публикует неперіодические издания — Труды («Исследования по фауне») и «Зоологические

исследования», поддерживает издание научных 7 журналов и ежегодников.

Приведённое описание показывает, что Зоологический музей полностью оправдывает свой уникальный среди других ВУзовских музеев статус научно-исследовательского музея.

ОБУЧЕНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Именно эти функции музея А.П. Богданов выделял как главные и направлял свои усилия на их активизацию.

В первую очередь процессу обучения студентов служили коллекции, часть которых Богданов, вслед за своими предшественниками А.Л. Ловецким и К.Ф. Рулье, выделил в учебный фонд. Сохраняется он и в настоящее время, с его помощью студенты знакомятся с разнообразием строения и диагностическими признаками разных таксонов животных. Проходят в музей студенты Биофака МГУ, других биологических и не только ВУзов города, а также учащиеся специализированных биологических классов. Вместе с тем, и научные фонды музея служат базой для выполнения курсовых, дипломных, кандидатских работ (которых за последние годы защищено не один десяток), а также школьных исследовательских и проектных работ.

Образовательная деятельность музея находит отражение в научно-популярных изданиях. Продолжая традицию А.П. Богданова, который активно переводил и публиковал иностранные учебники и научные справочники, а тексты «воскресных объяснений» коллекций печатал большими тиражами в широкодоступных изданиях, сотрудники Зоомузея выпускают определители и атласы, иллюстрированные пособия и справочники по систематике, экологии, зоогеографии, фаунистике, которые предназначены не только специалистам, но и любителям природы.

Кружок юных натуралистов Зоологического музея МГУ, организованный в 1991 г. Е.А. Дунаевым, нынче отмечает своё 25-летие (см. его статью в настоящем сборнике). Он объединяет увлечённых ребят, которые готовы три раза в неделю приходить на занятия в музей, проводить все выходные и каникулы на полевых выездах и практиках, многие из них и дальнейшую свою жизнь хотят связать с биологией. Е.А. Дунаев не только разработал авторскую обучающую программу кружка, получившую несколько наград, но и значительное количество руководств и пособий, которые востребованы педагогами школ и дополнительного образования.

Но музей не ориентируется исключительно на учащихся. В течение большей части своей истории Зоологический музей и его исторические предшественники (Минеральный кабинет, Музей естественной истории) были публичными. По сути, это старейший публичный естественно-научный музей Москвы, занимающий свою специфическую нишу среди других музеев этого профиля в нашем городе — Биологического, Дарвиновского, Палеонтологического, Геологического, Минералогического. Он остаётся также самым «открытым» среди музеев МГУ, обслуживая около 80 тыс. посетителей ежегодно. Зоологический музей, несмотря на свою ведомственную принадлежность, работает в режиме всех московских музеев; он бывает закрыт только по понедельникам и в санитарный день раз в месяц.

Экспозиция музея, в которой в настоящее время насчитывается более 10 тыс. предметов, в том числе картины известных анималистов В.А. Ватагина и А.Н. Комарова, была и остаётся иллюстрацией многообразия животного мира. Систематический порядок размещения объектов сохраняется и после последней реконструкции экспозиции в 1970–1980-х гг. в Нижнем (беспозвоночные животные, рыбы, земноводные, рептилии) и Верхнем (птицы и млекопитающие) залах. Есть ещё Зал эволюционной морфологии, в котором проиллюстрированы направления и закономерности филогенеза. Экспозиция находится во введении главного хранителя музея А.В. Тихомировой и её помощников А.Б. Кузьмина и В.Е. Литвина.

Одна из забот музейщиков на современном этапе — сделать экспозицию более доступной и понятной широкому кругу посетителей. На это, в частности, направлен проект «Музейная линия», осуществляемый в 2016 г. при поддержке Благотворительного фонда В. Потанина. Горячие споры среди сотрудников музея возникают при обсуждении перспектив развития экспозиции, допустимой степени её модернизации, наполнения инсталляциями и виртуальными объектами. Как стать современным и при этом сохранить традиции и атмосферу академичности — очень непростой вопрос, ответ на который мы сейчас активно ищем.

Затронув тему традиций, вновь придётся вспомнить А.П. Богданова. После окончания университета он, как предписывала в то время система образования, совершил поездку в Европу и, вернувшись, горько сетовал на фактиче-

ское отсутствие просветительских учреждений в Москве. Дальнейшая его бурная деятельность была направлена на восполнение этого недостатка. Результатом стала организация нескольких новых учреждений (Зоологического сада, Политехнического и Антропологического музеев), активное пополнение коллекций существующих музеев — не только Зоологического, но и Политехнического, Этнографического, Исторического. Сюда же относится основание научных обществ (ИОАЖиР, ИОЛЕАЭ, в планах была Русская ассоциация естествоиспытателей), имеющих членов и отделения в разных городах и всемерно поощряющих широкие массы к занятиям наукой. Богданов придумал ряд новых форм просветительской работы. «Воскресные объяснения коллекций» — этот гибрид экскурсии и лекции с демонстрацией музейных предметов был с успехом применён в работе Политехнического музея, здесь читали лекции ведущие учёные. Выставки (как стационарные, так и передвижные для дальних районов Московской губернии) — акклиматизационные, пчеловодческие, этнографические, политехнические, антропологическая, зоологическая, географическая, археологическая — сопровождалась экскурсиями, лекциями, обучающими занятиями. У Богданова, конечно же, были предшественники — профессора Московского университета: Ф.Г. Политковский, начавший первым читать публичные лекции по натуральной истории на русском языке, и К.Ф. Рулье, выпускавший научно-популярный журнал «Вестник естественных наук».

Этот исторический экскурс приведён, чтобы подчеркнуть: на протяжении XIX в. сотрудники Московского университета ввели, апробировали и тиражировали формы просветительской работы, которые с успехом используются в настоящее время. Циклы популярных лекций, программа «Университетские субботы», просветительские выставки и фестивали (например, Фестиваль науки, фестивали РГО и «Первозданная Россия») и прочее — мероприятия, сходные по целям и стилю исполнения с богдановскими.

Сохраняя преемственность и традиции, Зоологический музей использует и развивает накопленный опыт. Ассортимент просветительских услуг постоянно обновляется и растёт — экскурсии, лекции и тематические семинары, ин-

терактивные занятия и мастер-классы, квесты и конкурсы, экологические праздники и тематические выставки. Часть Научного террариума музея с успехом демонстрируется публике. Биолекторий, деятельность которого была запущена по инициативе Е.А. Дунаева и М.С. Евсенок в 2006 г., вышел за пределы музея и проводит выездные лекции и обучающие игры («квесты») для школьников (ныне им руководит С.М. Артемьева). В последние годы сотрудники отдела экспозиционной и научно-просветительской работы (заведующая отделом Т.К. Ковалёва) активно включились в общегородские мероприятия — Фестиваль науки, который учредил МГУ и который стал уже всероссийским мероприятием, межмузейную программу «Семейные путешествия», олимпиаду «Музеи. Парки. Усадьбы». Подготовленные специально к этим мероприятиям программы вызывают живой интерес, в течение нескольких лет Зоомузей оказался в числе лидеров этих программ по посещаемости.

Однако, перечисляя достижения в области просвещения, нельзя обойти вниманием тот факт, что всей этой разнообразной деятельностью в музее занимаются всего 12 сотрудников. И при постоянно растущих запросах населения на образовательные и просветительские услуги, конкуренции между учреждениями культуры и отдыха за внимание и количество посетителей такой штат уже оказывается недостаточным для дальнейшего развития.

Основная современная задача, которую мы видим перед собой — сделать Зоомузей интересным для наибольшего числа посетителей самых разных категорий: студентам и дошколятам, семейным группам и молодёжным компаниям, тем, кто хочет узнать что-то новое или просто приятно провести время. Мы стремимся выйти из формата трёхкратного визита (с родителями, с детьми и с внуками): музей должен стать многократно и часто посещаемым. Каждый посетитель должен найти в музее себя и что-то для себя.

У нас есть желание и потенциал для роста и развития. Мы готовы меняться, не забывая про традиции и чтя деяния предшественников. И нам представляется, что 225-летний юбилей — повод не только подвести итоги, но и наметить новые пути плодотворного развития.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ КРУЖКИ ПРИ ЗООЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ МГУ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е.А. Дунаев

Зоологический музей МГУ им. М. В. Ломоносова; dunayeve@mail.ru

Работа посвящена истории формирования и развития принципов и методов деятельности учебно-познавательных молодёжных биологических кружков, существовавших в Зоологическом музее МГУ или так или иначе связанных с ним с середины XIX в. Кратко описаны педагогические взгляды и опыт работы А.П. Богданова, которые стали основополагающими для последующего развития юннатского движения. Изложена история создания и дан сравнительный анализ форм деятельности первого (Студенческий кружок для исследования русской природы) и нынешнего (Кружок юных натуралистов Зоомузея МГУ) молодёжных биологических объединений. Кратко представлены основные направления, методы и результаты работы последнего.

Предпосылки: педагоги-новаторы в российских гимназиях в XIX веке — 169

А.П. Богданов и его педагогические принципы — 169

Студенческий кружок для исследования русской природы — 170

Биологические кружки в начальный период Советской власти — 174

Биологические кружки в Зоологическом музее в послевоенный период — 176

Кружок юных натуралистов Зоологического музея МГУ — 178

BIOLOGICAL CIRCLES AT THE ZOOLOGICAL MUSEUM OF MOSCOW UNIVERSITY: PAST AND PRESENT

E.A. Dunaev

Zoological Museum of Lomonosov Moscow State University; dunayeve@mail.ru

The article deals with the history of formation and development of principles and methods of educational biological circles for youth that have been existing at the Zoological Museum of Moscow University or was associated with it some or another way since the mid-19th century. Briefly described are pedagogical views and working experiences of A.P. Bogdanov that were fundamental for subsequent development of young naturalists associations. The origins and comparative analysis of activity forms of the first (Students' Club for Russian Nature Exploration) and the most recent (The Circle of Young Naturalists at the Zoological Museum) biological associations for youth are provided. A brief account of main directions, methods and results of the latter's activities is given.

Prerequisites: teachers-innovators in the Russian high schools in 19th century — 169

A.P. Bogdanov and his pedagogical principles — 169

Students' Circle for Russian Nature Exploration — 170

Young Naturalists' Circles in the early period of the Soviet rule — 174

Young Naturalists' Circles at the Zoological Museum during post-war period — 176

Young Naturalists' Circle at the Zoological Museum of Moscow University — 178

Юннатское движение в России имеет глубокие корни и вековые традиции. До сих пор оно объединяет миллионы школьников и студентов. Каким образом сформировалось это движение, что ему способствовало и на чём оно базировалось?

Своими истоками «юннатство» уходит в середину XIX в. Оно тесно связано со школьным (гимназическим) и отчасти с университетским образованием.

ПРЕДПОСЫЛКИ: ПЕДАГОГИ-НОВАТОРЫ В РОССИЙСКИХ ГИМНАЗИЯХ В XIX ВЕКЕ

«Естественная история» как учебный предмет была введена в программу обязательного обучения в России в середине XVIII в. и долгое время представляла собой монографическое описание организмов, насыщенное научным (в ряде случаев — краеведческим) содержанием. Первый отечественный учебник для гимназий создал известный учёный и путешественник академик В.Ф. Зуев (1754–1794), насытив его большим числом примеров из российской флоры и фауны и описав анатомические и биологические особенности разных организмов (Зуев, 1786).

Этот учебник был прогрессивным явлением в образовательной сфере: в нём впервые была предложена методически универсальная структура с описанием трёх царств Природы: «ископаемого» (минералы и фоссилии), «прозябаемого» (растения) и животного, которую потом копировали практически все остальные авторы учебников по биологии вплоть до современных.

Однако, по мнению духовенства, подобный естественно-научный подход к образованию подрывал религиозно-духовные основы общества. В результате дважды (в 1828 и 1876 гг.) предпринимались попытки изъятия этого предмета из обучения в гимназиях (Зверев, Мягкова, 1985; Дунаев, 2008а).

Заметим, что из трёх мужских гимназий Москвы две были классическими (с акцентом на гуманитарные предметы и классические языки) и лишь одна именовалась *реальной гимназией*. Здесь придавалось особое значение естествознанию, преподавали широкого профиля «естественники», и из неё вышли поколения многих будущих известных биологов и их ученики. Даже когда гимназия всё-таки приобрела статус классической, определённые традиции здесь сохранялись.

Развитие науки и интерес детей к познанию окружающего мира стали толчком к поиску новых форм образовательного процесса и использованию отдельными педагогами-новаторами неформальных подходов к обучению. Так, например, в 1845 г. учитель математики одной из вологодских гимназий А.И. Иваницкий пытался внедрить в учебный процесс экскурсии и занятия по сбору ботанических коллекций (Добрецова, 1998). Позднее, уже в конце XIX в., тесное общение с природой как элемент обучения вошло в программу ряда стихийно возникавших в некоторых городах различных игровых клубов и объединений. В 1899 г. преподаватель естественных наук Кадетского корпуса в Санкт-Петербурге Н.А. Бартошевич создал в Мраморном дворце воскресные лекционно-практические курсы для младших школьников. На них он проводил теоретические занятия с иллюстративным материалом — демонстрировал диапозитивы на стекле (т. н. «туманные картинки») или с помощью «волшебного фонаря», а также разработал серию домашних опытов, экскурсий и работ на земельном участке, куда привлекал на некоторые занятия в среднем около тысячи детей до 12 лет. Фактически это учреждение стало прообразом станции юных натуралистов (Железнова, 2002), но, как и ряд других подобных объединений, просуществовало недолго и было закрыто чиновниками в 1902 г. (Добрецова, 1998).

К моменту, когда эти замечательные педагоги-естественники начали свою деятельность, в России уже была основана естественно-научная университетская образовательная система, имеющая много общего с последующей методологией юннатского движения. Именно эта система, складывающаяся и развивающаяся в стенах Московского университета, стала той исходной точкой, от которой и берёт свое начало отечественное «юннатство» (Дунаев, 2008а).

А.П. БОГДАНОВ И ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

Огромную роль в развитии биологического образования во второй половине XIX в. сыграло Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ), в работе которого активнейшее участие принимал известный отечественный организатор естественно-научного просвещения А.П. Богданов. Одной из главных целей его деятельности было «стремление облегчить и улучшить спосо-

бы изучения зоологии в Московском университете и помочь, по мере возможности, молодым начинающим зоологам в их стремлении выйти на путь самостоятельных работ» (Богданов, 1888, с. 423). Результаты деятельности общества имели большое значение не только для студенчества, но и для учащихся младшего возраста.

А.П. Богданов создал «образовательную технологию» семинариев и практикумов, изучив опыт подобной работы в Западной Европе. Он полагал бессмысленным биологическое образование без получения практических знаний по анатомии (Любарский, 2015). В разработанных им практикумах применялся принцип изучения максимального разнообразия, для реализации которого Богданов не только наладил периодическое поступление биологического материала, но и организовал ведение культуры объектов, использование для образовательных целей современной зоологической техники (микротомов и новейших по тем временам микроскопов), апробировав эти занятия в лаборатории Зоологического музея. По мнению Г.Ю. Любарского (2015), ни один современный студенческий практикум по масштабности не дотягивает до богдановских стандартов.

Кроме того, А.П. Богданов стремился к тому, чтобы молодые зоологи обучались работать с литературой и коллекциями, участвовали в экспедициях и пополняли музейные фонды, ставили опыты в лабораториях, занимались препаровкой и зарисовкой зоологических объектов, не замыкаясь только лишь на теоретических лекциях профессоров.

Одними из важнейших аспектов деятельности ИОЛЕАЭ стали публикация материалов по «зоологическому учению и самообучению», работ по методике преподавания естествознания, пропаганда тезиса о педагогическом вреде для образования «умаления значения практических занятий» и специализации в биологических курсах (Богданов, 1888).

В результате этого А.П. Богданову удалось расширить и придать спонтанному интересу к естественно-научному образованию идею системности практического познания. Это оказалось важным событием во всём последующем педагогическом пространстве, не только в университетской, но и в гимназической среде. Именно эти принципы и формы стали заимствовать учителя-новаторы и педагоги для работы с детьми на уроках естествознания и в полевых условиях.

[К слову сказать, современные приёмы в натуралистическом образовании действительно мало отличаются от богдановских и включают конспектирование лекций, подготовку рефератов (обзоров научной литературы), проведение исследовательских работ с их апробацией среди ученической аудитории (докладов на конференциях), практическую работу в лаборатории с зарисовкой биологических объектов (деталей их строения), участие в учебных экспедициях (практиках) и т. п. (Харитонов, Дунаев, 1987, 1989; Россолимо, Дунаев, 2004; Смирнов, Дунаев, 2005; Дунаев, Смирнов, 2007; Дунаев, 2008б, 2016а,б; Иванов, 2008; Маслов, 2008; Покровская, Тишков, 2008; Шаховская, 2008; Калякин, Дунаев, 2013). Эти формы стали привычными для работ современных юннатов, но их комплекс впервые был создан именно А.П. Богдановым.]

До сих пор фактически никем по достоинству не была оценена роль университетских научных кружков и обществ в юннатском движении, а именно там отрабатывались богдановские методы биологического образования, взятые на вооружение юннатским движением (Дунаев, 2008а).

Первый подобного рода научный кружок появился в 1876 г. по инициативе всё того же А.П. Богданова (Любарский, 2015). Среди его членов были студенты и выпускники университета, которые в будущем стали известными зоологами (Н.Ю. Зограф, М.А. Мензбир, Н.В. Насонов, А.А. Тихомиров, Н.В. Богоявленский, В.М. Шимкевич и др.). Этот кружок не имел официального статуса, его заседания проходили по частным квартирам. На них обсуждались некоторые общие вопросы биологии. А летом кружковцы выезжали на дачи, где проводили свои наблюдения в природе (преимущественно в области гидробиологии). Благодаря А.П. Богданову этот кружок сыграл важную роль в формировании взглядов участников на принципы естественно-научного образования в университете. Но с появлением в 1900 г. новых правил для студенческих организаций этот и подобные ему кружки уже не могли проводить занятия легально и фактически прекратили своё существование (Докторовский, 1905).

СТУДЕНЧЕСКИЙ КРУЖОК ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ПРИРОДЫ

Первым официальным биологическим кружком учащейся молодёжи стал «Студенческий кружок для исследования русской природы, состоящий при Московском Императорском университете», созданный силами студентов при

содействии известного зоолога Н.Ю. Зографа (Дунаев, 2008а). В число членов-учредителей Кружка входили 13 студентов. Датой его утверждения считается 22 декабря 1901 г., когда было получено официальное разрешение от товарища (заместителя) министра народного просвещения И.В. Мещанинова ([Гиндце], 1903). Впрочем, организаторская деятельность в этом направлении была начата ещё весной 1901 г. и не прекратилась после 22 декабря: оставались проблемы с утверждением устава на уровне Министерства, которое возражало против варианта расширенного членства в кружке.

Этот кружок стал, пожалуй, первым легальным научным студенческим обществом в области естествознания в России. Основными целями Кружка были «исследование русской природы с естественно-исторической формы деятельности и самообразование членов кружка в предметах естественных наук» ([Гиндце], 1903, с. 3). Некоторые из его участников в дальнейшем стали сотрудниками Зоологического музея, активно работали с его коллекциями, со временем получили известность в науке: например, А.В. Мартынов — основатель палеонтологической лаборатории Палеонтологического института, или Н.В. Воронков — заведующий гидробиологической станцией на Глубоком озере.

В отличие от первых студенческих кружков («квартирников»), где практическая работа фактически была продолжением и иллюстрацией материалов, излагаемых в виде докладов на заседаниях, Студенческий кружок для исследования русской природы поменял полюса этой деятельности. Работа в природе стала для членов кружка первичной, а собранный материал — основой для анализа и дальнейших обработок, сравнения с литературными данными и подготовки доклада о результатах исследования на заседаниях кружка.

Первые природные экскурсии были совершены кружковцами по Подмосквовью (сейчас некоторые из тех маршрутов расположены на территории современной Москвы). Студенты исследовали побережье р. Оки и Серпуховской уезд (окрестности деревень Лужки и Зиброво), район Косино и Малаховку, Глубокое озеро, Перово и Шереметевку (вероятно, Шереметьевка = Шереметьевская, ныне территория г. Долгопрудный) ([Гиндце], 1903; Доктуровский, 1905; [Удальцов], 1907). С лихенологической целью была организована поездка в окрестности се-

ла Богородское (ныне район около Сокольников) (Доктуровский, 1905).

Летом члены кружка отправлялись в дальние комплексные экспедиции. В них участвовали по 4–5 человек, каждый изучал свою группу организмов. Только в первое десятилетие работы кружка студенты побывали в Минской губернии (1904 г.) и на Среднем Урале (в Уфимской губернии, 1906 г.), на Кавказе (Карсское плато, 1907 г.) и в Области Войска Донского (в районе станции Провалье, ныне в Луганской области, 1908 г.) (Бартенев и др., 1907; Гиндце, 1909; Троицкий, 1909).

Кроме того, студенты совершали одиночные поездки с более локальными целями: для изучения флоры Прасковейского уезда Ставропольской губернии, Южной Херсонщины и станицы Наурской Терской области; минералогии, орнитологии и энтомологии юго-восточного Крыма; изменчивости планктонных рачков в лиманах около Одессы, фауны позвоночных животных Орловской губернии и насекомых Тамбовской губернии, орнитологической географии Минусинского округа и водорослей Рязанской губернии. В тот же период (1901–1909 гг.) было совершено несколько геологических поездок в район Пятигорска, в Осетию, Саратовскую и Ставропольскую губернии, на озёра Эльтон и Маныч, в Альпы, а также и почвенно-ботаническая экспедиция в Амурскую область (Гиндце, 1909; Троицкий, 1909; Троицкий, Гальцов, 1909; Щёголев, 1909).

В большинство таких поездок учащиеся вкладывали свои достаточно скромные сбережения, которые копили в течение года, но иногда удавалось находить и внешнее финансирование. Спонсорами студенческой поездки на Средний Урал летом 1906 г., например, стали Императорский Московский университет, Отдел ихтиологии Императорского Общества акклиматизации животных и растений, Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и Общество естествоиспытателей при Императорском Казанском Университете (Гиндце, 1909).

Иногда студенты проявляли чудеса изобретательности в поисках обеспечения экспедиций. Так, например, кружковая поездка в Минскую губернию на реку Припять в 1904 г. состоялась лишь благодаря тому, что студентам удалось встретиться в Зоологическом музее с министром просвещения, посетившим с инспекцией Университет 7 ноября 1904 г. (Бартенев и др.,

1907; [Удальцов], 1907). Они вручили ему заранее подготовленную докладную записку и первый том сборника трудов Кружка, только что вышедшего из печати. В итоге министр выделил для проведения экспедиции 600 рублей. На эти деньги пятеро кружковцев съездили в Белорусское Полесье, собрав там богатейший научный материал. Они изучали флору и растительность Мозырского уезда, фауну и экологию многоножек, поведение муравьёв и стрекоз, разнообразие прямокрылых и рыб, исследовали ветвистоусых и других ракообразных.

Порой полевые исследования имели вполне практический выход. Так, некоторые члены Кружка летом работали в Комиссии для изучения малярии в России, состоящей при Пироговском обществе («Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова»), где изучали биологию комаров *Culex* и *Anopheles* (Доктуровский, 1905).

Ещё одной стороной деятельности Студенческого кружка для исследования русской природы стало создание коллекционного фонда. Зоологический музей оказывал посильное содействие в формировании коллекций: снабжал студентов фиксирующими жидкостями и посудой, сотрудники проводили консультации, помогали в определении видов, знакомили с методами сбора на подмосковных экскурсиях.

«Принимая во внимание, что собирание естественно-исторических коллекций и вообще экскурсирование является лучшей школой для всякого натуралиста и имея в виду, что большинство студентов, располагая в продолжение летних каникул большим количеством времени, недостаточно знакомы с методикой летних работ, кружок решил в этих целях устроить весной 1909 года ряд чтений по этому вопросу, для чего обратился к лицам учебного персонала университета с просьбой прочесть лекции по различным отраслям практического естествознания» (Щёголев, 1909, с. 17). В итоге был подготовлен и прочитан цикл из 14 лекций.

Кружковцы собирали значительные по объёму коллекции. Только из первой своей экспедиции в Минскую губернию члены Кружка привезли около 8000 коллекционных экземпляров насекомых, 50 пауков, 1660 моллюсков, 120 позвоночных животных, 40 банок планктонных проб, гербарий из 300 цветковых растений и 70 видов мхов, лишайников и грибов. В первый год работы объединения в коллекционный фонд поступило более 9000 насекомых на булавках,

более 660 банок различных групп позвоночных и беспозвоночных животных, 80 тушек птиц, гербарий из 750 видов растений и 40 видов водорослей ([Гиндце], 1903).

В конечном итоге студентами были собраны уникальные коллекционные материалы из 13 губерний Российской империи: Воронежской, Гродненской, Костромской, Минской, Московской, Рязанской, Самарской, Смоленской, Ставропольской, Тамбовской, Тверской, Черниговской, Херсонской; из Сибири и с Урала (Уфимская и Енисейская губернии, Красноярск); Крыма и Кавказа, Памира и Забайкалья. Кроме того, они привозили такого рода материалы из зарубежных поездок для изучения элементов фауны Балтийского и Средиземного морей, Ла-Манша и Атлантики, Чёрного моря и Сирии, Амурской области и Альпийских гор. Большинство этих сборов попало в Зоологический музей и поныне хранится в нём. Гербарий Студенческого кружка для исследования русской природы сейчас находится в Научном гербарии им. Д.П. Сырейщикова Московского государственного университета.

Масштабы коллекционной деятельности Студенческого кружка оказались настолько значительными, что 2 октября 1902 г. было решено создать специальную Школьную комиссию, которая должна была целенаправленно собирать и отбирать часть коллекционных материалов для передачи их в периферийные музеи. Члены комиссии из числа кружковцев разработали списки коллекций для иллюстрации школьного курса биологии и снабдили зоологическим материалом музей 6-й мужской гимназии в Москве, Рузский и Можайский подвижные школьные музеи, музей в г. Сенгилей Симбирской губернии (Доктуровский, 1905). Школьная комиссия Кружка заботилась не только о пополнении городских и земских школьных музеев, но и оказывала содействие в проведении иных практических работ, готовила школьников и студентов-естественников к исследовательской деятельности.

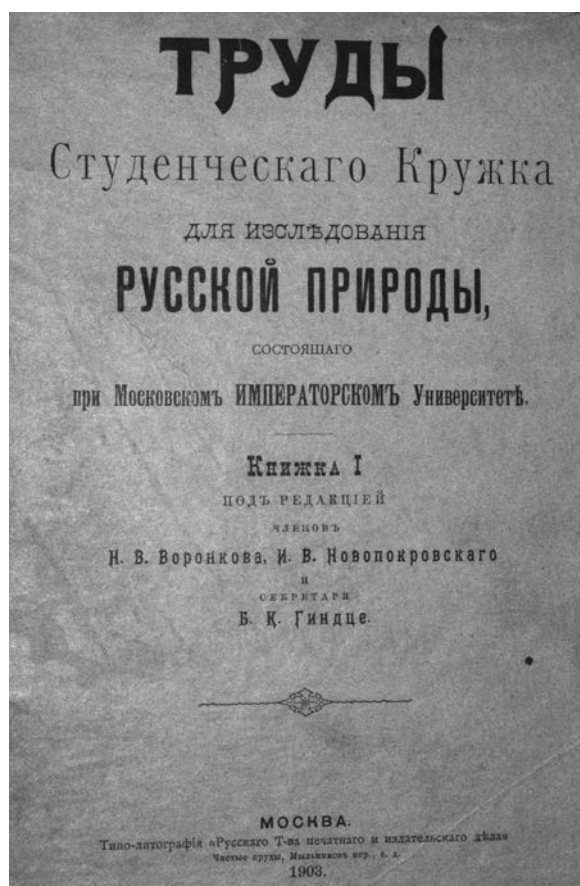
Студенческий кружок для исследования русской природы активно участвовал и в иной форме просветительной деятельности, демонстрируя свои коллекции и результаты научных трудов на различных выставках: например, Гидробиологической в феврале 1903 г. (Доктуровский, 1905) и Акклиматизационной осенью 1908 г. (Щёголев, 1909).

Результаты своих научных исследований кружковцы публиковали в «Трудах Студенче-

ского кружка для исследования русской природы» (рис. 1). Они выходили в 1903, 1905, 1907, 1909 гг., в дальнейшем их выпуск был приостановлен, вероятно по финансовым причинам. В четырёх вышедших томах в общей сложности было опубликовано 49 статей и разного объёма сообщений. Студенты печатались и в других научных изданиях: так, в «Трудах Общества естествоиспытателей при Казанском университете» была издана работа А.Н. Бартенева (1908) в знак благодарности за финансовую помощь этого Общества при организации экспедиции (Гиндце, 1909). Среди публикаций преобладали статьи по зоологии (67.3%), почти в три раза меньше было работ по ботанике (24.5%), некоторые статьи были посвящены общебиологическим вопросам (5 публикаций) и отчётам о поездках (4 статьи).

Другой достаточно объёмной формой деятельности Кружка было проведение заседаний, на них заслушивали доклады, посвящённые результатам исследовательской деятельности. Однако заметную долю составляли сообщения реферативного характера, которые выполняли в большей степени образовательную функцию. Причём речь идёт не только о познавательном аспекте, но и об умении вести дискуссию, осмысливать информацию, описывать проблематику, выступать в прениях по докладу. Только за восемь лет деятельности Кружка были проведены 48 заседаний и заслушаны более 80 научных докладов студентов и профессоров, являвшихся почётными членами кружка ([Гиндце], 1903; Доктуровский, 1905; [Удальцов], 1907; Щёголев, 1909). Преимущество отдавалось обсуждению результатов конкретных зоологических исследований студентов, касающихся биологии отдельных видов животных. Однако тематика лекций не ограничивалась этим, она охватывала многие естественно-научные дисциплины: флористику и геоботанику, геологию и минералогию, химию и физиологию растений, цитологию, микологию и лишенологию, теорию эволюции.

Кружок собирал свою библиотеку, в которую передавали книги активные деятели крупнейших научных обществ и учреждений города: Московского общества испытателей природы, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Зоологического музея Московского университета, многие известные зоологи (Г.А. Кожевников, М.А. Мензбир, Я.П. Щелкановцев, Б.М. Житков, В.И. Граци-

Рис. 1. Титульный лист одного из выпусков Трудов Студенческого кружка для исследования русской природы.

Fig. 1. Title page of one of the issues of the Proceedings of the Students' Circle for explorations of Russian nature.

анов и др.). Эта библиотека довольно быстро (буквально за два первых года) достигла по объёму почти 600 книг, которыми пользовались не только студенты, но и работники Гидробиологической станции на Глубоком озере, куда практически ежегодно приезжали многие кружковцы для выполнения своих исследований.

В 1909 г. в Студенческом кружке для исследования русской природы значилось более 140 человек, включая студентов и профессоров из числа почётных членов, активно работавших в Кружке. Многие из них составили славу отечественной биологии: Б.К. Гиндце, А.М. Бартнев, И.И. Пузанов, Я.П. Щелкановцев, Н.В. Богоявленский, С.Н. Боголюбский, Г.А. Кожевников, Н.Ю. Зограф, А.Ф. Флёров, Б.М. Житков, П.П. Сушкин, С.И. Огнёв, В.С. Елпатьевский, Н.К. Кольцов, С.С. Четвериков.

Таким образом, Студенческий кружок для исследования русской природы стал не просто заметным объединением в научной жизни Мо-

сквы, он приобрел авторитет среди биологов по всей стране. Неслучайно Новороссийский студенческий кружок обратился к Московскому с просьбой взять на себя инициативу по организации 1-го съезда студенческих кружков. Министр народного просвещения, правда, счёл эту инициативу несвоевременной (Щёголев, 1909) из-за социально-политических событий, происходивших тогда в стране.

Несколько раз работа Студенческого кружка прерывалась в период с 1905 по 1907 г. из-за закрытия Университета ([Удальцов], 1907; Дунаев, 2008а). Позже политическая обстановка и военные действия заметно ограничили его активность, деятельность Кружка фактически прекратилась к 1917 г. (Шведчикова, 2006). Тем не менее, он сыграл значительную роль в развитии зоологии в России.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ КРУЖКИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В первые годы советской власти юннатское движение развивалось быстрыми темпами: в 1924 г. в стране существовало 258 кружков, к 1928 г. их количество увеличилось втрое и почти треть из них были сосредоточены в Москве и Ленинграде (Кобяков, 1928). Кружки возникали как в школах, так и в качестве юношеских секций научных обществ. Наиболее известными в Москве тогда были: Кружок любителей естественной истории (руководитель Н.А. Флёров, открыт в 1910 г.); биостанция «Биосад» (во главе с А.С. Серебровским и В.Ф. Натали, 1918 г.); Центральная Биологическая станция юных натуралистов им. К.А. Тимирязева в Сокольниках, организованная в 1918 г. И.В. Русаковым и Б.В. Всесвятским (БЮН, ныне Центральная станция юннатов и экологов); Кружок юных биологов Московского зоопарка (КЮБЗ, руководители В.Г. Дормидонтов, П.П. Смолин, П.А. Мантейфель, 1923 г.). Кружковое движение тогда объединяло до 32000 учащихся от 14 до 18 лет (Смолин, 1924; Кобяков, 1928), хотя в проекте устава, утвержденного в РЛКСМ, возраст «юного натуралиста» был поднят до 23 лет (Проект..., 1924).

Как и участники Студенческого кружка для исследования русской природы, юннаты нового поколения по результатам своих наблюдений в природе делали сообщения на различных конференциях: на I и III Всероссийских съездах зоологов, на Краеведческом совещании в Москве, в Обществе акклиматизации растений

и животных, на III Всесоюзном съезде ботаников и т. д.

С целью обмена опытом в течение 1921–1923 гг. в Москве были проведены шесть конференций юннатских кружков, оказавших положительное влияние на развитие юннатского движения. Первый Всесоюзный съезд юных натуралистов проходил 13–15 июля 1924 г. в Большой аудитории Зоологического музея. «Вся обстановка университета придавала съезду с самого начала некоторую торжественность. Скромное убранство аудитории подчёркивало общий характер и настроение съезда: висели большие портреты В.И. Ленина и К.А. Тимирязева, над президиумом помещался большой плакат ячейки РКСМ при школе-колонии БЮН: “Через науку и труд к коммунизму”, слева от кафедры — слова К.А. Тимирязева “Наука не вправе уходить в святилище, таиться от толпы”» (Смолин, 1924, с. 83). Тем не менее, общая риторика съезда вполне соответствовала богдановским принципам: лозунгом юных натуралистов этого времени был: «Ближе к природе и к жизни!», что отражало связь с исследовательским методом в естествознании, который получил развитие в работах Б.Е. Райкова (1921, 1930) и отчасти Б.В. Всесвятского (1925, 1926, 1928б, 1929).

* * *

В первые годы Советской власти формы и методы работы юннатов напоминали богдановские технологии обучения студентов. Но содержание работы натуралистических кружков достаточно быстро менялось. Сначала был изменён приоритет в изучении объектов и предметов — гидробиология сменилась на орнитологию. Наблюдения за птицами становилось своего рода модой: «День птиц» с развешиванием кормушек и наблюдениями за птицами стал массовым мероприятием, характерным для 94% всех кружков страны. Особую роль в пропаганде такой деятельности сыграли выступления в печати педагогов и орнитологов Н.И. Дергунова и П.П. Смолина и работа БЮН (Владимиров, 1928; Всесвятский, 1928а; Благо-склонов, 1980).

Рекламным рупором и анализатором такой работы стали «Листки Биостанции юных натуралистов имени К.А. Тимирязева» (рис. 2). Выпуски выходили ежемесячно с 1924 по 1930 гг. и представляли собой тонкие брошюры из 16 страниц на газетной бумаге без обложки (с 1929 г. каждый номер был с индивидуальной

обложкой). С последним номером года издавалась обложка с содержанием за год, в которую вкладывались отдельные номера («листки»). Это печатное издание отражало содержание и характер юннатской деятельности в 1920-е гг. На его страницах печатали юннатские передовицы, методические статьи, отчёты о работе в регионах, заметки о наблюдениях в природе и сельскохозяйственных угодьях.

Другими популярными направлениями работ в кружках юных натуралистов в 1920–1930-е гг. были фенологические (для 86% кружков) и метеорологические (80%) наблюдения, изучение жизни леса (76%) и водоёмов (почти 50%), коллекционирование (60%). Однако прикладная исследовательская составляющая всё больше смещалась с объектов дикой природы на сельскохозяйственные — на опыты с агрокультурами, изучение насекомых-вредителей и болезней растений, одомашнивание животных, шелководство и цветоводство, кролиководство и птицеводство, борьбу с комарами, клопами и комнатными мухами, изучение промысловых рыб и борьбу с оврагами. Тем не менее, около 15% кружков ещё занималось кольцеванием птиц и около 20% — экспедиционной деятельностью (Кобяков, 1928).

Работа БЮН как основоположника натуралистического движения и методического центра «юннатства» в Москве и в Советском Союзе в целом была многократно и подробно описана (Смолин, 1925; Владимиров, Дормидонтов, 1928; Всесвятский, 1928б; Благосклонов, 1980; Орлова, 2001, 2002; Маслов, 2008;), поэтому она не входит в круг интересов настоящей работы. Следует лишь отметить, что мощная «школа натурализма» сформировалась также в Петрограде/Ленинграде (Полянский, 1921; Райков, 1926, 1960; Самокиш, 2014). Эти две школы (в Москве и Петрограде/Ленинграде) постоянно дискутировали и до определённой степени чуть ли не враждовали между собой за идеологию юннатского движения (Всесвятский, 1925, 1926, 1929; Кобяков, 1928; Фунтиков, 1928). Суть разногласий состояла в противопоставлении или объединении «юннатства» (практического изучения дикой природы) и детского сельхоздвижения (Кобяков, 1928). Питерцы отстаивали обязательность экспедиционно-исследовательского метода в образовательном процессе: создавали школьные экскурсионные биологические станции на природе для проведения исследований, печатали журналы «Естествознание в школе» и

Рис. 2. Титульный лист одного из выпусков Листков Биостанции юных натуралистов.

Fig. 2. Title page of one of the issues of the Leaves of the Biological Station of Young Naturalists.

«Экспедиционное дело», на страницах которых описывали методики полевых исследований, занимались просветительной работой. Фактически именно они стали продолжателями богдановских идей.

В конце 1920-х гг. в Зоологическом музее недолгое время работал свой зоологический кружок, который возглавляла М.А. Кожевникова (жена заведующего Кафедрой и Музеем зоологии Г.А. Кожевникова). Она была достаточно авторитетным педагогом-зоологом. Кроме того, в архивных документах Зоомузея упомянуто учреждение школьного кружка в 1937 г. К сожалению, других сведений об этих сугубо музейских кружках найти не удалось.

[Упомянем, что среди выпускников зоологического кружка Кожевниковой был талантливый энтомолог А.Ф. Каменский, погибший потом на фронте.]

* * *

Политизирование естественно-научного образования привело к достаточно печальным результатам. Богдановский научно-исследовательский метод, который пропагандировала школа петроградского (ленинградского) педа-

гога-биолога Б.Е. Райкова, фактически оказался вне закона, он был подавлен БЮНовской идеей общественно-полезного преобразования природы. Ставшее классическим изучение живых организмов в природе было объявлено «аристократическим сюсюканьем над букашками и таракашками» (Борейко, 1996, с. 192). Известные в Москве массовые школьные мероприятия, такие как «Дни птиц», стали называться «Днями курицы», «Дни леса» — «Днями борьбы с мухой», конкурсы на лучший заказник — соцсоревнованиями на лучшего шефа молодняка. Популярный московский журнал «Юный натуралист» был переименован в «Юный колхозник», «Листики БЮН» стали выпускаться под названием «За массовое опытничество», юннатские кружки вообще стали именовать «детскими колхозами» (Борейко, 1996).

Таким образом, в советский период (особенно ярко это проявилось в первые годы существования СССР) в юннатском кружковом движении стала преобладать концепция производственно-трудового обучения — через вовлечение в работу на учебно-опытном или садовом участке, в школьных лесничествах и ученических производственных бригадах. Приоритет общественно-полезных аспектов при снижении (а порой и полном игнорировании) роли личностных устремлений индивидуума определял систему воспитания подрастающего поколения. Значение приобретала только та наука, которая могла приносить конкретную пользу обществу, т. е. сельскохозяйственная биология.

Отстаивая это направление, Н.К. Крупская (1927, с. 5) образно отмечала, что «среди преподавателей естествознания существует два течения: одно яростно отстаивает “чистоту” естествоведческого преподавания, боится, чтобы науку не выселили из храма, в котором она обитала, и не переставили в хлев, другое течение столь же страстно отстаивает увязку науки с жизнью». «Правое течение», как его называли порой, стремилось максимально приблизиться к природе, изучая её; «левое течение» на первое место ставило общественно-полезную работу, т. е. трудовое воспитание (Верзилин и др., 1956). Эти два направления стали характерной чертой юннатского движения 1920-х годов.

Конфликт между этими течениями был разрешён очень просто: «правое течение» в лице ленинградского педагога-биолога Б.Е. Райкова было фактически разгромлено, его лидер, как и многие его соратники, весной 1930 г. попал в

ГУЛАГ, руководимые им Российское общество распространения естественно-исторического образования, редакции журналов «Естествознание в школе» и «Живая природа» были закрыты (Борейко, 1996).

В 1930 г. вышло постановление ЦК ВЛКСМ «О слиянии Центрального бюро юных натуралистов с Центральной опытной сельскохозяйственной станцией ЦК ВЛКСМ». Оно фактически провозгласило победу «левого течения» в естествоведении и, как считают многие исследователи, стало началом кризиса экологического образования в нашей стране (Борейко, 1996).

В таких условиях популяризировать естественно-научные знания и исследовательские навыки как в школах, так и в университете стало достаточно непросто. Многие педагоги заняли иные «ниши», перешли на другую работу или стали камуфлировать традиционную методику естественно-научного образования под новые веяния.

Это коснулось и сотрудников университетского Зоологического музея, многие из которых подрабатывали в школах и других вузах. Им приходилось внедрять в процесс обучения прикладные аспекты, в тематиках экскурсий по залам музея часто присутствовал контекст практического использования тех или иных животных, значения их в народном хозяйстве (Дунаев и др., 2003).

Возможно именно такая обстановка в стране определила то, что в Зоомузее в течение почти двух десятилетий не работали ни школьные, ни студенческие научно-познавательные биологические кружки. В апреле 1941 г. ректор МГУ А.С. Бутягин и директор музея Н.Н. Филиппов выразили благодарность в приказе за большую работу со школьниками Н.В. Шибанову (Дунаев и др., 2003), но скорее всего это было связано с экскурсионной деятельностью в стенах музея.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ КРУЖКИ В ЗООЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Хотя до окончания советской эпохи в Зоомузее не было своего юннатского кружка, в здании Музея проходили занятия некоторых известных в Москве биологических объединений школьников. Один из них — кружок Юношеской секции Всероссийского общества охраны природы, более известный как Кружок ВООП, созданный в 1949 г. замечательным педагогом П.П. Смолиным (ППСом, как его называли многочислен-

ные ученики). Школу ППСа прошли многие нынешние известные биологи: А.В. Яблоков, Н.Н. Воронцов, Е.Н. Панов, Ю.Г. Пузаченко, Ю.С. Равкин, П.П. Второв, Н.Н. Дроздов, Ф.Я. Дзержинский и др. Всего из этого кружка вышло 15 докторов и более 50 кандидатов наук; некоторые из них работали и работают в Зоомузее (В.С. Никольский, И.Я. Павлинов, О.В. Волцит).

[Кружок ВООП имеет богатую историю (Преображенская, 1997; Раутиан, 2000; Иванов, 2008; Гулыга и др., 2008), описание которой выходит за рамки задач данной публикации. Сейчас это — одно из успешно работающих юннатских объединений Москвы. Его историческое самоназвание «Кружок ВООП» давно потеряло своё значение, поскольку уже этот Кружок не связан с указанным обществом. Практически с самого начала он базировался в Дарвиновском музее, поэтому его современное наименование — Биологический кружок «ВООП» при Государственном Дарвиновском музее. Кружок сохраняет образовательные принципы, сформулированные П.П. Смолиным: исследовательская работа в естественных природных условиях (логичное продолжение богдановских идей) и «общественный момент» (в понимании ППСа: обучение в составе разновозрастных групп школьников). С 1975 г. руководителем (в настоящее время координатором коллектива педагогов) является Е.С. Преображенская, ученица П.П. Смолина.]

Образовательная структура Кружка ВООП включала занятия на базе различных биологических учреждений Москвы. В ППСовский период (1950–1975 гг.) по средам лекции и практикумы по зоологии иногда проходили в Зоологическом музее МГУ — чаще в экспозиционных залах, иногда на хорах. Некоторые из выпускников Кружка вспоминали, что порой приходилось осваивать знания, буквально сидя на ступеньках музейных лестниц. Кружковцам демонстрировали коллекции, школьники определяли птиц по тушкам и записывали в тетради отличительные признаки и сведения по распространению, экологии и этологии (Аверьянов, 2008). До сих пор Кружок ВООП некоторые лекции проводит в экспозиционных залах Зоомузея.

С 1996 по 2008 г. Кружок выпускал журнал «Вестник ВООП», в котором печатались труды юннатов и их руководителей по экологии, зоологии, ботанике и смежным дисциплинам. Он был рассчитан на широкую аудиторию, но в основном на юннатов, студентов и молодых учёных. Основная цель издания состояла в поддержке юных исследователей на пути их становления как специалистов-биологов. Такой журнал логично продолжал идею публикаций

учащихся и профессоров, начатую ещё в Трудах Студенческого кружка для исследования русской природы.

Периодически до конца 1950-х гг. в Зоомузее МГУ проходили занятия другого известнейшего юннатского кружка — КЮБЗа (Любарский, 2009), до сих пор сохраняющего традиции в подготовке новых поколений биологов (Шаховская, 2008). Ребята слушали лекции, учились определять животных по коллекционным тушкам. Специально для такой работы в отделе млекопитающих была создана учебная коллекция из малоценных в научном отношении материалов (Михайлов, 2002).

Очевидно, что поворот к кружковскому образованию, наметившийся еще во времена кружков П.П. Смолина и П.А. Мантейфеля 1950–1960-х гг., был вызван общей тенденцией к более ранней специализации юношества в естественных науках. Спустя много лет после событий середины XIX в. восстановилась и естественно-научная специализация отдельных классов и целых средних школ. С середины 1962 г. в школах были введены т. н. «уклоны» — «производственная специализация». Причём наряду с техническими уклонами были и биологические, в том числе при МГУ. Успешно окончившие такой класс получали аттестат лаборанта-биолога, пройдя через многие кафедры Биологического факультета. Разумеется, это образование далеко выходило за рамки производственного обучения. Многие кружковцы, связанные с музеем, а также ВООПом, КЮБЗом и другими кружками, учились в биологических классах 109-й средней школы при МГУ, некоторые из них и сейчас работают в Зоологическом музее.

Более регулярно в стенах музея работал Кружок юных биологов при Московском обществе испытателей природы (МОИП) под руководством А.П. Разорёновой. Среди московских биологов и педагогов этот кружок часто ассоциировали именно с Зоомузеем (Тишков, 2005; Покровская, Тишков, 2008). Хотя формально он не относился к Музею, занятия проходили в его стенах — как в комнатах МОИП, так и в Зоологической аудитории; практикумы по определению птиц проводились в отделе орнитологии. Формы работы А.П. Разорёновой с детьми вполне сочетались с богдановскими принципами: экспедиционно-экскурсионная деятельность, практикумы и лекции. Кружковцы ходили на семинары секций МОИП и Зоомузея в качестве

слушателей. Разорёнова «пристраивала» своих воспитанников в различные заповедники для помощи в проведении исследований сотрудниками этих учреждений. Из Кружка Разорёновой вышли такие известные биологи как А.А. Тишков, Н.В. Кучерук, Б.И. Шефтель; некоторые из них активно пополняют научные коллекции Зоомузея. Многие «разорёновские» ученики работали и работают сейчас в ведущих научных учреждениях Москвы, в том числе на Биологическом факультете МГУ (недавно умерший А.М. Гиляров, Н.А. Формозов, С.А. Баландин и др.); П.С. Томкович в настоящее время заведует сектором орнитологии Зоомузея.

Стоит еще упомянуть студенческий кружок Биологического факультета МГУ, существовавший после Великой Отечественной войны, в руководстве которого был известный зоогеограф и колеоптеролог, участник войны О.Л. Крыжановский. После окончания МГУ он всю жизнь проработал в стенах Зоологического института АН СССР/РАН (Ленинград/Санкт-Петербург), стал одним из авторитетнейших специалистов.

С 1959 по 1965 г. в Зоологическом музее МГУ школьный кружок вела лаборантка отдела орнитологии С.В. Луцкая (Михайлов, 2002; Любарский, 2009), однако сведений о нём в доступных архивах, по-видимому, не сохранилось.

В развитии московской энтомологии особое значение имел кружок при Кафедре энтомологии Биологического факультета МГУ (Михайлов, 2002; Любарский, 2009). Его предысторией было собрание школьников в Зоомузее у Н.Н. Плавильщикова, однако это общение не имело ещё статуса официального кружка. Собственно кружок был создан в 1964 г. по решению заведующего Кафедрой энтомологии профессора Е.С. Смирнова, пошедшего навстречу просьбам школьников, интересующихся насекомыми. Вначале занятия вёл студент 1-го курса В.В. Жерихин, с 1965 по 1982 г. кружком руководила Е.М. Антонова, проводившая его занятия преимущественно в Зоомузее. В отдельные годы этот кружок посещало до 54 школьников, как, например, в 1970 г. (Михайлов, 2002). Некоторые кружковцы помогали в технической работе в энтомологическом отделе Музея — принимали активное участие в разборе, определении и постановке музейных коллекций насекомых. «В значительной мере вокруг зоомузейского отдела энтомологии сложилась команда будущих ПИНовских и не только ПИНовских энтомологов (А.П. Расни-

цын, Ю.А. Попов, В.В. Жерихин, А.Г. Пономаренко, А.Г. Креславский) под руководством Е.М. Антоновой. Только ради этой команды в пять натур Елене Михайловне памятник можно ставить», — писал А.С. Раутиан (2000, с. 106). Кроме перечисленных «натур», следует указать и других профессиональных энтомологов (О.С. Корсуновская, К.Ю. Еськов и др.), в том числе работающих в Зоомузее (А.В. Свиридов, Г.Ю. Любарский); занимавшийся у Антоновой с 7-го класса А.Л. Озеров сейчас заведует в Музее сектором энтомологии.

* * *

Таким образом, многие юннатские кружки в советское время к Зоомузее не имели прямого «ведомственного» отношения, однако их занятия проходили в Зоологическом музее. Благодаря этому они в значительной части сохраняли традиции российской биологической школы образования, берущей начало от идей А.П. Богданова. Некоторые из этих кружков имели узкую предметную ориентацию (орнитология, энтомология), для других была характерна многопредметность.

Кружок юных натуралистов Зоологического музея МГУ

Кружок юных натуралистов Зоологического музея МГУ (КЮН ЗМ МГУ) — первый и единственный в истории Зоомузея долго и активно действующий школьный натуралистический (биологический) кружок, принадлежащий целиком Зоомузее и продолжающий традиции богдановской школы университетских естественно-научных кружков (Дунаев, 2008б). Он был основан научным сотрудником отдела герпетологии Зоомузея Е.А. Дунаевым в 1991 г., в эпоху сложных социально-политических преобразований в стране. Таким образом, в 2016 г. Кружку исполняется четверть века.

«Ветвь филогенетического древа» в системе юннатского движения, на которой располагается КЮН ЗМ МГУ, берёт начало от ВООПовского ствола. После смерти П.П. Смолина несколько его учеников создали свои кружки, одним из которых (Кружок юных натуралистов при Молодёжном Совете МГУ по охране природы, позднее — Экспериментальное биологическое объединение Дома научно-технического творчества молодёжи, ЭБО ДНТТМ) руководил выпускник Кафедры геоботаники Биологического факультета МГУ Н.П. Харитонов. Совместно с ним были отработаны программное обеспече-

ние лекционных занятий и некоторые структурные принципы работы с юннатами, апробация которых длилась с 1982 по 1991 г. на базе кружка ЭБО ДНТТМ (Дунаев, 1986; Харитонов, Дунаев, 1987, 1989, 1992; Харитонов и др., 1991).

Поиск финансовой поддержки периодически приводил КЮН ЗМ МГУ к разным государственным организациям — в Дом научно-технического творчества молодёжи Московского городского дворца детского (юношеского) творчества, в Московскую городскую станцию юных натуралистов (ныне Московский детско-юношеский центр экологии, краеведения и туризма) и др. Однако при всех обстоятельствах Кружок оставался верен Музею и Университету: он никогда не менял названия и музейной атрибутики, все занятия проводились в стенах Музея — сначала в лектории, потом в специально предоставленном помещении.

* * *

Структурно КЮН ЗМ МГУ объединяет две группы: Основной состав (обучение длится 3.5 года) и Стажёрскую группу (0.5 года), которая набирается каждый год из числа школьников 8–9-го классов (Дунаев, 2008а). По окончании стажёрского курса учащиеся — после сдачи зачётов, защиты реферата по литературным источникам на выбранную ими тему из числа предложенных и характера посещаемости занятий — на конкурсной основе зачисляются в Основной состав.

Учебная программа КЮН ЗМ МГУ, рассчитанная на четыре года обучения, аккумулирует и развивает практически все апробированные ранее формы натуралистической работы. В ней гармонично сочетаются теоретическая и практическая составляющие, где исследовательский подход во многом играет определяющую роль (Дунаев, Смирнов, 2007). Познавательный аспект ориентирован на биоцентричные принципы (Дунаев, Смирнов, 2008). В 1997 г. Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации эта программа признана авторской (свидетельство № 443).

Особой формой иллюстрации курсов являются тематические экскурсии-лекции в музеи, ботсады, зоопарк (Смирнов, Дунаев, 2013). Примерами служат: экскурсия по разнообразию птиц фауны Средней России, представленных в коллекции Московского зоопарка; геоморфологические и ландшафтные особенности природных зон по экспозиции Музея землеведения МГУ; морфоэкологические особенности

археогониальных растений в оранжереях Ботанического сада РАН; принципы и особенности организации различных групп беспозвоночных животных, земноводных, пресмыкающихся, рыб, птиц и млекопитающих в Зоомузее МГУ.

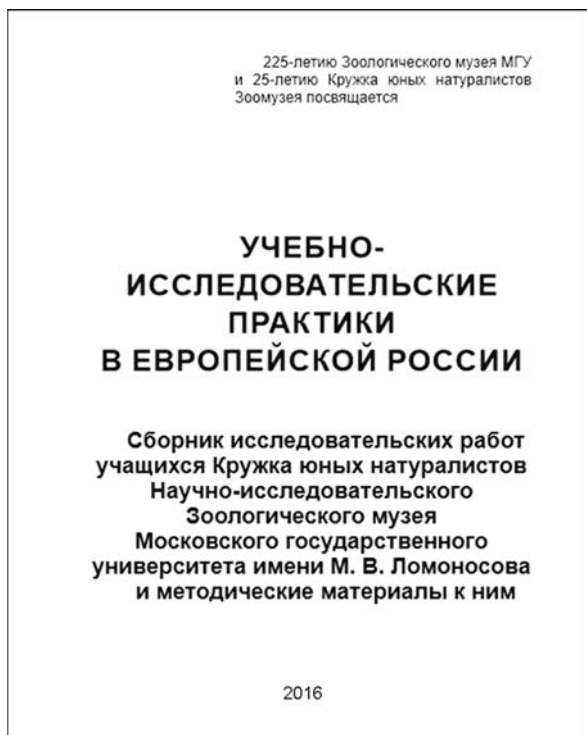
Для Стажёрской группы читается подготовительный курс теоретических занятий, призванный помочь учащимся освоиться в специфике предмета, ознакомиться с основными биологическими терминами, понятиями и законами, приобрести опыт и навыки натуралистической работы.

Продолжением лекционных курсов служат практикумы. Основное число лабораторно-практических занятий отведено на определение различных групп организмов, оно сопровождается зарисовкой объектов и признаков, имеющих таксономическое или эколого-адаптивное значение. В этих занятиях фактически отражена богдановская идея снабжать каждый курс лекций практикумами.

Широко используются маршрутные (экскурсионные) выезды. Однодневные выезды на природу («в поле») проводятся с периодичностью 1–2 раза в месяц. На них отрабатываются навыки ведения полевых дневников (Дунаев, Водопьянов, 2012), геоботанического описания биотопов (Дунаев, 1999б), умение точно и грамотно фиксировать экологические явления; проводится обучение полевым признакам растений, грибов, животных при их определении (Дунаев, 1997а,б, 1999а,б; Дунаев, Барсукова, 1999), умению различать птиц по голосам, фотографировать и многое другое.

Следует напомнить, что выездные экскурсии на природу с познавательными-образовательными целями практиковал ещё Студенческий кружок для исследования русской природы, но они носили бессистемный и спонтанный характер (как и у большинства современных натуралистических кружков). В КЮН ЗМ МГУ впервые разработана планомерная система сезонных тематических выездов.

Более масштабными являются практики в форме учебных биологических экспедиций. Традиционно основные задачи таких практик группируются по трём направлениям: знакомство с живой природой региона (включая приобретение навыков определения организмов), освоение методик полевых исследований и изучение форм и способов взаимосвязей живых организмов с окружающей средой и друг с другом (т. е. эколого-адаптивных особенностей), причём наиболее важными считаются при этом

Рис. 3. Титульный лист Сборника исследовательских работ учащихся Клуба юных натуралистов Зоологического музея МГУ.

Fig. 3. Title page of the Collection of research articles of members of the Young Naturalists' Circle at the Zoological Museum of Moscow University.

флористико-фаунистические наблюдения (Шилов, 1983).

Другой тип практик (ландшафтно-ознакомительные экспедиции) проходит в различных природных зонах России — от карельской тайги и тундры Кольского полуострова до астраханских пустынь и от крымских ксерофитных субтропиков до приамурских сопок, покрытых особыми местными дубравами. Основной целью этих практик-экспедиций становится ознакомление со специфической флорой и фауной, уникальными ландшафтами страны, разнообразием экологических условий обитания живых организмов. Места проведения ландшафтно-ознакомительных практик выбираются таким образом, чтобы за весь период обучения учащиеся могли наиболее полно ознакомиться с разнообразными биологическими компонентами различных природных зон (Дунаев, 2016а,б).

Один из важных компонентов образования в КЮН ЗМ МГУ — обучение оформлению устных и стендовых докладов по результатам исследовательских работ. Различные аспекты этой формы деятельности (подготовка презентаций, алгоритм написания тезисов и реферата исследования, правила форматирования текста,

психология выступления перед публикой и т. п.) освещаются на некоторых занятиях Стажёрской группы и отрабатываются при выполнении большинства исследовательских работ в течение учебного года. Продолжением этого направления работы КЮН является обучение письменному оформлению результатов исследований в форме статей; лучшие из них публикуются в сборниках (рис. 3).

Важной частью деятельности Клуба является обучение работе с музейными коллекциями. В настоящее время Клуб обладает несколькими собственными коллекционными собраниями общим объёмом около 6000 экз. Все они применяются для учебных целей на практикумах. Материалы этих собраний активно используются также на выставках Зоомузея МГУ и для проведения различных массовых мероприятий, например, для ежегодного «Фестиваля науки». Наиболее значимые материалы периодически поступают в фондовые коллекции Зоомузея МГУ.

Библиотечный фонд Клуба насчитывает более 1700 книг и отисков статей, среди которых много раритетных изданий и определителей с автографами авторов. Библиотека содержит монографии по фауне и флоре регионов, методические пособия, определители практически по всем группам растений и животных России, биологические атласы-определители и справочники, а также научно-популярную биологическую литературу. Книги используются Клубом как на практиках, так и при подготовке реферативных работ.

По результатам опыта, накопленного на практиках КЮН ЗМ МГУ, были созданы методические пособия и разработки (Дунаев, 1997а, б, 1999а,б; Дунаев, Барсукова, 1999; Орешкина, 2000; Моргун, 2002; Смирнов, Дунаев, 2005, 2013; Дунаев, Водопьянов, 2012). Серия методических пособий по изучению экологии и фауны (флоры) Московской области под общим названием «Природа Подмосковья» (Дунаев, 1997а,б, 1999а,б; Дунаев, Барсукова, 1999; Крюков, 2000) получила всероссийское признание и премию «Педагогические инновации — 2001» Московского комитета образования. Позднее эта серия была продолжена другими авторами (Моргун, 2002; Цветков, 2002; Коротков, 2004).

* * *

Таким образом, в настоящее время Клуб юных натуралистов Зоомузея МГУ является одной из наиболее авторитетных организаций

подобного профиля в Москве, занимающейся качественным многопрофильным биологическим образованием школьников и достойным продолжателем образовательных традиций в биологии, заложенных А.П. Богдановым почти 130 лет назад.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверьянов А.[А.]. 2008. Наш кружок. — Потому что я их люблю (ППС и ВООП). Москва [б. и.]. С. 59–72.
- Бартепов А.Н. 1908. Коллекция стрекоз из окрестностей озера Увильды Екатеринбургского уезда Пермской губернии. — Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете, 41 (1): 1–40.
- Бартепов А.Н., Гиндце Б.К., Доктуровский В.С., Сидоров С.А. 1907. Отчёт о поездке членов Студенческого кружка для исследования русской природы в Минскую губернию летом 1905 года. — Труды Студенческого кружка для исследования русской природы, состоящего при Московском Императорском университете, 3: 1–41.
- Благосклонов К.Н. 1980. Из истории юннатского движения. — Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биологич., 85 (1): 123–128.
- Богданов А.П. 1888. Зоологическое учение и самообразование. — Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. LIV, Труды Зоологического отделения, Т. II, Летопись Зоологического отделения Общества за первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888 гг.), т. 1: Фаунистические работы Общества. С. 422–426.
- Борейко В.Е. 1996. Белые пятна истории природоохраны. СССР, Россия, Украина. Т. 1. Серия «История охраны природы», вып. 6. Киев: Изд. КЭКЦ и ЦОДП. 224 с.
- Верзилин Н.М., Рыков Н.А., Корсунская В.М., Рыков Н.А., Зверев И.Д. 1956. Развитие биологических понятий в V–IX классах. — Известия Академии педагогических наук РСФСР, 82: 14.
- Владимиров Г.[Н.]. 1928. Итоги «дня птиц» 1928 г. (по данным Центрального Бюро юннатов). — Листки Биостанции юных натуралистов имени К.А. Тимирязева, 5 (8): 115–119.
- Владимиров Г.Н., Дормидонтов В.Г. 1928. Биостанция юных натуралистов имени К.А. Тимирязева и московские кружки юных натуралистов. — Листки Биостанции юных натуралистов имени К.А. Тимирязева, 5 (6): 83–86.
- Всесвятский Б.В. 1925. К практике исследовательского метода. Москва: Нов. Москва. 81 с.
- Всесвятский Б.В. 1926. Исследовательский подход к природе и жизни. Москва: Работник просвещения. 76 с.
- Всесвятский Б.[В.]. 1928а. Памяти Николая Ивановича Дергунова. — Листки Биостанции юных натуралистов имени К.А. Тимирязева, 5 (8): 113–115.
- Всесвятский Б.В. 1928б. Десять лет Биостанции юных натуралистов им. К.А. Тимирязева. — Листки Биостанции юных натуралистов имени К.А. Тимирязева, 5 (8): 81–83.
- Всесвятский Б.[В.]. 1929. Ещё несколько слов о юннатском движении. — Листки Биостанции юных натуралистов имени К.А. Тимирязева, 6 (19): 295–298.
- [Гиндце Б.К.]. 1903. Годичный отчёт Студенческого кружка для исследования русской природы. Перечень занятий на заседаниях Кружка. — Труды Студенческого кружка для исследования русской природы, состоящего при Московском Императорском университете, 1: 3–16.
- Гиндце Б.К. 1909. Из поездки по Уралу летом 1906 года (отчёт Студенческому кружку). — Труды Студенческого кружка для исследования русской природы, состоящего при Московском Императорском университете, 4: 22–49.
- Гулыга Е., Аверьянов А.А., Князев В.Б., Леонтьева О.А., Фомин Б.Н. (ред.). 2008. Потому что я их люблю (ППС и ВООП). Москва [б. и.]. 288 с.
- Добрецова Н.В. 1998. Наши ориентиры: размышления над страницами истории юннатского и экологического движения. — Экология и образование, 1: 34–37 [Юннатский вестник, 3–4 (5): 2–5].
- Доктуровский В.С. 1905. Протоколы заседаний Студенческого кружка для исследования русской природы. — Труды Студенческого кружка для исследования русской природы, состоящего при Московском Императорском университете, 2: 3–12.
- Дунаев Е.А. 1986. Кружок энтузиастов. — Газета «Московский университет», 79 (3529): 4.
- Дунаев Е.А. 1997а. Методы эколого-энтомологических исследований. Москва: МГСЮН. 44 с.
- Дунаев Е.А. 1997б. Муравьи Подмосковья: методы экологических исследований. Москва: МГСЮН. 96 с.
- Дунаев Е.А. 1999а. Земноводные и пресмыкающиеся Подмосковья. Москва: МГСЮН. 84 с.
- Дунаев Е.А. 1999б. Деревья и кустарники Подмосковья в безлистном состоянии. Москва: МГСЮН. 232 с.
- Дунаев Е.А. 2008а. История создания и образовательные принципы работы кружка юных натуралистов Московского университета. — Современные методические аспекты экологического образования, вып. 4. Натуралистическое образование: традиции и современность. Москва: Экопресс. С. 100–116.
- Дунаев Е.А. 2008б. Студенческие и школьные натуралистические кружки Московского Уни-

- верситета. — Современные методические аспекты экологического образования, вып. 4: Натуралистическое образование: традиции и современность. Москва: Экопресс. С. 6–17.
- Дунаев Е.А. 2016а. Учебно-исследовательские практики Кружка юных натуралистов Зоологического музея МГУ. — Учебно-исследовательские практики в Европейской России. Сборник исследовательских работ учащихся Кружка юных натуралистов Научно-исследовательского Зоологического музея Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова и методические материалы к ним. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 8–17.
- Дунаев Е.А. 2016б. Структура и содержание ландшафтно-ознакомительных практик Кружка юных натуралистов Зоологического музея МГУ в Европейской России. — Учебно-исследовательские практики в Европейской России. Сборник исследовательских работ учащихся Кружка юных натуралистов Научно-исследовательского Зоологического музея Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова и методические материалы к ним. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 216–279.
- Дунаев Е.А., Барсукова Т.Н. 1999. Рогатиковые грибы Подмосковья. Москва: МГСЮН. 40 с.
- Дунаев Е.А., Водопьянов С.С. 2012. Правила ведения полевого дневника. — Методы полевых экологических исследований. Москва: Экопресс. С. 79–84.
- Дунаев Е.А., Орлова В.Ф., Россолимо О.Л. 2003. Шибанов Николай Владимирович. — Россолимо О.Л., Дунаев Е.А. (ред.). Московские герпетологи. Москва: Т-во науч. изд. КМК. С. 467–485.
- Дунаев Е.А., Смирнов И.А. 2007. Формы организации учебно-исследовательской деятельности учащихся на примере работы Кружка юных натуралистов Зоологического музея МГУ. — Исследовательская деятельность учащихся. Научно-методический сборник в двух томах, Т. 2. Практика организации. Москва: Общероссийское общественное движение творческих педагогов «Исследователь». С. 351–353.
- Дунаев Е.А., Смирнов И.А. 2008. Современные проблемы экологического образования (по материалам работ экологических конференций учащихся). — Современные методологические аспекты экологического образования, 4: 306–323.
- Железнова Л.Б. 2002. Внешкольное воспитание в дореволюционной России [Электронный документ]. — История дополнительного образования в России. Оренбургский ИПК. URL: http://bank.orenipk.ru/Text/t43_4.htm.
- Зверев И.Д., Мягкова А.Н. 1985. Общая методика преподавания биологии: пособие для учителя. Серия: Библиотека учителя биологии. Москва: Просвещение. 191 с.
- Зуев В.Ф. 1786. Начертание естественной истории, изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторья. Санктпетербург: типогр. Брейткопфа. Т. 1. 240 с.; Т. 2. 220 с.
- Иванов А.И. 2008. Биологический кружок Дарвиновского музея «ВООП». — Современные методические аспекты экологического образования, вып. 4: Натуралистическое образование: традиции и современность. Москва: Экопресс. С. 49–65.
- Калякин М.В., Дунаев Е.А. (ред.). 2013. Конкурс биологических исследовательских работ школьников. Тезисы докладов. Материалы конференции. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 98 с.
- Кобяков М.[А.]. 1928. Натуралистическая работа в СССР. — Листки Биостанции юных натуралистов имени К.А. Тимирязева, 5 (7): 107–111.
- Коротков Д.В. 2004. Зимующие птицы лесов и полей Подмосковья. Москва: ДНТТМ. 80 с.
- Крупская Н.К. 1927. Советская школа и естествознание. — Естествознание в трудовой школе, 1: 3–8.
- Крускоп С.В. 2000. Млекопитающие Подмосковья. Москва: МГСЮН. 172 с.
- Любарский Г.Ю. 2009. История Зоологического музея МГУ: идеи, люди, структуры. Москва: Т-во науч. изд. КМК. 744 с.
- Любарский Г.Ю. 2015. Карл Францович Рулье и Анатолий Петрович Богданов: мастерство организации науки. — Спасская Н.Н., Павлинов И.Я. (ред.). Любил Россию, Университет, Науку (посвящение А.П. Богданову). Зоологические исследования, 18: 89–109.
- Маслов А.Б. 2008. Из истории натуралистического движения России. — Современные методические аспекты экологического образования, вып. 4: Натуралистическое образование: традиции и современность. Москва: Экопресс. С. 18–32.
- Михайлов К.Г. 2002. Краткий очерк истории Зоологического музея МГУ (1917–1978). Москва: Т-во науч. изд. КМК. 59 с.
- Моргун Д.В. 2002. Булавоусые чешуекрылые европейской России и сопредельных стран. Определитель-справочник. Москва: МГСЮН. 202 с.
- Орешкина Н.Я. (сост.). 2000. Сборник нормативных документов по охране труда для учреждений дополнительного образования эколого-биологического профиля. Требования безопасности и правовая ответственность. Москва: МГСЮН. 60 с.
- Орлова Л.М. 2001. Навстречу 85-летию Центральной станции юных натуралистов и экологов Минобразования России. Колыбель юннатско-

- го движения. — Юннатский вестник, 2 (13): 4–8.
- Орлова Л.М. 2002. Навстречу 85-летию Центральной станции юных натуралистов и экологов Минобразования России. Колыбель юннатского движения. — Юннатский вестник, 1 (15): 6–10.
- Покровская И.В., Тишков А.А. 2008. О кружке юных биологов при Московском Обществе испытателей природы (МОИП). — Современные методические аспекты экологического образования, вып. 4: Натуралистическое образование: традиции и современность. Москва: Экспресс. С. 33–48.
- Полянский И.И. 1921. Опыт новой организации экскурсионного дела в школах. Экскурсионная секция и экскурсионные станции. — Экскурсионное дело, 1: 5.
- Преображенская Е.С. 1997. О кружке ВООП. — Экологический центр «Экосистема». <http://www.ecosystema.ru/voop/hist/okruj97esp.htm>.
- Проект устава В.О.Ю.Н. (Всесоюзного объединения юных натуралистов), принятый съездом. — Листки Биостанции юных натуралистов имени К.А. Тимирязева, 1924, 1 (11): 89–90.
- Райков Б.Е. 1921. Методика и техника проведения экскурсий. Москва: ГИЗ. 81 с.
- Райков Б.Е. 1926. К истории педагогических биостанций. — Естественное знание в школе, 1: 48–73.
- Райков Б.Е. 1930. Методика и техника экскурсий. Москва–Ленинград: ГИЗ. 81 с.
- Райков Б.Е. 1960. Пути и методы натуралистического просвещения. Москва: АПН РСФСР. 483 с.
- Раутиан А.С. 2000. Так жизнь прожить нельзя, это очевидно. — Друзья, нам судьба повелела... Биологическому кружку Дарвиновского музея «ВООП» 50 лет. Москва: Т-во науч. изд. КМК. С. 102–123.
- Россолимо О.Л., Дунаев Е.А. 2004. Актуальные проблемы современного экологического образования молодёжи и методы их решения в Зоологическом музее МГУ. — Ломоносовские чтения. Матер. секции музееведения. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 8–10.
- Самокиш А.В. 2014. Школьные и инструкторские биологические станции в Петрограде — Ленинграде. — Историко-биологические исследования, 6 (1): 48–71.
- Смирнов И.А., Дунаев Е.А. 2005. Изучение охотничьих млекопитающих школьниками (из опыта исследовательской деятельности кружка юных натуралистов Зоологического музея МГУ). — Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России. Материалы научно-практической конференции. Москва: МГООиО. С. 340–342.
- Смирнов И.А., Дунаев Е.А. 2013. «Универсальная технология» подготовки урока в музее. — II Международная научно-практическая конференция «Инновации в информационных технологиях и образовании». 1–2 ноября 2013 года, г. Москва. М.: ИТО-Москва-2013. <http://msk.ito.edu.ru/2013/section/237/92997/>.
- Смолин П.П. 1924. Материалы по юношескому натуралистическому движению по данным I Всесоюзного съезда юннатов и Биостанции юных натуралистов им. К.А. Тимирязева. — Листки Биостанции юных натуралистов имени К.А. Тимирязева, 1 (11): 81–88.
- Смолин П.П. 1925. Школа-колония БЮН и её работа. — Листки Биостанции юных натуралистов имени К.А. Тимирязева, 2 (17): 261–268.
- Тишков А.А. 2005. О биологическом кружке, Анне Петровне Разорёновой и «разорёновских детях». — Первое сентября. Биология, 11 (786), 01–15.06.2005. http://bio.1september.ru/view_article.php?ID=200501107.
- Троицкий В.[В.]. 1909. Предварительный отчёт о поездке во владения Провальского Войскового завода (область Войска Донского). — Труды Студенческого кружка для исследования русской природы, состоящего при Московском Императорском университете, 4: 76–88.
- Троицкий В.[В.], Гальцов П.[С.]. 1909. Предварительный отчёт об экскурсии на Карское плоскогорье (1906 г.). — Труды Студенческого кружка для исследования русской природы, состоящего при Московском Императорском университете, 4: 134–146.
- [Удальцов А.Д.]. 1907. Протоколы заседаний и отчёт Студенческого кружка для исследования русской природы. — Труды Студенческого кружка для исследования русской природы, состоящего при Московском Императорском университете, 3: 152–156.
- Фунтиков Г. 1928. Письмо в редакцию. Изучение для... изучения (об одной юннатской экспедиции). — Листки Биостанции юных натуралистов имени К. А. Тимирязева, 5 (1): 8–9.
- Харитонов Н.П., Дунаев Е.А. 1987. Экологическая подготовка школьников в кружке юных натуралистов при Молодёжном совете МГУ по охране природы. — Экологическое образование и воспитание (Тезисы докладов Всесоюзн. конф. 11–13 мая 1987 г.). Таллин. С. 90–91.
- Харитонов Н.П., Дунаев Е.А. 1989. Об опыте экологической подготовки в школьных кружках юных натуралистов (на примере работы с кружком юных натуралистов при Молодёжном совете МГУ по охране природы). — Проблемы взаимодействия человека и биосферы. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 236–238.
- Харитонов Н.П., Дунаев Е.А. 1992. Изучение внездовой жизни муравьёв. Методическое пособие по выполнению учебно-исследовательской темы. Москва: МГДПиШ. 32 с.

- Харитонов Н.П., Дунаев Е.А., Волгин С. А. 1991. Морфологическое описание растения. Флористический дневник. Методическое пособие по выполнению учебно-практической темы. Москва: МГДПиШ. 40 с.
- Цветков А.В. 2002. Зимняя экология копытных млекопитающих Подмосковья. Москва: МГСЮН. 76 с.
- Шаховская Н.Д. 2008. Кружок юных биологов зоопарка — КЮБЗ. — Современные методические аспекты экологического образования, вып. 4: Натуралистическое образование: традиции и современность. Москва: Экопресс. С. 80–89.
- Шведчикова Н.К. 2006. Отдел флоры Крыма. — Баландин С.А. (ред.). Гербарий Московского университета (MW): история, современное состояние и перспективы развития. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. С. 70–77.
- Шилов И.А. 1983. Методическое руководство к летней практике по зоологии позвоночных. Москва: Изд-во Московск. госуд. универ. 44 с.
- Щёголев Г.Г. 1909. Протоколы заседаний. Отчёт Студенческого кружка для исследования русской природы. — Труды Студенческого кружка для исследования русской природы, состоящего при Московском Императорском университете, 4: 1–21.

Часть третья
ПРИЛОЖЕНИЯ

Part three
SUPPLEMENTS

*Задача [истории] — показать, как всё
происходило на самом деле.*

Леопольд фон Ранке

Часть комплекса зданий Московского университета, перестроенного из городской усадьбы Пашкова (архитектор Е.Д. Тюрин), с фасадами по левой стороне Никитской ул. (вид со стороны Долгоруковского пер.), где располагался Зоологический музей в 1837–1901 гг.; здание Музея центральное в ряду, между церковью св. Татианы и бывшим домом Рихтера, вход в здание с университетского двора; фотография 1887 г.

A part of the building complex of the Moscow University rebuilt from the Pashkov's town estate (architect E.D. Tyurin), with the fronts along the left side of Nikitskaia str. (view from Dolgorukovskii lane), where the Zoological Museum was situated in 1837–1901; the Museum building is central in the row, between St. Tatiana Church and former Richter's house, entrance to the building from the University courtyard; photo of 1887.

ТАБЛИЦА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ

Термин в публикуемом тексте	Современный эквивалент
БИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ	
акажу	кешью
астроит	звёздчатый коралл
белильная трава	фукус
бернард эрмит	рак-отшельник
бецоар	безоар
двуутробка	опоссум
китайское опахало (дерево)	бамбук
животнорастения	губки, кораллы
змея с колокольчиком	гремучая змея
зоофиты	то же, что животнорастения
индейская свинья	пекари
камнерастения	мадрепоровые кораллы
королы, корольки	кораллы
кружевное дерево	кружевное дерево
литориты	то же, что камнерастения
мадрепоры	мадрепоровые кораллы
малый голард	?
медузина голова	голова Горгоны (офиура)
мнимые морские растения	то же, что животнорастения
морской пёс	кошачья акула
пащека	челюсть млекопитающего
поросты	водоросли
сарачинское пшено	рис
серая амбра	серая амбра
скиллы	вероятно, усонogie ракообразные
сосцепитающие	млекопитающие
травник	гербарий
фолада	камнеточец (двустворчатый моллюск)
черепашечные животные	то же, что черепокожие
черепокожие	ракообразные

Прим. ред. В настоящей таблице приведены современные эквиваленты биологических и минералогических терминов, встречающихся в помещённых в настоящий сборник публикациях А.А. Антонского и Г.И. Фишера. Материал подготовили И.Я. Павлинов, А.В. Свиридов.

МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ	
бисмут	висмут
гагат	гагат
гадолинит	гадолинит
жабик	окаменелый зуб зубатки (рыба)
жад	общее название жадеита и нефрита
железный цвет	гематит?
жировик	талькохлорит
земли известковые	земли известковые
земли итрианские	земли иттриевые (оксид иттрия)
земли квасцовые	квасцы сернокислые
земли печатные	вероятно, квасцы свинцовые
земли цирконные	земли цирконные
инкас	серный колчедан
кис	преимущественно железный колчедан (пирит)
кровавик	гематит
никколевая руда	никелевая руда
оловянный гранат	касситерит
перельфт	переливт (дикнит-кварцевый агрегат)
серебряная красная руда	прустит
трохалит	трохолит (окаменелая спиральная раковина)
хрустари	хрустали
шерл	чёрный турмалин
шиферы	глинистый сланец
шпиавтер	шпиатр (сплав олова и цинка)

ХРОНИКА ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

CHRONICLE OF THE ZOOLOGICAL MUSEUM OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

1755 г. — учреждение Московского университета с Кафедрой натуральной истории (при Медицинском факультете); ему отвели здание Аптекарского дома на левой стороне Неглинки.

1757 г. — братья Демидовы объявили о пожертвовании семейного собрания натуральной истории (бывший «кабинет Генкеля») Московскому университету; это собрание принял ко временному хранению в своём дворце в Санктпетербурге куратор Университета И.И. Шувалов.

1759 г. — дар Демидовых, насчитывающий около 6 тыс. предметов, перевезён в Московский университет и размещён в библиотеке, надзор за ним поручен обербиблиотекариусу М.М. Хераскову; на основе этого собрания при Кафедре натуральной истории учреждён Минеральный кабинет — предшественник Геологического музея им. Вернадского РАН и Зоологического музея МГУ.

1760-е гг. — Минеральный кабинет перенесён в отдельное помещение; в некоторых документах он начинает именоваться как Натуральный кабинет; надзор за ним поручен профессору Кафедры химии И.Х. Керштенсу; заведена первая «Шнуровая книга» (осталась без записей).

1770 г. — во главе Кафедры натуральной истории поставлен М.И. Афонин, также назначенный хранителем Минерального кабинета в связи с отставкой И.Х. Керштенса; составлена первая опись предметов Кабинета.

1777 г. — во главе Кафедры натуральной истории и Минерального (Натурального) кабинета

поставлен И.А. Сибирский в связи с отставкой М.И. Афолина.

1784 г. — во главе Кафедры натуральной истории и Минерального (Натурального) кабинета поставлены Ф.К. Курика и Ф.Г. Политковский в связи с кончиной И.А. Сибирского.

1785 г. — Ф.Г. Политковский становится единоличным главой Кафедры натуральной истории и Минерального (Натурального) кабинета в связи с кончиной Ф.К. Курики.

1791 г. — перевод Кафедры натуральной истории и Минерального (Натурального) кабинета из Аптекарского дома в центральную часть нового здания Университета на углу Моховой и Никитской (по правую сторону) улиц; закрепление названия «Кабинет естественной (натуральной) истории»; общий «надзор» над ним сохраняется за Ф.Г. Политковским; согласно университетским биографам, А.А. Антонский-Прокопович принимает участие в его хранении; этот год признан датой основания Зоологического музея МГУ.

1802 г. — Император Александр I пожертвовал Университету Семятичский кабинет естественной истории; П.Г. Демидов пожертвовал (в 1803?) Университету личное собрание предметов естественной истории и артефактов, библиотеку, а также 100 тыс. руб. для содержания Кафедры натуральной истории и профессора при ней.

1804 г. — согласно новому Уставу Университета существовавшая при нём единая Кафедра нату-

---

Прим. ред. В настоящей Хронике указаны главным образом изменения статуса и структуры Зоомузея, его переезды и ремонты, значимые изменения структуры, форм хранения и учёта коллекций, административно-штатные дела, имена заведующих Музеем и его подразделениями, хранителей; современные данные приведены согласно состоянию на середину 2016 г. Материал подготовил И.Я. Павлинов.

ральной истории упразднена, её зоологическая часть присоединена к вновь учреждённой Демидовской кафедре натуральной истории; профессором последней назначен Г.И. Фишер, получивший в своё ведение два университетских Кабинета (Музея) — прежний «Императорский» и вновь учреждённый «Демидовский».

1805–1806 гг. — приведение в порядок обоих Кабинетов естественной истории, их отдельное размещение в помещении из 6 смежных комнат (указание на то, что Кабинет/Музей в 1805 г. специализировался как зоологический, не имеет оснований); помещение открывается для посещения студентами и затем публикой.

1806–1807 гг. — Фишер публикует первый 4-томный каталог университетского собрания предметов натуральной истории, деля его по принадлежности на «Императорский» и «Демидовский» музеи; при нём хранителем служит Ришар.

Конец 1800-х гг. — существенное расширение помещения, занимаемого Музеем (ему передано одно из крыльев университетского здания).

1812 г. — в связи с нашествием Наполеона эвакуация Университета и с ним части предметов натуральной истории в Нижний Новгород; гибель оставшейся части коллекции в Московском пожаре.

1813 г. — возвращение Университета из Нижнего Новгорода; начало восстановления университетского собрания натуральных предметов, которое временно размещено в частном наёмном здании на Моховой; отдельное существование «Императорского» и «Демидовского» музеев *de facto* упразднено, они объединены в общий Музей естественной истории (так он отныне обозначается в университетских годовых отчётах) с разделами/кабинетами по зоологии и минералогии.

1818 г. — перенос Музея естественной истории во вновь отстроенное здание Университета.

1819 г. — Музей открывается для публики.

1822–1830 гг. — Г.И. Фишер публикует много-томный каталог Музея естественной истории (не деля по «ведомственной» принадлежности): список зоологических коллекций (без насекомых) вышел в 1822 г., энтомологических в 1829 г., минералогических в 1824, 1827 и 1830 гг.; в Музее заведена новая «Шнуровая книга».

1832 г. — самоотставка Г.И. Фишера от должности профессора Демидовской кафедры и заведующего Музеем естественной истории; его преемником становится его сын А.Г. Фишер.

1834 г. — назначение А.Л. Ловецкого ординарным профессором (главой) Демидовской кафедры и «надзирающим» за Музеем естественной истории в связи с переходом А.Г. Фишера на Кафедру ботаники; хранителем Музея указывается Ф. Ришар.

1835 г. — в структуре Московского университета, утверждённой его новым Уставом, ликвидирована Демидовская кафедра, вместо неё выделены две новые кафедры — зоологии и минералогии с геологией; также в Уставе не указан Музей естественной истории, но учреждены «учебные и вспомогательные пособия и заведения», среди которых Зоологический и Минералогический кабинеты, находящиеся в ведении профессоров профильных кафедр (А.Л. Ловецкий и Г.Е. Щуровский, соответственно; в годовых отчётах указываются как хранители кабинетов); однако в полных годовых отчётах Университета эти кабинеты указываются как разделы Музея естественной истории, находящегося под «главным ведением» кафедральных профессоров; А.Л. Ловецкий назначен профессором Кафедры зоологии, что делает его главой Зоологического кабинета, хранителем последнего указан Ф. Ришар; в университетских годовых отчётах указывается, что под «надзором» Ловецкого находится также Музей естественной истории.

1837 г. — перемещение большей части коллекций естественной истории (включая все зоологические и некоторые другие) в новое здание Университета по левую сторону Никитской ул. («Пашковский корпус»); с этого года в университетских годовых отчётах начинает фигурировать «Зоологический кабинет и Музеум естественной истории»; введение официальной должности хранителя Музея естественной истории, назначение на неё К.Ф. Рулье; утверждение «Инструкции хранителю Музея естественной истории Московского университета»; разделение коллекций Зоологического кабинета на «систематические» и «отечественные».

1840 г. — «неофициальная» передача Кафедры зоологии под начало К.Ф. Рулье (не имел профессорского звания) в связи с кончиной А.Л. Ловецкого; в университетском годовом отчёте Зоологический кабинет значится как раздел

Музея естественной истории, хранителем обоих указан Рулье.

1842 г. — назначение профессора Медико-хирургической академии И.Т. Глебова главой Кафедры зоологии; К.Ф. Рулье оставлен хранителем (согласно отчёту) «Зоологического кабинета и Музея естественной истории».

1843 г. — Передача в Музей естественной истории большей части зоологических коллекций Анатомического кабинета Московской медико-хирургической академии в связи с её присоединением к Московскому университету.

1846 г. — назначение К.И. Ренара хранителем «Зоологического кабинета и Музея естественной истории» в связи с отставкой К.Ф. Рулье от этой должности (назначен экстраординарным профессором Кафедры зоологии); отныне в полных университетских годовых отчётах состав Зоологического кабинета указывается отдельно для отечественного, систематического и сравнительно-анатомического собраний.

1848–1849 гг. — территориальное разделение зоологического (хранитель К. Ренар) и минералогического (хранитель Г.Е. Щуровский) кабинетов: первый остаётся в «Пашковском корпусе», второй по большей части возвращается в «старое» здание.

1850 г. — назначение К.Ф. Рулье ординарным профессором (заведующим) Кафедры зоологии, что делает его «формальным» (согласно Уставу) главой Зоологического кабинета; должность хранителя последнего, а также Музея естественной истории остаётся за К. Ренаром, который фактически руководит музейной работой.

1858 г. — исполняющим обязанности заведующего Кафедры зоологии становится А.П. Богданов (не имел профессорского звания) в связи с кончиной К.Ф. Рулье; Зоологический кабинет сохраняет статус одного из разделов Музеума естественной истории; за Ренаром сохраняется должность хранителя Зоологического кабинета, хранитель Музеума естественной истории не указан.

1861 г. — большая часть университетских коллекций естественной истории передана во вновь учреждённый Публичный музей; А.П. Богданов назначен хранителем их зоологического раздела; в университетских годовых отчётах начиная с этого года единый Музей естественной истории более не указывается, только отдельные Кабинеты (зоологический и минералогический);

в полных университетских годовых отчётах поступления в Зоологический кабинет приводятся отдельно для Публичного музея и для Кафедры зоологии.

1862 г. — А.П. Богданов назначен экстраординарным профессором (заведующим) Кафедрой зоологии и становится главой Зоологического кабинета.

1863 г. — новый университетский Устав подтверждает статус Кафедры зоологии (с двумя отделениями) и Зоологического кабинета (с лабораторией «для препарирования и набивания животных»); А.П. Богданов поставлен во главе Кафедры и одновременно Кабинета/Музея при ней; хранителем последнего назначен Н.К. Зенгер.

1864–1865 гг. — возвращение зоологических коллекций из Публичного музея в Университет; разделение их на научную (систематическую), учебную (лекционную) и показную (экспозиционную) части; введение «штатного разделения» между Кафедрой зоологии (профессоры, адъюнкты) и Зоологическим кабинетом/музеем (ассистенты, хранитель); введение новой единой «Шнуровой книги», в научной коллекции выделены основные группы хранения по таксономическому принципу (типы и некоторые классы беспозвоночных, классы позвоночных), каждой группе присвоена специфическая латинская литера; начат полный учёт коллекций (кроме насекомых) с нумерацией музейных предметов параллельно в разных «литерных» группах.

1865 г. — организация при Зоомузее специализированной научной библиотеки.

1866 г. — в связи с возвращением и упорядочением коллекций Зоологический кабинет/музей открывается для публики.

1877 г. — с этого года собрание зоологических предметов при Кафедре зоологии в университетских годовых отчётах титульно фигурирует только как Зоологический музей; его хранителем назначен Н.Ю. Зограф в связи с кончиной Н.К. Зенгера; лаборатория при Музее, превращённая в учебно-научную, начинает издавать труды в «Известиях ИОЛЕАЭ».

1883 г. — проведена частичная реорганизация структуры и системы хранения коллекций: в «главном научном отделении» оставлены только определённые (до вида) и особо примечательные экземпляры; устроено отделение для хранения вновь поступающих и неопределённых

материалов; выделены учебная и лекционная коллекции; отделены предметы для учебной препарировальной работы студентов.

1884 г. — согласно новому университетскому Уставу Зоологический музей поступает в официальное «заведование» руководителя Кафедры зоологии; начало реорганизации экспозиции Музея, включение в неё биогрупп, обновление деревянных витрин и шкафов; в это время экспозиционный зал закрыт для посещения; введение «Дежурной книги» в Музее.

1886 г. — открытие экспозиции Зоомузея для посещения публики.

1889 г. — хранителем Зоомузея назначен Н.М. Кулагин в связи с переходом Н.Ю. Зографа на другую должность.

1895 г. — хранителем Зоомузея назначен А.Н. Корчагин в связи с переходом Н.М. Кулагина на другую должность.

1896 г. — заведующим Кафедрой зоологии и Зоомузеем назначен А.А. Тихомиров в связи с кончиной А.П. Богданова.

1897 г. — хранителем Зоомузея назначен Г.А. Кожевников в связи с кончиной А.Н. Корчагина.

1898 г. — закладка смежных зданий Зоологического и Ботанического корпусов Московского университета на правой стороне Никитской ул.

1901–1902 гг. — завершение строительства здания Зоологического корпуса и начало его освоения Институтом (с Музеем) сравнительной анатомии (1901 г.) и Кафедрой зоологии с Зоомузеем (1902 г.); при Кафедре и Зоомузее начал работать «Студенческий кружок для исследования Русской природы».

1904 г. — заведующим Кафедрой зоологии и Зоомузеем назначен Г.А. Кожевников в связи с уходом А.А. Тихомирова из Университета; предпринята первая попытка каталогизации систематических коллекций (составлен повидовой каталог для амфибий).

1904–1910 гг. — хранителями Музея недолгие сроки служили Б.М. Житков (1904), Я.П. Щелкановцев (1905–1908), В.С. Елпатьевский (1908–1910; возможно, дольше); в последующих отчётах за 1910-е гг. хранители не указаны.

1907 г. — завершение оборудования Зала сравнительной анатомии новыми витринами и размещения в них анатомических коллекций, открытие зала для посетителей; при организации

новой экспозиции (1906 г.) этот зал впервые пополнен картинами А.В. Ватагина.

1909 г. — завершение оборудования Верхнего зала Зоомузея новыми витринами и размещения в них коллекций птиц и млекопитающих.

1910 г. — в начале года освобождение Нижнего зала от всех шкафов и коллекций в связи с аварийным состоянием пола, его ремонт; в конце года завершение ремонта и возвращение коллекций на место.

1911 г. — открытие Верхнего зала Зоомузея для посетителей; по-видимому, к этому году (или несколько ранее) относится начало составления повидовой картотеки для некоторых групп беспозвоночных (в том числе насекомых).

Начало 1910-х гг. (точнее не определено) — утверждены «Правила поступления коллекций в Зоологический Музей [...] и пользования ими», «Правила пользования библиотекой Зоологического Музея...» и «Условия посещения Зоологического Музея...»; выделена препараторская мастерская, занявшая отдельную комнату.

1914 г. — замена стеклянного «фонаря» над Верхним залом металлической крышей.

1919 г. — хранителем Зоомузея назначен Н.Н. Плавильщиков.

1921–1923 гг. — многие помещения Зоомузея занимают вновь учреждённые НИИЗ и Плавморин; хранителем Зоомузея назначен Э.Г. Беккер (1921–1922) в связи с уходом Н.Н. Плавильщикова из Музея; затем эту должность занимали В.А. Яшнов, И.И. Ёжиков, В.В. Алпатов, С.Г. Крыжановский, И.И. Месяцев.

1924 г. — в штатное расписание Зоомузея вводится должность «научного работника», на которую переводятся хранители и ассистенты (в годовых отчётах эти должности официально более не указываются).

1925 г. — разделение коллекционных фондов Зоомузея на секции беспозвоночных, насекомых, позвоночных; обязанности их заведующих (хранителей) возложены, соответственно, на Е.В. Боруцкого, Б.С. Кузина, В.Г. Гептнера; организация экспозиционной работы поручена С.Д. Перелешину.

1927–1930 гг. — начало реорганизации учётной документации: завершение единой «Шнуровой книги», в секции позвоночных начаты индивидуальные «Книги для записи коллекций» по птицам (1927 г.), млекопитающим (1928 г.) и

рептилиям+амфибиям (1930 г.); для птиц, кроме того, начата отдельная «Книга поступлений» (1929 г.).

1929 г. — освобождение Нижнего зала от Плавморина; отставка Г.А. Кожевникова от заведования Кафедрой зоологии.

1930 г. — отставка Г.А. Кожевникова от заведования Зоомузеем и изгнание его из Университета; разделение общей Кафедры зоологии на несколько специализированных, включение Зоомузея в состав Кафедры зоологии беспозвоночных и затем в состав НИИЗа; введена должность директора Зоомузея, на неё назначен Л.А. Зенкевич; Институт сравнительной анатомии ликвидирован (преобразован в лабораторию эволюционной морфологии), Музей сравнительной анатомии отнесён к Кафедре зоологии позвоночных; многие помещения Зоологического корпуса отданы под службы вновь учреждённого Биологического факультета.

1931 г. — включение Музея сравнительной анатомии в состав Зоомузея; перевод Зоомузея из подчинения университетской администрации в прямое подчинение Главнауки Наркомпроса, получение им названия «Московский зоологический музей»; назначение В.Н. Макарова его директором; в секции беспозвоночных начаты индивидуальные «Книги для записи коллекций» по паукам, некоторым группам ракообразных.

1932 г. — постановлением Совнаркома Зоомузею присвоено официальное титульное обозначение «Государственный зоологический музей при Московском государственном университете» (в музейских документах по-прежнему значится как «Московский зоологический музей»); введены должности зам. директора по научной и хозяйственной части, на первую назначен С.С. Туров; введена новая макроструктура Зоомузея: утверждены отделения охотничьего хозяйства (в основном экспозиционные функции, зав. С.Д. Перелешин), филогении (на основе бывшего Музея сравнительной анатомии, зав. Б.С. Матвеев), научно-систематическое (зав. С.С. Туров); в последнем выделены секции млекопитающих (зав. В.Г. Гептнер), птиц (зав. Г.П. Дементьев), пресмыкающихся и земноводных (зав. Н.В. Шибанов), рыб (зав. Г.В. Никольский), насекомых (зав. Б.С. Кузин), беспозвоночных животных (зав. Г.Г. Абрикосов); научная лаборатория новой структурой не предусмотрена; в штатном расписании некоторые заведующие секциями обозначены как старшие научные со-

трудники, прочие — как научные сотрудники 1-го разряда, техническому персоналу присвоен статус сотрудников 2-го разряда; зав. препараторской мастерской назначен В.К. Федулов; бывшая единая «Шнуровая книга» разделена по вновь выделенным секциям; в секциях млекопитающих и пресмыкающихся заведены «Книги поступлений»; введены «Правила пользования материалами и коллекциями Зоологического музея МГУ»; распоряжением Сектора науки Наркомпроса Зоомузею предписано издавать сборник научных трудов «Известия Зоологического музея»; начата реконструкция Нижнего зала; в Верхнем зале экспозиция перестроена в основном по «охотничье-промысловому» принципу; начато обогащение экспозиционных залов и вестибюля рисованными картинами и панно с изображениями животных в природной среде (в основном работы В.А. Ватагина).

1933 г. — завершение реконструкции экспозиции и открытие для посетителей Нижнего зала; «Известия Зоологического музея» переименованы в «Труды Зоологического музея».

1934 г. — утверждено «Положение о Государственном зоологическом музее» (без титульного указания университетской принадлежности); Музей в его годовом отчёте значится как «Центральный государственный зоологический музей»; Зал сравнительной анатомии освобождён от лаборатории эволюционной морфологии, начата его реконструкция; введено звание «действительный член Зоологического музея»; заведовать экспозицией назначен А.А. Парамонов; в секции беспозвоночных начаты «Книги для записи коллекций» по мшанкам, отдельным классам моллюсков.

1935 г. — Музей в годовом отчёте обозначен как «Московский государственный зоологический музей»; в его структуру введён Учёный совет; изменены названия секций, которые вместо русских стали «латинизированными»: териологии, орнитологии, герпетологии, ихтиологии, энтомологии; в секции териологии заведена повидовая коллекционная картотека, а также «картотека дарителей» (в обоих случаях карточки формата А5 в форме «накопительных ведомостей»); в экспозиции во многом восстановлен систематический принцип организации показного материала; некоторым сотрудникам Музея присвоены (без защиты) официально введённые учёные степени доктора и кандидата наук.

1936 г. — зав. секцией энтомологии назначен А.Н. Желоховцев; начата книга для регистрации рассылки энтомологических коллекций.

1937 г. — ликвидация отделений, переименование секций в отделы; переименование филогенетического отделения в отдел эволюционной морфологии, такое же название получает соответствующий экспозиционный зал; вместо отделения охотничьего хозяйства введён отдел экспозиции; в отделе ихтиологии заведена «Сырейная книга» для записи новых поступлений; учреждён юннатский кружок.

1938 г. — в штатном расписании Зоомузея некоторые старшие научные сотрудники переведены в профессорскую должность, научные сотрудники 1-го разряда переделаны просто в научных сотрудников; зав. отделом эволюционной морфологии назначен А.Н. Дружинин связи с уходом Б.С. Матвеева из Зоомузея; Г.В. Никольский первым в Музее защитил докторскую диссертацию.

1939 г. — возвращение Зоомузея под полную юрисдикцию Московского университета, в новом университетском Уставе он обозначен как «Музей зоологии»; в музейных документах он начинает значиться под современным названием «Зоологический музей МГУ»; в связи с уходом В.Н. Макарова из Зоомузея его директором назначен Н.С. Ульянин (май–сентябрь), затем Н.Н. Филиппов (с октября).

1941 г. — в связи с началом Великой отечественной войны и приближением фронта к Москве Зоомузей закрывают, часть его коллекций и научных сотрудников эвакуируют в Ашхабад; оставшаяся часть коллекций переносится в Нижний зал и в университетские подвалы; исполняющим обязанностей директора в октябре назначен С.С. Туров в связи с уходом Н.Н. Филиппова из Зоомузея; в связи с эвакуацией или увольнением сотрудников «руководящего» состава исполняющими обязанностей зав. отделами назначены: Б.Н. Цветков — беспозвоночных животных, Н.Н. Плавильщиков — энтомологии, А.А. Световидова — ихтиологии и герпетологии, А.М. Судилова — орнитологии, Л.Г. Морозова-Турова — териологии, Д.Н. Гофман — эволюционной морфологии.

1942 г. — директором Зоомузея назначен С.С. Туров; открыты для посещения экспозиционные залы второго этажа; почти все эвакуированные сотрудники вернулись в Москву.

1943 г. — возвращение коллекций из Ашхабада (через Свердловск).

1944–1945 гг. — постепенное размещение коллекций на прежних местах.

1945 г. — замена должности зам. директора по научной части на таковую учёного секретаря, на неё назначен Н.А. Гладков; зав. отделами (пере) назначены: В.Г. Гептнер — териологии, Г.П. Дементьев — орнитологии, И.И. Малевич — беспозвоночных животных (в связи с кончиной Б.Н. Цветкова), Д.Н. Гофман — эволюционной морфологии; открывается Нижний зал.

1946 г. — зав. отделами назначены: энтомологии — А.Н. Желоховцев, экспозиции — Н.Н. Плавильщиков, герпетологии — Е.Н. Спангенберг; зав. препараторской мастерской назначен П.С. Николаев.

1948–1950 гг. — по причинам административного и финансового характера из Зоомузея со штатных единиц уходит большинство «руководящих» научных сотрудников, главным образом профессоров (Г.П. Дементьев, В.Г. Гептнер, С.С. Туров); С.С. Туров остаётся директором «на общественных началах» (без оплаты), другие остаются при Музее в статусе консультантов; в 1948 г. в зав. отд. орнитологии назначен Н.А. Гладков, учёным секретарём назначен Д.М. Вяжлинский; в 1950 г. зав. отд. беспозвоночных «на общественных началах» назначен Е.В. Боруцкий, зав. отделом териологии назначена Л.Г. Морозова-Турова; в отделах орнитологии и териологии повидовая картотека перешла на формат карточек А4, в них же была начата поэкземплярная каталогизация (карточки в стандартном библиографическом формате); в отделе беспозвоночных начаты «Книги для записи коллекций» кишечнорастных, иглокожих и пиявок, для некоторых групп начата поэкземплярная каталогизация.

1951 г. — в связи с подготовкой к переезду Университета на Ленинские горы залы Нижний и Эволюционной морфологии отводятся под хозяйственные нужды, их закрывают для посещения; заведовать препараторской мастерской назначен В.И. Пивоваров в связи с кончиной П.С. Николаева.

1952 г. — подвальные помещения также отдаются под эти же хозяйственные нужды, коллекции оттуда перенесены в Верхний зал, его закрывают для посещения.

1954 г. — замена должности учёного секретаря Зоомузея на таковую зам. директора по научной части, в течение года её последовательно занимают А.Г. Банников, Н.А. Гладков, Г.А. Викторов; зав. отделом герпетологии назначен Р.Л. Бёме; зав. отделом орнитологии назначена А.М. Судиловская в связи с уходом Н.А. Гладкова из Музея.

1954–1955 гг. — освобождение большей части помещений Зоомузея от служб и организаций в связи с переездом Университета на Ленинские горы; приведение фондовых коллекций в порядок.

1955 г. — экспозиционные залы открываются для посещения; на должность зам. директора по научной части назначен Д.М. Вяжлинский.

1956 г. — выделена научная библиотека как самостоятельное подразделение, заведовать ею назначена В.И. Короткова; в библиотеке начато ведение картотеки-каталога и инвентарных книг.

1959 г. — зав. отделом териологии назначена О.Л. Россолимо в связи с выходом Л.Г. Морозовой-Туровой на пенсию.

1960 г. — директором Зоомузея назначен С.Г. Соин (на «общественных началах») в связи с выходом С.С. Турова на пенсию.

1962 г. — приказом ректората МГУ подтверждено положение Зоомузея в составе Биологического факультета; зав. отделом экспозиции назначена Н.П. Куликова в связи с кончиной Н.Н. Плавильщикова.

1964 г. — директором Зоомузея (на «общественных началах») назначен Н.А. Гладков в связи с уходом С.Г. Соина с должности.

1965 г. — приказом Министерства высшего образования Зоомузей отнесён к первой группе оплаты труда; научных сотрудников, работающих в Зоомузее, официально зачислили в штат профильных кафедр Биологического факультета; «Труды Зоологического музея МГУ» получили дополнительное титульное название «Исследования по фауне Советского Союза»; зав. отделом герпетологии назначена В.Ф. Положихина (Орлова) в связи с уходом Р.Л. Бёме из Зоомузея.

1968 г. — зав. препараторской мастерской назначен В.П. Радин в связи с выходом В.И. Пивоварова на пенсию; в отделе беспозвоночных заведена отдельная «Книга для учёта коллекций» люмбрицид.

1970 г. — директором Зоомузея назначена О.Л. Россолимо (на «общественных началах») в связи с уходом Н.А. Гладкова с должности.

1971 г. — Зоомузей закрывается из-за аварийного состояния пола Нижнего зала, все коллекции и витринные шкафы из этого зала выносятся, начата его реконструкция.

1972 г. — зав. отделом эволюционной морфологии назначен В.А. Долгов в связи с кончиной Д.Н. Гофмана.

1974 г. — зав. отделом ихтиологии назначена И.А. Веригина в связи с кончиной А.А. Световидовой; зав. отделом экспозиции назначена Н.Р. Павлова в связи с выходом Н.П. Куликовой на пенсию; в отделе териологии заведена картотека для типовой коллекции.

Вторая половина 1970-х и начало 1980-х гг. — жилые помещения в торцевых частях Зоологического корпуса и коридор 3-го этажа его «анатомического крыла» освобождаются и входят в состав Зоомузея; полностью переоборудована лекционная аудитория; многие прежние и новые помещения фондохранилищ оборудованы металлическими стеллажами, в них в изменённом порядке размещены научные коллекции (установление точной хронологии требует специальной работы с архивными документами).

1976 г. — введена должность главного хранителя, на неё назначена Н.Р. Павлова; зав. отделом экспозиции назначена Л.Г. Марусова; зав. отделом беспозвоночных животных назначена Н.И. Кудряшова в связи с кончиной Е.В. Боруцкого; должность зам. директора по научной части заменена на таковую учёного секретаря.

1977 г. — зав. отделом энтомологии назначен А.И. Шаталкин в связи с кончиной А.Н. Желуховцева; он же назначен на должность учёного секретаря в связи с уходом Д.И. Вяжлинского из Зоомузея; зав. отделом орнитологии назначен П.С. Томкович в связи с кончиной А.М. Судиловской.

1978 г. — зав. отделом эволюционной морфологии назначен В.С. Никольский в связи с уходом В.А. Долгова из Зоомузея.

1979 г. — приказом Министерства высшего и среднего специального образования Зоологический музей МГУ отнесён к первой группе оплаты труда (повторение приказа от 1965 г.).

1981 г. — главным хранителем назначена Л.Г. Марусова в связи с уходом Н.Р. Павловой из Зо-

омузея; зав. отделом беспозвоночных животных назначен М.В. Гептнер в связи с переходом Н.И. Кудряшовой на другую должность.

1982 г. — зав. научной библиотекой назначена Г.В. Костылева в связи с выходом В.И. Коротковой на пенсию.

1983 г. — Зоомузей включён в НИЧ МГУ (Научно-Исследовательская Часть, утверждена в 1980 г.) в качестве самостоятельного подотдела в рамках отдела «Зоология позвоночных».

1985 г. — Нижний зал открыт для посещения; в Верхнем зале начата полная реконструкция экспозиции; зав. отд. эволюционной морфологии назначена Е.Д. Васильева в связи с уходом В.С. Никольского из Зоомузея.

1986 г. — на Биологическом факультете учреждена научно-исследовательская лаборатория таксономической зоологии и кадастровых исследований с территориальным базированием в Зоологическом корпусе, зав. лабораторией назначена О.Л. Россолимо с сохранением должности директора Зоомузея («на общественных началах»); все научные сотрудники, фактически работающие в Зоомузее, зачислены в штат лаборатории; в структуре Музея выделены два «макроотдела»: научно-фондовой работы (во главе с главным хранителем), теории и методики музейного дела (зав. И.В. Иксанова); научно-хранительские отделы переименованы в секторы (в составе отдела научно-фондовой работы); в Зале эволюционной морфологии начата полная реконструкция экспозиции.

Середина–конец 1980-х гг. — в секторах беспозвоночных, герпетологии, ихтиологии заведены картотеки для соответствующих типовых коллекций; в секторе беспозвоночных заведены отдельные учётные книги для коллекций пантопод, сенокосцев, клещей.

1987 г. — зав. сектором энтомологии назначен А.Л. Озеров в связи с переходом А.И. Шаталкина на другую должность.

1988 г. — главным хранителем назначена С.А. Кулешова в связи с переходом Л.Г. Марусовой на другую должность.

1989 г. — Верхний зал открывается для посетителей.

1990 г. — Зал эволюционной морфологии открывается для посетителей; учёным секретарём назначен Д.Л. Иванов в связи с переходом А.И. Шаталкина на другую должность; зав. сектором

ихтиологии назначена Е.Д. Васильева в связи с выходом И.А. Веригиной на пенсию.

1991 г. — Зоомузее официально присвоен статус научно-исследовательского учреждения, этот статус включён в его название — «Научно-исследовательский зоологический музей МГУ им. М.В. Ломоносова»; О.Л. Россолимо (пере)назначена на штатную (с окладом) должность директора Зоомузея; лаборатория таксономической зоологии упразднена, числящиеся при ней научные сотрудники официально включены в штат Зоомузея; из его структуры исключены ранее выделенные «макроотделы»; зав. сектором териологии назначен Е.Л. Яхонтов; зав. сектором эволюционной морфологии назначен А.Н. Кузнецов; при Зоомузее учреждён Кружок юных натуралистов во главе с Е.А. Дунаевым; сборник трудов Зоомузея «Исследования по фауне Советского Союза» переименован в «Исследования по фауне».

1992 г. — при поддержке Зоомузея начат выпуск журналов «Arthropoda Selecta», «Russian Entomological Journal» (изд-во КМК).

1993 г. — зав. экскурсионным бюро назначена Г.А. Маслова; зав. научной библиотекой назначена Т.М. Алхимова в связи с уходом Г.В. Костылевой из Музея; при поддержке Зоомузея начат выпуск журнала «Acarina» (изд-во КМК).

1995 г. — главным хранителем назначен Е.Л. Яхонтов; зав. сектором териологии назначен И.Я. Павлинов.

1996 г. — главным хранителем назначена Е.Б. Родендорф в связи с уходом Е.Л. Яхонтова из Зоомузея; зав. сектором беспозвоночных назначен В.А. Спиридонов в связи с переходом М.В. Гептнера на другую должность; заведующих секторами перевели на должности ведущих научных сотрудников.

1998 г. — начат выпуск «Зоологических исследований» как официального издания Зоомузея.

1999 г. — начата программа «Птицы Москвы и Подмосковья» (куратор М.В. Калякин).

2000 г. — главным хранителем назначена Е.Б. Федосеева в связи с выходом Е.Б. Родендорф на пенсию; учёным секретарём назначен М.В. Калякин; зав. сектором беспозвоночных назначен Д.Л. Иванов в связи с уходом В.А. Спиридонова из Музея; в секторах териологии и орнитологии начато составление электронных баз данных по фондовым коллекциям (куратор А.В. Борисенко).

2001 г. — зав. сектором эволюционной морфологии назначен А.А. Лисовский в связи с уходом А.Н. Кузнецова из Зоомузея; разработана предварительная версия Интернет-сайта Зоомузея (кураторы Е.Б. Федосеева, А.А. Лисовский).

2002 г. — зав. научной библиотекой Зоомузея назначена М.М. Арефьева в связи с уходом Т.М. Алхимовой из Музея.

2004 г. — главным хранителем назначена А.В. Тихомирова в связи с переходом Е.Б. Федосеевой на другую должность.

2005 г. — разработана и размещена в Интернете обновлённая версия официального сайта Зоомузея (администратор Г.Ю. Любарский).

2006 г. — экскурсионное бюро реорганизовано в отдел экспозиционной и научно-просветительской работы во главе с Г.А. Масловой; Большая зоологическая аудитория реорганизована в Биолекторий, его работу возглавила М.С. Евсенко.

2007 г. — в секторе герпетологии начато составление электронной базы данных по фондовой коллекции и в секторе энтомологии по некоторым разделам типовой коллекции.

2008 г. — зав. сектором териологии назначен С.В. Крусков в связи с переходом И.Я. Павлинова на другую должность.

2009 г. — директором Зоологического музея назначен М.В. Калякин в связи с выходом О.Л. Россолимо на пенсию; учёным секретарём назначена Н.Н. Спасская; заведующим отделом

экспозиционной и научно-просветительской работы назначен Е.А. Дунаев в связи с переходом Г.А. Масловой на другую должность.

2010 г. — организован сектор научно-общественных проектов во главе с О.В. Волцит; организован научный террариум во главе с Р.А. Назаровым; заведовать Биолекторием назначена С.М. Артемьева в связи с уходом М.С. Евсенко из Зоомузея.

2011 г. — учреждён Беломорский филиал Зоомузея во главе с Т.В. Неретиной на базе Беломорской биостанции МГУ; учреждена общемузейская фонотека в качестве отдельной группы хранения (куратор С.С. Гоголева); заведовать отделом экспозиционной и научно-просветительской работы назначена Т.К. Ковалёва в связи с переходом Е.А. Дунаева на другую должность.

2012 г. — научная библиотека Зоомузея реорганизована в научно-информационный отдел с тем же заведованием; выпущена новая редакция официального интернет-сайта Зоомузея.

2013 г. — в рамках программы «Птицы Москвы и Подмосковья» начат выпуск ежегодника «Фауна и население птиц Европейской России» (кураторы О.В. Волцит, М.В. Калякин).

2015 г. — начато составление общемузейской электронной базы данных по типовой коллекции (кураторы И.Я. Павлинов, А.А. Лисовский); в секторе ихтиологии начато составление электронной базы данных по некоторым разделам фондовой коллекции.

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

A BRIEF BIOGRAPHIC REFERENCE

Абрикосов Георгий Георгиевич (1901–1967) — зоолог-беспозвоночник, специалист по мшанкам; заведовал отделом беспозвоночных животных Зоомузея в 1932–1941 гг.; директор Беломорской биологической станции МГУ в 1941–1945 гг.; соавтор учебников и книг «Животный мир СССР» (1936), «Курс зоологии» (1961, 1-е изд.).

Адамс Михаил Иванович (1780–1832) — натуралист, профессор Московского университета; содействовал восстановлению Музея естественной истории в 1810-е гг.

Азаров Василий Антонович (1931–?) — строитель по специальности; работал в Зоомузее заместителем директора по административно-хозяйственной части в 1980–1998 гг.

Александровская Татьяна Олеговна (1950 г. р.) — батрахолог, специалист по изменчивости бесхвостых амфибий России; работала лаборантом в отделе герпетологии Зоомузея в 1972–1987 гг.; затем учитель в средней школе.

Алексеев Владимир Николаевич (1951 г. р.) — энтомолог, специалист по систематике перепончатокрылых; работал в Зоомузее (экскурсовод, научный сотрудник) в 1976–1982 гг.; затем преподаватель в Орехово-Зуевском педагогическом институте.

Алексеев Владимир Семёнович (1795–1862) — купец, меценат; жертвованиием коллекций содействовал восстановлению Музея естественной истории после пожара 1812 г.

Алпатов Владимир Владимирович (1898–1979) — зоолог широкого профиля, изучал разных беспозвоночных в основном с экологической точки зрения; одним из первых российских биологов стал применять биометрические методы; в 1920-х гг. — учёный хранитель Зоомузея, позже руководитель лаб. экологии в НИИЗ.

Алхимова Татьяна Михайловна (1945 г. р.) — заведовала научной библиотекой Зоомузея в 1993–2001 гг.

Альбрехт Людвиг Карлович (1844 – после 1898) — музыкант, энтомолог-любитель и коллекционер; собранная им большая коллекция бабочек Московской губ. (ок. 6 тыс. экз.) хранится в Зоомузее.

Антонова Елена Михайловна (1936–2007) — энтомолог, специалист по биологии и распространению чешуекрылых; работала в Зоомузее с 1958 г. лаборантом и затем научным сотрудником отдела энтомологии, в 1971–1974 гг. в должности заместителя директора Зоомузея по административно-хозяйственной части; в 1965–1982 гг. руководила энтомологическим кружком при Кафедре энтомологии Биологического факультета МГУ (занятия проходили в основном в Зоомузее).

Антонский-Прокопович (Прокопович-Антонский) Антон Антонович (1762–1848) — натуралист, лектор, просветитель, администратор; в 1788–1803 гг. служил при Кафедре энциклопедии и натуральной истории на Философском фа-

---

Прим. ред. В настоящий справочник включены те персоны из числа указанных в других материалах данного выпуска «Зоологических исследований» (статьи, Хроника), которые внесли наиболее заметный вклад в развитие Зоологического музея МГУ; соответственно, в персональных очерках отражён главным образом именно этот вклад. Конкретные должности (кроме заведования), звания, регалии и проч. опущены; для учёных указаны лишь основные монографии и учебники. Современные данные приведены согласно состоянию на середину 2016 г. Материал подготовили И.Я. Павлинов, Н.Н. Спасская.

культете Московского университета (возглавлял её с 1791 г.); одновременно, согласно его биографам, участвовал в налаживании работы Кабинета натуральной истории Медицинского факультета; с 1804 г. заведовал Кафедрой минералогии и сельского домоводства, с 1807 г. — Физико-математическим отделением, в 1819–1826 гг. ректор Московского университета; его взгляды на устройство Кабинета натуральной истории изложены в статье, опубликованной в журнале «Магазин естественной истории...» (1788 г.).

Антропов Александр Валентинович (1955 г. р.) — энтомолог, специалист по систематике перепончатокрылых; работает в Зоомузее с 1982 г. сначала экскурсоводом, затем научным сотрудником отдела энтомологии.

Арефьева Марина Михайловна (1966 г. р.) — искусствовед, заведует научной библиотекой (отд. научной информации) Зоомузея с 2002 г.

Арнольди Константин Владимирович (1901–1982) — энтомолог, специалист по муравьям; работал в 1946–1950 гг. (по совместительству) научным сотрудником в отделе энтомологии Зоомузея.

Артемова Светлана Михайловна (1985 г. р.) — работает в Зоомузее экскурсоводом с 2008 г., заведует Биолекторием с 2010 г.

Афонин Матвей Иванович (1739–1810) — один из первых российских натуралистов и профессоров; слушал курс у К. Линнея и защитил под его руководством диссертацию; руководитель Кафедры натуральной истории и хранитель Минерального кабинета в Московском университете в 1770–1777 гг.

Бабенко Владимир Григорьевич (1950 г. р.) — орнитолог, специалист по биологии и распространению птиц; работал в отделе орнитологии Зоомузея в 1976–1989 гг., затем преподаватель в Московском государственном педагогическом институте; автор многочисленных научно-популярных книг по зоологии.

Банников Андрей Григорьевич (1915–1985) — зоолог-позвоночник, исследователь фауны Монголии; работал профессором в университете Улан-Батора, в Педагогическом институте им. В.П. Потёмкина (Москва); в 1954 г. занимал должность заместителя директора Зоомузея по науке; в Зоомузее хранятся почти все собранные им в Монголии коллекционные материалы; автор книги «Млекопитающие Монгольской народной республики» (1954).

Барышева Ирина Константиновна (1956 г. р.) — работала лаборантом в отделе орнитологии Зоомузея в 1978–1988 гг.

Беккер Эрнест Георгиевич (1874–1962) — энтомолог, специалист по систематике и эволюции низших насекомых; работал в 1897–1917 гг. (с перерывами) ассистентом на Кафедре зоологии и в Зоомузее, в 1921–1922 гг. хранитель Зоомузея; многие годы читал лекции по энтомологии на Биологическом факультете МГУ.

Берг Лев Семёнович (1876–1950) — биолог, биогеограф, эволюционист; в начале 1900-х гг. исследовал рыб Средней Азии и передавал в Зоомузей значительные коллекционные материалы из бассейнов Аральского моря и Балхаша; автор книг «Рыбы пресных вод Российской империи» (1916), «Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей» (1922), «Ландшафтно-географические зоны СССР» (1931).

Березовский Михаил Михайлович (1848–1912) — зоолог широкого профиля, археолог и этнограф, участник экспедиций в Центр. Азию; часть собранных им весьма значимых в научном отношении коллекций хранится в Зоомузее.

Бёме Рюрик Львович (1927–2000) — орнитолог, специалист по распространению и биологии птиц; работал в Зоомузее в 1954–1964 гг., заведовал отделом герпетологии; автор научно-популярных книг и определителей «Птицы нашего края» (1968), «Птицы лесов и гор» (1981, соавт.) и др.

Богданов Анатолий Петрович (1834–1896) — зоолог и антрополог, организатор, популяризатор естествознания; руководитель Кафедры зоологии Московского университета — «полуофициально» с 1858 г., официально (также заведующий Зоомузеем) с 1862 г. до кончины; основал в 1863 г. Общество любителей естествознания (ИОЛЕАЭ), был инициатором ряда научно-популярных выставок в Москве, на основании которых потом по его же инициативе были учреждены Московский зоосад, Музей прикладных знаний (ныне Политехнический), Антропологический музей; воспитал много учеников, которые стали крупными учёными; автор книг «Зоология и зоологическая хрестоматия» (1862–1865), «Медицинская зоология» (1883–1888), «Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии» (1888–1891).

Богоявленский Николай Васильевич (1870–1930) — зоолог-гистолог; в конце 1890-х и в

начале 1900-х гг. ассистент при Зоологическом музее; во время экспедиций по Средней Азии собирал коллекционный материал и передавал в Зоомузей.

Борзенков Яков Андреевич (1832–1883) — зоолог-анатом; заведовал Кафедрой эмбриологии, гистологии и сравнительной анатомии Московского университета и Кабинетом сравнительной анатомии при ней (1873–1883 гг.); содействовал возврату зоологических коллекций из Публичного музея в Университет; автор учебников «Исторический очерк направлений, существовавших в зоологических науках в 19 столетии» (1881), «Чтения по сравнительной анатомии» (1884).

Борисенко Алексей Владимирович (1972 г. р.) — териолог, специалист по систематике рукокрылых; работал в секторе териологии Зоомузея в 1991–2004 гг., с 2000 г. курировал создание электронных баз данных по териологическим и орнитологическим коллекциям; соавтор книг «Млекопитающие Евразии» (1995), «Разнообразие млекопитающих» (2004).

Боруцкий Евгений Владимирович (1897–1976) — карцинолог, специалист по систематике пресноводных ракообразных; работал в Зоомузее в 1925–1932 гг. заведующим секцией беспозвоночных животных, также в одноимённой лаборатории НИИЗа; затем аспирант в НИИЗ и сотрудник Косинской биостанции; после 1950 г. заведовал (на общественных началах) отделом беспозвоночных животных Зоомузея.

Бостанжогло Василий Николаевич (1860–1920) — предприниматель, энтомолог-любитель; бабочки и птицы его сборов хранятся в Зоомузее.

Буруковский Рудольф Николаевич (1940 г. р.) — карцинолог, специалист по систематике и зоогеографии десятиногих ракообразных; работал в Атлантическом институте рыбного хозяйства и океанографии, в настоящее время в Калининградском техническом университете; в Зоомузее хранятся его обширные сборы по ракообразным, коллекция раковин тропических моллюсков (около 10 тыс. экз.).

Бутурлин Сергей Александрович (1872–1938) — орнитолог, исследователь птиц Сев. Евразии; в 1920-е гг. работал (на общественных началах) в Зоомузее, тогда же передал в Зоомузей свою большую коллекцию тушек птиц (6.5 тыс. экз.); соавтор книги «Полный определитель птиц СССР» (1934–1941).

Быховская Анна Марковна (1901– не ранее 1964) — зоолог, главным образом администратор; на протяжении 1930–1937 гг. возглавляла (с перерывами) Биологический факультет Московского университета, его зоологическое отделение, НИИЗ; в таком статусе в 1930 г. в её «ведение» попал Зоомузей; затем работала в Институте медицинской паразитологии и малярии (Самарканд).

Васильева Екатерина Денисовна (1952 г. р.) — ихтиолог, специалист по систематике и распространению костистых рыб; работает в Зоомузее с 1978 г. научным сотрудником, в 1985–1990 гг. заведовала сектором эволюционной морфологии, с 1990 г. заведует сектором ихтиологии; автор книг «Рыбы Чёрного моря» (2007), «Рыбы морей России: аннотированный каталог» (2014, соавт.).

Васильева Маргарита Владимировна (1921–2001) — териолог; работала в Зоомузее с 1940 г. (в штате с 1947 г.) на разных должностях.

Ватагин (Шереметьевский) Василий Алексеевич (1883–1969) — художник-анималист; участвовал в художественном оформлении нескольких московских естественнонаучных музеев — сначала Сравнительной анатомии и Дарвиновского, затем Зоологического; в 1932–1958 гг. (с перерывом на годы войны) работал в штате Зоомузея; издана книга с репродукциями его картин «Образ животного в искусстве» (2004).

Веригина Инна Александровна (1931 г. р.) — ихтиолог, специалист по анатомии карповых рыб; работала в Зоомузее с 1956 г., в 1974–1990 гг. заведовала отделом ихтиологии.

Викторов Георгий Александрович (1925–1974) — энтомолог, специалист по систематике и распространению перепончатокрылых; в 1954 г. заместитель директора Зоомузея по науке, затем работал в Академии наук; передавал в Зоомузей многочисленные коллекционные сборы насекомых; автор книги «Проблемы динамики численности насекомых» (1967).

Виноградов Михаил Евгеньевич (1927–2007) — зоолог, специалист по биологии морского планктона, коллекционер; передал в Зоомузей большую коллекцию морских ракообразных, а также чешуекрылых; автор книги «Вертикальное распределение океанического зоопланктона» (1968).

Вихрев Никита Евгеньевич (1959 г. р.) — энтомолог, специалист по систематике двукры-

лых; работает в Зоомузее с 2006 г., куратор ряда разделов коллекции двукрылых; организует и проводит экспедиции в разные страны, активно пополняет фонды Зоомузея, финансировал ряд хранительских работ в нём.

Волцит Ольга Викторовна (1954 г. р.) — зоолог, специалист по систематике клещей и ареалогии птиц; работает в Зоомузее научным сотрудником с 1989 г.; с 2010 г. руководит сектором научно-общественных проектов; редактирует журнал «Asarina»; соавт. книг «Атлас птиц города Москвы» (2014), «Птицы европейской части России» (2014).

Воробьёв Константин Александрович (1899–1988) — орнитолог, специалист по биологии птиц; участвовал в многочисленных экспедициях, собранные коллекции передавал в Зоомузей.

Всеволодова-Перель Тамара Семёновна (1930 г. р.) — зоолог, специалист по олигохетам; курировала коллекции по ним в Зоомузее, имела здесь постоянное рабочее место.

Вяжлинский Дмитрий Михайлович (1902–1983) — териолог-охотовед; работал в Зоомузее с 1940 г. научным сотрудником, в 1948–1954 гг. учёный секретарь, в 1955–1976 гг. заместитель директора по научной части.

Гаврюшин Дмитрий Иванович (1967 г. р.) — энтомолог, специалист по систематике двукрылых; с 2007 г. курирует некоторые разделы энтомологической коллекции Зоомузея, ведёт активную работу по её пополнению.

Генкель Иоганн Фридрих (Henckel Johann Friedrich) (1678–1744) — германский минералог и химик; у него в начале 1740-х гг. А.Н. Демидов купил коллекцию, заложившую основу университетского Минерального кабинета.

Гептнер Владимир Георгиевич (1901–1975) — териолог, специалист по систематике, распространению и биологии млекопитающих России; работал с 1925 по 1950 гг. в Зоомузее сначала хранителем позвоночных животных (до 1932 г.), затем (с перерывом на годы войны) заведующим отделом териологии; с 1950 г. профессор Кафедры зоологии позвоночных МГУ и научный консультант Зоомузея (с предоставлением постоянного рабочего места в нём); в Зоомузее хранятся его многочисленные сборы по наземным позвоночным, а также большая личная библиотека; автор книг и учебников «Общая зоогеография» (1936), «Фауна позвоночных животных Бадхыза» (1956), соредатор много-

томного издания «Млекопитающие Советского Союза» (1961–1976).

Гептнер Михаил Владимирович (1940–2002) — карцинолог, специалист по систематике и распространению морских ракообразных; сын В.Г. Гептнера; работал в Институте океанологии АН СССР, с 1981 г. научный сотрудник Зоомузея, в 1981–1996 гг. заведовал отделом/сектором беспозвоночных.

Гершкович Надежда Львовна (1913–?) — энтомолог, специалист по блохам, сотрудник Института эпидемиологии, имела постоянное место в Зоомузее (1960–1980-е гг.); собранная ею большая коллекция блох хранится в Музее.

Гладков Николай Алексеевич (1905–1975) — орнитолог, специалист по биологии птиц; работал в Зоомузее с 1934 по 1969 гг. (с перерывом на годы войны), в 1945–1947 гг. занимал должность учёного секретаря, в 1948–1954 гг. заведовал отделом орнитологии, затем научный консультант этого отдела, в 1964–1969 гг. — директор Зоомузея («на общественных началах»); читал многочисленные курсы на Биологическом и Географическом факультетах МГУ; автор книги «Как летают птицы» (1952), соавтор многих орнитологических определителей (включая 6-томную сводку «Птицы Советского Союза», 1951–1954).

Глебов Иван Тимофеевич (1806–1884) — анатом и медик; служил профессором при Медико-хирургической академии, после её присоединения к Московскому университету заведовал Кафедрой зоологии в 1842–1850 гг., в его ведении находился Зоологический кабинет; затем заведующий Кафедрой и Кабинетом сравнительной анатомии и физиологии.

Головач Сергей Ильич (1951 г. р.) — зоолог-беспозвоночник, специалист по систематике многоножек; научный сотрудник ИПЭЭ РАН; один из основателей международного научного издательства PenSoft; внештатный куратор коллекции многоножек в Зоомузее, регулярно передаёт уникальные сборы по этой группе из тропических стран.

Горячев Виктор Николаевич (1951 г. р.) — малаколог, специалист по систематике некоторых групп брюхоногих моллюсков; работал научным сотрудником в Зоомузее в 1974–1988 гг.

Гофман Дмитрий Николаевич (1901–1972) — зоолог-эмбриолог; работал в Зоомузее (с перерывами) с 1938 г., с 1942 (1943?) г. исполнял обя-

занности заведующего отделом эволюционной морфологии, официально заведовал им с 1950 г.

Гусаков Алексей Анатольевич (1973 г. р.) — энтомолог, специалист по систематике некоторых групп жесткокрылых; работает в отделе энтомологии Зоомузея с 1996 г., активно пополняет коллекции экспедиционными сборами.

Даревский Илья Сергеевич (1924–2009) — герпетолог, специалист по систематике рептилий и амфибий; курировал коллекцию отдела герпетологии Зоомузея в начале 1950-х гг.; автор книг «Скальные ящерицы Кавказа» (1967), «Редкие и исчезающие животные: земноводные и пресмыкающиеся» (1988), «Evolution and ecology of partenogenesis in reptiles» (1992).

Двигубский Иван Алексеевич (1772–1839) — естествоиспытатель; в 1798–1803 гг. служил смотрителем Кабинета натуральной истории; затем профессор и наконец ректор Московского университета; автор книг «Primitiae Faunae Mosquiensis» (1802), «Prodromus Faunae Rossicae» (1804).

Дементьев Георгий Петрович (1898–1969) — орнитолог, специалист по систематике и распространению птиц; с 1926 г. работал сверхштатным сотрудником Зоомузея, с 1932 по 1948 гг. заведующий отделом орнитологии (с перерывом на годы войны); затем занимал разные должности на Биологическом факультете МГУ, сохраняя постоянное рабочее место в Зоомузее; в Зоомузее хранятся его орнитологические сборы, а также большая личная библиотека; соавтор многотомных книг «Полный определитель птиц СССР» (1934–1941), «Птицы Советского Союза» (1951–1954).

Демидов Акинфий Никитич (1678–1745) — один из первых представителей предпринимательской династии Демидовых, основатель горнозаводской промышленности на Урале; в начале 1740-х гг. купил у И.Ф. Генкеля его коллекцию, заложившую основу университетского Минерального кабинета.

Демидов Григорий Акинфиевич (1715–1761) — промышленник, ботаник-любитель и меценат; сын А.Н. Демидова; основал один из первых в России ботанический сад в Соликамске; вместе с братьями пожертвовал в 1757–1759 гг. Московскому университету семейное собрание предметов натуральной истории.

Демидов Никита Акинфиевич (1724–1789) — промышленник, меценат; сын А.Н. Демидова;

первым среди братьев объявил в 1755 г. о желании пожертвовать Московскому университету семейное собрание предметов натуральной истории («кабинет Генкеля»).

Демидов Николай Никитич (1773–1828) — финансист, придворный чиновник и меценат; сын Н.А. Демидова; в 1813 г. пожертвовал Московскому университету коллекцию для воссоздания Музея естественной истории после Московского пожара.

Демидов Павел Григорьевич (1739–1821) — промышленник, меценат; сын Г.А. Демидова; учился в Гёттингенском университете, затем у К. Линнея; в 1802 г. пожертвовал Московскому университету свой Кабинет натуральной истории, библиотеку и капитал для их содержания; на этом основании в 1804 г. при Университете была учреждена Демидовская кафедра с Кабинетом натуральной истории.

Демидов Прокофий Акинфиевич (1710–1788) — промышленник, меценат; сын А.Н. Демидова; вместе с братьями пожертвовал в 1757–1759 гг. Московскому университету семейное собрание предметов натуральной истории; в 1770-е гг. организовал в Москве ботанический сад на территории Нескучного сада.

Дервиз Сергей Павлович, фон (1863–1943) — богатый предприниматель и меценат; в 1880-е гг. многократно жертвовал на нужды ИОЛЕАЭ значительные денежные суммы, на которые организовывались экспедиции и поездки членов Общества, издавались его труды, закупались экспонаты для Зоомузея.

Долгов Вячеслав Алексеевич (1937 г. р.) — териолог, специалист по систематике насекомоядных; работал в Зоомузее в 1959–1978 гг. сначала экскурсоводом, потом научным сотрудником отдела териологии, в 1972–1978 гг. заведовал отделом эволюционной морфологии; автор книги «Бурозубки Старого Света» (1985).

Дружинин Александр Николаевич (1901–1959) — зоолог-анатом; сотрудник и в 1938–1941 гг. заведующий отделом эволюционной морфологии Зоомузея.

Дунаев Евгений Анатольевич (1964 г. р.) — герпетолог, специалист по систематике и распространению ящериц; работает в секторе герпетологии Зоомузея с 1987 г., в 2009–2010 гг. заведующий отделом экспозиционной и научно-просветительской работы; в 1991 г. основал и возглавил Кружок юных натуралистов при Зо-

омузее; автор ряда учебных пособий и цветных атласов по рептилиям, в том числе «Земноводные и пресмыкающиеся России» (2012, соавт.).

Евсенко Мария Сергеевна (1984 г. р.) — работала в Зоомузее в 2005 г. экскурсоводом, в 2006–2010 гг. руководила Биолекторием.

Егорова Марина Васильевна (1903–?) — работала лаборантом в отделе орнитологии Зоомузея в 1942–1958 гг.

Елпатьевский Владимир Сергеевич (1877–1957) — зоолог; хранитель Зоомузея в 1908–1910-х гг. (возможно, дольше); затем руководил зоологическими кафедрами в университетах Саратова, Баку и др.

Желоховцев Анатолий Николаевич (1903–1976) — энтомолог, специалист по систематике перепончатокрылых; работал в Зоомузее с 1932 г., заведовал отделом энтомологии с 1936 г. (с перерывом на годы войны); в Зоомузее хранятся его многочисленные сборы по некоторым группам насекомых и личная библиотека.

Жерихин Владимир Васильевич (1945–2001) — палеоэнтомолог, специалист по эволюции и систематике насекомых, историческому развитию природных экосистем; работал в Палеонтологическом институте Академии наук; в 1960–1967 гг. работал экскурсоводом и курировал некоторые разделы энтомологической коллекции в Зоомузее; важнейшие исследования опубликованы в посмертном сборнике «Избранные труды по палеоэкологии и филоценогенетике» (2003).

Житков Борис Михайлович (1872–1943) — зоолог-охотовед, деятель охраны природы и акклиматизации; в 1904 г. хранитель Зоомузея; в 1918–1930 гг. профессор Кафедры зоологии Московского университета, в 1930–1931 гг. заведовал несколькими кафедрами Биологического факультета; участник многочисленных экспедиций, собранные в них материалы хранятся в Зоомузее; автор книг и учебников «Охрана животных и разведение пушных зверей» (1919), «Жизнь леса» (1926), «Биология лесных зверей и птиц» (1928).

Зевина Галина Бенциановна (1926–2002) — карцинолог, специалист по систематике ракообразных; в начале 1950-х гг. работала в Зоомузее, затем в Институте океанографии; в 1960-е и 1970-е гг. куратор этой группы, имела постоянное рабочее место в Зоомузее.

Земпер Карл (Semper Karl Gottfried) (1832–1893) — германский зоолог и путешественник; в Зоомузее хранится часть его уникальных сборов по фауне Филиппинских о-вов.

Зенгер Николай Карлович (1841–1877) — зоолог, специалист по некоторым группам беспозвоночных животных; служил хранителем Зоомузея в 1863–1877 гг.; активно участвовал в подготовке организуемых А.П. Богдановым выставок и институций (в частности, Музея прикладных знаний), в организации хранения и учёта коллекций Зоомузея.

Зенкевич Лев Александрович (1889–1970) — зоолог, специалист по полихетам; участвовал в организации Плавморина, НИИЗ; с 1930 г. заведующий Кафедрой общей зоологии и с 1934 г. — Кафедрой зоологии беспозвоночных животных Биологического факультета МГУ; в 1930 г. ненадолго возглавил Зоомузей (в связи с включением его в состав НИИЗа); автор книг «Фауна и биологическая продуктивность моря» (1951), «Биология морей СССР» (1963).

Зимина Лена Викторовна (1925–2009) — энтомолог, специалист по систематике и распространению двукрылых; работала в отделе энтомологии Зоомузея в 1949–1984 гг.; участвовала в многочисленных экспедициях, коллекционные сборы хранятся в Зоомузее.

Зограф Николай Юрьевич (1851–1919) — зоолог-анатом; ассистент и в 1877–1889 гг. хранитель Зоомузея, в 1890-е гг. хранитель его библиотеки; в начале 1900-х гг. руководил научным студенческим кружком при Кафедре зоологии и Зоомузее; автор книг и учебников «Музыка природы. Естественнонаучные очерки» (1890), «Зоология беспозвоночных. Лекции» (1896), «Курс зоологии» (1898–1900), «Задачи акклиматизации в России» (1909).

Иванов Дмитрий Люмбергович (1955 г. р.) — малаколог, специалист по систематике, морфологии и распространению моллюсков; работает в Зоомузее с 1980 г., сначала как методист, потом научный сотрудник, в 1991–2000 гг. учёный секретарь, в 2000–2013 гг. заведующий сектором беспозвоночных животных; соавтор книг «Малакологическая коллекция Павла Григорьевича Демидова...» (1991), «Типы моллюсков в Зоологическом музее МГУ» (2000), «Моллюски в мировой кулинарии» (2009).

Иконников Николай Флегонтович (1885–1970) — зоолог; генеалог русского зарубежья; асси-

стент Зоологического музея в 1900-е гг.; участник экспедиций в Юж. Америку, Ср. Азию, Приморье, многие его сборы хранятся в Зоомузее.

Иксанова Ирина Викторовна (1939 г. р.) — музейвед; работала в Зоомузее в 1986–1991 гг. заведующей отделом теории и методики музейного дела, руководила реконструкцией Верхнего зала и Зала эволюционной морфологии.

Исаев Василий Исаевич (1854–1911) — микробиолог и эпидемиолог; участвовал судебным врачом в кругосветном походе судна «Адмирал Нахимов» (1888–1890 гг.), собирал в нём зоологические коллекции, которые поступили в Зоомузей.

Каврайский Фёдор Фёдорович (1866–1921) — зоолог-позвоночник, исследовал рыб юга России; в начале 1890-х гг. ассистент Зоомузея; участвовал в многочисленных экспедициях, сборы хранятся в Зоомузее.

Калякин Михаил Владимирович (1963 г. р.) — орнитолог, специалист по систематике и распространению птиц Евразии; работает в Зоомузее с 1985 г. как экскурсовод, затем научный сотрудник, в 2001–2009 гг. учёный секретарь, с 2009 г. директор Зоомузея; участвовал в экспедициях ТропЦентра; автор книг «Трофические адаптации и экология бьюль-бюлей (Rusponotidae, Aves) фауны Вьетнама» (2002), «Атлас птиц города Москвы» (2014, соавт.).

Каменская Раиса Александровна (1928–?) — лаборант «классической» музейной школы; работала в ЗИНе в 1951–1966 гг. и в Зоомузее в 1967–1998 гг.

Карелин Григорий Силыч (1801–1872) — естествоиспытатель и путешественник по югу Сибири, Киргизским степям, Туркестану (1820–1840-е гг.); собирал многочисленные коллекции и передавал их на хранения в центральные музеи, в том числе в Зоомузей.

Келейникова Светлана Иннокентьевна (1923–2014) — энтомолог, специалист по систематике некоторых групп жесткокрылых; работала научным сотрудником в отделе энтомологии Зоомузея в 1955–1982 гг.

Керштенс Иоганн Христиан (Kerstens Johann Christian) (1713–1802) — германский естествоиспытатель, приглашён в Московский университет профессором в 1758 г. заведовать Кафедрой химии; осуществлял надзор за Минеральным кабинетом в 1760-е гг.

Кищинский Александр Александрович (1937–1980) — орнитолог, специалист по биологии и распространению птиц Дальнего Востока; внештатный куратор части орнитологической коллекции, имел постоянное рабочее место в Зоомузее, передавал в него свои сборы; автор книги «Орнитофауна северо-востока Азии: История и современное состояние» (1988, посмертно).

Коблик Евгений Александрович (1963 г. р.) — орнитолог, специалист по систематике и распространению птиц, популяризатор зоологических знаний и художник-анималист; работает в Зоомузее с 1989 г. сначала экскурсоводом, затем научным сотрудником; автор книг «Разнообразие птиц» (2001), «Птицы России и сопредельных регионов» (отдельные тома, 2005, 2011, соавт.).

Ковалёва Татьяна Константиновна (1960 г. р.) — работает в Зоомузее с 1988 г. экскурсоводом, с 2011 г. заведует отделом экскурсионной и научно-просветительской работы.

Кожевников Григорий Александрович (1866–1933) — зоолог широкого профиля, изучал биологию медоносной пчелы, администратор; воспитал много учеников, ставших крупными специалистами в разных областях зоологии; ассистент Зоомузея с 1888 г., его хранитель с 1897 г., заведующий Кафедрой зоологии и Зоомузеем с 1904 г., под его руководством в начале XX в. было освоено здание Зоологического корпуса; был одним из инициаторов учреждения Всероссийского общества охраны природы и в 1924 г. стал его первым председателем; основал Косинскую биологическую станцию; отставлен от всех должностей в 1929–1930 гг.

Кожевникова Мария Александровна (1861–1929) — педагог, зоолог, исследовала эмбриологию ракообразных; супруга Г.А. Кожевникова; в 1882–1887 гг. работала на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге, потом на Севастопольской биостанции; руководитель зоологического кружка Зоологического музея в конце 1920-х гг.

Комаров Алексей Никанорович (1879–1977) — художник-анималист; его картины украшают экспозиционные залы и художественные собрания многих музеев страны, в том числе Зоомузея; иллюстрировал многие научные и научно-популярные книги.

Кондаков Николай Николаевич (1908–1999) — энтомолог и художник-анималист; работал в ряде научных институтов, участвовал в экс-

педициях; художник-иллюстратор научных и научно-популярных трудов; подарил Зоомузею огромный архив своих рисунков и уникальную коллекцию бабочек (ок. 12 тыс. экз.).

Короткова Вера Ивановна (1909–2000) — заведовала библиотекой Зоомузея в 1956–1981 гг., затем вышла на пенсию; немало сделала для восстановления библиотеки после переезда Московского университета на Ленинские горы.

Корчагин Александр Николаевич (1860–1897) — зоолог-позвоночник, служил в Зоомузее в начале 1890-х гг. ассистентом, с 1895 г. хранителем.

Костылева Галина Васильевна (1936 г. р.) — заведовала библиотекой Зоомузея в 1982–1993 гг., организовала на более современной основе справочно-поисковую каталожную систему.

Крусков Сергей Вадимович (1972 г. р.) — териолог, специалист по систематике и биологии рукокрылых; работает в Зоомузее с 1991 г., с 2008 г. заведует сектором териологии, активно пополняет коллекции; популяризатор зоологических знаний; автор книг «Млекопитающие Евразии» (1995, соавт.), «Разнообразие млекопитающих» (2004, соавт.), «Bats of Vietnam and adjacent territories» (2003, 2013), «Звери средней полосы России: атлас-определитель млекопитающих» (2015).

Кудряшова Наина Ивановна (1929 г. р.) — акаролог, специалист по систематике и биологии клещей-краснотелок; работала в Зоомузее в 1976–1981 гг. заведующей отделом беспозвоночных животных, затем научный сотрудник этого отдела, с 1994 г. (в связи с уходом на пенсию) его внештатный сотрудник; автор книги «Клещи краснотелки (Acariformes, Trombiculidae) Восточной Палеарктики» (1998).

Кузин Борис Сергеевич (1903–1973) — энтомолог, специалист по систематике и биологии некоторых групп жесткокрылых; работал в Зоомузее в 1924–1935 гг., с 1925 г. заведующий секцией насекомых/энтомологии; затем работал на административных должностях в нескольких научных учреждениях.

Кузнецов Александр Александрович (1926–2013) — орнитолог, писатель, альпинист; работал в Зоомузее научным сотрудником в 1977–1988 гг.; автор многочисленных научно-популярных и художественных книг.

Кузнецов Александр Николаевич (1960 г. р.) — зоолог-анатом, специалист по морфологии

локомоторной системы; работал в Зоомузее в 1991–2000 гг., возглавлял сектор эволюционной морфологии; автор книг «Планы строения конечностей и эволюция техники бега у тетрапод» (1999) и «Полёт млекопитающих: от наземных конечностей к крыльям» (2012, соавт.).

Кузьмин Алексей Борисович (1955 г. р.) — таксидермист, фотограф-натуралист; с 1980 г. (с перерывами) работает в Зоомузее, где неоднократно организовывались выставки его фотографических работ.

Кулагин Николай Михайлович (1860–1940) — зоолог и натуралист широкого профиля; с 1884 г. ассистент в Зоомузее, в 1889–1894 гг. его хранитель; позже работал в разных научных учреждениях и ВУЗах, заведовал Кафедрой энтомологии Биологического факультета МГУ.

Кулешова Светлана Иннокентьевна (1940 г. р.) — администратор; работала директором Биологического музея в 1969–1986 гг., директором Дарвиновского музея в 1986–1988 гг., главным хранителем Зоомузея в 1988–1996 гг.

Куликова (урожд. Канарейкина) Нина Петровна (1917–2009) — зоолог; работала в Зоомузее в 1945–1978 гг. в разных должностях, в 1962–1974 гг. заведовала экспозицией.

Курика Феодосий Константинович (1755–1785) — доктор медицины, заведовал Кафедрой натуральной истории и Кабинетом при ней с 1784 г. (совместно с Ф.Г. Политковским).

Лазарева Евгения Михайловна (1983 г. р.) — зоолог, дизайнер; работает в Зоомузее с 2010 г. ведущим методистом по выставочной и дизайнерской работе.

Лаксман Эрик (Кирилл) Густавович (1737–1796) — натуралист и путешественник; некоторые его сборы, имеющие историческое значение, поступили в Кабинет натуральной истории Московского университета.

Лангсдорф Георг Генрих (Григорий Иванович), фон (1774–1852) — натуралист и этнограф, путешественник, дипломат; в свою бытность российским консулом в Бразилии собрал там значительную научную коллекцию, часть которой хранится в Зоомузее.

Лебедев Владимир Святославович (1964 г. р.) — териолог, специалист по молекулярной филогенетике млекопитающих; работал в Институте проблем экологии и эволюции РАН, с 2004 г. научный сотрудник сектора териологии Зоомузея;

участник многочисленных экспедиций, активно пополняет коллекции.

Леонович Владимир Владимирович (1924–1998) — искусствовед, орнитолог-любитель; работал учёным секретарём в Изобразительном музее имени А.С. Пушкина; в многочисленных экспедициях собирал кладки яиц и записывал голоса птиц; передал большую коллекцию кладок в Зоомузей.

Лисовский Андрей Александрович (1975 г. р.) — териолог, специалист по систематике зайцеобразных, ареалогии мелких млекопитающих; работает научным сотрудником в Зоомузее с 2001 г., заведует сектором эволюционной морфологии; с 2015 г. куратор электронной базы данных по типовой коллекции Зоомузея; организатор и участник многочисленных экспедиций, активно пополняет коллекции.

Ловецкий Алексей Леонтьевич (1787–1840) — натуралист, популяризатор научных знаний; с 1815 г. преподавал в Медико-хирургической академии, с 1824 г. также в Московском университете; в 1834 г. заведовал университетской Демидовской кафедрой, с 1835 г. — Кафедрой зоологии с Зоологическим кабинетом, также в его ведении находился Музей естественной истории; с 1837 г. также декан Физико-математического факультета; автор учебников «Краткое начертание естественной истории животных...» (1825–1828), «Краткое руководство к познанию племён человеческого рода...» (1838).

Лоренц Фёдор Карлович (1842–1909) — орнитолог-любитель и художник-таксидермист; в конце 1860-х гг. основал в Москве фирму, которая впоследствии стала таксидермической студией; многочисленная продукция фирмы Лоренца украшает многие естественно-научные музеи, в том числе Зоологический.

Луцкая Софья Владимировна (1927–?) — орнитолог, работала лаборантом в отделе орнитологии Зоомузея в 1959–1977 гг., до 1965 г. вела школьный кружок.

Любарский Георгий Юрьевич (1959 г. р.) — энтомолог, специалист по систематике некоторых групп жесткокрылых, по теории и истории систематики, исследует историю науки; работает научным сотрудником в отделе/секторе энтомологии Зоомузея с 1982 г.; с 2005 г. администратор официального Интернет-сайта Зоомузея; автор книг «Архетип, стиль и ранг в биологической систематике» (1996), «История Зооло-

гического музея МГУ. Идеи, люди, структуры» (2009), «Биологическая систематика: эволюция идей» (2011, соавт.).

Люде (по мужу Волкова) Вера Фёдоровна (1904–1965) — зоолог-любитель; собирала в Манчжурии коллекции мелких млекопитающих и насекомых, часть которых хранится в Зоомузее.

Мазурин Константин Митрофанович (1866–1927) — фабрикант, коллекционер-любитель; значительные материалы по тропическим бабочкам из его коллекции хранятся в Зоомузее.

Макаров Василий Никитович (1887–1953) — зоолог-позвоночник, специалист по охране природы и заповедному делу; в 1931–1939 гг. возглавлял Зоомузей, приложил много сил для организации его работы в составе Наркомпроса: изменил административную структуру, наладил учёт коллекций, развил экспозиционную работу.

Малевич Иосиф Иосифович (1904–1973) — специалист по олигохетам; работал в разных учреждениях, в 1946–1950 гг. возглавлял отдел беспозвоночных Зоомузея.

Мартынов Александр Владимирович (1971 г. р.) — зоолог-беспозвоночник, специалист по систематике, морфологии и эволюции моллюсков и иглокожих; в 1997–2003 гг. работал в ЗИНе, с 2004 г. научный сотрудник сектора беспозвоночных Зоомузея; участник многочисленных морских экспедиций; автор книг «Онтогенетическая систематика и новая модель эволюции Bilateria» (2011), «Заднежаберные моллюски морей России. Атлас-определитель» (2011, соавт.).

Марусова Людмила Георгиевна (1943 г. р.) — зоолог, работала в Зоомузее в 1968–1976 гг. экскурсоводом, в 1976–1981 гг. заведующим отделом экспозиции, в 1981–1988 гг. главным хранителем.

Маслова Галина Александровна (1943 г. р.) — музейный работник; работала в Биологическом музее, с 1993 г. работает в Зоомузее зав. экскурсионным бюро, с 2006 г. зав. отд. экспозиционной и научно-просветительской работы, с 2009 г. зам. зав. этого отдела.

Матвеев Борис Степанович (1889–1973) — зоолог-анатом, специалист по онтогенезу позвоночных; в 1930 г. возглавлял Музей сравнительной анатомии, после его включения в Зоомузей — филогенетическое отделение последнего (до 1938 г.); заведовал Кафедрой зоо-

логии позвоночных Биологического факультета МГУ в 1932–1951 гг.; в 1960-е гг. — научный консультант отдела эволюционной морфологии Зоомузея.

Матёкин Пётр Владимирович (1917–2010) — зоолог, эколог, специалист по систематике и биологии наземных моллюсков; в разные годы заведовал кафедрами дарвинизма, общей экологии, зоологии беспозвоночных МГУ; в 1950–1970-х гг. внештатный куратор коллекции моллюсков Зоомузея; автор учебников «Зоология» (1963), «История биологии» (1982).

Матюшкин Евгений Николаевич (1941–2003) — зоогеограф, териолог, специалист по биологии кошачьих; работал научным сотрудником в Зоомузее в 1969–1983 гг., затем преподавал на Географическом факультете МГУ; автор книги «Рысь» (1974).

Межов Борис Владимирович (1949 г. р.) — карцинолог, специалист по систематике и распространению морских ракообразных; работал в Зоомузее в 1981–1986 гг. лаборантом, до 2010 г. (с перерывом) научным сотрудником в секторе беспозвоночных животных.

Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) — орнитолог, зоогеограф; в 1883 г. возглавил Кабинет сравнительной анатомии при Московском университете, в 1901 г. преобразовал его в одноимённый Институт и Музей (последний вошёл в состав Зоомузея в 1931 г.), руководил ими до 1911 г.; ректор Московского университета в 1917–1919 гг.; основал и возглавил лабораторию зоогеографии и сравнительной анатомии (1917–1930 гг.); один из создателей и первый директор (1922–1923 гг.) НИИЗ; автор книг «Дарвинизм в биологии и близких к ней науках» (1886), «Птицы России» (1893–1895), «Введение в изучение зоологии и сравнительной анатомии» (1906), «Очерк истории фауны Европейской части СССР» (1934).

Месяцев Иван Илларионович (1885–1940) — гидробиолог и зоолог-беспозвоночник; в начале 1920-х гг. служил хранителем Зоомузея; один из организаторов Плавморина, возглавлял его в 1922–1933 гг.; декан Физико-математического факультета (1929–1930 гг.) и заведующий Кафедрой зоологии позвоночных (1931 г.) Московского университета; автор книг «Пловучий морской институт и его полярная экспедиция 1921 г.» (1922), «Материалы к зоогеографии русских северных морей» (1923).

Михайлов Кирилл Глебович (1961 г. р.) — арахнолог, специалист по систематике и фауне пауков России; работает в Зоомузее с 1983 г. как экскурсовод, с 1989 г. научный сотрудник в секторе беспозвоночных; основатель издательства КМК, специализирующегося на публикации научной литературы; автор книги «Каталог пауков территории бывшего Советского Союза» (1997).

Мольтрехт Арнольд Карлович (Арнольд-Кристиан-Александр) (1874–?) — медик и энтомолог-любитель, исследовал бабочек Дальнего Востока, часть собранной им большой коллекции поступила в Зоомузей.

Морозова-Турова Лидия Георгиевна (1901–1978) — териолог; в Зоомузее работала с 1939 г., в 1942–1944 гг. временно и в 1950–1959 гг. постоянно заведовала отделом териологии; уделяла большое внимание налаживанию хранительской и учётной работы с коллекциями.

Мочульский Виктор Иванович (1810–1871) — разведчик Генштаба, энтомолог-любитель, специалист по систематике жесткокрылых; описал большое количество новых видов, собрал очень крупную коллекцию, с 1911 г. её основная часть хранится в Зоомузее.

Назаров Роман Алексеевич (1980 г. р.) — герпетолог, специалист по систематике ящериц; работает в Зоомузее (сектор герпетологии) с 2000 г. лаборантом, с 2010 г. научным сотрудником, в том же году организовал и возглавил научный террариум при Зоомузее.

Назьмов Николай Константинович (1908–1998) — таксидермист, практиковавший «скульптурную таксидермию»; работал во многих московских музеях; в штате Зоомузея числился в 1932–1942 и в 1980–1985 гг.; его основные работы: «Лежбище морских котиков», «Семья гепардов», «Стадо сайгаков», «Северные олени».

Насонов Николай Викторович (1855–1939) — зоолог-беспозвоночник; ассистент Зоомузея в 1878–1880 гг.; профессор и директор Зоологического музея Варшавского университета в 1890–1906 гг.; директор Зоологического музея в Санкт-Петербурге (Петрограде) в 1907–1921 гг., при нём основал фундаментальное серийное издание «Фауна России и сопредельных стран» (затем «Фауна СССР»); в Зоомузее хранятся его ранние коллекционные сборы.

Неретина Татьяна Владимировна (1966 г. р.) — молекулярный биолог, специалист по гено-

систематике некоторых групп беспозвоночных животных; научный сотрудник Беломорской биостанции, с 2011 г. руководит Беломорским филиалом Зоомузея.

Никитский Николай Борисович (1947 г. р.) — энтомолог, специалист по систематике жесткокрылых; работал в ряде научно-исследовательских институтов, с 1982 г. научный сотрудник отдела/сектора энтомологии Зоомузея; участник многочисленных экспедиций, собирает значительные научные коллекции; соавтор книг и учебников «Жесткокрылые... Приокско-Террасного биосферного заповедника» (1996), «Лесная энтомология» (2010).

Николаев Павел Сергеевич (1888–1951) — таксидермист, работал в Зоомузее с 1938 г., с 1946 г. заведовал препараторской мастерской.

Никольский Владимир Сергеевич (1948–2009) — териолог, специалист по анатомии насекомых; работал научным сотрудником в Зоомузее с 1973 г., в 1978–1985 гг. заведовал отделом эволюционной морфологии.

Никольский Георгий Васильевич (1910–1977) — ихтиолог, специалист по систематике и эволюции рыб; работал в Зоомузее зав. сектором/отделом ихтиологии в 1932–1941 гг.; затем заведовал Кафедрой ихтиологии Биологического факультета МГУ; автор книг и учебников «Рыбы Аральского моря» (1940), «Биология рыб» (1944), «Рыбы бассейна Верхней Печоры» (1947), «Частная ихтиология» (1950), «Рыбы бассейна Амура...» (1956), «О проблеме вида и видообразования» (1972).

Нордман Александр, фон (1803–1866) — финский зоолог, ботаник и палеонтолог; работал в самых разных областях естествознания и в учреждениях; передал в Зоомузей в 1840-е гг. коллекцию птиц с Украины и Кавказа.

Огнёв Сергей Иванович (1886–1951) — териолог, специалист по систематике, распространению и биологии млекопитающих; ассистент при Кафедре и Музее зоологии с 1910 г.; с 1923 г. научный сотрудник и с 1935 г. зав. лабораторией зоологии позвоночных НИИЗ; преподавал в ряде ВУЗов, в 1941–1950 гг. заведовал кафедрой зоологии в Московском городском педагогическом институте; собрал большую личную коллекцию мелких млекопитающих, которая была продана частями в Зоомузей; в Зоомузее также хранится его обширная личная библиотека; автор книг и учебников «Млекопи-

тающие Московской губернии» (1913), «Звери Восточной Европы и Северной Азии» (1928–1954), «Экология млекопитающих» (1951).

Озеров Андрей Леонидович (1955 г. р.) — энтомолог, специалист по систематике двукрылых; работает в Зоомузее с 1981 г., с 1987 г. заведует сектором энтомологии; участник многочисленных экспедиций на Дальний Восток; соавтор серии каталогов по типовой коллекции двукрылых Зоомузея.

Орлова (урожд. Положихина) Валентина Фёдоровна (1939 г. р.) — герпетолог, специалист по систематике рептилий; работает в Зоомузее с 1962 г., с 1965 г. заведует отделом/сектором герпетологии, участница многочисленных экспедиций; соавтор книг «Земноводные и пресмыкающиеся России» (2012), «Змеи. Атлас-определитель» (2014).

Ошанин Василий Фёдорович (1844–1917) — зоолог, географ и путешественник, исследователь Туркестана; значительная часть собранных им коллекций хранится в Зоомузее.

Павлинов Игорь Яковлевич (1950 г. р.) — териолог, специалист по систематике млекопитающих, по теории и истории систематики и филогенетики, популяризатор биологических знаний; работает в Зоомузее с 1967 г. — сначала на технических должностях, с 1977 г. научным сотрудником, заведовал сектором териологии в 1995–2008 гг.; автор книг «Систематика современных млекопитающих» (2003), «Введение в современную филогенетику» (2005), «История биологической систематики: эволюция идей» (2013), «Номенклатура в систематике. История, теория, практика» (2015).

Павлова Наталья Рудольфовна (1937 г. р.) — зоолог, работала в Зоомузее 1954–1962 гг. на технических должностях, в 1974–1976 гг. заведовала отделом экспозиции, в 1976–1981 гг. главный хранитель Зоомузея.

Пандер Христиан Иванович (1794–1865) — естествоиспытатель и путешественник, один из основоположников палеонтологии в России; участник российской посольской экспедиции в Бухарский эмират в 1820–1821 гг., привёз отсюда коллекционные материалы для Музея естественной истории Московского университета.

Панфилов Дмитрий Викторович (1923–1995) — энтомолог и зоогеограф, специалист по перепончатокрылым; работал в Зоомузее научным сотрудником в 1952–1954 гг.; затем внештатный

куратор коллекции указанной группы в 1960–1970-е гг.; основным местом работы были некоторые академические институты.

Парамонов Александр Александрович (1891–1970) — биолог-эволюционист; в 1934–1937 гг. руководил экспозицией Зоомузея, числясь по отделу млекопитающих; автор 3-томной сводки «Основы фитогельминтологии» (1962, 1964, 1970), учебников (соавт.) «Курс общей биологии» (1944), «Дарвинизм» (1978).

Перелешин Сергей Дмитриевич (1900–1959) — зоолог-охотовед; работал в Зоомузее в 1919–1937 гг. (с перерывами), в 1925–1932 гг. руководил экспозиционной работой, в 1932–1934 гг. заведовал отделением охотничьего хозяйства.

Перель Т.С. — см. Всеволодова-Перель Т.С.

Пивоваров Владимир Иванович (1923–1990) — таксидермист, работал в Зоомузее в 1946–1968 гг., с 1951 г. заведовал препараторской мастерской; автор чучел морского леопарда, пумы.

Пичугина Светлана Васильевна (1951 г. р.) — работает в Зоомузее с 1976 г. (с перерывом) лаборантом отдела/сектора беспозвоночных.

Плавильщиков Николай Николаевич (1892–1962) — энтомолог, специалист по систематике жесткокрылых, популяризатор науки; работал в Зоомузее в 1919–1921 гг. учёным хранителем, заведовал в 1941–1945 гг. отделом энтомологии, с 1946 г. — отделом экспозиции; в Зоомузее хранятся его энтомологические сборы, а также большая личная библиотека; автор книг «Жуки-дровосеки (Cerambycidae)» (1936, 1940, в серии «Фауна СССР»), «Очерки по истории зоологии» (1941), «Определитель насекомых» (1948), «Гомункулос» (1958).

Политковский Фёдор Герасимович (1756–1809) — профессор натуральной истории в Московском университете, в 1784–1803 гг. заведовал университетскими Кафедрой и Кабинетом (Музеем) натуральной (естественной) истории (первые два года совместно с Ф.К. Курикой); опубликовал труд «Слово о происхождении и пользе истории натуральной» (1785).

Поляков Григорий Иванович (1876–1939) — орнитолог-любитель; собранная им большая коллекция тушек птиц (около 7.5 тыс. экз.) хранится в Зоомузее.

Постовская Тамара Ивановна (1947 г. р.) — работала в Зоомузее в 1972–2003 гг. лаборантом отдела/сектора эволюционной морфологии.

Пояров Николай Андреевич (1984 г. р.) — герпетолог, специалист по систематике амфибий и рептилий; работает на Кафедре зоологии позвоночных Биологического факультета МГУ; передаёт в Зоомузей обширные экспедиционные сборы, курирует коллекцию земноводных.

Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) — военный, путешественник, исследователь Центральной Азии; часть собранных в его экспедициях коллекционных материалов поступила в Зоомузей, в том числе при посредстве его брата В.М. Пржевальского; автор многих неоднократно переиздававшихся книг с описанием своих путешествий по Центральной Азии и Приморью («Путешествия в Центральную Азию», «Путешествие в Уссурийском крае», «Монголия и страна тангутов» и др.).

Прокопович-Антонский А.А. — см. Антонский-Прокопович А.А.

Птушенко Евгений Семёнович (1888–1969) — зоолог, специалист по фауне наземных позвоночных России; в конце 1930-х гг. научный сотрудник Зоомузея, затем преподаватель Кафедры зоологии позвоночных МГУ; в 1960-х гг. внештатный куратор некоторых разделов орнитологической коллекции Зоомузея; соавт. сводок «Птицы Советского Союза» (1952, 1954), «Определитель птиц СССР» (1948, 1964).

Радин Владимир Павлович (1928–2008) — таксидермист, работал в Зоомузее в 1951–1989 гг. (с перерывами); с 1968 г. заведовал препараторской мастерской; автор чучел тигра, гориллы, гигантских панд.

Разорёнова Анна Петровна (1903–1988) — териолог; работала в Зоомузее в 1937–1939 гг.; в 1980-е гг. руководила кружком юных биологов при МОИП, занятия проходили в том числе и в Зоомузее.

Расницын Александр Павлович (1936 г. р.) — палеоэнтомолог, специалист по систематике и истории насекомых, эволюционист-теоретик; участвовал в многочисленных экспедициях, передавал в Зоомузей собранные коллекции; автор книг «Происхождение и эволюция низших перепончатокрылых» (1969), «Избранные труды по эволюционной биологии» (2005), «Введение в палеоэнтомологию» (2008, соавт.).

Ренар Карл Иванович (1809–1886) — врач по образованию; с 1834 г. служил препаратором и затем хранителем Анатомического кабинета Медико-хирургической академии, в 1846–1862 гг.

хранитель Зоологического кабинета в Московском университете, указывается также как хранитель университетского Музея естественной истории; с 1863 г. хранитель Этнографического кабинета в Публичном музее; с 1840 г. в администрации ИМОИП, с 1884 г. его президент.

Ришар Ф. — чучельный мастер, сопровождал Семятичский кабинет в Москву в 1802 г., затем служил смотрителем при университетском Кабинете (Музее) естественной истории до 1835 г.; детали биографии неизвестны.

Родендорф Елена Борисовна (1933 г. р.) — энтомолог; работала в Зоомузее в 1996–2000 гг. главным хранителем.

Ромашов Дмитрий Дмитриевич (1899–1963) — генетик, энтомолог-любитель; собранная им большая коллекция насекомых передана в Зоомузей.

Россолимо Ольга Леонидовна (1928 г. р.) — териолог, специалист по изменчивости млекопитающих; работала в Зоомузее с 1954 г., заведовала отделом териологии в 1959–1991 гг., директор Зоомузея с 1970 (до 1991 г. «на общественных началах») по 2009 гг.; провела полную реконструкцию хранилищ и экспозиционных залов Зоомузея в 1970–1980-е гг.; соавтор книг «Систематика млекопитающих СССР» (1987), «Песчанки мировой фауны» (1990), «Сони мировой фауны» (2001), «Разнообразие млекопитающих» (2004).

Рулье Карл Францевич (1814–1858) — натуралист, пропагандист «экологического» подхода к изучению живой природы; в 1836 г. служил хранителем Анатомического кабинета при Медико-хирургической академии, в 1837–1845 гг. — хранитель Музея естественной истории и Зоологического кабинета в Московском университете, с 1850 г. заведующий Кафедрой зоологии; автор трудов «О влиянии наружных условий на жизнь животных» (1845), «Жизнь животных по отношению к внешним условиям» (1852).

Савицкий Владимир Юрьевич (1969 г. р.) — энтомолог, специалист по некоторым группам жесткокрылых и прямокрылых; сотрудник Кафедры энтомологии Биологического факультета МГУ; курирует коллекцию прямокрылых в Зоомузее.

Сазонов Юрий Игоревич (1950–2002) — ихтиолог, специалист по глубоководным рыбам; работал в Институте океанологии, с 1990 г. научный сотрудник в Зоомузее; участвовал в морских

научных экспедициях, собранные коллекции хранятся главным образом в Зоомузее.

Сатуниин Константин Алексеевич (1863–1915) — зоолог-позвоночник; начинал работу в Комиссии по изучению фауны Московской губернии при ИОЛЕАЭ, его сборы хранятся в Зоомузее; затем исследовал фауну млекопитающих Кавказа; автор книги «Млекопитающие Кавказского края» (1915–1920, посмертно).

Световидова Александра Александровна (1904–1974) — ихтиолог, специалист по систематике карповых рыб; работала в Зоомузее научным сотрудником с 1940 г., с 1941 г. заведовала отделом ихтиологии (во время войны также отделом герпетологии); уделяла большое внимание налаживанию хранительской работы.

Свиридов Андрей Валентинович (1946 г. р.) — энтомолог, специалист по чешуекрылым, автор оригинальной концепции диагностических ключей; работает в Зоомузее научным сотрудником с 1976 г.; активно участвует в разработке Красных книг; автор книги «Ключи в биологической систематике: теория и практика» (1994).

Северцов Алексей Николаевич (1866–1936) — зоолог-анатом и эволюционист, специалист по онтогенезу позвоночных животных, основатель российской школы эволюционной морфологии; сын Н.А. Северцова; в 1902–1911 гг. работал в Киевском университете, в 1911 г. возглавил Институт и Музей сравнительной анатомии при Московском университете (Музей в 1931 г. включён в состав Зоомузея), в 1920-е гг. директор НИИЗ, в 1930 г. учредил и возглавил лаб. эволюционной морфологии при Академии наук (в 1934 г. преобразована в Институт эволюции животных, теперь ИПЭЭ РАН); автор книги «Этюды по теории эволюции» (1921).

Северцов Николай Алексеевич (1827–1885) — зоолог, специалист по систематике и распространению позвоночных животных Средней Азии, исследователь природы этого региона; за время экспедиций собрал значительный коллекционный материал, большая часть которого хранится в Зоомузее; автор книг «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» (1856), «Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных» (1873).

Семпер К. — см. Земпер К.

Сибирский Иван Андреевич (1745–1783) — профессор натуральной истории Московского

университета, с 1777 г. заведовал Кафедрой натуральной истории и Кабинетом при ней.

Слюнин Николай Васильевич (1850–1926) — медик, исследователь Дальнего Востока; участник многочисленных морских экспедиций; в конце 1880-х гг. разработал программу сбора для Зоомузея научных коллекций в морских походах; автор книг «Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов» (1895), «Современное положение нашего Дальнего Востока» (1908).

Смирнов Анатолий Николаевич (1924–2004) — инженер, орнитолог-любитель, путешественник; в Зоомузее хранятся его обширные сборы птиц из Предкавказья и Кавказа, Казахстана и Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока.

Смирнов Евгений Сергеевич (1898–1977) — энтомолог, специалист по систематике двукрылых, разрабатывал методы нумерической систематики; в начале 1920-х гг. служил ассистентом и заведующим библиотекой Зоомузея и НИИЗ; с 1940 г. заведовал Кафедрой энтомологии Биологического факультета МГУ; собранные им коллекции хранятся в Зоомузее; автор книг и учебников «Очерки по теории эволюции» (1924, соавт.), «Животное и среда» (1927), «Таксономический анализ» (1969).

Смолин Пётр Петрович (1897–1975) — натуралист, один из организаторов юннатского движения; работал в начале 1920-х гг. в Московском зоопарке, участвовал в создании КЮБЗ; с 1946 г. главный хранитель Дарвиновского музея; организовал юннатский кружок при ВООП, ставший школой для многих зоологов, в том числе работавших и работающих в Зоомузее.

Соин Сергей Гаврилович (1912–1985) — ихтиолог, специалист по анатомии рыб; в 1960–1963 гг. директор Зоомузея, с 1977 г. заведующий Кафедрой ихтиологии Биологического факультета МГУ; автор книги «Приспособительные особенности развития рыб» (1968).

Соколов Владимир Евгеньевич (1928–1998) — териолог, специалист по морфологии млекопитающих, организатор научных исследований; с 1967 г. директор ИЭМЭЖ (ныне ИПЭЭ) Академии наук, с 1982 г. зав. Кафедрой зоологии позвоночных МГУ; был одним из организаторов Советско-монгольской комплексной биологической экспедиции и Тропцентра; собираемые их участниками большие коллекции в основном хранятся в Зоомузее; автор книг «Кожный по-

кров млекопитающих» (1973), «Систематика млекопитающих» (1973–1979).

Сокольская Нина Леонидовна (1918–2009) — зоолог-беспозвоночник, специалист по систематике олигохет; работала научным сотрудником в отделе беспозвоночных животных Зоомузея в 1947–1980 гг.

Сотников Владимир Несторович (1963 г. р.) — зоолог широкого профиля, коллектор; работал в разных научных и учебных учреждениях г. Кирова, в 2005 г. основал Кировский городской зоологический музей; сотрудничает с Зоомузеем, передаёт орнитологические коллекции.

Спангенберг Евгений Павлович (1898–1968) — орнитолог, специалист по распространению и биологии птиц, популяризатор знаний о животных; работал в Зоомузее с 1946 г. заведующим отделом герпетологии, с 1950 г. научным сотрудником отдела орнитологии; участвовал в многочисленных экспедициях, собранные им коллекции в основном хранятся в Зоомузее; автор книг «Животный мир Азербайджана» (1951), «Записки натуралиста» (1948), «Птицы Советского Союза» (1951, соавт.).

Спасская Наталья Николаевна (1968 г. р.) — педагог, териолог, специалист по биологии лошадиных; работает в Зоомузее с 1998 г. лаборантом, с 2003 г. научным сотрудником сектора териологии, с 2009 г. учёный секретарь.

Спиридонов Василий Альбертович (1957 г. р.) — карцинолог, специалист по морским ракообразным; работал в Зоомузее с 1990 г. научным сотрудником отдела/сектора беспозвоночных животных, в 1996–2000 гг. его заведующим.

Стивен Христиан Христианович (1781–1863) — российский ботаник шведского происхождения, основатель Никитского сада в Крыму, любитель-энтомолог; жертвовал коллекции насекомых для восстановления Музея естественной истории при Московском университете после пожара 1812 г.

Степанян Лео Суренович (1931–2002) — орнитолог, специалист по систематике птиц; работал в различных ВУЗах и научных институтах, участвовал в многочисленных экспедициях; внештатный куратор части орнитологической коллекции в Зоомузее; собрал значительную личную коллекцию тушек и кладок птиц, купленную в Зоомузее; автор книги «Конспект орнитологической фауны СССР» (1990).

Судиловская Ангелина Михайловна (1903–1976) — орнитолог, специалист по распространению птиц России; работала в Зоомузее с 1938 г., в 1942–1944 гг. временно, а с 1954 г. постоянно заведовала отделом орнитологии, большое внимание уделяла хранительской работе; соавтор книг «Определитель птиц СССР» (1948), «Птицы Советского Союза» (1951–1954).

Сысоев Александр Владимирович (1958 г. р.) — малаколог, специалист по систематике брюхоногих моллюсков; работает научным сотрудником сектора беспозвоночных Зоомузея с 1995 г.; соавтор книг «Каталог моллюсков России и сопредельных стран» (2005), «Морские и солоноватоводные брюхоногие моллюски России и сопредельных стран» (2006).

Тихомиров Александр Андреевич (1850–1931) — зоолог и администратор; с 1887 г. служил ассистентом Зоомузея, в 1896–1904 гг. — заведующий Кафедрой зоологии и Зоомузеем, в 1899–1904 гг. ректор Московского университета, затем чиновник Министерства народного просвещения; активно содействовал возведению Зоологического корпуса Московского университета; автор книг и учебников «Основы практического шелководства» (1891), «Современный задачи эмбриологии» (1894), «Курс лекций позвоночных животных» (1894), «Оплодотворение и партеногенезис» (1902).

Тихомирова Анна Викторовна (1970 г. р.) — орнитолог, специалист по биологии воробьиных птиц европейской России; работает в Зоомузее главным хранителем с 2004 г.

Томкович Павел Станиславович (1952 г. р.) — орнитолог, специалист по систематике, распространению, биологии и охране куликов; работает в Зоомузее с 1974 г. лаборантом, с 1976 г. научным сотрудником, с 1977 г. по наст. время заведует отделом/сектором орнитологии; соавт. книг «Птицы Европейской России. Полевой определитель» (2001), «Атлас ареалов гнездящихся куликов Российской Арктики» (2012).

Тургенев Александр Михайлович (1772–1863) — российский чиновник, тобольский гражданский губернатор; жертвовал коллекции в Музей естественной истории Московского университета для его восстановления после пожара 1812 г.

Туров Сергей Сергеевич (1891–1975) — териолог, специалист по биологии млекопитающих, популяризатор знаний о животных; работал в Зоомузее в 1920-е гг. ассистентом, с 1932 г. за-

меститель директора по науке, с октября 1941 г. и. о. директора, в 1942–1960 гг. (с 1950 г. «на общественных началах») директор Зоомузея; с 1950 г. заведовал Кафедрой зоологии Московского городского педагогического института; в Зоомузее хранятся его многочисленные сборы по наземным позвоночным, а также личная библиотека; автор книг «Натуралист-фотограф» (1937), «По родному краю» (1979, посмертно).

Турова Л.Г. — см. Морозова-Турова Л.Г.

Ульянин Николай Семёнович (1903–1941) — зоолог; в начале 1939 г. короткое время исполнял обязанности директора Зоомузея.

Успенский Савва Михайлович (1920–1996) — зоолог-позвоночник, специалист по биологии и охране полярных птиц и млекопитающих; передавал в Зоомузей свои коллекционные сборы, был в нём внештатным куратором отдела орнитологии; автор книг «Птицы Советской Арктики» (1958), «Родина белых медведей» (1974).

Федулов Владимир Константинович (1895–1941) — таксидермист, потомственный чучельник; заведовал препараторской мастерской в Зоомузее с 1932 г.; автор чучела белого медведя.

Федосеева Елена Борисовна (1955 г. р.) — энтомолог, специалист по морфологии и биологии муравьёв; в Зоомузее работала в 2000–2004 гг. главным хранителем, в настоящее время научный сотрудник сектора энтомологии.

Федченко Алексей Павлович (1844–1873) — зоолог, исследователь природы Туркестана; руководил Туркестанской учёной экспедицией, большинство коллекционных сборов хранится в Зоомузее; возглавлял Энтомологическую комиссию при ИОЛЕАЭ, учреждённую для упорядочения хранения коллекции насекомых Зоомузея; автор серийного издания «Путешествие в Туркестан» (опубликовано посмертно).

Филиппов Николай Николаевич (1895–1972) — дипломат, энтомолог-любитель; директор Зоомузея с 1939 г. по октябрь 1941 г.; большая часть собранных им коллекций насекомых и паукообразных хранится в Зоомузее.

Фишер фон Вальдгейм Александр Григорьевич (1803–1884) — натуралист; сын Г.И. Фишера; преподавал в Медико-хирургической академии в Москве, в 1832–1834 гг. возглавлял Демидовскую кафедру и Музей естественной истории в Московском университете, затем Кафедру ботаники там же.

Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович (Иоган Готтхельф) (1771–1853) — выходец из Саксонии, натуралист; в 1799–1803 гг. заведовал Музеем естественной истории в Майнце; в 1804–1832 гг. возглавлял Демидовскую кафедру и Кабинеты (затем единый Музей) натуральной истории в Московском университете; в 1805 г. основал МОИП; очень много сделал для формирования Кабинета (Музея) натуральной истории и его восстановления после войны 1812 г.; с 1817 г. преподавал также в Московской медико-хирургической академии, где основал Анатомический кабинет; декан Физико-математического факультета в 1828–1830 гг.; автор каталогов и книг «*Museum d’Histoire naturelle de l’Universite Impériale de Moscou*» (1806), «*Museum Demidoff...*» (1807), «*Zoognosia tabulis synopticis illustrata*» (1813–1814), «*Entomographia imperii rossici*» (многотомное издание, 1820–1850), «*Museum historiae naturalis Universitatis Cesareae Mosqensis*» (многотомное издание, 1822–1830).

Флинт Владимир Евгеньевич (1924–2004) — зоолог, специалист по охране природы, популяризатор зоологических знаний; работал научным сотрудником Зоомузея в 1969–1976 гг., пополнил его коллекцию значительным собранием птичьих кладок; затем заведующий отделом во Всероссийском НИИ охраны природы; основатель в 1993 г. и первый президент Союза охраны птиц России; соавтор книг «Птицы СССР» (1968), «Редкие и исчезающие животные» (1985), «Стратегия сохранения редких видов в России: теория и практика» (2000).

Фрейрейс Вильгельм (1789–1825) — медик, препаратор, путешественник, спутник Г. Лангсдорфа в Бразильской экспедиции; свои сборы передавал в Музей естественной истории Московского университета для его «послепожарного» восстановления.

Харузин Алексей Николаевич (1864–1932) — по образованию этнограф и антрополог; организатор и участник нескольких экспедиций по югу России, собирал коллекции для Зоомузея; с начала 1890-х гг. на государственной службе.

Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807) — литератор и издатель; в 1750-х гг. служил обербиблиотекариусом Московского университета и опекал Минеральный кабинет (до 1760 г.); с конца 1780-х гг. директор и затем куратор Университета.

Цалкин Вениамин Иосифович (1903–1970) — териолог, специалист по копытным; работал научным сотрудником в Зоомузее в 1943–1950 гг., затем в Институте археологии.

Цветаев Анатолий Васильевич (1903–1980) — зоолог-любитель, знаток биологии бабочек, путешественник, коллекционер; работал главным инженером на фабрике учебных пособий «Природа и школа»; после его смерти собранная им огромная коллекция бабочек (84 тыс. экз.) была куплена в Зоомузей.

Цветков Борис Николаевич (1905–1945) — малаколог, специалист по наземным моллюскам, исследовал фауну Средней Азии; с середины 1930-х гг. работал в Зоомузее, с 1941 г. возглавлял отдел беспозвоночных.

Шаталкин Анатолий Иванович (1943 г. р.) — энтомолог, специалист по систематике двукрылых, исследует теорию систематики и эволюционных учений; работает в Зоомузее с 1976 г., в 1977–1987 гг. заведовал отделом энтомологии; в 1977–1990 гг. — учёный секретарь Зоомузея, затем научный сотрудник отдела/сектора энтомологии; автор книг «Биологическая систематика» (1988), «Философия зоологии Жана Батиста Ламарка...» (2009), «Таксономия. Основания, принципы и правила» (2012).

Шатилов Иосиф Николаевич (1824–1889) — чиновник, землевладелец, агроном и лесовод; с 1864 г. возглавлял Императорское московское общество сельского хозяйства; собирал зоологические коллекции (в основном птиц) в разных местах европейской части России, многие из них хранятся в Зоомузее.

Шефтель Борис Ильич (1951 г. р.) — териолог, специалист по биологии мелких млекопитающих; работает в ИПЭЭ РАН, проводит многолетние массовые сборы по мелким млекопитающим в районе научно-исследовательского стационара Мирное (средний Енисей), которые поступают на хранение в Зоомузей.

Шибанов Николай Владимирович (1903–1960) — герпетолог, специалист по фауне рептилий России; в Зоомузее работал в 1932–1943 гг. заведующим секцией/отделом герпетологии (до 1941 г.); затем администратор на Биологическом факультете МГУ; в Зоомузее хранятся его многочисленные сборы по рептилиям, а также личная библиотека.

Шилейко Анатолий Алексеевич (1940 г. р.) — малаколог, специалист по систематике назем-

ных моллюсков; работал в Зоомузее в 1963–1968 гг. экскурсоводом; научный сотрудник ИПЭЭ РАН; постоянно пополнял коллекции Зоомузея малакологическими сборами, внештатный куратор этой группы; автор большого количества обзорных монографий по моллюскам.

Шилейко Аркадий Анатольевич (1965 г. р.) — зоолог-беспозвоночник, специалист по систематике многоножек; сын А.А. Шилейко-ст.; работает в Зоомузее с 1991 г. научным сотрудником сектора беспозвоночных животных.

Шимкевич Владимир Михайлович (1858–1923) — зоолог-анатом, эволюционист; в 1880-е гг. служил ассистентом при Кафедре и Музее зоологии Московского университета; затем перешёл в Санкт-Петербургский университет, заведовал в нём Кафедрой зоологии, был его ректором; автор учебников «Курс зоологии позвоночных» (1891–1892, соавт.), «Биологические основы зоологии» (1901), «Курс сравнительной анатомии позвоночных животных» (1903).

Щелкановцев Яков Павлович (1870–1938) — энтомолог, специалист по систематике некоторых групп насекомых и паукообразных; с конца 1890-х гг. ассистент Зоомузея, в 1905–1908 гг. его хранитель; автор учебника «Краткий курс зоологии...» (1924).

Щербачёв Юрий Николаевич (1938 г. р.) — ихтиолог, специалист по глубоководным океаническим рыбам, работал в ИО РАН; курировал некоторые разделы ихтиологической коллекции Зоомузея, передавал в него коллекции.

Эшшольц Иоганн Фридрих (1793–1831) — врач и естествоиспытатель, путешественник; в 1815–1818 гг. судовым врачом ходил в кругосветное плавание на бриге «Рюрик», часть собранных им коллекций хранится в Зоомузее.

Яхонтов Евгений Леонидович (1965 г. р.) — териолог; работал в Зоомузее в 1987–1995 гг. научным сотрудником в секторе териологии, возглавлял его в 1991–1994 гг., главный хранитель Зоомузея в 1995 г.

Здание Зоологического корпуса Московского университета (архитектор К.М. Быковский), построенное специально для Зоологического музея на углу Никитской ул. (правая сторона) и Долгоруковского (ныне Никитского) пер.; Музей занимает его с 1902 г. по настоящее время; фотография 1910-х гг.

Zoological Building of the Moscow University (architect K.M. Bykovskii) built specially for the Zoological Museum at the cross of Nikitskaia str. (right side) and Dolgorukovskii (now Nikitskii) lane; it has been being occupied by the Museum since 1902 till present; photo of the 1910s.